

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

33

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX ОБЪЕЗДА РКП(б)
и II ОБЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1950

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

33

Август 1921—март 1923

ПРЕДИСЛОВИЕ

В тридцать третий том входят статьи, доклады, речи и письма В. И. Ленина за период с 16 августа 1921 года по 2 марта 1923 года.

В этих произведениях подведены первые итоги восстановления народного хозяйства на путях новой экономической политики, обоснована возможность и намечен план построения полного социалистического общества в нашей стране.

В статьях: «Новые времена, старые ошибки в новом виде», «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», «О значении золота теперь и после полной победы социализма» и докладах: «О внутренней и внешней политике республики» на IX Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1921 года, «Политический отчет Центрального Комитета РКП(б)» 27 марта 1922 года на XI съезде партии, «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года, в «Речи на пленуме Московского Совета» 20 ноября 1922 года и других произведениях Ленин показывает начало восстановления и подъема крупной социалистической промышленности, укрепление союза рабочих и крестьян на новой экономической основе. Ленин намечает пути наступления на капиталистические элементы страны и выражает твердую уверенность, что «из России неповской будет Россия социалистическая».

Ряд выступлений, статей и документов, напечатанных в томе, посвящен вопросам партийного строительства, чистке партии и улучшению ее социального состава, развертыванию критики и самокритики, руководству

советскими, профсоюзными и кооперативными органами. К ним относятся: статья «О чистке партии», письма В. М. Молотову «Об условиях приема новых членов в партию», «Политический отчет Центрального Комитета РКП(б)» на XI съезде РКП(б), постановление ЦК РКП(б) «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» и др.

Большое место в томе занимают произведения, в которых отражена деятельность Ленина по укреплению и улучшению государственного аппарата. В число этих произведений входят: «К вопросу о задачах Рабкриня, их понимании и их исполнении», «Письмо И. В. Сталину о работе заводов (заместителей Председателя СНК и СТО)», «Постановление о работе заводов (заместителей Председателя СНК и СТО)», «О «двойном» подчинении и законности» и «Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва» 31 октября 1922 года.

Во многих выступлениях, статьях и документах, вошедших в том, Ленин изложил основные принципы внешней политики Советской власти. Исходя из возможности мирного сосуществования Советской республики и капиталистических государств, Ленин ставил в основу внешней политики борьбу за мир и защиту независимости и суверенитета Советского государства.

В произведениях, посвященных международному рабочему и коммунистическому движению, Ленин формулирует основные задачи тактики единого фронта и освещает перспективы развития мировой революции. Ленин подчеркивает огромное значение для окончательной победы социализма во всем мире нарастания национально-освободительного движения и революционной борьбы в странах Востока, в Индии и Китае, представляющих вместе с Советской Россией гигантское большинство населения.

В том входят последние статьи Ленина: «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкриня», «Лучше меньше, да лучше». В этих статьях Ленин подвел итоги проделанной работы и наметил план построения социализма в нашей стране путем вовлечения крестьянства в дело социалистического строительства, выдвинул свой кооперативный план приобщения крестьянства к делу построения социализма. Ленин определил задачи в области культурной ре-

волюции и наметил конкретные мероприятия по реорганизации государственного аппарата.

В томе публикуется известная статья Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой Ленин наметил программу работ в области марксистской философии.

В произведениях и в письмах В. И. Ленина И. В. Сталину, вошедших в тридцать третий том, ярко выражено содружество Ленина и Сталина в руководстве партией и Советским государством, по организации социалистического строительства, их совместная борьба против врагов партии — троцкистов и бухаринцев, против великорусского шовинизма и местного национализма, за укрепление дружбы народов.

В тридцать третий том включено 20 произведений В. И. Ленина, впервые публикуемых в Сочинениях. В «Письмах в Центральное статистическое управление», в «Речи на собрании рабочих, работниц, красноармейцев и молодежи Хамовнического района, посвященном празднованию четвертой годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1921 г.» и в «Проекте директивы Политбюро ЦК РКП(б) о новой экономической политике» (последние два документа печатаются впервые) освещены вопросы, связанные с проведением в жизнь новой экономической политики.

В «Письме членам Политбюро о чистке партии и условиях приема в партию» Ленин предлагает установить более строгие условия приема в партию.

Впервые полностью печатается в Сочинениях «Письмо И. В. Сталину для членов Политбюро. Ответ на замечания, касающиеся работы замов (заместителей Председателя СНК)», в котором Ленин подвергает резкой критике враждебную, антипартийную позицию Троцкого по вопросу о роли и задачах Рабкрин и Госплана.

Публикуются впервые в Сочинениях: письмо В. И. Ленина Д. И. Курскому, относящееся к разработке советского судебного законодательства; «Записка в Политбюро о борьбе с великодержавным шовинизмом», «Письмо И. В. Сталину о монополии внешней торговли» от 13 октября 1922 года (печатается впервые), в котором Ленин отстаивает неизбежность монополии внешней торговли, против попыток Бухарина, Сокольников и других

подорвать ее основы; «Письмо И. В. Сталину для членов ЦК по поводу выступления на X Всероссийском съезде Советов»; два письма И. В. Сталину по вопросам развития радиотехники и письмо И. В. Сталину от 15 апреля 1922 года (печатаются впервые).

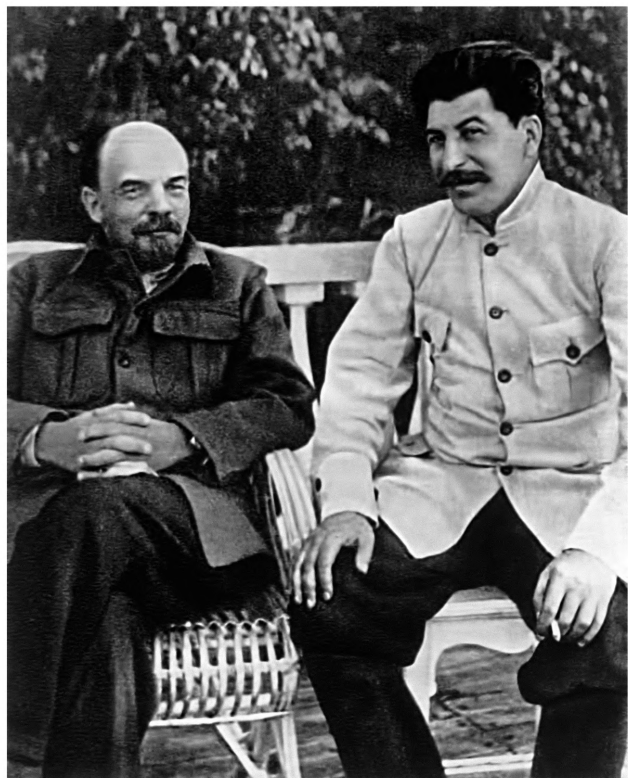
В «Письме в Политбюро по поводу резолюции IX Всероссийского съезда Советов о международном положении» Ленин подчеркивает международную роль Советского государства как первой страны, осуществившей на деле политику самоопределения народов.

В «Проекте постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции» определяются основные задачи в области внешней политики Советского государства; в «Проекте ответа Э. Вандервельде» Ленин разоблачает предательскую роль лидеров II и III^{1/2} Интернационалов, выступивших с защитой контрреволюционных партий меньшевиков и эсеров (оба документа печатаются впервые).

В том включены публикуемые впервые в Сочинениях приветствия В. И. Ленина различным съездам и организациям: «Телеграмма Председателю Совнаркома Азербайджана Нариманову» (печатаются впервые), «Трудящимся Дагестана», «Телеграмма рабочим и инженерам Азнефти», «Рабочим завода б. Михельсон», «Рабочим и служащим Государственной электрической станции «Электропередача»».

Тридцать третьим томом завершается публикация основных произведений, включенных в четвертое издание Сочинений В. И. Ленина. Переписка В. И. Ленина с организациями и лицами, — письма, телеграммы, записки, — войдет в последние 34 и 35 тома Сочинений.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА, СТАРЫЕ ОШИБКИ В НОВОМ ВИДЕ

Каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата.

Мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и «социал»-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванлый на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма. Форма их видоизменяется теперь в связи с известным поворотом экономической политики Советской власти.

Основной мотив у меньшевистствующих: «Большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной, и Октябрьская в том числе! Да здравствует демократия! Да здравствует реформизм!». Говорится ли это чисто по-меньшевистски или по-эсеровски, в духе II или II^{1/2} Интернационалов, суть одна и та же.

Основной мотив у полуапархистов, вроде немецкой «ком. рабочей партии»¹, или той части нашей бывшей рабочей оппозиции, которая ушла из партии или отходит от нее: «Не верят теперь большевики в рабочий класс!». Лозунги отсюда выводятся более или менее похожие на «кронштадтские» весны 1921 года.

Как можно трезвее и точнее противопоставить учет фактических классовых сил и бесспорные факты нытью и

панике филистеров от реформизма и филистеров от революционаризма — такова задача марксистов.

Припомните главные этапы нашей революции. Этап 1-й, чисто политический, так сказать, от 25 октября до 5 января, до разгона учредилки. За какие-нибудь 10 недель мы сделали во 100 раз больше для действительного и полного уничтожения остатков феодализма в России, чем меньшевики и эсеры за восемь месяцев (февраль — октябрь 1917 г.) их власти. Большевики и эсеры, а за границей все герои II^{1/2} Интернационала, были в то время жалкими пособниками реакции. Анархисты либо растерянно стояли в сторонке, либо помогали нам. Была ли тогда революция буржуазной? Конечно, да, — постольку, поскольку законченным делом нашим было довершение буржуазно-демократической революции, поскольку еще не было классовой борьбы внутри «крестьянства». Но в то же время мы сделали гигантски многое *сверх* буржуазной революции, для социалистической, пролетарской революции: (1) Мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию им государственной власти. (2) Мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых. (3) Мы создали советский тип государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов.

2-й этап. Брестский мир. Разгул революционной фразы против мира, — полупатриотической фразы у эсеров и меньшевиков, «левой» у части большевиков. «Если помирились с империализмом, погибли», — твердил в панике или с злорадством мещанин. Но эсеры и меньшевики мирлись с империализмом, как участники буржуазного грабежа против рабочих. Мы «мирились», отдавая грабителю часть имущества, для спасения власти рабочих, для нанесения еще более сильных ударов грабителю. Фраз, будто бы мы «не верим в силы рабочего класса», наслушались мы тогда вдоволь, но не дали себя обмануть фразой.

3-й этап. Гражданская война от чехословаков и «учредилковцев» до Врангеля, 1918—1920 годов. Наша Красная Армия не существовала в начале войны. Эта армия и теперь ничтожна против любой армии стран Антанты, если сравнить материальные силы. И, тем не менее, мы победили в борьбе с всемирно-могущественной Антантой. Союз крестьян и рабочих, под руководством пролетар-

ской государственной власти, поднят, — как завоевание всемирной истории, — на невиданную высоту. Большевики и эсеры играли роль пособников монархии, как прямых (министры, организаторы, проповедники), так и прикрытых (наиболее «тонкая» и наиболее подлая позиция Черновых и Мартовых, которые якобы умывали руки, а на деле работали пером против нас). Анархисты также беспомощно металась: часть помогала нам, часть портила работу криками против военной дисциплины или скептицизмом.

4-й этап. Антанта вынуждена прекратить (надолго ли?) интервенцию и блокаду. Неслыханно разоренная страна едва-едва начинает оправляться, только теперь видя всю глубину разорения, испытывая мучительнейшие бедствия, остановку промышленности, неурожая, голод, эпидемии.

Мы поднялись до самой высокой и вместе с тем до самой трудной ступени в нашей всемирно-исторической борьбе. Враг в данную минуту и на данный период времени не тот, что вчера. Враг — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми меньшевиками и эсерами, всей международной буржуазией. Враг — обывательщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата. А пролетариат деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи. Стоят фабрики и заводы — ослаблен, распылен, обессилен пролетариат. А мелкобуржуазную стихию внутри государства поддерживает вся международная буржуазия, все еще всемирно-могущественная.

Ну, как же тут не струсить? Особенно таким героям, как меньшевики и эсеры, как рыцари II^{1/2} Интернационала, как беспомощные анархисты, как любители «левой» фразы. «Большевики поворачивают к капитализму, конец большевикам, революция и у них тоже не вышла за рамки буржуазной революции». Этих воплей слышим мы довольно.

Но мы уже к ним привыкли.

Опасности мы не преуменьшаем. Мы глядим ей прямо в лицо. Мы говорим рабочим и крестьянам: опасность велика — больше сплоченности, выдержки, хладнокровия, выкидывайте с презрением вон меньшевистствующих, эсерствующих, паникеров и крикунов.

Опасность велика. Враг гораздо сильнее нас экономически, как вчера он был гораздо сильнее нас в военном отношении. Мы это знаем, и в знании наша сила. Мы сделали уже так гигантски много и для очистки России от феодализма, и для развития всех сил рабочих и крестьян, и для всемирной борьбы против империализма, и для международного пролетарского движения, освобожденного от пошлостей и низостей II и II^{1/2} Интернационалов, что панические крики на нас не действуют. Свою революционную деятельность мы «оправдали» уже полностью и с излишком, доказав делами всему миру, на что способна пролетарская революционность в отличие от меньшевистско-эсеровской «демократии» и трусливого реформизма, прикрытого парадными фразами.

Кто боится поражения перед началом великой борьбы, тот может называть себя социалистом лишь для издевательства над рабочими.

Именно потому, что мы не боимся смотреть в лицо опасности, мы лучше используем свои силы для борьбы, — мы трезвее, осторожнее, расчетливее взвешиваем шансы, — мы делаем все уступки, усиливающие нас и раздробляющие силы врага (как увидел теперь даже последний дурак, что «Брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма).

Меньшевики кричат, что продналог, свобода торговли, разрешение концессий и государственного капитализма означают крах коммунизма. К этим меньшевикам прибавился за границей бывший коммунист Леви; этого Леви надо было защищать, пока наделанные им ошибки можно было пытаться объяснить реакцией на ряд ошибок, допущенных «левыми» коммунистами, особенно в марте 1921 года в Германии²; этого Леви нельзя защищать, когда он, вместо признания своей неправоты, докатывается до меньшевизма по всей линии.

Кричащим меньшевикам мы укажем просто хотя бы на то, что еще весной 1918 года коммунисты провозгласили и защищали идею блока, союза с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Три года тому назад! В первые месяцы большевистской победы! Трезвость была у большевиков уже тогда. И с тех пор никто не мог опровергнуть правильности нашего трезвого учета сил, имеющихся в наличности.

Докатившийся до меньшевизма Леви советует большевикам (победу капитализма над коими он «предсказывает», так же, как все мещане, демократы, социал-демократы и пр. предсказывали нашу гибель в случае разгона нами учредилки!) обратиться за помощью ко *всему* рабочему классу! Ибо, извольте видеть, до сих пор помогала им *лишь часть его!*

Здесь Леви совпадает замечательным образом с теми полуанархистами и крикунами, отчасти с некоторыми из бывшей «рабочей оппозиции», которые любят говорить громкие фразы на тему о том, что большевики теперь «не верят в силы рабочего класса». И меньшевики и анархистствующие превращают это понятие «силы рабочего класса» в фетиш, не умея подумать об его фактическом, конкретном содержании. На место изучения и анализа этого содержания ставится декламация.

Господа из II^{1/2} Интернационала, желая называться революционерами, на деле оказываются при всяком серьезном положении контрреволюционными, ибо они боятся насильственного разрушения старого государственного аппарата, они не верят в силы рабочего класса. Когда мы это говорили про эсеров и К^о, у нас это не было фразой. Всякий знает, что Октябрьская революция на деле выдвинула новые силы, новый класс, — что лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр. Если в этом управлении есть бюрократические извращения, то мы этого зла не скрываем, а разоблачаем его, боремся с ним. Кто из-за борьбы с извращением нового строя забывает его содержание, забывает, что рабочий класс создал и ведет государство советского типа, тот просто не умеет думать и бросает слова на ветер.

Но «силы рабочего класса» не безграничны. Если теперь слаб, иногда очень слаб приток свежих сил из рабочего класса, если вопреки всем декретам, призывам, агитации, вопреки всем приказам о «выдвигании беспартийных» приток сил все же слаб, то тут уже отделяться декламацией о «неверии в силы рабочего класса» значит опускаться до пустого фразерства.

Без известной «передышки» этих новых сил нет; иначе как медленно они не нарастут; иначе как на базу

восстановленной крупной индустрии (т. е., говоря точнее и конкретнее, на базе электрификации) им взяты *неоткуда*.

После величайших, невиданных в мире напряжений рабочему классу в мелкокрестьянской разоренной стране, рабочему классу, пострадавшему в больших размерах от деклассирования, необходим промежуток времени, чтобы новые силы могли подрасти, подтянуться, чтобы старые и изношенные могли «отремонтироваться». Создание военного и государственного аппарата, который способен был победоносно выдержать испытания 1917—1921 годов, — дело великое, занявшее, захватившее, исчерпавшее реальные (не в декламации крикунов существующие) «силы рабочего класса». Надо понять это и считаться с необходимостью, вернее: с неизбежностью *замедленного* прироста *новых* сил рабочего класса.

Когда меньшевики кричат о «бонапартизме» большевиков (на войско-де и аппарат опираются, против воли «демократии»), то этим прекрасно выражается тактика буржуазии, и Милюков правильно поддерживают ее, поддерживает «кронштадтские» (весны 1921 г.) лозунги. Буржуазия правильно учитывает, что *действительные* «силы рабочего класса» состоят сейчас из могучего авангарда этого класса (Росс. комм. партии, которая не сразу, а в течение 25 лет завоевала себе делами роль, звание, силу «авангарда» единственно революционного класса), плюс элементы, наиболее ослабленные деклассированием, наиболее податливые меньшевистским и анархистским шатаниям.

Под лозунгом «побольше доверия к силе рабочего класса» проводится сейчас *на деле* усиление меньшевистских и анархистских влияний: Кронштадт весной 1921 года со всей наглядностью доказал и показал это. Всякий сознательный рабочий должен разоблачать и гнать прочь кричащих о нашем «неверии в силы рабочего класса», ибо эти крикуны — на деле пособники буржуазии и помещиков, проводящие им выгодное ослабление пролетариата путем расширения влияния меньшевиков и анархистов.

Вот где «зарыта собака», если вникнуть трезво в действительное содержание понятия «силы рабочего класса»!

Где ваша работа, любезные, где ваши дела по реальному выдвиганию беспартийных на главнейший современный «фронт», на фронт экономический, на дело хозяйственного

строительства? Вот какой вопрос должны сознательные рабочие ставить крикунам. Вот как всегда можно и должно разоблачить крикунов, доказать, что на деле они не помогают, а мешают строительству хозяйства, не помогают, а мешают пролетарской революции, проводят не пролетарские, а мелкобуржуазные стремления, служат службу чужому классу.

Наш лозунг: долой крикунов! долой бессознательных пособников белогвардейщины, повторяющих ошибки несчастных кронштадтцев весны 1921 года! К деловой практической работе, умеющей понять своеобразие текущего момента и его задачи! Не фразы, а дело нам нужно.

Трезвый учет этого своеобразия и действительных, не сфантазированных, классовых сил говорит нам:

— После периода невиданных еще миром достижений в области пролетарского творчества военного, административного, общеполитического, наступил не случайно, а неизбежно, не по вине лиц или партий, а в силу объективных причин, период гораздо более медленного нарастания новых сил. В хозяйственной работе неизбежно строительство более трудное, более медленное, более постепенное; это вытекает из существа этой работы по сравнению с военной, административной, общеполитической. Это вытекает из ее особой трудности и более глубокой, если можно так выразиться, почвенности.

Поэтому с величайшей, тройной осторожностью стараемся определить свои задачи на этом новом, высшем этапе борьбы. Поскромнее определим эти задачи; побольше сделаем уступок, конечно, в пределах того, что *может* уступить пролетариат, оставаясь господствующим классом; возможно быстрый сбор умеренного продналога и возможно больше свободы развитию, укреплению, восстановлению крестьянского хозяйства; отдадим не абсолютно необходимые нам предприятия арендаторам, в том числе и частным капиталистам и заграничным концессионерам. Нам необходим блок или союз пролетарского государства с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Осуществить этот союз надо умело, по правилу: «Семь раз примерь, один — отрежь». Оставим непосредственно себе поменьше область работы, лишь то, что абсолютно необходимо. Сосредоточим на *меньшем* ослабленные силы рабочего класса, но зато укрепимся потверже,

проверим себя не раз и не два, а много раз практическим опытом. Шаг за шагом, вершок за вершком — иначе двигаться вперед по такой трудной дороге, в такой тяжелой обстановке, при таких опасностях, такое «войско», как наше, сейчас *не может*. Кому «скучна», «неинтересна», «непонятна» эта работа, кто морщит нос или впадает в панику, или опьяняет себя декламацией об отсутствии «прежнего подъема», «прежнего энтузиазма» и т. п., — того лучше «освободить от работы» и сдать в архив, чтобы он не мог принести вреда, ибо он не желает или не умеет подумать над своеобразием данной ступени, данного этапа борьбы.

При условиях громадного разорения страны и истощения сил пролетариата рядом усилий почти сверхчеловеческих, мы беремся за самое трудное: за фундамент действительно социалистической экономики, за правильный товарообмен (вернее: продуктообмен) промышленности с земледелием. Враг еще гораздо сильнее нас; анархический, мешочнический, индивидуальный товарообмен срывает нашу работу на каждом шагу. Мы ясно видим трудности и систематически, упорно будем преодолевать их. Больше почина и самостоятельности местам, больше сил туда, больше внимания к их практическому опыту. Рабочий класс может залечить свои раны, восстановить свою пролетарскую «классовую силу», крестьянство может укрепиться в своей доверии к пролетарскому руководству *не иначе*, как в меру фактического успеха восстановления промышленности и создания правильного государственного продуктообмена, выгодного и крестьянину и рабочему. В меру этих успехов мы получим и приток новых сил, может быть, не так скоро, как каждому из нас хотелось бы, но мы его получим.

За работу, более медленную и осторожную, более выдержанную и настойчивую!

20 августа 1921 г.

«Правда» № 190, 28 августа 1921 г.
Подпись: В. Ленин

Печатается по тексту газеты
«Правда», сверенному с гранками,
правленными В. И. Лениным

ПИСЬМА В ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

1

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СТАТИСТИЧЕСКИМ
УПРАВЛЕНИЕМ

16/VIII.

т. Попов!

Переписка с Центральным статистическим управлением, в частности доставленные им мне 3/VIII сведения по текущей промышленной статистике показали мне с полнейшей убедительностью, что мои указания (в письме от 4. VI. 1921) совершенно не выполняются и что вся работа, вся организация Ц. Стат. У. неправильна.

По текущей промышленной статистике мне 3/VIII доставили сведения устарелые и доставили *multa non multum* — много по объему, мало по содержанию! Как раз подобно «бюрократическим учреждениям», от которых Вы в письме от 11. VI. 1921 хотите отделить Ц. Ст. У.

«Экономическая Жизнь»³ в приложении к № 152, т. е. в июле, сведения более полные уже *напечатала!*

От той же «Экономической Жизни» я *уже имел* сведения за 1-ую четверть 1921-го года!

Ц. Ст. У., которое *опаздывает* по сравнению с частной группой литераторов, есть образец бюрократического учреждения. Может быть, для научной работы оно года через два даст тьму материалов, но нам надо не это.

Прошло почти 2¹/₂ месяца со времени моего письма от 4/VI. 1921 — все остается по-старому. Недостатки те же. Обещанной Вами «календарной программы» и пр. (в письме от 11. VI.) нет.

Еще раз обращаю внимание Ваше на неправильность этого и необходимость *ускорить* работу *переорганизации* ведения дела в Ц. Стат. У.

В частности:

1) председатель или заведующий Ц. Ст. У. должен работать в более тесном контакте с Госпланом, по *непосредственным указаниям* и заданиям председателя Госплана и президиума его.

2) текущая статистика (и промышленная и земледельческая) должна давать итоговые, важнейшие практически сведения (откладывая академическую разработку «полных» сведений), *никак не позже, а обязательно раньше* нашей прессы.

Надо уметь выделить *практически* важное и спешное, откладывая академически ценное в долгий ящик.

3) надо составить, вместе с Госпланом, своего рода index-number (число-показатель) для оценки состояния всего нашего народного хозяйства и обязательно вырабатывать его не реже раза в месяц, с обязательным сопоставлением цифр довоенной, затем 1920 года и, по возможности, 1917, 1918 и 1919.

При невозможности получить точные цифры, должны быть указываемы приблизительные, предположительные, предварительные (с особой оговоркой о каждой такой или подобной категории).

Для практической работы мы *должны* иметь цифры, и Ц. Ст. У. *должно* иметь их *раньше всех*. А проверку точности цифр, определение процента ошибки и т. п. отложим на известное время.

Какие цифры должны быть взяты для index-number, это должны определить Ц. Стат. У. и Госплан. (Примерно: главные, основные цифры: населения, территории, производства главнейших продуктов, главные итоги работы транспорта и т. д. — хотя бы 10—15 цифр применительно к тому, как составляет давно эти «числа-показатели» заграничная статистика.)

4) По тем 8-ми вопросам, которые указаны у меня от 4/VI в «примерном перечне», обязательно немедленно, без малейшей волокиты (ибо совершенно недопустимо было за 2¹/₂ месяца ничего не сделать) организовать получение и сводку сведений тотчас же и вообще и в частности:

— тотчас по Москве (Москва должна быть образцовой)

— затем по Питеру

— и по каждой губернии (выделяя те губернии, где умеют дело поставить быстро, без волокиты, не по академическим старым обычаям).

Пусть $\frac{9}{10}$ наличных сил Ц. Стат. У. п губстатбюро будут немедленно направлены на правильную и быструю разработку этих восьми вопросов, а $\frac{1}{10}$ на академическую работу изучения полных и всеобъемлющих сведений. Если нельзя иначе, то надо $\frac{99}{100}$ сил отдать на разработку того, что практически и немедленно нужно для нашего строительства, а остальное отложить до лучших времен, до тех времен, когда будет избыток сил.

5) Ежемесячно в СТО⁴ Ц. Стат. У. должно представлять — и обязательно раньше прессы — *предварительные* итоги по *главным* вопросам народного хозяйства (с обязательным сравнением с предыдущим годом). Эти главные вопросы, главные цифры, как входящие в «числопоказатель», так и неходящие в него, должны быть выработаны немедленно.

Прошу прислать мне программу этих вопросов и ответ по другим пунктам без промедления.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин).

2

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СТАТИСТИЧЕСКИМ
УПРАВЛЕНИЕМ ИЛИ ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЮ

1/IX. 1921.

Присланная мне без даты «программа» работ сводится к просьбе выдачи дополнительного количества материальных средств.

Этого сейчас нельзя сделать.

Поэтому надо *всю* программу *сократить так*, чтобы необходимые работы можно было продолжать (и притом регулярнее и быстрее заканчивать) при наличных, *теперешних* средствах.

Предлагаю произвести это сокращение немедленно; вопрос же о выдаче дополнительных средств отложить *примерно до ноября*.

Сокращение программы предлагаю произвести таким образом, чтобы оставить (впредь до расширения средств) лишь *необходимейшие* работы. К числу их надо отнести:

1. Ежемесячные сводки о распределении продовольствия государством.

Установить формы получения сведений надо вместе с НКПродом, примерно, таким образом:

а) число получающих хлеба (для начала, пожалуй, осторожнее ограничиться хлебом, если нет сил прибавить сведения о всех других выдаваемых продуктах, как продовольственных, так и непродовольственных)

по $\frac{1}{4}$ фунта
 $\frac{1}{2}$ »
 $\frac{3}{4}$ »
 1 » и т. д.

б) разряды их по профессиям, занятиям и т. д.

в) итог: всего получателей и всего выдано хлеба.

По Москве и Питеру данные наиболее срочны; затем Московская и Петроградская губернии, *важнейшие промышленные губернии* (Иваново-Вознесенск, Донбасс, Баку, Урал и т. д.) и наконец остальные губернии.

2. Ежемесячные сводки о предприятиях, переводимых на коллективное снабжение.

Пока их немного, взять под наблюдение все (как и предложено в Вашей записке, с. 2, § 1). Затем, когда их станет очень много, обследовать *подробно* $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{10}$, выборочным путем.

Кратко — все предприятия на коллективном снабжении.

Отчетность этих предприятий Вы взяли слишком широко (с. 2 в конце, § 2). Можно и должно взять короче, только важнейшее.

3. Текущую промышленную статистику для ежемесячных сводок сократить, поставив на первое место, как безусловно необходимое, определение *количества произведенных продуктов*, притом самых важных.

Эти сведения безусловно необходимы ежемесячно.

Остальные не безусловно необходимы и разрабатываются не столь срочно, в меру сил и средств Ц. Ст. У.

4. Производство, распределение, потребление топлива.

Абсолютно необходимо ежемесячно в итогах.

Программу выработать вместе с Главтопом, наименее меняя формы, действующие теперь.

5. Ежемесячные сводки о товарообмене (Компрод и Центросоюз) в самой краткой форме: за такое-то количество хлеба выдано такое-то количество таких-то продуктов по уездам.

6. Работу советских учреждений учесть, конечно, трудно, как Вы и указываете в приложении № 1, § IV. Но трудность не есть невозможность. Если не ежемесячно, то раз в 2—3 месяца абсолютно необходимы сводки хотя бы для начала о «наличных штатах» в сравнении с довоенными или с штатами других ведомств, других губерний и т. п., с рациональным подразделением всех служащих на категории (ответственные руководители; чисто канцелярский персонал; прислуга — *примерный* перечень некоторых категорий).

Сравнение наибольших и наименьших штатов по губерниям и т. п. Москва и Питер в 1-ую голову.

Постановления последнего съезда Советов безусловно обязывают Ц. Ст. У. *взяться за статистическое изучение работы наших советских учреждений, числа служащих и пр.*⁵

7. Выборка, для изучения, *небольшого* числа типичных предприятий (фабрик, совхозов) и *учреждений* (α) наилучших — образцовых; (β) средних и (γ) наихудших.

Все остальное сократить, кроме этих 7 §§.

Прошу Вас сообщить мне Ваше заключение и по существу и о сроке выработки программы работы.

ПредСТО Ленин

Впервые напечатано в 1933 г.

Печатается по рукописи

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»

1/IX.

Превращение «Экономической Жизни» в орган *СТО* не должно остаться простой и пустой формальностью.

Газета должна стать боевым органом, не только дающим регулярные и правдивые сведения о нашей экономике, во-первых, но также анализирующим эти сведения, обрабатывающим их научно для получения правильных выводов в целях управления промышленностью и проч. (во-вторых), и наконец, *подтягивающим* всех работников экономического фронта, добывающимся пунктуальной отчетности, одобряющим успешную работу и выносящим на общий суд неаккуратных, отсталых, неумелых работников данного предприятия, или учреждения, или отрасли хозяйства и т. п., в-третьих.

Газета дает массу ценнейшего, в частности статистического материала о нашей экономике. Но материал этот страдает двумя недостатками: он случаен, неполон, несистематичен и затем необработан, не анализирован.

Для пояснения возьму примеры.

Статья «Подмосковный бассейн в июле» (№ 188) — из лучших статей, ибо дает анализ данных, сравнивая их и с прошлым и по предприятиям. Но анализ неполон. Нет выяснения причин того, почему одно предприятие (Товарковские копи) решило задачу, нерешенную другими. Нет практического вывода. Нет сравнения с годовыми данными.

В № 190, на стран. 2-ой, тьма статистических деталей, весьма обычных в газете, по совершенно «непереваренных», случайных, сырых, без тени анализа, без сравнения (с прошлым и с другими предприятиями) и т. д.

Чтобы газета стала на деле, а не на словах только, органом *СТО*, необходимы следующие изменения:

1) строже следить за неаккуратным или неполным поступлением отчетов в соответствующие учреждения и заносить на черную доску неисправных, в то же время *добиваясь* (через соответствующий наркомат или через управление делами *СТО*) аккуратной отчетности.

2) все помещаемые статистические данные гораздо строже, т. е. заботливее, тщательнее систематизировать, всегда добываясь данных для сравнения, всегда приводя данные за прошлые годы (месяцы и т. п.), всегда подбирая материал для анализа, для объяснения *причин* неуспеха, для *выделения* тех или иных успевающих или хотя бы опережающих остальные предприятия и т. д.

3) завести сеть корреспондентов с мест, как коммунистов, так и *беспартийных*, и уделять больше места корреспонденциям с мест, с заводов, с рудников, с совхозов, с желдордепо и мастерских и т. д.

4) печатать в особых приложениях сводки по всем важнейшим вопросам нашей экономики. Сводки должны быть безусловно обработанные, с анализом всесторонним и с практическими выводами.

Так как бумаги нет, то надо сэкономить ее. Вероятно, это осуществимо. Например, число экземпляров понизить с 44 до 30 тысяч (вполне достаточно при правильном распределении, считая по 2 на 10 000 волостей, по 4 на 1 000 уездов, по 10 на 100 губерний и 5 000 сверх того — все только в библиотеки, редакции и в немногие учреждения). Тогда освободим достаточно бумаги для 8 приложений (по 2 страницы) в месяц.

Этого достаточно для месячных сводок по целому ряду важнейших вопросов (топливо; промышленность, 2—3 приложения; транспорт; продовольствие; совхозы и т. д.).

Эти приложения должны давать сводную статистику важнейших сторон экономики, обработанную, анализированную, с практическими выводами.

В ежедневной газете весь статистический материал, которого очень много, но который крайне отрывочен, должен быть *подогнан* к этим месячным сводкам, очищен от деталей и мелочей и т. п.

Так как по многим вопросам источники сведений «*Экономической Жизни*» и *Центрального статистического*

управления одинаковы, то эти приложения должны заменять (временно) издания *Центрального статистического управления*.

5) Весь текущий статистический материал должен быть распределен между: (а) сотрудниками *«Экономической Жизни»*, (б) членами *Госплана* и (в) членами или работниками *Центрального статистического управления* так, чтобы каждый «заведывал» одной отраслью народного хозяйства, будучи *ответствен*

(aa) за своевременное получение отчетов и отчетных сведений; за успешную «борьбу» ради их получения; за дополнительное вытребование их и т. д.;

(bb) за сводку и анализ данных;

(cc) за практические выводы.

6) За предприятиями, отданными в концессию и в аренду, *«Экономическая Жизнь»* должна следить и в смысле отчетности, и в смысле надзора и выводов, *совершенно так же*, как за остальными.

Прошу собрать совещание в составе редактора *«Экономической Жизни»*, один от *Центрального статистического управления*, один от *Госплана* для обсуждения этих вопросов и мер. Решения совещания прошу сообщить мне.

Председатель *СТО Ленин*

P. S.* Это же совещание прошу обсудить вопрос о выработке index-number (числа-показателя) для определения общего состояния нашего народного хозяйства. Этот «показатель» должен быть печатаем ежемесячно.

*Впервые напечатано 6 ноября 1923 г.
в газете «Экономическая Жизнь» № 31*

Печатается по рукописи

* — Postscriptum — приписка. Ред.

О ЧИСТКЕ ПАРТИИ⁶

Чистка партии развилась, видимо, в работу серьезную и гигантски важную.

Есть места, где чистят партию, опираясь, главным образом, на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это — самое ценное, самое важное. Если бы нам действительно удалось *таким образом* очистить партию сверху донизу, «не взирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное.

Ибо завоевания революции теперь не могут быть такими же, как прежде. Они неизбежно меняют свой характер в зависимости от перехода с военного фронта на хозяйственный, от перехода к новой экономической политике, от условий, требующих в первую голову повышения производительности труда, повышения трудовой дисциплины. В такое время главным завоеванием революции становится улучшение внутреннее, не яркое, не бросающееся в глаза, не видное сразу, улучшение труда, его постановки, его результатов; улучшение в смысле борьбы против разлагающих и пролетариат и партию влияний мелкобуржуазной и мелкобуржуазно-анархической стихии. Чтобы осуществить такое улучшение, надо чистить партию от элементов, отрывающихся от массы (не говоря уже, разумеется, об элементах, позорящих партию в глазах массы). Конечно, не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо масса тоже поддается иногда — особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями — поддается настроениям несколько не передовым.

Но в оценке людей, в отрицательном отношении к «примазавшимся», к «закомиссарившимся», к «обюрократившимся» указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны. Трудящаяся масса с величайшей чуткостью улавливает различие между честными и преданными коммунистами и такими, которые впускают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб, человеку, не имеющему никаких привилегий, никаких «путей к начальству».

Чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся, — дело великое. Оно даст нам серьезные результаты. Оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде, сделает ее авангардом, более крепко связанным с классом, более способным вести его к победе среди массы трудностей и опасностей.

Как частную задачу чистки партии, я бы указал еще на чистку ее от бывших меньшевиков. По-моему, из меньшевиков, вступивших в партию позже начала 1918 года, надо бы оставить в партии, примерно, не более одной сотой доли, да и то проверив каждого оставляемого трижды и четырежды. Почему? Потому что меньшевики, как течение, доказали за период 1918—1921 гг. два своих свойства: первое — искусно приспособляться, «примазываться» к господствующему среди рабочих течению; второе — еще искуснее служить верой и правдой белогвардейщине, служить ей на деле, отрекаясь от нее на словах. Оба эти свойства вытекают из всей истории меньшевизма: стоит припомнить аксельродовский «рабочий съезд», отношение меньшевиков к кадетам (и к монархии) на словах и на деле и т. д. и т. п. Меньшевики «примазываются» к РКП не только и даже не столько из макиавеллизма (хотя по части приемов буржуазной дипломатии меньшевики еще с 1903 года доказали, что они первоклассные мастера в этой области), сколько из-за их «приспособляемости». Всякий оппортунист отличается приспособляемостью (но не всякая приспособляемость есть оппортунизм), и меньшевики, как оппортунисты, приспособляются, так сказать, «из принципа» к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимой. Эту особенность меньшевиков надо знать и надо ее учесть. А учесть ее — это значит очистить партию

примерно до девяноста девяти сотых всего числа меньшевиков, примкнувших к РКП после 1918 года, т. е. тогда, когда победа большевиков стала становиться сначала вероятной, потом несомненной.

Очистить партию надо от мазуриков, от бюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших «фасад», но оставшихся в душе меньшевиками.

20 сентября 1921 г.

*«Правда» № 210, 21 сентября 1921 г.
Подпись: В. Л е н и н*

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ РАБКРИНА, ИХ ПОНИМАНИИ И ИХ ИСПОЛНЕНИИ?

Задача Рабоче-крестьянской инспекции — не только и даже не столько «ловить», «изобличить» (это задача суда, с которым Рабкрин соприкасается близко, но отнюдь не тождественен), — сколько *уметь поправить*.

Умелое исправление во-время — вот главная задача Рабкрива.

Чтобы уметь исправить, надо, во-1-х, *изучать* и изучить ведение дела в том или ином учреждении, предприятии, отделе и т. под.; во-2-х, во-время *провести* необходимые практические изменения, осуществить их на деле.

В ведении дела разными и разнородными предприятиями, учреждениями, ведомствами и пр. есть много сходного и сходного в основном. Задача Рабкрива выработать на опыте деловой инспекции группу руководящих, опытных, сведущих лиц, которые бы в состоянии были формулировать вопросы (при умелой, правильной *постановке* вопросов одна уже постановка вопросов предreshает успех ревизии и дает возможность исправления), — направлять ревизию и инспекцию, — проверять исправление и т. д.

Постановка отчетности, напр., есть вещь основная во всех ведомствах и учреждениях самых разнородных. Рабкрин должен ее знать, изучить, — уметь в кратчайший срок проверять (посылкой человека на полчаса, на час в соответствующую канцелярию), поставлена ли отчетность, правильно ли поставлена, какие недочеты в ее постановке, как их исправить и т. д.

Приемы постановки отчетности, приемы кары за недочеты, приемы «ловли» за обман, приемы проверки исполнения

на деле должны быть в Рабкрине изучены, сведены, подытожены. В Рабкрине должен быть *список* учреждений, ведомств, губерний, *поставивших* сносную отчетность: пусть их будет 1 на 100, даже 1 на 1 000, не беда, лишь бы *систематично*, неуклонно вести упорную и неослабную войну за расширение области применения хорошего образца. В Рабкрине должна быть календарная таблица, показывающая *ход* этой войны, успехи и поражения наши в этой войне.

Ознакомление с предварительным наброском доклада о работе топливных органов и о нарастании осеннего кризиса (топлива) 1921-го года убеждает меня в том, что *основа* дела не поставлена в Рабкрине как следует. В этом наброске доклада нет ни *изучения* дела, ни *подхода к исправлению*.

Сравнивается, напр., трехнедельник (1921 года) с 1920-ым годом. Берутся голые итоги. Сравнение неправильно, ибо не учтено ни (1) различие в снабжении продовольствием (и весна 1921-го года и все первое полугодие 1921-го года были поставлены в *особые условия*, в силу *перехода* к продналогу), ни (2) неурожай 1921-го года.

Данишевский указывает: губернии, коих не коснулся неурожай, дали в 1921-ом году выполнение программы трехнедельника *свыше 100%*; неурожайные губернии — громадный дефицит исполнения заданий.

Никакого *изучения* в докладе не оказывается.

Недочеты отчетности в Главлескоме указаны, видимо, в предварительном докладе Рабкринна правильно. Это признает и Данишевский. Это доказано. Отчетность плоха.

Но именно в этом, *основном*, вопросе совершенно нельзя Рабкрипу *ограничиваться* в предварительном докладе «тезисом»: «отчетность плоха, отчетности нет». А что же сделали товарищи из Рабкринна, чтобы *исправить* ее постановку? Многие видные работники Рабкринна *лично* участвовали зимой и весной 1921-го года в *массе* совещаний и комиссий по вопросу о кризисе топлива. Именно весной 1921 года (кажется, в *марте* 1921) происходит смена начальства в Главлескоме. В *марте* 1921-го года, значит, должны были в Главлескоме поставить *отчетность по-новому*.

Данишевский это сделал. Но сделал *неудовлетворительно*. Отчетность у него плоха. Данишевский виноват, несомненно.

Но найти виноватого в виде начальника — лишь весьма малая доля работы.

Исполнил ли свою задачу и свой долг Рабкрин? *Правильно ли он понял свою задачу?* Вот в чем главный вопрос. И на этот вопрос приходится ответить отрицательно.

Зная критическое состояние топлива, зная, что дрова — главное, зная, что отчетность при старом Главлескоме (Ломове) была плоха, Рабкрин должен был

в *марте* 1921 года дать свой *формальный совет*, письменно: поставьте отчетность *так-то*.

в *апреле* 1921-го проверить, как новое начальство (Данишевский) *поставило* отчетность и *опять* дать свой формальный совет, письменно: исправьте так-то, иначе не пойдет дело.

в *мае* 1921-го года еще раз проверить

и так далее *ежемесячно*,

пока отчетность не будет поставлена сносно.

Именно весной 1921 года надо было Рабкрину назначить такого-то ревизора (лучше всего *одно* лицо, а не «отдел», хотя на практике, вероятно, имеется целый «отдел» в Рабкрине, заведующий ревизией или инспекцией лесного или вообще топливного дела) — следить за отчетностью Главлескома, *и зучать* ее, ежемесячно докладывать такому-то члену коллегии или представлять сводки (в стольких-то губерниях сносная отчетность; список их; в стольких — никакой и т. д. Меры? в Цека РКП? во ВсеЦИК? Результаты мер?).

Данишевский виноват в плохой постановке отчетности.

Рабкрин, т. е. *данный*, ответственный, мне по фамилии неизвестный *ревизор* или инспектор и т. п., виноват в неисполнении своего долга, *начиная с марта 1921-го года*.

Практический вопрос, деловой, небюрократический: как *исправить* отчетность Главлескома?

Не найдя на этот (важнейший) вопрос ответа в том предварительном докладе Рабкринина, который *должен был*

давать сей ответ, я ишу ответа сам, но могу легко ошибиться, ибо дела не изучал. Мои предложения, кои я рад изменить, если мне дадут лучшие:

1) ввести отчетность (раз в 2 недели) не по почте, как теперь, а по телеграфу;

2) выработать для сего своего рода «код»: 7—9 цифр с буквами, чтобы в немногих строках был дан итог (заготовлено кубических саженьей; вывезено; получено и выдано хлеба, фуражу и т. п.);

3) провести либо в законодательном порядке право Данишевского арестовывать за недачу отчета в срок, либо (если это невозможно, если это почему-либо не проходит) обращение в президиум ВЦИК с просьбой *арестовывать* за недачу отчета; проведение соответствующей директивы через ЦК РКП; проверка исполнения;

4) способы *проверки на месте* лично, непосредственно, исполняется ли? как? в чем трудности?

Данишевский говорит, что ввел *разъездных*, по всей России, контролеров, кои уже во *всех* губерниях побывали, доходили до низов, подтягивают-де и многие губернии подтянули.

Верно ли это? Не введен ли Данишевский в заблуждение своим чиповниками?

Весьма вероятно, что введен.

А Рабкрин? Он должен это изучить и знать. Об этом в предварительном докладе ни слова. Когда введены разъездные контролеры? Сколько их? Их уровень? Итог их работы? Как исправить дело, если оно поставлено неудовлетворительно? В этом суть, а ревизор Рабкрин эту суть-то как раз и обошел.

Повторяю, вопрос о постановке отчетности есть вопрос основной. Он не изучен Рабкрином. Не выполнена — и даже, по всей видимости, *не понята* — Рабкрином задача: следить за постановкой отчетности, добиваться и добиться ее улучшения.

Через ВЦИК, через ЦК РКП, через все пути Рабкрин должен уметь «довести» дело до самых высших, и партийных и советских, инстанций, добиться исправлений в постановке отчетности.

Я остановился подробно на важнейшем (и простейшем) вопросе: постановка отчетности, но дальше пойдут тоже

важные и более трудные вопросы, напр., постановка подрядных работ (проверка выполнения; учет и т. д.) и т. п.

Один, особенно интересный, вопрос *затронут* предварительным докладом и тоже только затронут, а деловым образом не двинут. Именно: автор предварительного доклада пишет: «ответственные руководители завалены работой до изнеможения, в то время как технические аппараты подчиненных органов (названы подчиненные Главтопу Главуголь, Главлеском и пр.) *полны бездействующих сотрудников*».

Я уверен, что это — ценное и абсолютно верное наблюдение и что относится оно не только к Главтопу, а *ко* всем или к 99% учреждений и ведомств.

Везде это зло.

Рабкрин должен был в марте, когда организация (новая) создавалась, или, самое позднее, в апреле, когда она создавалась, внести формально, письменно предложение:

исправьте так-то.

Этого не сделано.

Как надо сие зло исправить?

Я даже приблизительно не знаю этого. Рабкрин должен знать, ибо его дело изучать сие, — сопоставлять разные ведомства, — вносить разные практические предложения, — проверять их на опыте и т. д.

Говоря «Рабкрин», я имею в виду прежде всего соответствующего автора этого предварительного доклада. Но для меня ясно, что это относится не к одному лишь этому автору.

Надо выделить нескольких, хотя бы 2—3 (столько-то наверное найдется) безусловно добросовестных, толковых и опытных работников в Рабкрине и заставить их выработать разумный план работы ревизоров для начала хотя бы работы по постановке отчетности. Лучше взять немного, но довести до конца.

У автора предварительного доклада затронута куча тем, но темы не изучены, наскоро набраны, толку никакого нет. Игра в «парламентские доклады». Не это нужно, а *практическое исправление*.

Недостаток изучения виден, напр., из вопроса 52 (39): выделить только образцовые рудники. Именно к этому выводу комиссия СТО (Смилга и Рамзин) пришли, посетив Донбасс в IX. 1921-го года. Именно таков вывод Госплана.

Почему я знаю о работе Госплана и комиссии Смильги, а *специальный ревизор*, занявшийся докладом о Главтопе, этого не знает?

Постановка дела **неправильная**.

Как практический итог предлагаю:

- 1) выделить хотя бы вопрос о постановке отчетности и довести его до конца;
- 2) поручить его имярекам, сообщить мне их имена;
- 3) сообщить мне имя ревизора, которому поручено лесковское дело.

Ленин

27. IX. 1921.

*Впервые напечатано
6 февраля 1927 г.
в газете «Правда» № 30*

Печатается по рукописи

В ПРЕЗИДИУМ VIII ВСЕРОССИЙСКОГО ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО СЪЕЗДА ⁸

Крайне сожалею, что мне не удалось лично приветствовать съезд.

О значении книги «План электрификации» и еще более самой электрификации мне доводилось высказываться не раз ⁹. Крупная машинная промышленность и перенесение ее в земледелие есть единственная экономическая база социализма, единственная база для успешной борьбы за избавление человечества от ига капитала, от избиения и калечения десятков миллионов людей для решения вопроса, будет ли иметь перевес в разделе земли хищник английский или немецкий, японский или американский и т. п.

Рабоче-крестьянская советская республика начала систематическую и планомерную электрификацию нашей страны. Как ни скудно, как ни скромно наше начало, как ни невероятно велики трудности этого дела для страны, которую разорили помещики и капиталисты 4-хлетней империалистской и 3-хлетней гражданской войной, для страны, которую подкарауливает буржуазия всего мира, желая раздавить ее и превратить в свою колонию, как ни мучительно медленно идет вперед электрификация у нас, а все же она идет вперед. При помощи вашего съезда, при помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы эту

задачу осилим, мы электрификацию нашей страны создадим.

Приветствую VIII Всероссийский съезд электротехников и желаю ему всяческого успеха в его работах.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов*
(Ленин)

Написано 8 октября 1921 г.

*Напечатано 11 октября 1921 г.
в «Бюллетене VIII Всероссийского
электротехнического съезда» № 3*

Печатается по рукописи

Первая страница
рукописи В. И. Ленина
«К четырехлетней годовщине
Октябрьской революции». —
14 октября 1921 г.
Уменьшено

К ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Наступает четырехлетняя годовщина 25-го октября (7 ноября).

Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом.

В самых кратких — и, конечно, далеко неполных и неточных — абрисах это значение и этот опыт можно бы изложить следующим образом.

Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем великая французская революция свыше 125 лет тому назад.

И анархисты и мелкобуржуазные демократы (т. е. меньшевики и эсеры, как русские представители этого международного социального типа) говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической (*то есть* пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердилась за 4 года полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*, как никто. Мы

вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся *вперед*, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что *только борьба* решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим. Но и сейчас уже мы видим, что сделано гигантски много — для разоренной, измученной, отсталой страны — в деле социалистического преобразования общества.

Кончим, однако, о буржуазно-демократическом содержании нашей революции. Марксистам должно быть понятно, что это значит. Для пояснения возьмем наглядные примеры.

Буржуазно-демократическое содержание революции, это значит — очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма.

Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году? Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Возьмите любую из этих «авгиевых конюшен», — оставленных, к слову сказать, в изрядной мере всеми передовыми государствами в недочищенном виде при совершении ими их буржуазно-демократических революций, 125, 250 и больше (1649 в Англии) лет тому назад, — возьмите любую из этих авгиевых конюшен: вы увидите, что мы их вычистили начисто. За какие-нибудь *десять недель*, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5 января 1918), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем *за восемь месяцев* своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты) и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры).

Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда. Мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности (самые передовые страны, вроде Англии, Франции, Германии, до сих пор не отделались от следов сословности!). Наиболее глубокие корни сословности, именно: остатки феодализма

и крепостничества в землевладении, вырваны нами до конца. «Можно спорить» (достаточно за границей литераторов, кадетов, меньшевиков и эсеров, чтобы заниматься этими спорами) о том, что выйдет «в конце концов» из земельных преобразований великой Октябрьской революции. Мы не охотники сейчас терять время на эти споры, ибо мы борьбой решаем этот спор и всю массу зависящих от него споров. Но нельзя спорить против факта, что мелкобуржуазные демократы восемь месяцев «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с лица земли русской до конца.

Возьмите религию или бесправие женщины или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелкобуржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет *ни одной* из самых передовых стран мира, где бы *эти* вопросы были решены в буржуазно-демократическом направлении до конца. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись и боремся по-настоящему. Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительного пережитка крепостничества и средневековья, подновляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех, без единого изъятия, странах земного шара.

Это все — содержание буржуазно-демократической революции. Полтораста и двести пятьдесят лет тому назад обещали народам передовые вожди этой революции (этих революций, если говорить о каждом национальном виде одного общего типа) освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или «идеи религии», «религиозности» вообще), от неравноправия национальностей. Обещали — и не выполнили. Не могли выполнить, ибо помешало «уважение» — — — к «священной частной собственности». В нашей пролетарской революции этого проклятого «уважения» к этому трижды проклятому средневековью и к этой «священной частной собственности» не было.

Но чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной*, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования — говорили мы и доказали делами мы — есть побочный продукт пролетарской, то есть социалистической революции. Кстати сказать, все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональды, Турати и прочие герои «II^{1/2}» марксизма не сумели понять *такого* соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая укрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического, *типа* демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата.

Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за нею мелкобуржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами *нашего* советского строя. Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства! Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок, за улучшение нашего, весьма и весьма далекого от совершенства, применения к жизни советских принципов. Но мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истс-

рии, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего доводю к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн.

Вопрос об империалистских войнах, о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая неизбежно порождает новые империалистские войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национального гнета, грабежа, разбоя, удушения слабых, отсталых, мелких народностей кучкой «передовых» держав, — этот вопрос с 1914-го года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это — вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазиею, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10-ти миллионов убитых в войне 1914—1918 годов с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и посейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов). И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эсеров и меньшевиков, в лице всей мелкобуржуазной якобы «социалистической» демократии всего мира издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». А этот лозунг оказался единственной *правдой* — неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но *правдой* среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы. Разоблачен мир брестский. Каждый день разоблачает все более беспощадно значение и последствия еще худшего, чем брестский, мира версальского. И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о падающей завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны и из порождающего ее неизбежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться

из этого ада *значе, как большевистской борьбой и большевистской революцией.*

Пусть с бешенством ругают эту революцию буржуазия и пацифисты, генералы и мещане, капиталисты и филистеры, все верующие христиане и все рыцари II и III^{1/2} Интернационалов. Никакими потоками злобы, клеветы и лжи не замутят они того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действительную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на'счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся.

Эта первая победа *еще не окончательная победа*, и она далась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны. Еще бы без неудач и без ошибок удалось одному отсталому народу победить империалистские войны самых могущественных и самых передовых стран земного шара! Мы не боимся признать свои ошибки и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их. Но факт остается фактом: первый раз за сотни и за тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* — — — и выполняется вопреки всем трудностям.

Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, — вопрос несущественный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана.

Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, «защищающие отечество» японское от американ-

ского, американское от японского, французское от английского и так далее! Продолжайте «отписываться» от вопроса о средствах борьбы против империалистских войн новыми «базельскими манифестами» (по образцу Базельского манифеста 1912-го года¹⁰), господа рыцари II и III^{1/2} Интернационалов со всеми пацифистскими мещанами и филистерами всего мира! Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала *первую сотню миллионов людей* на земле *первая большевистская революция*. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество.

Последнее, — и самое важное, и самое трудное, и самое недоделанное наше дело: хозяйственное строительство, подведение экономического фундамента для нового, социалистического, здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического. В этом самом важном и самом трудном деле у нас было всего больше неудач, всего больше ошибок. Еще бы без неудач и без ошибок начать такое всемирно-новое дело! Но мы его начали. Мы его ведем. Мы исправляем как раз теперь нашей «новой экономической политикой» целый ряд наших ошибок, мы учимся, как строить дальше социалистическое здание в мелкокрестьянской стране без этих ошибок.

Трудности необъятны. Мы привыкли бороться с необъятными трудностями. За что-нибудь прозвали нас враги наши «твердокаменными» и представителями «костоломной политики». Но мы научились также — по крайней мере: до известной степени научились другому необходимому в революции искусству — гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным.

Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить

государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции.

И мы, научившиеся немного за три и четыре года резким поворотам (когда требуется резкий поворот), стали усердно, внимательно, усидчиво (хотя все еще недостаточно усердно, недостаточно внимательно, недостаточно усидчиво) учиться новому повороту, «новой экономической политике». Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым «хозяином», исправным *оптовым купцом*, — иначе оно мелкокрестьянскую страну не может экономически поставить на ноги, иного перехода к коммунизму сейчас, в данных условиях, рядом с капиталистическим (пока еще капиталистическим) Западом, нет. Оптовый купец, это как будто бы экономический тип, как небо от земли далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму. Личная заинтересованность поднимает производство; нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало. Оптовая торговля объединяет миллионы мелких крестьян экономически, заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и объединения в самом производстве. Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы имеем уже в этой области некоторые — правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи. Мы уже кончаем, в этой области новой «науки», приглотительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый

свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь «курс», хотя обстоятельства мировой экономики и мировой политики сделали его гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось. Во что бы то ни стало, как бы тяжелы ни были мучения переходного времени, бедствия, голод, разруха, мы духом не упадем и свое дело доведем до победного конца.

14. X. 1921.

«Правда» № 234, 18 октября 1921 г.
Подпись: *И. Ленин*

Печатается по рукописи

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЗАДАЧИ ПОЛИТПРОСВЕТОВ

ДОКЛАД НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПОЛИТПРОСВЕТОВ
17 ОКТЯБРЯ 1921 г.¹¹

Товарищи! Я намерен посвятить настоящий доклад или, вернее сказать, настоящую беседу новой экономической политике и задачам политпросветов, как я их понимаю, в связи с этой политикой. Мне казалось бы, что до крайней степени неправильно ограничивать доклады по вопросам, не входящим в пределы того или иного съезда, одной информацией о том, что вообще делается в партии или в Советской республике.

РЕЗКИЙ ПОВОРОТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И РКП

Отнюдь не отрицая пользы такой информации и не отрицая пользы совещаний по всяким вопросам, я все же нахожу, что главным недостатком в работе большинства наших съездов является отсутствие прямой, непосредственной связи с теми практическими задачами, которые перед ними стоят. И об этих недостатках мне хотелось бы, в связи с новой экономической политикой и по поводу новой экономической политики, поговорить.

О новой экономической политике я буду говорить в кратких и общих чертах. Громадное большинство из вас, товарищи, — коммунисты и, несмотря на большую молодость некоторых, — коммунисты, проделавшие большую работу в нашей общей политике в первые годы нашей революции. И, как проделавшие большую долю этой работы, вы не можете не видеть, какой резкий поворот сделала наша Советская власть и наша коммунистическая партия, перейдя к той экономической политике, которую зовут «новой», новой по отношению к предыдущей нашей экономической политике.

А по сути дела — в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике.

Почему это так? Потому, что наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала, — можно сказать, безрасчетно предполагала, — что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах.

Если припомнить нашу собственную предыдущую экономическую литературу, если вспомнить, что писали коммунисты перед взятием власти в свои руки в России и в скором времени после взятия власти, например, в начале 1918 г., когда первый политический натиск на старую Россию закончился громадным успехом, когда была создана Советская республика, когда из империалистической войны, хотя и в изуродованном виде, но Россия все-таки вышла и вышла с меньшими уродствами, чем если бы она продолжала, по совету империалистов и меньшевиков с эсерами, «защищать отечество», то мы увидим, что в первый период, когда мы только что кончили первое дело по строительству Советской власти и вышли только что из империалистической войны, о наших задачах экономического строительства мы говорили тогда гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем поступали во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и всего 1920 годов.

ВЦИК О РОЛИ КРЕСТЬЯНСТВА — В 1918 г.

Если не все из вас были в это время активными работниками партии и Советской власти, то они, во всяком случае, могли бы познакомиться и, конечно, познакомились с такими решениями, как решение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в конце апреля 1918 года¹². Это решение указывало на необходимость считаться с крестьянской экономикой и основывалось на докладе, учитывавшем роль государственного капитализма в строительстве социализма в том случае, когда страна крестьянская, на докладе, который подчеркивал значение персональной, индивидуальной, единоличной ответственности, подчеркивал значение этого фактора в деле управления страной, в отличие от политических задач строительства власти и военных задач.

НАША ОШИБКА

В начале 1918 г. мы рассчитывали на известный период, когда мирное строительство будет возможно. По заключении Брестского мира опасность, казалось, отодвинулась, можно было приступить к мирному строительству. Но мы обманулись, потому что в 1918 г. на нас надвинулась настоящая военная опасность — вместе с чехословацким восстанием и началом гражданской войны, которая затянулась до 1920 года. Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика, в момент окончания империалистической войны, под влиянием этих обстоятельств и ряда других, мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение.

Не могу сказать, что именно так определенно и наглядно мы нарисовали себе такой план, но приблизительно в этом духе мы действовали. Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму, полагая, что без периода социалистического учета и контроля подойти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя. В теоретической литературе, начиная с 1918 г., когда задача принятия власти встала и была большевиками перед всем народом раскрыта, в нашей литературе подчеркивалось определенно, что длинный и сложный переход от капиталистического общества (и тем более длинный, чем менее оно развито), переход через социалистический учет и контроль хотя бы к одному из подступов к коммунистическому обществу, необходим.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Это было нами тогда, когда пришлось в горячке гражданской войны делать необходимые шаги по строительству, вроде того, что забыто. И наша новая экономическая политика, по сути ее, в том и состоит, что мы в этом пункте потер-

пели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: «Пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим все заново, но прочнее». Никакого сомнения в том, что мы понесли весьма тяжелое экономическое поражение на экономическом фронте, у коммунистов быть не может, раз они ставят сознательно вопрос о новой экономической политике. И, конечно, неизбежно, что часть людей здесь впадет в состояние весьма кислое, почти паническое, а по случаю отступления эти люди начнут предаваться паническому настроению. Это вещь неизбежная. Ведь когда Красная Армия отступала, она начинала победу свою с того, что бежала перед неприятелем, и каждый раз на каждом фронте этот панический период у некоторых людей переживался. Но каждый раз — и на фронте колчаковском, и на фронте деникинском, и на фронте Юденича, и на польском фронте, и на врангелевском — каждый раз оказывалось, что после того, как нас разочек, а иногда и больше, хорошенечко били, мы оправдывали пословицу, что «за одного битого двух небитых дают». Бывши один раз битыми, мы начинали наступать медленно, систематически и осторожно.

Конечно, задачи на экономическом фронте во много раз труднее, чем задачи на фронте военном, по общему сходству этих элементарных абрисов стратегии имеется. На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей.

Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года. Вот почему потребовалось то, что, с точки зрения нашей линии, нашей политики, нельзя назвать не чем иным, как сильнейшим поражением и отступлением. При этом нельзя

сказать, что это отступление подобно отступлению Красной Армии, в полном порядке, на заранее приготовленные позиции. Правда, позиции были приготовлены заранее. Это можно проверить, сопоставляя решения нашей партии весной 1921 года с упомянутым мной апрельским решением 1918 года. Позиции были приготовлены заранее, но отступление на эти позиции произошло (а во многих местах провинции происходит и сейчас) в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке.

СМЫСЛ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Тут-то задача политпросветов бороться с этим выдвигается на первый план. Основной вопрос, с точки зрения новой экономической политики, состоит в том, чтобы скорее суметь воспользоваться создавшимся положением.

Новая экономическая политика означает замену разверстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере. В какой мере — этого мы не знаем. Концессии с иностранными капиталистами (правда, пока очень немного их заключено, в особенности по сравнению с предложениями, которые мы сделали), аренда частных капиталистов — это и есть прямое восстановление капитализма и это связано с корнями новой экономической политики. Ибо уничтожение разверстки означает для крестьян свободную торговлю сельскохозяйственными излишками, не взятыми налогом, а налог берет лишь небольшую долю продуктов. Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти.

Это — самая основная экономическая азбука, преподаваемая в начатках экономической науки, а у нас, кроме того, преподаваемая каждым мешочником, существом, весьма хорошо знакомящим нас с экономикой, независимо от экономической и политической науки. И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением? Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: «Повернем назад, так оно безопаснее, а то еще какой-то социализм выдумали».

КТО ПОБЕДИТ — КАПИТАЛИСТ ИЛИ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Вот к чему сводится вся теперешняя война: кто победит, кто скорее воспользуется — капиталист, которого мы же пускаем в дверь или даже в несколько дверей (и во много таких дверей, которых мы сами не знаем и которые открываются помимо нас и против нас), или пролетарская государственная власть. На что она может экономически опереться? С одной стороны, на улучшение положения населения. В этом отношении надо вспомнить о крестьянах. Совершенно бесспорно, и всем очевидно, что, несмотря на такое громадное бедствие, как голод, улучшение положения населения, за вычетом этого бедствия, наступило именно в связи с изменением нашей экономической политики.

С другой стороны, если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат. Капиталисты будут выигрывать от нашей политики и будут создавать промышленный пролетариат, который у нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями.

Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей, полезных для общества, занятого в крупных машинных фабриках, а не спекуляцией, не выделыванием зажигалок на продажу и прочей «работой», не очень-то полезной, но весьма неизбежной в обстановке разрухи нашей промышленности.

Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше организовать, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов

в надлежашей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему? Нужно ставить этот вопрос трезво. Всякая тут идеология, всякие рассуждения о политических свободах есть рассуждения, которых очень много можно найти, особенно, если посмотрим на заграничную Россию, Россию № второй, где имеются десятки ежедневных газет всех политических партий, где все эти свободы воспеваются на все лады и всеми музыкальными нотами, существующими в природе. Все это — болтовня, фразы. От этих фраз нужно уметь отвлечься.

БОРЬБА БУДЕТ ЕЩЕ БОЛЕЕ ЖЕСТОКОЙ

Мы за четыре года перенесли много серьезных битв и научились, что одно дело — серьезная битва и другое дело — болтовня, которая идет по случаю серьезной битвы, идет особенно от людей, в сторонке сидящих. Нужно от всей этой идеологии, от этой болтовни уметь отвлечься и посмотреть на суть дела. А суть дела та, что борьба есть и будет еще более отчаянная, еще более жестокая, чем борьба с Колчаком и Деникиным. Это потому, что та борьба, военная, — это есть дело привычное. Сотни и тысячи лет, всегда воевали. По части искусства избивать людей на войне сделаны громадные успехи.

Правда, в штабах почти всякого помещика были эсеры и меньшевики, которые кричали о народоправстве, об учредилке и о том, что большевики нарушили все свободы.

Решить военную задачу все-таки легче, чем ту, которая стоит сейчас перед нами, решить военную задачу можно натиском, валстом, энтузиазмом, прямо-таки физической силой того большого числа рабочих и крестьян, которые видели, что на них идет помещик. Теперь открытых помещиков нет. Врангели, Колчаки, Деникины частью отпировались к Николаю Романову, частью укрылись в безопасных заграничных местах. Этого ясного врага, — как раньше помещика и капиталиста, — народ не видит. Такой ясной картины, что враг уже среди нас, и что этот враг — тот же самый, что революция стоит перед какой-то пропастью, на которую все прежние революции натыкались и пятились назад, — этого понимания у народа быть не может,

потому что он страдает большой темнотой и безграмотностью. И сколько времени всякие чрезвычайные комиссии будут ликвидировать чрезвычайным образом эту безграмотность — сказать трудно.

Откуда народ может сознать, что вместо Колчака, Врангеля, Деникина тут же, среди нас, находится враг, погубивший все прежние революции? Ведь если капиталисты берут верх над нами, то это означает возврат к старому, что и подтверждено опытом всех прежних революций. Задача нашей партии развить сознание, что враг среди нас есть анархический капитализм и анархический товарообмен. Надо ясно понимать эту сущность борьбы и добиваться, чтобы самые широкие массы рабочих и крестьян эту сущность борьбы ясно понимали — «кто кого? чья возьмет?». Диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая бешеная борьба, в которой пролетариату приходится бороться со всем миром, ибо весь мир шел против нас, поддерживая Колчака и Деникина.

Теперь буржуазия всего мира поддерживает буржуазию России, оставаясь во много раз более сильной, чем мы. Из-за этого мы несколько не впадаем в панику, потому что военных сил у них тоже было больше, однако, этого не хватало, чтобы на войне нас раздавить, хотя на войне, имея неизмеримо больше сил в артиллерии или аэропланах, было гораздо легче нас раздавить. Может быть, для этого достаточно было бы мобилизовать во-время несколько корпусов той или другой капиталистической державы, которые против нас шли, и не пожалеть нескольких миллионов золота в долг для Колчака.

Однако, это не помогло, потому что сознание их неправоты и правоты нашей проникло и в массы английских солдат, которые пришли в Архангельск, и в массы матросов, которые заставили французский флот уйти из Одессы. Теперь против нас выступили силы, попрежнему более могущественные, чем мы. И чтобы тут победить — нужно опереться на последний источник сил. Последний источник сил есть масса рабочих и крестьян, их сознательность, их организованность.

Либо пролетарская организованная власть — и передовые рабочие и небольшая часть передовых крестьян эту задачу поймут и сумеют организовать народное движение вокруг себя, — и тогда мы выйдем победителями.

Либо мы не сумеем это сделать — и тогда неприятель, имеющий больше сил в смысле техники, неминуемо нас побьет.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИ БОЙ?

Диктатура пролетариата есть ожесточенная война. Пролетариат победил в одной стране, но остается более слабым в международном масштабе. Он должен всех рабочих и крестьян объединить вокруг себя в том сознании, что война не кончена. Если мы в песне поем, что «это есть наш последний и решительный бой», то, к сожалению, это есть маленькая неправда, — к сожалению, это не есть наш последний и решительный бой. Или вы рабочих и крестьян сумеете слить в этой борьбе, или не получите успеха.

Такой борьбы, которую мы видим сейчас, еще никогда не было в истории, но войны крестьян с помещиками были в истории не раз, начиная с первых времен рабовладения. Такие войны бывали не раз, но войны государственной власти против буржуазии своей страны и против соединенной буржуазии всех стран — такой войны не бывало никогда.

Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты, — от этого зависит исход борьбы. В десятках революций было то же самое, но такой войны не видал еще мир. Опыта у народа в таких войнах быть не могло. Мы его должны создавать сами и опираться в этом опыте мы можем только на сознание рабочих и крестьян. Вот в чем девиз и величайшая трудность этой задачи.

МЫ НЕ ДОЛЖНЫ РАССЧИТЫВАТЬ НА НЕПОСРЕДСТВЕННО КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина. Нам говорят: «Личная заинтересованность крестьянина — это значит восстановление частной собственности». Нет, личная собственность на предметы потребления и на орудия, — она нами не прерывалась по отношению к крестьянам никогда. Мы уничтожили частную собственность на землю, а крестьянин

пел хозяйство без частной собственности на землю, например, на земле арендованной. Эта система существовала в очень многих странах. Тут экономически невозможного ничего нет. Трудность в том, чтобы лично заинтересовать. Нужно заинтересовать также каждого специалиста с тем, чтобы он был заинтересован в развитии производства.

Умели ли мы это делать? Нет, не умели! Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение в стране с деклассированным пролетариатом. Мы должны будем это изменить потому, что иначе мы не можем познакомить пролетариат с этим переходом. Таких задач в истории еще никогда не ставилось. Если мы эту задачу пробовали решить напрямком, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу. Такие ошибки бывают во всякой войне, и их не считают ошибками. Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой.

ПРИНЦИП ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ

И мы говорим, что надо построить всякую крупную отрасль народного хозяйства на личной заинтересованности. Обсуждение — сообща, а ответственность — единолична. От неумения осуществить это начало мы страдаем на каждом шагу. Вся новая экономическая политика требует, чтобы это деление было проведено с абсолютной резкостью, с безусловной четкостью. Когда народ перешел к новым экономическим условиям, он бросился обсуждать, что из этого выйдет и как это надо по-новому построить. Не пройдя через общие обсуждения, нельзя было ничего начинать, потому что народ держали десятки и сотни лет под запретом что-нибудь обсуждать, а революция не могла развиваться иначе, как через период всеобщего универсального митингования по всем вопросам.

Это создавало во многом путаницу. Это было так, это неизбежно, но нужно сказать, что это и не опасно. Если во-время научиться отделять от митингования то, что нужно для митингования и что нужно для управления, то тогда мы только сможем добиться высоты положения Советской республики. Но мы, к сожалению, этого еще не научились делать, и большинство съездов идет далеко не деловым образом.

Обилием наших съездов мы превосходим все государства мира. Ни одна из демократических республик не имеет столько съездов, сколько имеем мы, да они и не могут допустить этого.

Мы должны помнить, что страна наша есть страна много потерявшая и обнищавшая, и нужно научить ее митинговать так, чтобы не смешивать, как я сказал, то, что нужно для митингования, с тем, что нужно для управления. Митингуй, но управляй без малейшего колебания, управляй тверже, чем управлял до тебя капиталист. Иначе ты его не победишь. Ты должен помнить, что управление должно быть еще более строгое, еще более твердое, чем прежде.

В Красной Армии после долгомесячного митингования дисциплина была такова, что не уступала дисциплине прежней армии. В ней применялись строгие, суровые меры, доходившие до расстрелов, меры, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели, и ввели вполне сознательно».

Мы должны сказать, что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас и о ком мы считаем, что он должен погибнуть, — и тогда останется жить наша Советская республика, — либо наоборот, останутся жить капиталисты и погибнет республика. В стране, которая обнищала, либо погибнут те, которые не могут подтянуться, либо вся рабоче-крестьянская республика. И выбора здесь нет и быть не может, так же, как не должно быть и никакой сентиментальности. Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество. Тот, кто отступает теперь от порядка дисциплины, тот впускает врагов в свою среду.

Вот почему я говорю, что новая экономическая политика имеет значение еще и со стороны учения. Вы здесь говорите о том, как надо учить. Вы должны прийти к тому, чтобы сказать, что недоучившимся у нас нет места. Тогда, когда будет коммунизм, тогда ученье будет мягче. Теперь же я говорю, что ученье не может не быть суровым — под страхом гибели.

СУМЕЕМ ЛИ МЫ РАБОТАТЬ НА СЕБЯ?

У нас было дезертирство из армии, тоже и на трудовом фронте: ты работал на капиталиста, работал на эксплуататора, и, понятно, что работал плохо, но теперь ты рабо-

таешь на себя, на рабоче-крестьянскую власть. Помни, что должен решиться вопрос — сумеем ли мы работать для себя, так как иначе, — повторяю, — наша республика погибнет. И мы говорим, как говорили в армии: либо погибнуть всем, кто хотел погубить нас, и тут мы будем применять самые суровые меры дисциплины, либо мы спасем страну, и будет жить наша республика.

Вот какова должна быть наша линия, вот почему (между прочим) нам нужна новая экономическая политика.

Хозяйничайте все. Капиталисты будут рядом с вами, — рядом с вами будут и иностранные капиталисты, концессионеры и арендаторы, они будут вышибать у вас сотни процентов прибыли, они будут наживаться около вас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать, и тогда только вы сумеете построить коммунистическую республику. С точки зрения необходимости быстро научиться — всякое послабление есть величайшее преступление. И в эту науку, науку тяжелую, суровую, иногда даже жестокую, нужно пойти, так как иначе другого выхода нет.

Вы должны помнить, что наша Советская страна, обнищавшая после долголетних испытаний, окружена не социалистической Францией и не социалистической Англией, которые помогли бы нам своей высокой техникой, своей высокой промышленностью. Нет! Мы должны помнить, что теперь вся их высокая техника, вся их высокая промышленность принадлежит капиталистам, которые действуют против нас.

Мы должны помнить, что у нас должно быть либо величайшее напряжение сил в ежедневном труде, либо нас ждет неминуемая гибель.

Весь мир в силу данного положения вещей развивается скорее нашего. Капиталистический мир, развиваясь, направляет все силы против нас. Вот как стоит вопрос! Вот почему на эту борьбу нужно обратить особенное внимание.

При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее, — и, может быть, другие страны так ее и решат, когда придет время строения их коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос.

Государство должно научиться торговать так, чтобы промышленность удовлетворяла крестьянство, чтобы крестьянство торговлей удовлетворяло свои нужды. Надо поставить дело так, чтобы каждый трудящийся прилагал свои силы к укреплению рабоче-крестьянского государства. Только тогда может быть создана крупная промышленность.

Нужно, чтобы сознание это проникло в массы, и чтобы оно не только проникло в массы, но и закрепились в них практически. Вот откуда, — говорю я, — вытекают задачи Главполитпросвета. После всякого глубокого политического переворота народу нужно много времени для того, чтобы этот переворот себе усвоить. И вот тут стоит вопрос — сознал ли народ те уроки, которые были ему даны. К глубокому сожалению, на этот вопрос можно ответить, что нет. Если бы это было так, то тогда мы пришли бы гораздо скорее, гораздо короче к созданию крупной промышленности.

После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные, которые можно назвать «маленькими делами». Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией.

УСТАРЕВШИЕ ПРИЕМЫ

В свое время были нужны эти декларации, заявления, манифесты, декреты. Этого у нас достаточно. В свое время эти вещи были необходимы, чтобы народу показать, как и что мы хотим строить, какие новые и невиданные вещи. Но можно ли народу продолжать показывать, что мы хотим строить? Нельзя! Самый простой рабочий в таком случае станет издеваться над нами. Он скажет: «Что ты все показываешь, как ты хочешь строить, ты покажи на деле — как ты умеешь строить. Если не умеешь, то нам не по дороге, проваливай к чорту!». И он будет прав.

Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи, прошла, и наступила пора, когда их надо проводить практически. Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может претвориться в жизнь. Либо

гибель всех политических завоеваний Советской власти, либо подведение под них экономического фундамента. Этого нет сейчас. Именно за это надо взяться.

Задача подъема культуры — одна из самых очередных. И это задача политпросвета, если он сумеет служить «политическому просвещению», каковое название он себе выбрал. Название присвоить не трудно, но вот, как обстоит дело с выполнением? Будем надеяться, что после этого съезда мы получим точные данные об этом. У нас комиссия по ликвидации безграмотности создана 19 июля 1920 года. Я нарочно, перед тем, как приехать на съезд, прочел соответственный декрет. Всероссийская комиссия по ликвидации безграмотности... Мало того — Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Будем надеяться, что после этого съезда мы получим данные, в скольких губерниях и что именно в этой области проделано, и получим точный отчет. Но уже то обстоятельство, что пришлось создать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает, что мы — люди (как бы это выразиться помягче?) вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, — там в школах ликвидируют безграмотность. Там есть школы сносные, — и в них учат. Чему? Учат грамотности, первым долгом. Но если эта элементарная задача не решена, то говорить о новой экономической политике смешно.

САМОЕ БОЛЬШОЕ ЧУДО

Какая тут новая политика? Дай бог как-нибудь держаться со старой, если мы должны чрезвычайными мерами ликвидировать безграмотность. Это — очевидно. Но еще более очевидно — мы наделали чудес и в военной области и в других. Среди этих чудес самое большое чудо, я думаю, было бы то, чтобы ликвидировать до конца самую комиссию по ликвидации безграмотности. И чтобы не возникало таких проектов, как я здесь слышал, об отделении от Наркомпроса. Если это так, если вы в это выпкнете, то согласитесь, что нужно бы создать чрезвычайную комиссию по ликвидации некоторых дурных проектов.

Мало того: недостаточно безграмотность ликвидировать, но нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на

одной грамотности далеко не уедешь. Нам пужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался умением читать и писать, чтобы он имел что читать, чтобы он имел газеты и пропагандистские брошюры, чтобы они правильно распределялись и доходили до народа, чтобы они не пропадали в пути, так что их читают не больше половины и употребляют на что-то в канцеляриях, а до народа, возможно, и одна четверть не доходит. Нужно научиться пользоваться тем скудным, что у нас есть.

Вот почему в связи с новой экономической политикой надо неустанно выдвигать мысль, что политическое просвещение требует во что бы то ни стало повышения культуры. Надо добиться, чтобы умение читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это умение читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства.

Советские законы очень хороши, потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину. А что — пользуются этой возможностью? Почти никто! И не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно русским явлением, как взяточничество. Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить, только если сама народная масса помогает. У нас коммунисты, не меньше половины, не умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться. Правда, из вас 99% — коммунисты, и вы знаете, что с этими последними коммунистами мы производим теперь операции, которыми занята комиссия по очистке партии, и есть надежда, что тысяч 100 из нашей партии мы удалим. Некоторые говорят, что тысяч 200, — и эти последние мне больше нравятся.

Я очень надеюсь, что мы выгоним из нашей партии от 100 до 200 тысяч коммунистов, которые примазались к партии и которые не только не умеют бороться с волокитой и взяткой, но мешают с ними бороться.

ЗАДАЧИ ПОЛИТПРОСВЕТЕЧИКОВ

То, что мы на сотню-другую тысяч нашу партию очистим, это будет полезно, но это — ничтожная доля того, что нам надо сделать. Надо, чтобы политпросветы всю свою работу применили к этой цели. С безграмотностью бороться должно, но одна грамотность также недостаточна, а нужна та культура, которая учит бороться с волокитой и взятками. Это — такая болячка, которую никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить. По сути дела эту болячку нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а можно вылечить только одним подъемом культуры. И эта задача ложится на политпросветы.

Нужно, чтобы политпросветчики понимали свои задачи не по-чиновничьи, что также весьма часто наблюдается, когда говорится о том, нельзя ли представителя губполитпросвета ввести в губэконо¹³. Извините меня, никуда не надо вас вводить, а надо, чтобы вы свои задачи разрешали как простые граждане. Когда вы входите в учреждение, вы бюрократизируетесь, а если вы будете иметь дело с народом и политически его просвещать, опыт вам скажет, что у политически просвещенного народа взяток не будет, а у нас они на каждом шагу. Вас спросят: как сделать, чтобы не было взяток, чтобы в исполкоме такой-то взятки не брал, научите, как этого добиться? И если политпросветчики скажут: «Это не по нашему ведомству», «у нас изданы по этому делу брошюры и прокламации», народ вам скажет: «Плохие вы члены партии: это, правда, не по вашему ведомству, для этого есть Рабкрин, но ведь вы являетесь и членами партии». Вы взяли на себя название политического просвещения. Когда вы такое название брали, вас предупреждали: не замахивайтесь очень в названии, а берите названия попроще. Но вы хотели взять название политического просвещения, а в этом названии многое заключается. Ведь вы не назвали себя людьми, которые учат народ азбуке, но вы взяли название политического просвещения. Вам могут сказать: «Очень хорошо, что вы учите народ читать, писать, проводить экономическую кампанию, это все очень хорошо, но это не политическое просвещение, потому что политическое просвещение означает подведение итогов всему».

Пропаганду против варварства и таких болячек, как взятка, мы ведем, и надеюсь, вы ведете, но политическое просвещение не исчерпывается этой пропагандой, оно означает практические результаты, оно значит — научить народ, как этого достигать, и показывать другим такие примеры не в качестве членов исполкома, а в качестве рядовых граждан, которые, будучи политически просвещеннее, чем другие, умеют не только ругать за всякую волокиту, — это у нас широко распространяется, — но показать, как на деле это зло побеждается. Это — очень трудное искусство, которого без общего подъема культуры, без того, чтобы сделать рабоче-крестьянскую массу более культурной, чем наша теперешняя, — не решить! И на эту задачу Главполитпросвета мне и хотелось бы обратить больше всего внимания.

Все, что я сказал, я хочу резюмировать и подвести практические итоги всем задачам, стоящим перед губполитпросветами.

ТРИ ГЛАВНЫХ ВРАГА

На мой взгляд, есть три главных врага, которые стоят сейчас перед человеком, независимо от его ведомственной роли, задачи, которые стоят перед политпросветчиком, если этот человек коммунист, а таких большинство. Три главных врага, которые стоят перед ним, следующие: первый враг — коммунистическое чванство, второй — безграмотность и третий — взятка.

ПЕРВЫЙ ВРАГ — КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ЧВАНСТВО

Коммунистическое чванство — значит то, что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием. Пока он состоит членом правящей партии и таких-то государственных учреждений, на этом основании он воображает, что это дает возможность ему говорить об итогах политического просвещения. Ничего подобного! Это только коммунистическое чванство. Научиться политически просвещать — вот в чем дело, а мы этому не научились, и у нас к этому правильного подхода еще нет.

ВТОРОЙ ВРАГ — БЕЗГРАМОТНОСТЬ

Относительно второго врага — безграмотности — я могу сказать, что, пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика.

ТРЕТИЙ ВРАГ — ВЗЯТКА

Наконец, если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут еще нет даже подступа к политике, тут нельзя делать политики, потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам. Хуже будет от закона, если практически он будет применяться в условиях допустимости и распространенности взятки. При таких условиях нельзя делать никакой политики, здесь нет основного условия, чтобы можно было заняться политикой. Чтобы можно было набросать перед народом политические наши задачи, чтобы можно было показать народным массам: «вот к каким задачам мы должны стремиться» (а это мы должны бы были сделать!), надо понять, что здесь требуется повысить культурный уровень масс. И нужно добиться этого известного уровня культуры. Без этого осуществить на деле наши задачи нельзя.

РАЗНИЦА МЕЖДУ ЗАДАЧАМИ
ВОЕННЫМИ И КУЛЬТУРНЫМИ

Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные. Нужно понять, что условия движения вперед теперь не те. Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость

и систематичность. Без этих качеств даже и приступать к политическому просвещению нельзя. А результаты политического просвещения можно измерить только улучшением хозяйства. Не только нужно, чтобы мы уничтожили безграмотность, чтобы мы уничтожили взятку, которая держится на почве безграмотности, но надо, чтобы наша пропаганда, наши руководства, наши брошюры были восприняты народом на деле и чтобы результатом этого явилось улучшение народного хозяйства.

Вот каковы задачи Политпросвета в связи с нашей новой экономическою политикой, и мне хотелось бы надеяться, что, благодаря нашему съезду, мы здесь добьемся большего успеха.

*«2-ой Всероссийский съезд
политпросветов. Бюллетень съезда»
№ 2, 19 октября 1921 г.*

*Печатается по корректурному
оттиску бюллетеня,
правленному В. И. Лениным*

**VII МОСКОВСКАЯ
ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ¹⁴**

29—31 ОКТЯБРЯ 1921 г.

О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

1

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ 29 ОКТЯБРЯ 1921 г.

Товарищи! Приступая к докладу о новой экономической политике; я прежде всего должен оговориться, что понимаю эту тему не так, как, может быть, ожидают многие из присутствующих, или, вернее, я могу взять себе лишь одну небольшую часть этой темы. Естественно, что по этому вопросу главный интерес может быть направлен на ознакомление и оценку последних законов и постановлений Советской власти, касающихся новой экономической политики. Интерес к такой теме был бы тем более законным, чем больше число этих постановлений и чем настоятельнее надобность в их оформлении, упорядочении и подытоживании, а эта надобность, насколько я могу судить по наблюдениям в Совнаркоме, сейчас уже очень и очень чувствуется. Точно так же не менее законно было бы желание ознакомиться с фактами и цифрами, которые уже имеются по вопросу о результатах новой экономической политики. Конечно, число таких фактов, подтвержденных и проверенных, еще очень невелико, но все же они имеются. И, несомненно, для ознакомления с новой экономической политикой следить за этими фактами и пытаться подытожить их — абсолютно необходимо. Но ни той, ни другой темы я не могу взять на себя, и, если у вас проявится интерес к ним, я уверен, вы найдете для этих тем докладчиков. Меня же интересует другая тема, именно — вопрос о тактике или, если можно так выразиться, о революционной стратегии, примененной нами в связи с поворотом нашей политики, и об оценке условий того, насколько эта политика соответствует общему пониманию нами наших задач, с одной стороны, и с другой — насколько теперешнее

партийное знание и партийное сознание приворожились к необходимости этой новой экономической политики. Вот этому специальному вопросу я бы и хотел исключительно посвятить свою беседу.

Прежде всего меня интересует вопрос о том, в каком смысле при оценке нашей новой экономической политики можно говорить об ошибочности предыдущей экономической политики, верно ли будет характеризовать ее как ошибку и, наконец, если это верно, то в каком смысле может быть признана полезной и необходимой такая оценка?

Этот вопрос, мне кажется, имеет значение для оценки того, насколько мы сейчас в партии согласны между собой по самым коренным вопросам теперешней нашей экономической политики.

Должно ли внимание партии сейчас быть направлено исключительно на конкретные отдельные вопросы этой экономической политики, или это внимание должно быть останавливаемо, по крайней мере время от времени, на оценке общих условий этой политики и на соответствии партийного сознания, партийного интереса и партийного внимания к этим общим условиям? Я думаю, что в настоящее время положение именно таково, что наша новая экономическая политика не является еще достаточно определившейся для широких кругов партии и что без ясного представления об ошибочности предыдущей экономической политики мы не могли бы успешно выполнить свою работу по созданию основ и по окончательному определению направления нашей новой экономической политики.

Чтобы пояснить свою мысль и ответить на вопрос, в каком смысле можно и должно, на мой взгляд, говорить об ошибочности нашей предыдущей экономической политики, я позволю себе взять для сравнения один из эпизодов русско-японской войны, который, мне кажется, поможет нам представить себе точнее соотношение разных систем и приемов политики в революции такого рода, как революция, происходящая у нас. Пример, о котором я говорю, это — взятие Порт-Артура японским генералом Ноги. Основное, что интересует меня в этом примере, состоит в том, что взятие Порт-Артура прошло две совершенно различных стадии. Первая состояла в ожесточен-

ных штурмах, которые все окончились неудачей и стоили знаменитому японскому полководцу необычайного количества жертв. Вторая стадия — это когда пришлось перейти к чрезвычайно тяжелой, чрезвычайно трудной и медленной осаде крепости по всем правилам искусства, причем по истечении некоторого времени именно таким путем задача взятия крепости была решена. Если мы посмотрим на эти факты, то, естественно, станет вопрос: в каком смысле можно оценить как ошибку первый способ действия японского генерала против крепости Порт-Артура? Ошибочны ли были штурмовые атаки на крепость? И если они были ошибкой, то при каких условиях японской армии нужно было для правильного выполнения своей задачи об этой ошибочности говорить и в какой мере нужно было эту ошибочность осознать?

Конечно, на первый взгляд ответ на этот вопрос представляется самым простым. Если целый ряд штурмовых атак на Порт-Артур оказался безрезультатным, — а это факт, — если жертвы, которые при этом нападающие понесли, были невероятно велики, — а это опять-таки бесспорный факт, — то отсюда уже очевидно, что ошибочность тактики непосредственного и прямого штурма на крепость Порт-Артур не требует никаких доказательств. Но, с другой стороны, не трудно видеть, что при решении такой задачи, в которой было очень много неизвестных, — трудно без соответствующего практического опыта определить с абсолютной или хотя бы даже с достаточно большой степенью приближенности и точности, какой прием может быть употреблен против враждебной крепости. Определить это было невозможно без того, чтобы не испытать на практике, какую силу представляет из себя крепость — какова мощность ее укреплений, каково состояние ее гарнизона и т. п. Без этого решить вопрос о применении правильного приема взятия крепости не было возможным даже для одного из лучших полководцев, к числу которых, несомненно, принадлежал генерал Ногги. С другой стороны, цель и условия успешного окончания всей войны требовали самых быстрых из возможных решений этой задачи; в то же время громадная вероятность была за то, что даже очень большие жертвы, если бы они оказались необходимыми для взятия крепости штурмом, все же окупались бы с лихвой. Они освободили бы японскую армию для операций на других

театрах войны, завершили бы одну из самых существенных задач до того момента, как неприятель, т. е. русская армия, успела бы перекинуть на далекий театр войны большие силы, лучше их подготовить и, может быть, придти к положению, когда она оказалась бы во много раз сильнее японской армии.

Если посмотреть на развитие военной операции в целом и на те условия, в которых действовала японская армия, то мы должны будем придти к выводу, что эти штурмы на Порт-Артур означали не только величайшее геройство армии, оказавшейся способной пойти на громадные жертвы, но и означали также то единственно возможное в тогдашних условиях, т. е. в начале операций, что являлось необходимым и полезным, потому что без проверки сил па практической задаче взятия крепости штурмом, без испытания силы сопротивления не было оснований предпринять борьбу более длительную и более тяжелую, борьбу, которая в силу уже своей длительности таила в себе целый ряд другого рода опасностей. С точки зрения операции в целом мы не можем не рассматривать и первую часть ее, состоящую в штурмах и атаках, как часть необходимую, как часть полезную, потому что, повторяю, без такого опыта у японской армии не могло быть достаточного знания конкретных условий борьбы. Каково было положение этой армии, когда она заканчивала период борьбы против враждебной крепости путем штурмов? Вот уложили тысячи и тысячи и уложим еще тысячи, а крепости таким путем не взять — таково было положение, когда часть или большинство стало приходиться к выводу, что надо отказаться от штурма и перейти к осаде. Если оказалась ошибка в тактике, то надо с этой ошибкой покончить, и все то, что с ней связано, надо признать помехой деятельности, которая требует изменения: надо окончить штурм и перейти к осаде, к иному размещению войск, к перераспределению материальных частей, не говоря уже об отдельных приемах и действиях. То, что было раньше, надо решительно, точно и ясно признать ошибкой, чтобы не получить помехи в развитии новой стратегии и тактики, в развитии операций, которые должны были пойти теперь совершенно по-иному и которые, как мы знаем, кончились полным успехом, хотя и в период несравненно более долгий, чем предполагалось.

Я думаю, что этот пример годится для пояснения того, в каком положении оказалась наша революция при решении своих социалистических задач в области хозяйственного строительства. Два периода в этом отношении выделяются совершенно явственно. С одной стороны, период приблизительно с начала 1918 г. до весны 1921 г. и с другой — тот период, в котором мы находимся с весны 1921 года.

Если вы припомните те заявления, официальные и неофициальные, которые делала наша партия с конца 1917 г. и до начала 1918 г., то увидите, что у нас было и тогда представление о том, что развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым. Но при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, — из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству. Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства¹⁵, и убедился в том, что такое предположение у нас действительно было.

Это был как раз тот период, когда уже была решена такая существенная, и в политическом отношении по необходимости являющаяся предварительной, задача, как задача взятия власти, создания советской системы государства на место прежней буржуазно-парламентарной, и затем задача выхода из империалистической войны, причем этот выход, как известно, был сопряжен с особо тяжелыми жертвами, с заключением невероятно унижительного, ставившего почти невозможные условия, Брестского мира. После заключения этого мира период с марта по лето 1918 г. был периодом, когда военные задачи казались решенными. Впоследствии события показали, что это было не так, что в марте 1918 г., после решения задачи империалистической войны, мы только подходили к началу гражданской войны, которая с лета 1918 г. в связи с чехословацким восстанием стала надвигаться все больше и больше. Тогда, в марте или апреле 1918 г., говоря о наших задачах, мы уже противопоставляли методам постепенного перехода такие приемы действия, как способ борьбы,

преимущественно направленный на экспроприацию экспроприаторов, на то, что характеризовало собою главным образом первые месяцы революции, т. е. конец 1917 и начало 1918 годов. И тогда уже приходилось говорить, что наша работа в области организации учета и контроля сильно отстала от работы и деятельности по части экспроприации экспроприаторов. Это значило, что мы наэкспроприровали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т. д. и, таким образом, ставилась передвигка от задачи экспроприации, разрушения власти эксплуататоров и экспроприаторов, к задаче организации учета и контроля, к прозаическим, так сказать, хозяйственным задачам непосредственного строительства. И тогда уже по целому ряду пунктов нам нужно было идти назад. Напр., в марте и апреле 1918 г. стал такой вопрос, как вознаграждение специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям, т. е. ставкам, не стоящим в соотношении к трудности или к особо тяжелым условиям труда, а стоящим в соотношении к буржуазным привычкам и к условиям буржуазного общества. Подобного рода исключительно высокое, по-буржуазному высокое, вознаграждение специалистов не входило первоначально в план Советской власти и не соответствовало даже целому ряду декретов конца 1917 года. Но в начале 1918 г. были прямые указания нашей партии на то, что в этом отношении мы должны сделать шаг назад и признать известный «компромисс» (я употребляю то слово, которое тогда употреблялось). Решением ВЦИК от 29 апреля 1918 г. было признано необходимым эту перемену в общей системе оплаты произвести¹⁶.

Свою строительскую, хозяйственную работу, которую мы тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения. Мы предполагали, что обе системы — система государственного производ-

ства и распределения и система частноторгового производства и распределения — вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы. Мы говорим, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины. Это мы говорили в марте и апреле 1918 г., но мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле. Когда в связи с полемикой против части товарищей, отрицавших допустимость Брестского мира, мы поставили, напр., весной 1918 г. вопрос о государственном капитализме, то он был поставлен не так, что мы пойдем назад, к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче и решение нами социалистических задач было бы ближе, если бы у нас в России был государственный капитализм в виде господствующей хозяйственной системы. На это обстоятельство я хотел бы в особенности обратить ваше внимание, потому что это мне кажется необходимым для понимания того, в чем состояла перемена нашей экономической политики и как эту перемену надо оценить.

Я приведу пример, который конкретнее, нагляднее мог бы показать условия, в которых разворачивалась наша борьба. Недавно мне в Москве пришлось видеть частный «Листок Объявлений»¹⁷. После трех лет предыдущей нашей экономической политики этот «Листок Объявлений» произвел впечатление чего-то совершенно необычного, совершенно нового, странного. Но с точки зрения общих приемов нашей экономической политики тут ничего странного нет. Нужно припомнить, если взять этот маленький, но довольно характерный пример, как шло развитие борьбы, каковы были ее задачи и приемы в нашей революции вообще. Одним из первых декретов в конце 1917 г. был декрет о государственной монополии на объявления. Что означал этот декрет? Он означал, что завоевавший государственную власть пролетариат предполагает переход к новым общественно-экономическим отношениям возможно более постепенным — не уничтожение частной печати, а подчинение ее известному государственному руководству, введение ее в русло государственного

капитализма. Декрет, который устанавливал государственную монополию на объявления, тем самым предполагал, что остаются частнопредпринимательские газеты, как общее явление, что остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности — остается целый ряд частных заведений, нуждающихся в рекламах, в объявлениях. Таков был и только таким мог мыслиться декрет о монополизации частных объявлений. Сходство с этим имеется и в декретах, касающихся банковского дела, но, чтобы не осложнять примера, я об этом говорить не буду.

Какова же была судьба декрета о монополизации частных объявлений, изданного в первые недели существования Советской власти? Судьба его была такова, что он скоро был сметен совершенно. Припоминая теперь развитие борьбы и условия, в которых она шла с тех пор, смешно по нынешним временам вспомнить о том, насколько мы были наивны, что могли говорить в конце 1917 г. о введении государственной монополии на частные объявления. Какие частные объявления могли быть в период отчаянной борьбы! Неприятель, т. е. капиталистический мир, на этот декрет Советской власти ответил продолжением борьбы и доведением ее до высочайшего напряжения, до конца. Декрет предполагал, что Советская власть, пролетарская диктатура так упрочена, что никакой другой экономики быть не может, что необходимость подчиниться ей настолько очевидна для всей массы частных предпринимателей и отдельных хозяев, что борьба ими будет принята на той почве, на которую мы, как государственная власть, эту борьбу ставили. За вами, — говорили мы, — остаются частные издания, остается частная предпринимчивость, остается необходимая для обслуживания этих предприятий свобода объявлений, устанавливается лишь государственный налог на них, устанавливается лишь концентрация их в руках государства, а сама по себе система частных объявлений не только не разрушается, а, наоборот, вам дается некоторая выгода, всегда связанная с правильной концентрацией дела осведомления. Но на деле получилось то, что борьбу мы должны были развернуть совсем не на этом поприще. Неприятель, т. е. класс капиталистов, ответил на этот декрет государственной власти отрицанием всей этой государственной

власти полностью. Ни о каких объявлениях не могла идти речь, потому что все, что осталось буржуазно-капиталистического в нашем строе, направляло уже тогда все свои силы на борьбу за самые основы власти. Нам, которые предложили капиталистам: «Подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти, и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования», — нам был поставлен вопрос о самом нашем существовании. Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали.

Из декрета о монополизации частных объявлений не получилось ничего, — он остался пустой бумажкой, а жизнь, то есть сопротивление класса капиталистов, заставила нашу государственную власть всю борьбу перенести в совершенно другую плоскость, не на такие пустяковые, до смешного мелкие вопросы, которыми мы в конце 1917-го года имели наивность заниматься, а на вопрос: быть или не быть — сломить саботаж всего служащего класса, отбить армию белогвардейцев, получившую поддержку буржуазии всего мира.

Этот частный эпизод с декретом об объявлениях дает, мне кажется, полезные указания в основном вопросе об ошибочности или не ошибочности старой тактики. Конечно, оценивая сейчас события в перспективе последующего исторического развития, мы не можем не находить этот наш декрет наивным и в известном смысле ошибочным, но в то же время в нем было правильным и то, что государственная власть — пролетариат — сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки. Неприятель же, то есть класс буржуазии, пустил в ход все приемы, чтобы толкнуть нас на самое крайнее проявление отчаянной борьбы. Стратегически, с точки зрения неприятеля, было ли это правильно? Конечно, было правильно, потому что, не испытывая в этой области своих сил путем непосредственной

схватки, каким образом буржуазия вдруг подчинилась бы совершенно новой, еще никогда не бывалой пролетарской власти? «Извините, господа почтенные, — отвечала нам буржуазия, — мы с вами поговорим вовсе не об объявлениях, а о том, не найдется ли у нас еще Врангеля, Колчака, Деникина и не будет ли им оказана помощь международной буржуазией для решения вопроса вовсе не насчет того, будет ли у вас государственный банк или нет». На этот счет, о Госбанке, у нас в конце 1917 года было написано, как и насчет объявлений, весьма достаточно вещей, оказавшихся в достаточной степени только испи-санной бумагой.

Буржуазия отвечала нам тогда правильной, с точки зрения ее интересов, стратегией: «Сначала мы поборемся из-за коренного вопроса, есть ли вы вообще государственная власть или вам это только кажется, а этот вопрос решится, конечно, уже не декретами, а войной, насилем, и это, вероятно, будет война не только нас, капиталистов, изгнанных из России, а всех тех, которые в капиталистическом строе заинтересованы. И если окажется, что остальной мир заинтересован достаточно, то нас, русских капиталистов, поддержит международная буржуазия». Поступая так, буржуазия, с точки зрения отстаивания своих интересов, поступала правильно. Она не могла, имея хоть каплю надежды на решение коренного вопроса самым сильно действующим средством — войной, — она и не могла, да и не должна была согласиться на те частичные уступки, которые ей давала Советская власть в интересах более постепенного перехода к новому порядку. «Никакого перехода, и ни к какому новому!» — вот как отвечала буржуазия.

Вот почему получилось то развитие событий, которое мы теперь видим. С одной стороны, победа пролетарского государства с необычным величием борьбы, которое характеризовало весь период 1917 и 1918 гг., в условиях необычайного народного воодушевления; с другой — попытка экономической политики Советской власти, рассчитанная первоначально на ряд постепенных изменений, на более осторожный переход к новому порядку, что выразилось, между прочим, и в указанном мною маленьком примере. Вместо этого она получила, как ответ, из неприятельского лагеря решимость на беспощадную борьбу для определения

того, может ли она, Советская власть, как государство, в системе экономических международных отношений удержаться. Этот вопрос мог быть решен только войной, которая, в свою очередь, была чрезвычайно ожесточенной, как гражданская война. Чем труднее становилась борьба, тем меньше оставалось места для осторожного перехода. В этой логике борьбы буржуазия, сказал я, поступала со своей точки зрения правильно. А что могли сказать мы? «Вы, господа капиталисты, нас не испугаете. Мы и в этой области вас побьем, дополнительно, после того, как вы оказались побиты на попрание политическом, вместе с вашей учредилкой». Иначе мы поступить не могли. Всякий иной прием действий означал бы с нашей стороны полную сдачу позиций.

Припомните условия развития нашей борьбы, и вы поймете, в чем состояла эта, кажущаяся неправильной и случайной, смена, почему, опираясь на всеобщий энтузиазм и на обеспеченное политическое господство, мы могли легко совершить разгон учредилки, и почему в то же время мы должны были испробовать ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим преобразованиям, почему, наконец, логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы, которая разоряла Россию три года.

К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 года показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде».

Если такой переход вызывает кое у кого жалобы, плач, уныние, негодование, то надо сказать: не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы. Борьба военная гораздо проще, чем борьба социализма с капитализмом, и мы побеждали Колчаков и К^о потому, что не боялись признавать своих поражений, не боялись учиться из их уроков, переделывать по многу раз недоделанное или сделанное плохо.

Так же надо поступать в области гораздо более сложной и трудной борьбы социалистической экономики против капиталистической. Не бояться признать поражения. Учиться на опыте поражения. Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни черта не стоят.

А я надеюсь, что про большевиков, закаленных трехлетним опытом гражданской войны, этого сказать никому не удастся, за исключением единичных случаев. Сила наша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности. И поэтому надо говорить напрямик. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов.

Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства в условиях, неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы, — перед нами весной 1921 года стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т. е. обеспечения экономического перехода к основам социализма.

Я не могу сегодня касаться цифр или итогов или фактов, которые показали бы, что нам дала эта политика возврата к государственному капитализму. Я приведу только один небольшой пример. Вы знаете, что одним из главных центров нашей экономики является Донецкий бассейн. Вы знаете, что мы имеем там крупнейшие бывшие капиталистические предприятия, стоящие на уровне капиталистических предприятий Западной Европы. Вы знаете

также, что наша задача там была — сначала восстановить крупные промышленные предприятия: с небольшим числом рабочих нам легче приступить к восстановлению донецкой промышленности. Но что же мы видим там теперь, после весеннего поворота в политике? Мы наблюдаем там обратное — особенно успешное развитие производства в мелких крестьянских шахтах, которые стали сдаваться в аренду. Мы видим развитие отношений государственного капитализма. Крестьянские шахты хорошо работают, доставляя государству, в виде аренды, около 30% добываемого на них угля. Развитие производства в Донбассе показывает общее значительное улучшение по сравнению с катастрофическим положением лета текущего года, и в этом улучшении немалую роль играет улучшение производства в мелких шахтах, эксплуатация их на началах государственного капитализма. Я не могу здесь заняться разбором всех соответствующих данных, но вы все же можете наглядно видеть на этом примере известные практические результаты перемены политики. Оживление экономической жизни, — а это нам нужно во что бы то ни стало, — повышение производительности, что нам также нужно во что бы то ни стало, — все это мы уже начали получать посредством частичного возврата к системе государственного капитализма. От нашего искусства, от того, насколько правильно мы применим эту политику дальше, будет зависеть и то, насколько удачны будут дальнейшие результаты.

Теперь я возвращаюсь к развитию своей основной мысли. Этот весенний переход к новой экономической политике, это наше отступление к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма — оказалось ли оно достаточным, чтобы мы, приостановив отступление, стали уже готовиться к наступлению? Нет, оно оказалось еще недостаточным. И вот почему. Если вернуться к сравнению, о котором я говорил вначале (о штурме и осаде на войне), то мы еще не закончили нового перемещения войск, перераспределения материальных частей и т. д., — словом, не закончили подготовки новых операций, которые теперь, согласно новой стратегии и тактике, должны пойти по-иному. Если мы сейчас переживаем переход к государственному капитализму, то спрашивается, надо ли добиваться того, чтобы приемы

деятельности, соответствовавшие предыдущей экономической политике, нам теперь не мешали? Само собой разумеется, — и наш опыт нам это показал, — нам этого надо добиться. Весной мы говорили, что мы не будем бояться возвращения к государственному капитализму, и говорили о наших задачах именно как об оформлении товарообмена. Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 года было приспособлено к поднятию товарообмена. Что заключалось в этом понятии? Каков, если можно так выразиться, предполагаемый этим понятием план строительства? Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось, — сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы, — что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу. И мы теперь вынуждены это сознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!

Вот почему мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшем перейти, наконец, в наступление. Вот почему в данный момент сознание того, что прежние приемы экономической политики ошибочны, должно быть среди нас общепризнанным. Мы должны это знать, чтобы ясно дать себе отчет, в чем сейчас гвоздь положения, в чем своеобразие того перехода, перед которым мы стоим. Задачи внешние не стоят перед нами сию минуту, как неотложные. Не стоят, как неотлож-

ные, и военные задачи. Перед нами сейчас, главным образом, экономические задачи, и мы должны помнить, что ближайший переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству.

С нашим делом (экономическим) мы не могли еще сладить в течение трех лет. При той степени разорения, нищеты и культурной отсталости, какие у нас были, решить эту задачу в такой краткий срок оказалось невозможным. Но штурм в общем не прошел бесследно и бесполезно.

Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь. Восстановление правильной системы экономических отношений, восстановление мелкого крестьянского хозяйства, восстановление и поднятие на своих плечах крупной промышленности. Без этого мы из кризиса не выберемся. Другого выхода нет; а, между тем, сознание необходимости этой экономической политики в нашей среде еще недостаточно отчетливо. Когда, например, говоришь: перед нами задача, чтобы государство стало оптовым торговцем или научилось вести оптовую торговлю, задача коммерческая, торговая, — это кажется необычайно странным, а некоторым и необычайно страшным. «Если, дескать, коммунисты договорились до того, что сейчас выдвигаются на очередь задачи торговые, обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что же может тут остаться от коммунизма? Не следует ли по сему случаю окончательно придти в уныние и сказать: ну, все потеряно!». Такого рода настроения, я думаю, если поглядеть кругом себя, можно подметить, а они чрезвычайно опасны, потому что эти настроения, получи они широкое распространение, служили бы лишь к засорению глаз для многих, к затруднению трезвого понимания наших непосредственных задач. Скрывать от себя, от рабочего класса, от массы то, что в экономической области в весной 1921 г., и теперь осенью — зимой 1921—1922 года мы еще продолжаем отступление, — это значило бы осуждать себя на полную бессознательность, это значило бы не иметь мужества прямо смотреть на создававшееся

положение. При таких условиях работа и борьба были бы невозможны.

Если бы армия, убедившись, что она неспособна взять крепость штурмом, сказала бы, что она не согласна сняться со старых позиций, не займет новых, не перейдет к новым приемам решения задачи, — про такую армию сказали бы: тот, кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применяясь к ним, отступать, тот войны не окончит победоносно. Таких войн, которые бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключения. И это — если говорить об обыкновенных войнах. А при такой войне, когда решается судьба целого класса, решается вопрос: социализм или капитализм, — есть ли разумные основания предполагать, что народ, в первый раз решающий эту задачу, может пойти сразу единственный правильный, безошибочный прием? Какие основания предполагать это? Никаких! Опыт говорит обратное. Не было ни одной задачи из тех, какие мы решали, которая не потребовала бы от нас повторного решения взяться за нее опять. Потерпевши поражение, взяться второй раз, все переделать, убедиться, каким образом можно подойти к решению задачи, не то, чтобы окончательно правильному решению, но к решению, по крайней мере, удовлетворительному, — так мы работали, так надо работать и дальше. Если бы при той перспективе, которая открывается перед нами, в наших рядах не оказалось бы единодушия, это было бы самым печальным признаком того, что чрезвычайно опасный дух уныния поселился в партии. И, наоборот, если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать все и всякие трудности.

Нам нужно встать на почву наличных капиталистических отношений. Испугаемся ли мы этой задачи? Или скажем, что это задача не коммунистическая? Это значило бы не понимать революционной борьбы, не понимать характера этой борьбы, самой напряженной и связанной с самыми крутыми переменами, от которых мы отмахнуться ни в коем случае не можем.

Я подведу теперь некоторые итоги.

Я коснусь вопроса, который занимает многих. Если мы теперь, осенью и зимой 1921 года, совершаем еще одно отступление, то когда же эти отступления кончатся? Такой вопрос прямо или не совсем прямо нам приходится слышать нередко. Но этот вопрос напоминает мне подобного же рода вопрос в эпоху Брестского мира. Когда мы заключили Брестский мир, нас спрашивали: «Если вы уступили германскому империализму то-то и то-то, то когда же будет уступкам конец и где гарантия, что эти уступки кончатся? И, делая их, не увеличиваете ли вы опасности положения?». Конечно, мы увеличиваем опасность своего положения, но не надо забывать основных законов всякой войны. Стихия войны есть опасность. На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружен опасностями. А что такое диктатура пролетариата? Это есть война, и гораздо более жестокая, более продолжительная и упорная, чем любая из бывших когда бы то ни было войн. Здесь опасность грозит каждому нашему шагу.

То положение, которое создала наша новая экономическая политика — развитие мелких торговых предприятий, сдача в аренду государственных предприятий и пр., все это есть развитие капиталистических отношений, и не видеть этого — значило бы совершенно потерять голову. Само собою разумеется, что усиление капиталистических отношений уже само по себе есть усиление опасности. А можете ли вы мне указать хоть какой-нибудь путь в революции, какие-нибудь ее этапы и приемы, где бы не было опасности? Исчезновение опасности означало бы конец войны и прекращение диктатуры пролетариата, но об этом, конечно, никто из нас сию минуту не мечтает. Всякий шаг в этой новой экономической политике означает целый ряд опасностей. Когда мы весной говорили, что мы заменяем разверстку продналогом, что мы декретируем свободу торговли излишками, остающимися от продналога, мы тем самым давали свободу развития капитализма. Не знать этого значило бы совершенно потерять понимание основных экономических отношений и лишиться себя возможности осмотреться и правильно действовать. Конечно, изменились приемы борьбы, — изменились и условия опасности. Когда решался вопрос о власти Советов, о разгоне учредилки, опасность грозила со стороны политики. Эта опасность оказалась ничтожной. А когда наступила эпоха

гражданской войны, поддержанной капиталистами всего мира, явилась опасность военная, — она была уже более грозной. Когда же мы изменили свою экономическую политику, опасность стала еще большей, потому что, состоя из громадного количества хозяйственных, обыденных мелочей, к которым обыкновенно привыкают и которых не замечают, экономика требует от нас особого внимания и напряжения и с особой определенностью выдвигает необходимость научиться правильным приемам преодоления ее. Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т. д., — это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно.

Мы должны понять, что теперешние конкретные условия требуют государственного регулирования торговли и денежного обращения и что именно в этой области мы должны проявить себя. Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные, небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих; полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у большинства. Противоречий стало больше. И понятно, что, пока мы переживаем крутую ломку, из этих противоречий выскочить сразу нельзя.

Мне хотелось бы в заключение подчеркнуть три главных темы моего доклада. Первая — общий вопрос: в каком смысле мы должны признать ошибочность экономической политики нашей партии в период, предшествовавший новой экономической политике? Я постарался на примере из одной войны пояснить необходимость перехода от штурма к осаде, неизбежность штурма сначала и необходимость сознать значение новых приемов борьбы после неудачи штурма.

Дальше. Первый урок и первый этап, определившийся к весне 1921 г., — развитие государственного капитализма на новом пути. В этом отношении имеются некоторые успехи, но есть и небывалые противоречия. Мы еще не овладели этой областью.

И третье — после того отступления, которое мы должны были произвести весной 1921 г. от социалистического строительства к государственному капитализму, мы видим, что стало на очередь регулирование торговли и денежного обращения; как ни кажется нам далекой от коммунизма область торговли, а именно в этой области перед нами стоит своеобразная задача. Только решив эту задачу, мы сможем подойти к решению экономических потребностей, абсолютно неотложных, и только так мы можем обеспечить возможность восстановления крупной промышленности путем более долгим, но более прочным, а теперь и единственно для нас возможным.

Вот главное, что мы должны по вопросу о новой экономической политике иметь перед глазами. Мы должны при решении вопросов этой политики ясно видеть основные линии развития для того, чтобы разобраться в том кажущемся хаосе, который мы сейчас в экономических отношениях наблюдаем, когда рядом с ломкой старого мы видим слабые еще ростки нового, видим нередко и приемы нашей деятельности, не отвечающие новым условиям. Мы должны, поставив себе задачу повышения производительных сил и восстановления крупной промышленности, как единственной базы социалистического общества, действовать так, чтобы правильно подойти к этой задаче и ее во что бы то ни стало решить.

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи! Прежде чем отвечать на замечания, которые сделаны в записках, я хотел бы сказать несколько слов в ответ товарищам, которые здесь высказывались. В речи тов. Ларина, мне кажется, необходимо отметить одно недоразумение. Либо я не точно выразился, либо он меня неверно понял, когда связал вопрос регулирования, о котором я говорил, с вопросом регулирования промышленности. Это явно неверно. Я говорил о регулировании торговли и денежного обращения, сопоставляя его с товарообменом. И вот что еще надо сказать: если мы к своей политике, к своим постановлениям, к своей пропаганде и агитации хотим относиться так, чтобы добиться улучшения этой пропаганды, агитации и наших декретов, то отмахиваться от результатов ближайшего опыта не следует. Верно ли, что мы весной 1921 г. говорили о товарообмене? Конечно, верно, вы все это знаете. Верно ли, что товарообмен, как система, оказался несоответствующим действительности, которая преподнесла нам вместо товарообмена денежное обращение, куплю-продажу за деньги? Это тоже несомненно, это показывают факты. Тут ответ и тов. Стукову и Сорину, говорившим о выдумывании ошибок. Вот вам наглядный факт не выдуманной, а несомненной ошибки.

Опыт нашей экономической политики последнего периода, начавшегося с весны, показал, что весной 1921 года о новой экономической политике никто не спорил, и вся партия на съездах, на конференциях и в печати приняла ее совершенно единогласно. Старые споры ни капельки не отразились на этом новом единогласном решении. Это

решение строилось на том, что посредством товарообмена мы в состоянии осуществить более непосредственный переход к социалистическому строительству. Теперь мы ясно видим, что тут нужен еще обходный путь — через торговлю.

Тт. Стуков и Сорин очень плакались по поводу того, что, дескать, вот говорят об ошибках, а нельзя ли ошибок не выдумывать? Конечно, если выдумывать ошибки, то это будет вещь уже совсем плохая. Но если от практических вопросов отделяться так, как тов. Гоницман, то это будет совершенно неправильно. Он сказал почти целую речь на тему о том, что «историческое явление не могло сложиться иначе, чем оно сложилось». Это вещь совершенно бесспорная и, конечно, нам из азбуки коммунизма, из азбуки исторического материализма и из азбуки марксизма всем знакомая. Вот суждение по этому способу. Речь тов. Семкова — есть ли это историческое явление или нет? Я утверждаю, что это есть тоже историческое явление. Как раз то обстоятельство, что это историческое явление не могло сложиться иначе, чем оно сложилось, и доказывает, что тут нет ни выдумывания ошибок, ни неправильного желания или неправильного попущения тому, чтобы члены партии впали в уныние, в смущение и в подавленное настроение. Тт. Стуков и Сорин очень опасались, что это признание ошибки так или иначе, целиком или наполовину, прямо или косвенно все же было вредным, потому что распространяло уныние и возбуждало подавленное настроение. Своими примерами я именно и хотел показать, что суть дела вот в чем: имеет ли сейчас практическое значение признание ошибки, нужно ли сейчас что-нибудь изменить после того, что случилось и случилось неизбежно? Вначале был штурм, и лишь после него мы перешли к осаде, это все знают, и сейчас осуществлению нашей экономической политики мешают ошибочное применение приемов, которые в других условиях были бы, может быть, великолепны, а теперь вредны. Эту тему почти все говорившие товарищи совершенно обошли, а в этом, и только в этом, вся суть. Самым лучшим союзником мне явился здесь именно тов. Семков, потому что он эту ошибку наглядно преподнес. Если бы тов. Семкова не было или если бы он сегодня не говорил, то, действительно, могло бы получиться впечатление: не выдумал

ли этот Ленин ошибки? А тов. Семков очень ясно сказал: «Что вы говорите о государственной торговле! В тюрьмах нас торговать не учили». Тов. Семков, это правильно, что нас в тюрьмах торговать не учили! А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность — такой, весьма неприятной, штуке учили нас когда-нибудь и где-нибудь? Нигде нас этому не учили. В лучшем случае в тюрьмах не нас учили, а мы учились марксизму, истории революционного движения и пр. С этой точки зрения очень многие просидели в тюрьмах недаром. Когда нам говорят: «Нас в тюрьмах торговать не учили», то в этих словах видно именно ошибочное понимание практических задач сегодняшней нашей борьбы и деятельности партии. И это как раз такая ошибка, которая состоит в перенесении приемов, подходящих к «штурму», на период «осады». Тов. Семков обнаружил ошибку, которая есть в рядах партии. Эту ошибку надо сознать и исправить.

Если бы мы оказались в силах опереться на военный и политический энтузиазм, который был бесспорной и гигантской исторической силой и великую роль сыграл, который на долгие годы отзовется и в международном рабочем движении, — если бы этот энтузиазм, при известной степени культуры и при известной неразрушенности наших фабрик, помог нам перейти к непосредственному социалистическому строительству, то такой неприятной штукой, как коммерческий расчет и искусство торговать, мы бы не занимались. Тогда этого было бы не нужно. А сейчас нам нужно этим заниматься. Почему? Потому что мы руководим и должны руководить экономическим строительством. Экономическое строительство привело нас к такому положению, что нужно прибегать не только к таким неприятным вещам, как аренда, но и к такой неприятной штуке, как торговля. Можно было ожидать, что такое неприятное положение породит и уныние и упадок духа. Но кто же здесь виноват? Не виноват ли тот, у кого наблюдается этот упадок духа, это уныние? Если экономическая действительность, в которую мы попали благодаря всей сумме условий экономики и политики, международной и русской, если она такова, что стало фактом денежное обращение, а не товарообмен; если нужно

направить свою задачу на то, чтобы урегулировать теперешнюю торговлю, теперешнее плохое денежное обращение, то что же мы, коммунисты, — скажем, что нам до этого нет дела? Вот это было бы вреднейшим унынием, совершенно отчаянным настроением и сделало бы невозможной всякую работу.

Обстановка, в которой мы ведем свою работу, создается не только нами: она зависит и от экономической борьбы и от взаимоотношений с другими странами. Эти итоги сложились так, что мы весной текущего года поставили вопрос об аренде, а вот сейчас мы должны поставить вопрос и о торговле и о денежном обращении. Отмахиваться от этого тем, что «нас в тюрьмах торговле не учили», — значит поддаться унынию недопустимому, значит своей экономической задачи не выполнять. Было бы гораздо приятнее, если бы можно было взять капиталистическую торговлю штурмом, и при известных условиях (неразрушенность фабрик, высокая экономика и культура) в попытке «штурма», т. е. непосредственного установления товарообмена, никакой ошибки нет. А сейчас ошибкой является именно то, что мы не хотим понять необходимости и неизбежности другого подхода. Это не есть выдуманная ошибка, это не есть ошибка из области истории, — это есть урок для правильного понимания того, что можно и что нужно делать сейчас. Может ли партия успешно разрешить свою задачу, если она будет подходить к ней с рассуждением: «Нас в тюрьмах торговать не учили», не нужен нам коммерческий расчет? Многому, чему нас не учили в тюрьмах, мы оказались вынуждены учиться после революции, и мы учились и учились очень успешно.

Я думаю, что научиться понимать коммерческие отношения и торговлю, — это наша обязанность, и мы начнем успешно учиться и научимся, когда станем говорить об этой задаче без обвиняков. Нам пришлось отступить настолько, что вопрос о торговле стал практическим вопросом партии, вопросом экономического строительства. Чем диктуется переход на коммерческие начала? Окружающей обстановкой, настоящими условиями. Он необходим для того, чтобы крупная промышленность быстро восстановилась и быстро связалась с земледелием, чтобы получился правильный продуктообмен. В стране с более

развитой промышленностью все это произойдет гораздо быстрее, у нас же это идет путем кружным и длительным, но, в конце концов, то, к чему мы стремимся, будет достигнуто. И сейчас нам надо руководиться теми задачами, которые сегодняшний день и завтрашний день ставит нам, нашей партии, которая должна руководить всем государственным хозяйством. Сейчас уже нельзя говорить о товарообмене, потому что он, как поприще борьбы, выбит у нас из рук. Это факт несомненный, как бы он ни был нам неприятен. Что же, — мы должны сказать, что нам больше уже нечего делать? Нисколько. Мы должны учиться. Надо учиться государственному регулированию коммерческих отношений — задача трудная, но невозможного в ней ничего нет. И мы эту задачу решим, потому что мы решали задачи, не менее для нас новые, нужные и трудные. Кооперативная торговля — задача трудная, но в ней нет ничего невозможного, надо только ее отчетливо осознать и серьезно поработать. К этому наша новая политика и сводится. В настоящее время небольшое число предприятий уже переведено на коммерческий расчет, оплата рабочего труда производится в них по ценам вольного рынка, в расчетах перешли на золото. Но число таких хозяйственных единиц ничтожно, в большинстве же господствует хаос, полное несоответствие между заработком и условиями существования; часть предприятий снята с государственного снабжения, часть осталась на неполном снабжении. Где искать выход? Только в том, что мы научимся, приспособимся, сумеем разрешать эти задачи так, как их необходимо разрешить, т. е. соответственно данным условиям.

Вот мой ответ товарищам, которые высказывались по поводу сегодняшней беседы, а теперь перейду к ответу вкратце на некоторые из предложенных записок.

Одна из них говорит: «Вы ссылаетесь на Порт-Артур, но не представляете ли себе, что Порт-Артуром можем быть мы, окруженные международной буржуазией?».

Да, товарищи, я уже указывал на то, что стихия войны — опасность, что нельзя начинать войны, не считаясь с тем, что можно потерпеть поражение. Если мы потерпим поражение, то, конечно, окажемся в печальном положении Порт-Артура. Во всей своей речи я имел в виду Порт-Артур международного капитализма, который оса-

жден и осажден не только нашей армией. Внутри каждой капиталистической страны все больше и больше растет армия, которая этот Порт-Артур международного капитализма осаждает.

Одна записка спрашивает: «А какова будет наша тактика на другой день после социальной революции, если она вспыхнет через год или через два?». Если бы можно было отвечать на такие вопросы, то очень легко было бы делать революции, и мы всюду кучу их наделали бы. На такие вопросы ответить нельзя, потому что мы не можем сказать, что будет не только через год или через два, но даже и через полгода. Задавать такие вопросы так же бесполезно, как пытаться решить вопрос, кто из борющихся сторон окажется в печальном положении крепости Порт-Артура. Мы знаем только одно, что, в конце концов, крепость международного Порт-Артура неминуемо будет взята, потому что во всех странах растут силы, которые его сразят. У нас же основной вопрос заключается в том, как сделать, чтобы при труднейших условиях, в которых мы сейчас находимся, сохранить возможность восстановления крупной промышленности. Мы не должны чуждаться коммерческого расчета, а должны понять, что только на этой почве можно создать сносные условия, удовлетворяющие рабочих и в смысле заработной платы, и в смысле количества работы и т. д. Только на этой почве коммерческого расчета можно строить хозяйство. Мешают этому предрассудки и воспоминания того, что было вчера. Если мы этого не учтем, то мы новую экономическую политику провести должным образом не сможем.

Задаются и такие вопросы: «Где границы отступления?». Несколько записок задают вопрос в том же направлении: до каких пор мы можем отступать? Я предвидел этот вопрос и несколько слов по поводу него сказал в своей первой речи. Этот вопрос есть выражение известного настроения уныния и упадка и совершенно ни на чем не основан. Это такой же вопрос, какой мы слышали во время заключения Брестского мира. Этот вопрос неправильно поставлен, потому что только дальнейшее проведение в жизнь нашего поворота может дать материал для ответа на него. Отступать будем до тех пор, пока не научимся, не подготовимся перейти в прочное наступление. Ничего больше на это ответить нельзя. Отступать весьма неприятно, но когда

бьют, тогда не спрашивают о приятности или неприятности, и войска отступают, и никто этому не удивляется. Из разговоров о том, до какого же времени мы будем все отступать, ничего путного не может выйти. Зачем мы будем заранее выдумывать для себя такие положения, из которых нельзя выйти? Вместо этого надо браться за конкретную работу. Надо внимательно рассмотреть конкретные условия, положение, надо определить, за что можно уцепиться, — за речку, за гору, за болото, за ту или иную станцию, потому что, только когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению. И не надо предаваться унынию, не надо отделываться от вопроса агитационными восклицаниями, которые очень ценны в своем месте, но в данном вопросе ничего, кроме вреда, принести не могут.

О ЗНАЧЕНИИ ЗОЛОТА ТЕПЕРЬ И ПОСЛЕ ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА

Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее. Особенно уместно и необходимо подобное отпразднование революции в тех случаях, когда есть коренные задачи, еще не решенные революцией, когда требуется усвоить нечто новое (с точки зрения проделанного революцией до сих пор) для решения этих задач.

Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепеновскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства. Эта «новизна» вызывает ряд вопросов, недоумений, сомнений и теоретических и практических.

Теоретический вопрос: как объяснить переход после ряда самых революционных действий к чрезвычайно «реформистским» действиям на том же поприще, при условии общего победоносного хода всей революции в целом? Нет ли тут «сдачи позиций», «признания краха» или чего-либо подобного? Враги, конечно, говорят, что есть, начиная от реакционеров полуфеодалного типа и кончая меньшевиками или другими рыцарями II¹/₂ Интернационала. На то они и враги, чтобы выкрикивать заявления подобного рода по всем поводам и без всяких поводов. Трогательное единство в этом вопросе всех партий — от феодалов до меньшевиков — только лишний раз доказывает, что против пролетарской революции являются действительно «одной реакционной массой» все эти партии (как предвидел, в скобках сказать, Энгельс в своих письмах к Бебелю 1875 и 1884 годов)¹⁸.

Но некоторое... «недоумение» есть и среди друзей.

Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до весны 1921 года. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом.

С весны 1921 года мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского: не *ломать* старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а *оживлять* торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, *осторожно и постепенно овладевая* ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию *лишь в меру* их оживления.

Совершенно иной подход к задаче.

По сравнению с прежним, революционным, это — подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше).

Спрашивается: если, испытав революционные приемы, вы признали их неудачу и перешли к реформистским, то не доказывает ли это, что вы вообще революцию объявляете ошибкой? Не доказывает ли это, что не надо было вообще с революции начинать, а надо было начать с реформ и ограничиться реформами?

Такой вывод делают меньшевики и им подобные. Но этот вывод есть либо софизм и простое мошенничество со стороны тех, кто прошел в политике «огонь, воду и медные трубы», либо ребячество со стороны тех, кто «не прошел настоящего искусства. Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие

революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному.

Кто «вздумает» такую вещь, тот погиб, ибо он вздумал глупость в коренном вопросе, а во время ожесточенной войны (революция есть самая ожесточенная война) карой за глупость бывает поражение.

Откуда следует, что «великая, победоносная, мировая» революция может и должна применять только революционные приемы? Нигде этого не следует. И это прямо и безусловно неверно. Неверность этого ясна сама собой на основании чисто теоретических положений, если не сходить с почвы марксизма. Неверность этого подтверждается и опытом нашей революции. Теоретически: во время революции делаются глупости, как и во всякое другое время, — говорил Энгельс¹⁹, — и говорил правду. Надо стараться поменьше их делать и поскорее исправлять сделанные, учитывая как можно трезвее, какие задачи и когда можно и какие нельзя решать приемами революционными. Наш собственный опыт: Брестский мир был образцом действия совсем не революционного, а реформистского или даже хуже, чем реформистского, ибо это было действие попятное, а реформистские действия, по общему правилу, идут вперед медленно, осторожно, постепенно, а не пятятся назад. Правильность нашей тактики во время заключения Брестского мира настолько теперь доказана, всем ясна и общепризнана, что не стоит больше терять слов на эту тему.

Вполне доделанной является только буржуазно-демократическая работа нашей революции. И мы имеем законнейшее право этим гордиться. Пролетарская или социалистическая ее работа сводится к трем главным видам: 1) революционный выход из империалистской всемирной войны; разоблачение и *срыв* бойни двух всемирных групп капиталистических хищников; это доделано с нашей стороны вполне; со всех сторон могла бы доделать это лишь революция в ряде передовых стран. 2) Создание советского строя, формы осуществления диктатуры пролетариата. Мировой перелом совершился. Эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончилась. Началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры. Только ряд стран отделает и доделает советский строй и всяческие формы пролетарской диктатуры. У нас недоделанного в этой области еще очень и очень много. Непростительно было бы не видеть этого. Доделывать, переделывать, начинать с начала придется нам еще не раз. Каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости). 3) Экономическое строительство основ социалистического уклада. В этой области не доделано еще самое главное, самое коренное. А это — самое верное наше дело, самое верное и с принципиальной точки зрения, и с практической, и с точки зрения РСФСР теперь, и с точки зрения международной.

Раз самое главное не доделано в основе своей, надо все внимание обратить на это. И трудность тут в форме перехода.

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще», — писал я в апреле 1918 г. в «Очередных задачах Советской власти»²⁰. — «Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий

не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи».

В данный момент в той области деятельности, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, *«за которое надо всеми силами ухватиться»* нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы *теперь* за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы *всей* цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам *всей* цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать.

Это кажется странным. Коммунизм и торговля?! Что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить *экономически*, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского, патриархального земледелия.

Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 годов, в войне для решения великого вопроса о том, какой мир хуже, Брестский или Версальский; и как из-за того же золота собираются наверняка перебить двадцать миллионов человек и сделать калеками шестьдесят миллионов человек в войне не то около 1925, не то около 1928 года, не то между Японией и Америкой, не то между Англией и Америкой, или как-нибудь в этом же роде.

Но как ни «справедливо», как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное употребление золота, а мы все же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет с таким же напряжением и с таким же успехом, как мы работали в 1917—1921 годах, только на гораздо более широком поприще, чтобы до этого доработаться. Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать

на него товары подешевле. С волками жить — по-волчьи выть, а насчет того, чтобы всех волков истребить, как полагается в разумном человеческом обществе, то будем придерживаться мудрой русской поговорки: «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати»...

Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, *если...если* нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это «если» *уже осуществлено*, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, ирреализовать в жизнь, наладить практически *новую* связь промышленности с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных, осторожных «осадных» действий.

Овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки пролетарская государственная власть может. Маленький, совсем маленький пример: в Донбассе началось небольшое, очень еще небольшое, но несомненное экономическое оживление, отчасти благодаря повышению производительности труда на крупных государственных шахтах, отчасти же благодаря сдаче в аренду мелких крестьянских шахт. Пролетарская государственная власть получает, таким образом, небольшое (с точки зрения передовых стран мизерно-маленькое, а при нашей нищете все же заметное) количество добавочного угля по себестоимости, скажем, в 100%, а продает его отдельным государственным учреждениям по 120%, отдельным частным лицам по 140%. (Замечу в скобках, что цифры эти я беру совершенно произвольные, во-первых, потому, что я не знаю точных цифр, а, во-вторых, потому, что, если бы я их знал, я бы их сейчас не опубликовал.) Это похоже на то, что хотя бы в самых скромных размерах мы *начинаем* овладевать *оборотом* между промышленностью и земледелием, овладевать оптовой торговлей, овладевать задачей: уцепиться

за наличную, мелкую, отсталую промышленность или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на *данной* экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему, рядовому крестьянину (а это — массовик, представитель массы, носитель стихии) экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности.

Не дадим себя во власть «социализму чувства» или старо-русскому, полубарскому, полумужичькому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и *надо* уметь пользоваться, раз является в том надобность, для укрепления связи крестьянства с пролетариатом, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подъема промышленности, для облегчения дальнейших, более широких и глубоких мер, как то: электрификации.

Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, причем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата. Для всего капиталистического мира это отношение является фундаментом революционной тактики пролетариата, — азбучкой, которую извращают и затемняют продажные вожди II Интернационала и полупедантские, полужеманничающие рыцари II $\frac{1}{2}$ Интернационала. После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма. Почему мы смогли применить правильно брестское отступление? Потому, что мы так далеко зашли вперед, что нам было где отступать. Мы с такой головокружительной быстротой, в несколько недель, с 25 октября 1917 г. до Брестского мира, построили советское государство, вышли

революционным путем из империалистической войны, сделали буржуазно-демократическую революцию, что *даже* громадное попятное движение (Брестский мир) оставило все же за нами вполне достаточно позиций, чтобы воспользоваться «передышкой» и двинуться победоносно вперед, против Колчака, Деникина, Юденича, Пилсудского, Врангеля.

До победы пролетариата реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они (будучи в международном масштабе тем же самым «побочным продуктом») являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, нехватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа даст такой «запас сил», что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном, и в моральном смысле. Продержаться в материальном смысле — это значит сохранить достаточный перевес сил, чтобы неприятель не мог разбить нас до конца. Продержаться в моральном смысле — это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа, отступить хотя бы и далеко назад, но в меру, отступить так, чтобы во-время приостановить отступление и перейти опять в наступление.

Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление. Чем сознательнее, чем дружнее, чем с меньшими предрассудками произведем мы это необходимое отступление, тем скорее можно будет его приостановить, тем прочнее, быстрее и шире будет затем наше победоносное движение вперед.

5 ноября 1921 г.

**РЕЧЬ НА СОБРАНИИ
РАБОЧИХ ПРОХОРОВСКОЙ МАНУФАКТУРЫ,
ПОСВЯЩЕННОМ ПРАЗДНОВАНИЮ ЧЕТВЕРТОЙ
ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
6 НОЯБРЯ 1921 г.²¹**

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

(Весь зал встает. Долго не смолкающие аплодисменты.) Оглянувшись на истекшие четыре года, мы видим, что ни один пролетариат в мире, кроме русского, не одержал полной победы над буржуазией. Если же это удалось нам, то только потому, что крестьяне и рабочие знали, что борются за свою землю и за свою власть. Война с Деникиным, Врангелем и Колчаком была первой в истории, когда трудящиеся успешно боролись со своими угнетателями. Вторая причина нашей победы — Антанта не могла бросить против России достаточного количества верных себе войск, так как солдаты Франции и матросы Англии не желали идти угнетать своих братьев.

Четыре года дали нам осуществление невиданного чуда: голодная, слабая, полуразрушенная страна победила своих врагов — могущественные капиталистические страны.

Мы завоевали себе невиданное, никем не предвиденное, твердое международное положение. Теперь остается еще громадная задача — наладить народное хозяйство. Все, чего мы достигли, показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян. Это дает нам уверенность, что следующую годовщину мы встретим под знаком победы на фронте труда.

**РЕЧЬ НА СОБРАНИИ
РАБОЧИХ, РАБОТНИЦ, КРАСНОАРМЕЙЦЕВ
И МОЛОДЕЖИ ХАМОВНИЧЕСКОГО РАЙОНА,
ПОСВЯЩЕННОМ ПРАЗДНОВАНИЮ ЧЕТВЕРТОЙ
ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
7 НОЯБРЯ 1921 г.**

(Оркестр исполняет «Интернационал». Дружные аплодисменты.) Товарищи, я не могу поделиться с вами воспоминаниями, которые были бы для вас так же поучительны и интересны, как воспоминания товарищей, участвовавших в Москве и проводивших лично ту или иную борьбу. Меня не было в Москве в это время, и я думаю ограничиться кратким приветствием.

Один из предыдущих товарищей закончил свою речь призывом усиленно работать самим рабочим в профессиональных и советских органах и положить на это всю свою силу, и мне хочется этот призыв поддержать.

Товарищи, мы за эти четыре года пережили неслыханную борьбу. И если бы нам четыре года тому назад сказали, что иностранный рабочий не так близок к мировой революции, что нам три года придется вести жестокую гражданскую войну, — то тогда никто бы не поверил, что мы выдержим эту войну. Но, несмотря на то, что на нас наступали со всех сторон, мы выдержали этот натиск, и если это нам удалось, то не потому, что случилось какое-то чудо (ибо умные люди в чудеса не верят), мы выдержали потому, что войска, посылаемые против нас, были ненадежны. И если бы англичане не ушли из Архангельска, а французские матросы не ушли из Одессы и если бы иностранный рабочий, одетый солдатом и посылаемый против нас, не делался сочувствующим Советской власти, — мы и теперь не были бы гарантированы от возможности наступления на нас. Но нам это не страшно, ибо мы знаем, что в каждой стране есть много наших союзников. И тот товарищ, который призывал вас здесь к сплоченной

работе, был прав, и я его всемерно поддерживаю, ибо вы знаете, что голод обрушился на нас в самую трудную минуту, и капиталисты всего мира стараются воспользоваться этим, чтобы загнать нас в кабалу. Но есть массы рабочих, которые обеспечивают нам вести борьбу против них.

Возьмите, к примеру, семенную помощь крестьянам. Вы знаете, что продразверстка была заменена продналогом, и вы теперь можете следить за тем, как хорошо поступает продналог и семенная ссуда.

На-днях нам пришлось обсуждать вопрос о том, чтобы помочь крестьянам голодных местностей обсеменить яровые поля, и мы увидели, что количество семян, которыми обладает государство, далеко не достаточно, чтобы засеять хотя бы столько, сколько в 1921 году. Для этого государству надо 30 миллионов пудов зерна, а по продналогу мы получим только 15 миллионов пудов, остальные же 15 миллионов пудов нам необходимо закупить за границей. Последнее время мы видим, что со стороны английской буржуазии ведется кампания к разрыву торгового договора с Советской Россией, но рабочие Англии против этого. Мы знаем, что сейчас заключаются договоры с другими странами, и как ни тяжело закупить 15 миллионов пудов зерна, мы сможем сделать это.

Во всех иностранных государствах мы видим промышленные кризисы и громадную безработицу. Германия, задавленная бесстыдным Версальским договором, вырвана надолго из международного положения. Она задавлена Версальским миром так, что торговать не может. Страны-союзницы заключили неслыханный Версальский мир и, несмотря на это, гибнут сами.

Наше экономическое положение улучшается с каждым днем.

Моя просьба заключается в том, чтобы следовать призыву предыдущего товарища и усиливать работу внутри нашей страны. Надо понять всю необходимость этого, ибо мы работаем на улучшение крестьянского хозяйства, а для этого требуется энергии неизмеримо больше, чем раньше, и мы уверены в том, что это мы сделаем. (Аплодисменты. Оркестр исполняет «Интернационал».)

**РЕЧЬ
НА СОБРАНИИ РАБОЧИХ
ЗАВОДА «ЭЛЕКТРОСИЛА» № 3 (б. «ДИНАМО»),
ПОСВЯЩЕННОМ ПРАЗДНОВАНИЮ ЧЕТВЕРТОЙ
ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
7 НОЯБРЯ 1921 г.**

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Яркими примерами доказывает тов. Ленин, что Советская власть с каждым днем приобретает в сознании трудящихся все больше и больше значения, убеждая в том, что она, как таковая, есть власть самих трудящихся.

«Человек с ружьем — страшный в прошлом в сознании трудящихся масс, — говорит тов. Ленин, — не страшен теперь, как представитель Красной Армии, и является их же защитником».

«Правда» № 254, 11 ноября 1921 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

**ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ:
«К ВОПРОСУ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКЕ (ДВЕ СТАРЫЕ СТАТЬИ И ОДНО
ЕЩЕ БОЛЕЕ СТАРОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ)»²²**

Весной 1919-го года мне пришлось однажды выступить с докладом перед питерскими рабочими. Доклад, как водится, был записан. Записан он был, как водится, очень плохо, — а может быть и не так плохо, да я говорил, как водится, плохо. Записанный плохо или сказанный плохо, доклад был, как водится, издан.

Слишком хорошо зная и слишком остро чувствуя все это «плохое» и все это «как водится», я послал тогда же питерским товарищам следующее «послесловие» к своему докладу (вышедшему, если память мне не изменяет, под заглавием: «Успехи и трудности Советской власти»²³):

«ПОСЛЕСЛОВИЕ

Потратив не мало труда на исправление записи моей речи, я вынужден обратиться с убедительной просьбой ко всем товарищам, которые хотят записывать мои речи для печати.

Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей.

Вместо записи моих речей, если есть в том надобность, пусть печатают отчеты о них. Я видал в газетах такие отчеты о своих речах, которые бывали удовлетворительны. Но я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее неправильного построения, или от чего другого,

но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал.

Лучше хороший отчет о речи, чем плохая запись речи. Поэтому я и прошу: никогда никаких записей моих речей не печатать. 17. IV. 1919. *Н. Ленин*».

Послесловие это было мной послано в Питер со следующей припиской: «Очень прошу питерских товарищей напечатать вижеследующее как *предисловие* или как *послесловие* к моей речи, хотя бы самым мелким петитом. 17. IV. *Ленин*».

Читатель видит, с какой осторожностью, почти заискивающим тоном, упрасивал я товарищей питерцев «хотя бы самым мелким петитом» напечатать эти немногие строки. Как водится, питерцы — во главе с тов. Зиновьевым — ... как бы это помягче выразиться?.. меня «провели». Как водится, питерцы чрезвычайно любят показывать свою самостоятельность и независимость во что бы то ни стало, — вплоть до неисполнения обязательной для всех прочих людей, товарищей и граждан, во всех странах и во всех республиках, даже советских (за исключением независимого Питера), просьбы автора. Когда я, увидав, что питерцы не исполнили моей просьбы, горько жаловался тов. Зиновьеву, последний, как водится, отвечал мне: «Дело уже сделано, теперь уже поправить нельзя, да и как могли мы печатать послесловие, которым вы *порочите* свою брошюру». Таким образом к... «независимости» прибавилась еще хитрость, и я был окончательно оставлен в дураках.

Недавно история с плохо сказанными или (а может быть «и») плохо записанными речами повторилась опять: это были мои речи на II Всероссийском съезде политпросветов и на губпартконференции в Москве. Наученный горьким опытом, я уже теперь решил поступить менее «заискивающим» образом. Разыскал в своем архиве старое мое предисловие от 17. IV. 1919, и издаю его как предисловие к двум моим статьям. Обеих названных речей я не перепечатаваю по указанной выше причине.

Пускай правда восторжествует — лучше поздно, чем никогда. А восторжествует она во многих смыслах: и в том, что питерцы будут, хоть в малую степень своей вины, наказаны за чрезмерную «независимость» и за хитрость;

и в том, что читающая публика будет, наконец, с наибольшей точностью, наглядностью, осязательностью знать всю степень негодности записи моих речей; и в том, что интересующиеся моими соображениями об одной из главных задач момента в области нашей «новой экономической политики» получат вполне точный текст того, что я действительно хотел сказать и действительно сказал.

Н. Ленин

16. XI, 1921.

Впервые напечатано в 1930 г.

*Печатается по корректурному
оттиску, правленному
В. И. Лениным*

**ТЕЛЕГРАММА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА АЗЕРБАЙДЖАНА
НАРИМАНОВУ**

Баку

Мое пожелание вновь открытому Азербайджанскому госбанку быть твердой опорой новой экономической политики в руках рабочих и крестьян братской Советской республики. Пожертвование 40 миллионов голодающим Поволжья и Курдистана наилучшее указание готовности идти под знаменем Красного Интернационала трудящихся.

Предсовнаркома РСФСР Ленин

Написано не ранее 17 ноября 1921 г.

Печатается впервые

*Печатается по оригиналу,
подписанному В. И. Лениным*

ТАЛАНТЛИВАЯ КНИЖКА

Это — книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца Аркадия Аверченко: «Дюжина ножей в спину революции». Париж, 1921. Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высоко-талантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни. Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко! Уверю вас, что недостатков у Ленина и Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только, чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете.

Зато большая часть книжки посвящена темам, которые Аркадий Аверченко великолепно знает, пережил, передумал, перечувствовал. И с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, обвешенной и объедавшейся России. Так, именно так должна казаться революция представителям командующих классов. Огнем пылающая ненависть делает рассказы Аверченко иногда — и большей частью — яркими до поразительности. Есть прямо-таки превосходные вещицы, напр., «Трава, примятая сапогами», о психологии детей, переживших и переживающих гражданскую войну.

До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде — нет, не в Петрограде, а в Петербурге — за 14 с полтиной и за 50 р. и т. д.

Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он знает, вот это он пережил и почувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит. Знание дела и искренность — из ряда вон выходящие.

В последнем рассказе: «Осколки разбитого вдребезги» изображены в Крыму, в Севастополе бывший сенатор — «был богат, щедр, со связями» — «теперь на артиллерийском складе поденно разгружает и сортирует снаряды», и бывший директор «огромного металлургического завода, считавшегося первым на Выборгской стороне. Теперь он — приказчик комиссионного магазина, и в последнее время приобрел даже некоторую опытность в оценке поношенных дамских капотов и плюшевых детских медведей, приносимых на комиссию».

Оба старичка вспоминают старое, петербургские за-каты, улицы, театры, конечно, еду в «Медведе», в «Вене» и в «Малом Ярославце» и т. д. И воспоминания прерываются восклицаниями: «Что мы им сделали? Кому мы мешали?»... «Чем им мешало все это?»... «За что они Россию так?»...

Аркадию Аверченко не понять, за что. Рабочие и крестьяне понимают, видимо, без труда и не нуждаются в пояснениях.

Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять.

ПРОЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ФЕДЕРАЦИИ ЗАКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК ²⁴

28/ХІ.

1) Признать федерацию закавказских республик принципиально абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению, но в смысле немедленного практического осуществления преждевременной, т. е. требующей известного периода времени для обсуждения, пропаганды и советского проведения снизу;

2) предложить Центральным комитетам Грузии, Армении и Азербайджана (через Кавбюро) поставить вопрос о федерации пошире на обсуждение партии и *рабочих и крестьянских масс*, энергично вести пропаганду за федерацию и *провести* ее через съезды Советов каждой республики; в случае большой оппозиции точно и своевременно донести Политбюро ЦК РКП.

Ленин

Впервые частично напечатано в 1923 г. в книге «Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет». Москва, изд. «Красная Новь»

Печатается полностью, по рукописи

РЕЧЬ НА I МОСКОВСКОМ ГУБЕРНСКОМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ СЪЕЗДЕ

29 НОЯБРЯ 1921 г.²⁵ •

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

В кратком приветствии от имени Совета Народных Комиссаров тов. Ленин отметил исключительную важность работы этого и аналогичных съездов в других губерниях.

— Вы все знаете, — сказал тов. Ленин, — что основным вопросом, который выдвигается всеми обстоятельствами нашего времени, первостепенным вопросом политики нашей республики, как внутренней, так и внешней, является вопрос о повышении хозяйства вообще и о повышении сельского хозяйства в первую голову. Все признаки указывают на то, что в крестьянстве теперь, после пережитых тяжелых лет войны империалистической, а затем победной войны гражданской, происходит глубочайший перелом. Сознание того, что по-старому хозяйничать нельзя, проникло в самую глубь крестьянских масс. Целый ряд признаков указывает, что стремление к переустройству хозяйства, к повышению сельскохозяйственной культуры так глубоко, так широко, так остро чувствуется теперь крестьянством, как никогда, и мы должны добиться того, чтобы сельскохозяйственные съезды, подобные вашему, происходили как можно чаще и чтобы результаты работы этих съездов сказывались практически в ближайшем будущем. Большое бедствие, которое на нас в этом году обрушилось — голод в целом ряде губерний, а также засуха, которая, повидимому, может угрожать нам если не в ближайший год, то в ближайшие годы, ставит основным вопросом всего народного хозяйства задачу во что бы то ни стало добиться самого серьезного и практически немедленно подлежащего осуществлению улучшения и подъема сельского хозяйства. Если те улучшения, которые

уже начаты в очень широких размерах, охватят все без исключения губернии, только в этом случае мы сможем победить голод и добиться действительного улучшения крестьянского хозяйства. Вот почему такого рода съезды, как ваш, должны пройти по всем губерниям и должны повлиять на крестьянские массы. В этом теперь, я бы даже сказал, политическая необходимость, ибо все политические вопросы, поскольку наше международное положение улучшилось, направляются в одну сторону — во что бы то ни стало повысить производительность сельского хозяйства. Повышение его производительности должно повести за собой и улучшение нашей промышленности. (Краткое выступление тов. Ленина на съезде произвело сильное впечатление на делегатов-крестьян, и речь тов. Ленина была покрыта бурными, долго не смолкавшими аплодисментами.)

«Правда» № 270, 30 ноября 1921 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

О ТЕЗИСАХ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

По поводу *тезисов по аграрному вопросу*, напечатанных за подписью «Цека (Le comité directeur) Французской коммунистической партии» в № 95 «Крестьянского Голоса» (La Voix Paysanne)²⁶, от 19. XI. 1921, я могу сказать следующее:

Мне представляются вполне правильными, соответствующими решениям конгрессов Коминтерна и очень удачно выраженными основные мысли этих тезисов, именно: (1) необходимость революции для того, чтобы избежать новых империалистских войн; (2) крах пацифистской и вильсоновской идеологии; (3) безусловную необходимость создать, по аграрному вопросу, «программу переходных мер» (un programme transitoire) к коммунизму, приспособленных к *добровольному* переходу крестьян к обобществлению сельского хозяйства и дающих в то же время *немедленное* улучшение положения громадного большинства сельского населения, наемных рабочих и мелких крестьян; (4) *немедленную конфискацию*, т. е. экспроприацию без вознаграждения (sans indemnité) как земель обрабатываемых (les terres arables en friche), так и земель обрабатываемых трудом колонов²⁷, арендаторов или наемных рабочих (les terres mises en valeur par les colons, fermiers ou salariés); (5) передачу этих земель совокупности рабочих, кои их теперь обрабатывают, с тем, чтобы эти рабочие составили «производительные кооперативы» (coopératives de production), в соответствии с постановлениями нового аграрного законодательства; (6) безусловное обеспечение за «мелкими собственниками, которые сами обрабатывают свои земли» (les petits propriétaires exploitant eux-mêmes),

права постоянного (и наследственного) пользования их землями; (7) необходимость обеспечить «непрерывность и увеличение производства» в сельском хозяйстве («continuité et augmentation de la production»); (8) необходимость целого ряда мер, систематически проводящих «коммунистическое воспитание крестьянства» («éducation communiste de la classe paysanne»).

Будучи вполне согласен с этими основными мыслями тезисов, я могу сделать лишь следующие отдельные замечания по поводу этих тезисов вообще:

1. Первая часть тезисов посвящена вопросу: «война или революция». Здесь говорится, между прочим, и вполне справедливо, что «последние события убили пацифистскую и вильсоновскую идеологию» («les événements des dernières années ont tué l'idéologie pacifiste et wilsonienne»).

Чтобы довести до конца разрушение этих пацифистских иллюзий, следовало бы, по моему мнению, говорить не только о войне вообще, но также и о специально империалистском характере как войны 1914—1918 годов, так и подготавливаемой теперь войны между Америкой и Японией, при вероятном участии Англии и Франции.

Нет сомнения, что революция пролетариата одна только может положить конец и несомненно положит конец всяким войнам вообще. Но было бы пацифистской иллюзией думать, что победоносная революция пролетариата в одной стране, например во Франции, сразу и наверняка уничтожит всякие войны.

Опыт России наглядно опроверг эту иллюзию. Этот опыт показал, что только революцией можно было выйти из империалистской войны и что русские рабочие и крестьяне безмерно выиграли от своей революции, *несмотря* на навязанную им капиталистами всех стран *гражданскую войну*. Насколько преступны и губительны реакционные войны и в частности империалистские войны (к каковым принадлежит, и со стороны Франции, война 1914—1918 годов: Версальский мир особенно наглядно показал это), настолько же законны и справедливы революционные войны, т. е. войны в защиту угнетенных классов против капиталистов, в защиту угнетенных империалистами маленькой горстки стран народов против угнетателей, в защиту социалистической революции от иностранных нашествий. Чем яснее будет сознавать это масса рабочих

и крестьян Франции, тем менее вероятно и тем менее продолжительны будут неизбежные попытки французских, английских и других капиталистов подавить войной революцию рабочих и крестьян во Франции. В современной Европе, после победы Советской России над *всеми* капиталистическими странами, поддержавшими Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича и Пилсудского, — в современной Европе, при безмерном и бесстыдном удушении Германии Версальским миром, гражданская война французских капиталистов против победоносной социалистической революции во Франции может быть лишь весьма непродолжительна и в тысячу раз легче для французских рабочих и крестьян, чем для русских. Но ясно различать империалистские войны, войны ради дележа капиталистической добычи, войны ради удушения малых и слабых наций, и войны революционные, войны ради защиты от контрреволюционных капиталистов, ради свержения их ига, безусловно необходимо.

На основании изложенных соображений я бы считал более правильным, вместо того, что сказано в тезисах по вопросу: «война или революция», сказать примерно следующее:

События последних лет разоблачили всю ложь, весь обман идеологии пацифистской и вильсоновской. Надо окончательно разрушить эту ложь. Война 1914—1918 годов была империалистской, грабительской, реакционной не только со стороны Германии, но и со стороны Франции; это особенно наглядно показал Версальский мир, еще более зверский и подлый, чем мир Брест-Литовский. Новая война, которая готовится между Америкой и Японией (или Англией) и которая неизбежна при условии сохранения капитализма, неминуемо втянет и капиталистическую Францию, ибо она запутана во всех империалистических преступлениях, зверствах и подлостях нашей империалистской эпохи. Либо новая война и ряд войн ради «защиты» французского империализма, либо социалистическая революция, — иного выбора нет для рабочих и крестьян Франции. И их не запугают ссылки контрреволюционеров капиталистов на тяжесть гражданской войны, которую они навязали Советской России. Рабочие и крестьяне Франции умели вести законную, справедливую, революционную войну против своих феодалов, когда они душили

великую французскую революцию XVIII века. Французские рабочие и крестьяне сумеют провести такую же законную, справедливую и революционную войну против французских капиталистов, когда они превратятся в эмигрантов, организующих иностранное нашествие против социалистической французской республики. Французским рабочим и крестьянам тем легче будет раздавить своих эксплуататоров, что *вся* Европа, растерзанная, измученная, балканизированная подлым Версальским миром, будет и прямо и косвенно на их стороне.

2. Я считаю неверным, в следующей части тезисов, утверждение: «Предстоящая революция во Франции (*cette révolution que nous devons faire*)... будет в некотором роде революцией преждевременной» (*sera en quelque sorte une révolution avant terme*), равно как и следующее утверждение:

«Концентрация собственности, провозглашенная теоретиками марксизма, не происходила правильно в сельском хозяйстве» (*La concentration de la propriété annoncée par les théoriciens du marxisme ne s'est pas produite avec régularité dans l'agriculture*).

Это неверно. И это не взгляды Маркса, не взгляды марксизма, а взгляды тех «теоретиков» *квази*-«марксизма», которые довели второй Интернационал до позорного банкротства в 1914-ом году. Это — взгляды тех псевдомарксистов, которые с 1914-го года перешли на сторону «своей» национальной буржуазии и над которыми так хорошо издевался в давнопрошедшие времена не кто иной, как Жюль Гед, когда он писал против Мильерана, что будущие Мильераны будут на стороне «своих» капиталистов в грядущей войне за раздел капиталистической добычи.

Маркс не смотрел упрощенно и прямолинейно на формы процесса концентрации в земледелии. Доказательство — третий том «Капитала». Доказательство — статья Энгельса в 90-х годах прошлого века против тогдашней французской аграрной программы²⁸. Маркс не считал революцию пролетариата «своевременной» лишь при условии экспроприации последнего крестьянина. Предоставим такое толкование взглядов Маркса Гайндманам, Реноделям, Вандервельдам, Зюдекумам, господам Турати и Серрати.

Я бы советовал выкинуть вон эти неверные, ненужные и компрометирующие французских коммунистов утверждения. Они не нужны для доказательства их практически и теоретически важной и верной основной мысли, именно, что непосредственное применение (*l'application immédiate*) *целостного* коммунизма к условиям *мелкого крестьянского хозяйства* (далеко не в одной Франции, а во всех странах, где есть мелкое крестьянское хозяйство) было бы *глубоко* ошибочно.

Вместо этих неверных утверждений лучше бы поподробнее сказать, почему непрочно обогащение французских крестьян за время войны; почему обесцениваются денежки, нажитые этими крестьянами во время войны; почему усиливается гнет крупных банков и над рабочими и над крестьянами Франции; в чем выражается это усиление, и так далее и тому подобное.

3. В тезисах говорится, далее, что довоенная статистика считала во Франции 5 700 000 сельских хозяйств (*exploitations rurales*); из них 4 850 000 мелких (до 10 гектаров) и 850 000 размером выше 10 гектаров. Эти цифры показывают — говорится в тезисах — как неравномерно распределена земля во Франции. «Но эти цифры не дают — говорится в тезисах — никакого точного представления (*«mais ils (ces chiffres) ne fournissent aucune précision»*...) о том отношении, какое существует между размером земель, обрабатываемых их собственниками, и землями, служащими источником капиталистической прибыли» (...*«sur le rapport qui existe entre l'étendue des terres travaillées par leurs propriétaires et des terres source de profit capitaliste»*).

Во-первых, и те земли, которые обрабатываются своими собственниками, служат во Франции (как и во всякой другой капиталистической стране) «источником капиталистической прибыли». О формах этой прибыли было бы теоретически правильнее и практически полезнее поговорить в тезисах Французской коммунистической партии, чем о том, будто концентрация собственности не происходит «правильно» (*«avec régularité»*) в сельском хозяйстве.

Во-вторых. Справедливо, что французская аграрная статистика плоха, хуже и немецкой, и американской, и швейцарской, и датской, и что *точного* определения *размеров* земельной площади, на которой ведется капита-

листоческое хозяйство, она не дает. Справедливо и то, указываемое дальше в тезисах, обстоятельство, что наемные рабочие иногда обрабатывают фермы меньше 10 гектаров, а крестьяне собственники иногда обрабатывают «фермы в 20, 30 гектаров и выше» («des fermes de 20, 30 hectares et au-dessus»).

Но если не вполне точное, то все же *приблизительное* представление о размерах земельной площади, находящейся в капиталистической эксплуатации, можно составить и по французской аграрной статистике. У меня нет под руками ни книги Компера-Мореля ни других источников, но я помню, что французская статистика выделяет хозяйства, имеющие 40 и более гектаров. Было бы очень полезно привести эти данные, чтобы нагляднее показать французским мелким крестьянам, какую массу земель захватили (у рабочих и у них) французские капиталисты и помещики. Можно (и, на мой взгляд, должно) в аграрных тезисах показать нагляднее, на цифрах французской же аграрной статистики (и на цифрах Компера-Мореля, когда он был еще социалистом, а не защитником капиталистов и их грабительской войны 1914—1918 годов и их грабительского Версальского мира), какое громадное большинство сельского населения во Франции выиграло бы тотчас, немедленно и очень значительно от пролетарской революции.

4. Мое последнее замечание относится к тем отделам тезисов, где говорится о необходимости повысить производство сельскохозяйственных продуктов, о значении современных машин (*des machines modernes*), в частности о таких машинах, как молотилки (*les batteuses*), моторные плуги (*les charrues à tracteur*) и т. д.

Все эти указания тезисов безусловно справедливы и практически необходимы. Мне бы казалось только, что не следует оставаться в пределах вполне обычного для капиталистической техники, что следовало бы сделать шаг дальше. Следовало бы сказать несколько слов о необходимости планомерной и полной электрификации всей Франции, о безусловной невозможности провести эту работу *в пользу рабочих и крестьян* без свержения власти буржуазии, без завоевания власти пролетариатом. Во французской литературе есть не мало данных о значении электрификации для Франции. Мне известно лишь, что небольшая часть этих данных приводилась в работе, произведенной

по поручению нашего правительства, о плане электрификации России и что после войны техническая подготовка вопроса об электрификации сильно подвинулась во Франции.

Крайне важно, по моему мнению, и с теоретической и с практически-агитационной точки зрения, сказать в тезисах (и вообще побольше говорить в коммунистической литературе) о том, что современная передовая техника настоятельно требует *электрификации всей страны — и ряда соседних стран* — по *одному* плану; что такая работа вполне осуществима в настоящее время; что больше всего выиграло бы от нее сельское хозяйство и в особенности крестьянство; что, пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой и планомерной; во-вторых, *не может быть произведена в пользу рабочих и крестьян*. При капитализме электрификация неминуемо поведет к усилению *гнета крупных банков и над рабочими и над крестьянами*. Еще до войны не какой-либо «узкий марксист», а сам ныне патристически лакействующий перед капиталистами Лизис (Lysis) доказал, что Франция есть на деле *финансовая олигархия*.

Франция обладает великолепными возможностями электрификации. При победе пролетариата во Франции, от электрификации, произведенной планомерно и не считаясь с частной собственностью крупных землевладельцев и капиталистов, *гигантски* выиграет особенно *мелкое крестьянство*. При сохранении власти капиталистов неизбежно, что электрификация не будет планомерной и быстрой, а поскольку она вообще будет, она будет новой кабалой для крестьян, новым рабством крестьян, ограбляемых «финансовой олигархией».

Вот те немногие замечания, которые я могу сделать по поводу французских аграрных тезисов, в общем и целом, по-моему, вполне правильных.

11. XII. 1921.

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО О ЧИСТКЕ ПАРТИИ И УСЛОВИЯХ ПРИЕМА В ПАРТИЮ ²⁹

По вопросу о чистке партии мне кажется, что опубликованные факты вполне доказывают гигантский успех чистки в целом, несмотря на довольно многочисленные индивидуальные ошибки. Мне кажется, что в результате партконференции следует подчеркнуть и то и другое обстоятельство. Назначать срок повторной чистки, по-моему, не следует, чтобы ни в каком отношении не связывать себе руки.

Я бы советовал установить решением партконференции более строгие условия для приема в члены партии: срок кандидатства $1\frac{1}{2}$ года для рабочего (считая рабочим того, кто не меньше 10 лет своей жизни работал в крупной промышленности простым наемным рабочим и теперь работает не меньше 2—3 лет), для всех остальных — 3 года.

Сокращение этих сроков вдвое допустимо в особых случаях, когда преданность партии и коммунистическая выдержка вполне доказаны и когда это удостоверяется большинством в $\frac{4}{5}$ со стороны всех решающих вопрос партийных коллегий.

Установить те же сроки для зачисления в кандидаты исключенных из партии по теперешней чистке, если они не исключены на определенный срок и если они исключены не за позорящие проступки.

Прошу Вас показать это мое письмо ближайшим товарищам и если не затруднит — прислать мне на имя Фотиевой коротенький отзыв, хотя бы в таком виде, чтобы подчеркнуть в настоящем письме то, с чем Вы согласны, и то, с чем несогласны.

Ленин

19/XII. 1921.

ПИСЬМО В ПОЛИТБЮРО ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ IX ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ³⁰

Прошу обсудить вопрос, не следует ли принять специальную резолюцию съезда Советов против политики авантюры Польши, Финляндии и Румынии (об Японии лучше помолчать по ряду причин). В резолюции подробно разъяснить, что ни одно правительство России не признавало и не могло признать (кроме Советского) преступности империалистической политики по отношению к окраинам бывшей Российской империи со стороны как царизма, так и Временного правительства, поддерживаемого меньшевиками и эсерами. В резолюции подробно рассказать о том, насколько мы показали делами, что ценим и самоопределение народностей и мирные отношения с государствами, входившими прежде в состав Российской империи. Подробно сказать, что мы вполне рассчитываем на мирные чувства не только рабочих и крестьян всех названных стран, но и громадной части благоразумных представителей буржуазии и правительств. По отношению к авантюристским элементам закончить самой резкой угрозой, что если авантюристские шалости с бандами, вроде прежних савинковских, не прекратятся, если нашей мирной работе будут продолжать мешать, то мы поднимемся на всенародную войну, и те, кто участвует в аванюре и бандитизме, будут до конца раздавлены.

Резолюция съезда подобного содержания была бы тем удобна, что мы могли бы распространить ее массами на всех языках.

22/XII. 1921 г.

Ленин

**IX ВСЕРОССИЙСКИЙ
СЪЕЗД СОВЕТОВ**

23—28 ДЕКАБРЯ 1921 г.

1

О ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
РЕСПУБЛИКИОТЧЕТ ВЦИК и СНК IX ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ
23 ДЕКАБРЯ 1921 г.

(Бурные овации. Возгласы: «Ура!», «Да здравствует наш вождь тов. Ленин!», «Да здравствует вождь международного пролетариата тов. Ленин!». Долго не смолкающие аплодисменты.) Товарищи! Мне предстоит сделать отчет о внешнем и внутреннем положении республики. Первый раз приходится мне давать такой отчет в обстановке, когда прошел целый год, и ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу Советскую власть со стороны русских и иностранных капиталистов не было. Первый год, как мы воспользовались, хотя и в самой неполной мере, но все же относительным отдыхом от нашествий и могли хоть сколько-нибудь приложить свои силы к тому, что является главной и основной нашей задачей, — к восстановлению хозяйства, разоренного войнами, к излечению тех ран, которые были нанесены России командующими эксплуататорскими классами, и к тому, чтобы заложить фундамент социалистического строительства.

Прежде всего, касаясь вопроса о международном положении нашей республики, я должен высказать то, что мне уже приходилось говорить, а именно: что известное, хотя в высокой степени неустойчивое, но все же равновесие в международных отношениях создано. И мы его теперь наблюдаем. В высокой степени странно для тех из нас, кто пережил революцию с самого начала, кто знал и непосредственно наблюдал неслыханные трудности прорыва нами империалистических фронтов, видеть теперь, как сложилось дело. Никто, наверно, не ожидал и не мог ожидать тогда, что положение сложится так, как оно сложилось.

Мы представляли себе (и это, пожалуй, не лишнее теперь напомнить, потому что это пригодится для нас и для наших практических выводов по главным хозяйственным вопросам) грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось. Мы говорили себе, говорили рабочему классу, говорили всем трудящимся как России, так и других стран: нет другого выхода из проклятой и преступной империалистической бойни, как выход революционный, и, разрывая империалистическую войну революцией, мы открываем единственно возможный выход из этой преступнейшей бойни для всех народов. Нам казалось тогда, — и не могло казаться иначе, — что эта дорога является ясной, прямой и наиболее легкой. Оказалось, что на эту прямую дорогу, которая только одна действительно вывела нас из империалистических связей, из империалистических преступлений и из империалистической войны, продолжающей угрожать всему остальному миру, оказалось, что по крайней мере так быстро, как мы рассчитывали, на эту дорогу другим народам вступить не удалось. И если, тем не менее, мы видим теперь то, что получилось, видим единственную социалистическую Советскую республику, существующую в окружении целого ряда бешено-враждебных ей империалистических держав, то мы задаем себе вопрос: как могло это получиться?

Можно без всякого преувеличения ответить: получилось это потому, что в основном наше понимание событий было верно, что в основном наша оценка империалистической бойни и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, была верна. Только поэтому получилось такое странное положение, такое неустойчивое, непонятное и все же до известной степени несомненное равновесие, которое мы видим теперь и которое состоит в том, что, будучи окружены со всех сторон державами, неизмеримо более могущественными в экономическом и в военном отношениях, чем мы, сплошь и рядом открыто враждебными к нам до бешенства, тем не менее мы видим, что им не удалось осуществить дело, на которое они три года затрачивали столько средств и сил, — дело непосредственного и немедленного удушения Советской России. Когда мы задаем себе вопрос, как могло это получиться, как могла произойти такая вещь, что одно из безусловно наиболее отсталых и крайне слабых государств, к которому

открыто враждебны самые могущественные державы мира, устояло против направленного на него натиска, — когда мы разбираемся в этом вопросе, мы ясно видим, в чем было дело: мы оказались правы в самом основном. Мы оказались правы в своих предвидениях и в своих расчетах. Оказалось, что хотя мы не получили той быстрой, прямой, непосредственной поддержки от трудящихся масс всего мира, на которую мы рассчитывали, которую мы клали в основу всей нашей политики, но поддержку иного рода, поддержку не прямую, поддержку не быструю, мы получили настолько, что именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся масс, — и рабочих и крестьянских, земледельческих масс — во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно эта поддержка и это сочувствие были последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплён, а в пределах нашей республики и осуществлён, что он оказал действие на все страны. Как ни шатка эта опора, пока существует капитализм в других странах (это мы, конечно, должны ясно видеть и прямоком должны признать), как ни шатка вся эта опора, нужно сказать, что на нее опереться уже сейчас можно. Это сочувствие и поддержка сказались в том отношении, что нашествие, которое в течение трех лет мы испытывали, которое причиняло нам неслыханные разорения и мучения, что это нашествие, я не скажу, невозможно, — на этот счет надо быть очень осторожным и осмотрительным, — но оно все-таки затруднено для наших врагов в громадной степени. И этим в последнем счете объясняется то странное, непонятное на первый взгляд положение, которое мы видим теперь.

Если мы совершенно хладнокровно взвесим сочувствие большевизму и социалистической революции, если мы рассмотрим международное положение просто с точки зрения подсчета сил, независимо от того, за правое или за неправое дело стоят эти силы, за эксплуататорский класс или за трудящиеся массы, — мы на это смотреть не будем, а попытаемся взвесить, как эти силы в международном масштабе сгруппированы, — то мы увидим, что силы эти сгруппированы так, что в основном подтвердились наши предвидения, наши расчеты, что капитализм разлагается,

и после войны, которую завершил сначала мир Брест-Литовский, а потом мир Версальский, — уже не знаю, который хуже, — чем дальше, тем больше ненависти и отвращения к ней растет и в тех странах, которые вышли победительницами. И чем дальше мы от войны отходим, тем яснее становится не только для трудящихся, но, в очень и очень больших размерах, и для буржуазии стран-победительниц, что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на все одержанные победы. Вот почему мы, будучи неизмеримо слабее всех остальных держав и в экономическом, и в политическом, и в военном отношении, в то же время сильнее их тем, что мы знаем и правильно оцениваем все, что выходит и что должно выйти из этой империалистической путаницы, из этого кровавого клубка и тех противоречий (возьмите хотя бы противоречие валютное, об остальных я уже не буду говорить), в которых они запутывались и запутываются все глубже, не видя выхода.

И вот мы наблюдаем, как меняется голос представителей самой умеренной буржуазии, решительно и безусловно далекой от всякой мысли о социализме вообще, — я уже не говорю «об этом страшном большевизме», — когда меняют свой голос даже такие люди, как знаменитый писатель Кейнс, книжка которого переведена на все языки, который сам участвовал в версальских переговорах, который всю душу вкладывал в то, чтобы помочь своим правительствам, — даже он впоследствии должен был бросить этот путь, уйти от него, продолжая проклинать социализм. Повторяю, он не говорит и не хочет даже подумать о большевизме, — он говорит капиталистическому миру: «То, что вы делаете, приводит вас к положению безвыходному», и даже предлагает им нечто вроде того, чтобы аннулировать все долги.

Очень хорошо, господа! Давно бы вам пора последовать нашему примеру.

Только на-днях мы читали в газетах краткое сообщение о том, что один из опытных, чрезвычайно искусных и умелых вождей капиталистического правительства, Ллойд-Джордж, как будто начинает предлагать такую же меру, и как ему на это Америка как будто желает ответить: извините, а мы свое хотим получить полностью. Тогда

мы говорим себе: неказисты дела тех передовых, могущественнейших держав, которые столько лет после войны обсуждают такую простую меру. Это нам всего легче было сделать; — разве мы такие трудности преодолевали! (А плодiments.) Если в таком вопросе мы видим все растущую путаницу, мы говорим, нисколько не забывая окружающей нас опасности, как мы ни слабы в отношении экономическом и военном по сравнению с любым из тех государств, которые все вместе выражают сплошь и рядом открытым образом ненависть к нам, что этой пропаганды мы не боимся. Когда же мы выражаем несколько иные взгляды относительно справедливости существования помещиков и капиталистов, тогда это им не нравится, и эти взгляды объявляются преступной пропагандой. Этого я никак не могу понять, ибо подобная пропаганда ведется легально во всех неразделяющих наши экономические взгляды и воззрения государствах. Но пропаганда, что большевизм есть чудовищная, преступная, узурпаторская вещь, — нет слова такого, чтобы выразить все это чудовище, — эта пропаганда ведется открыто во всех этих странах. Недавно мне пришлось видеть Христенсена, который выступил кандидатом на пост президента Соединенных Штатов от имени тамошней рабоче-крестьянской партии. Не заблуждайтесь, товарищи, относительно этого названия. Оно совсем не похоже на то, что у нас в России называется рабоче-крестьянской партией. Там это чистейшая буржуазная партия, открыто и решительно враждебная всякому социализму, признанная совершенно приличной всеми буржуазными партиями. И вот этот, родом датчанин, а теперь американец, получающий до миллиона голосов (это, все-таки, кое-что в Соединенных Штатах) на президентских выборах, рассказывал мне, как он попробовал в Дании, среди публики, «одетой, как я», — так сказал он, а он был хорошо одет, по-буржуазному одет, — когда он попробовал сказать, что большевики не преступники, так «меня чуть не убили», — сказал он. Ему сказали, что большевики — это чудовища, это узурпаторы, как может придти в голову мысль говорить в приличном обществе об этих людях? Вот какова атмосфера пропаганды, которая нас окружает.

И тем не менее, мы видим, что известное равновесие создано. Это — объективное, не зависящее от наших

побед политическое положение, которое показывает, что мы оценили глубину противоречий, связанных с империалистской войной, и мерим правильнее, чем когда бы то ни было, чем другие державы, у которых при всех их победах, при всей их силе, выхода до сих пор не нашлось и не находится. Вот та сущность международного положения, которая объясняет то, что мы наблюдаем сейчас. Мы имеем перед собою в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое известное равновесие. Надолго ли это — не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали такую тяжесть империалистической войны, какую едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ. Мы испытали после этого тяжесть гражданской войны, которую нам навязали представители господствующих классов, защищавших эмигрантскую Россию — Россию помещиков, Россию капиталистов. Мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война. Поэтому мы должны самым осторожным и осмотрительным образом относиться к этому вопросу. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие, но не на бесконечные, — пусть те, немногие, к счастью, представители военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии, которые с этим играют, пусть они это себе хорошенечко заметят. (Аплодисменты.)

Кто сколько-нибудь разумно и расчетливо рассуждает, как политик, тот скажет, что не было и не может быть в России правительства, кроме Советского, которое делало бы такие уступки и такие жертвы по отношению к национальностям как существовавшим внутри нашего государ-

ства, так и к тем, которые пришли к Российской империи. Нет и не может быть другого правительства, которое бы так ясно, как мы, сознавало и так отчетливо перед всеми говорило и заявляло, что отношение старой России, России царистской, России военных партий, что ее отношение к народностям, населявшим Россию, было преступным, что эти отношения недопустимы, что они вызывали законнейший протест негодования, возмущение угнетенных национальностей. Нет и не может быть другого правительства, которое бы так открыто признавало это положение, которое вело бы эту пропаганду, пропаганду антишовинизма, пропаганду признания преступности старой России, России царизма и России Керенского, правительства, которое вело бы пропаганду против насильственного присоединения к России других национальностей. Это не слова — это простой политический факт, который всякому ясен, который совершенно бесспорен. Пока нет со стороны любой национальности против нас интриг, связывающих эти национальности, империалистически их порабащающих, пока они не делают мостика, чтобы нас удушить, мы перед формальностями останавливаться не будем. Мы не забудем, что мы революционеры. (Аплодисменты.) Но есть факты, которые неопровержимо, бесспорно доказывают, что самая маленькая, ничем не вооруженная национальность, как бы слаба она ни была, в России, победившей меньшевиков и эсеров, она абсолютно может быть и должна быть спокойна за то, что ничего, кроме мирных намерений, у нас по отношению к ней нет, что наша пропаганда о преступности старой политики старых правительств не ослабевает, и что наше желание во что бы то ни стало, ценой громадных жертв и уступок, поддержать мир со всеми бывшими в Российской империи и не пожелавшими остаться с нами национальностями остается твердым. Это мы доказали. И как бы ни были сильны проклятия, которые сыплются на нас со всех сторон, мы это докажем. Нам представляется, что мы прекрасно это доказали, и перед лицом собрания представителей рабочих и крестьян всей России, перед лицом всей рабочей и крестьянской многомиллионной российской массы мы скажем, что мы всеми силами будем охранять дальнейший мир, мы не остановимся перед большими уступками и жертвами для того, чтобы этот мир отстоять.

Но есть предел, дальше которого идти нельзя. Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование. (Аплодисменты.)

Товарищи, то, что я сейчас сказал, для вас совершенно понятно и ясно, и вы не могли ожидать иного от всякого, отчитывающегося перед вами в нашей политике. Вы знали, что наша политика такова и только такова. Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый — капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим. Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть. (Аплодисменты и смех.) Когда представитель этого всемогущего в экономическом и военном отношении старого мира прислал к нам — это было уже давно — одного из представителей американского правительства, Буллита, с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир, для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, которая давно уже лилась в России, что, хотя мир для нас крайне невыгоден, но мы на него готовы, ибо уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне; когда мы сказали это прямо, сказали с малым употреблением изысканного дипломатического тона, — то тут они решили, что мы непременно должны быть обманщиками. И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину, его встретили с зашумением, заставили выйти в отставку, — и я удивляюсь, как его еще не стащили на каторгу, по принятому империалистическому обычаю, за тайное сочувствие большевикам. (Смех. Аплодисменты.) А вышло то, что мы, предлагавшие тогда мир, худший для нас, получили мир на условиях для нас лучших. Это маленький урок. Я знаю, вам не научиться старой дипломатии, как нам не переделать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нами и были восприняты другими державами, они все же совсем бесследно пройти не могли, они все же в памяти кое-кого, наверное, оста-

лись. (Смех.) И поэтому наше прямое заявление, что рабочие и крестьяне России больше всего ценят блага мира, но что они лишь до известного предела потерпят в этом отношении отступление, — было принято так, что они ни на секунду, ни на минуту не забыли того, какие тяжести в империалистическую и гражданскую войну они вынесли. Это наше напоминание, которое, я уверен, мы всем съездом, всей массой рабочих и крестьян, всей Россией подтвердим и выразим, я уверен, что это напоминание, как бы к нему ни отнеслись, какую бы тут дипломатическую хитрость, по старой дипломатической привычке, ни заподозрили, безусловно не пройдет бесследно и хоть некоторую роль все-таки сыграет.

Вот, товарищи, то, что я считаю необходимым сказать по вопросу о нашем международном положении. Достигнуто до известной степени неустойчивое равновесие. Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально, — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, — мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз. Вот почему мы говорим себе: взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать непрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления, в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний, мы не вправе допускать ни на секунду. (Аплодисменты.)

Товарищи, от этого краткого изложения того, что является самым существенным в нашем международном положении, я перейду к тому, как начинают складываться экономические отношения у нас и в Западной Европе, в капиталистических государствах. Величайшая трудность тут состояла в том, что без известных взаимоотношений между нами и капиталистическими государствами прочные экономические отношения невозможны для нас. События очень наглядно показывают, что они невозможны также и для них. Но мы сейчас не так альтруистически настроены и больше думаем о том, как бы нам при враждебном

отношении к нам других держав продолжать существовать.

Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось невысказанным ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну, а связь, помощь, обмен услуг отсталой разоренной земледельческой России с передовой промышленно богатой группой капиталистических держав, — это возможно? Разве нам не грозили тем, что нас окружают колючей проволокой и что поэтому никаких экономических отношений не будет существовать? «Войны они не испугались, так мы их возьмем блокадой».

Товарищи, много мы за эти четыре года видели угроз и таких страшных угроз, что ни одной из них мы бояться не можем. Насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует. Опыт показал, несомненно, что за этот первый год, когда я могу вам дать отчет, как за период хотя бы сравнительно элементарного отдыха от прямо зверского насилия, нас не признавали, нас отвергали, сношения с нами объявлялись несуществующими (ну, пускай, они по суду буржуазному признаются несуществующими), но они все-таки существуют. Вот что я считаю себя вправе, без малейшего преувеличения, вам доложить, как один из главных результатов отчетного 1921 года.

Не знаю, роздан ли вам сегодня или будет роздан отчет НКВД IX съезду Советов. На мой взгляд этот отчет страдает тем недостатком, что он слишком толст и что его трудно дочитать до конца. Но, может быть, это моя личная слабость, и я не сомневаюсь, что хотя не немедленно, но все же громадное большинство из вас, а также всякий, кто интересуется политикой, этот отчет прочтет. И даже если его не прочесть в целом, а только чуточку на него взглянуть и перелистать, то видно, что Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых сношений, представительства, договоров и т. д. Правда, мы не имеем юридического признания. Это сохраняет свое значение, ибо опасность нарушения неустойчивого равновесия, опасность

новых попыток нашествия усилилась, о чем я говорил раньше, но факт все-таки остается фактом.

В 1921 году — первом году в деле торгового оборота с границей — мы чрезвычайно шагнули вперед. Это связано отчасти с вопросом транспорта — нашей главной, пожалуй, или одной из главнейших баз всей нашей экономики. Это связано с привозом и вывозом за границу. Позвольте привести об этом самые краткие цифры. Все наши затруднения, самые невероятные, вся тяжесть, гвоздь наших трудностей в топливе и продовольствии, вся тяжесть в крестьянском хозяйстве, в обрушившемся на нас голоде и бедствиях. Мы знаем хорошо, что все это связано с вопросом о транспорте; об этом надо говорить и надо, чтобы все товарищи с мест знали и всем товарищам на местах еще и еще раз сказали, что нам нужно направить всю нашу энергию, чтобы продовольственный и топливный кризис побороть. От этих причин продолжает страдать наш транспорт — материальное орудие связей с границей.

Организационные улучшения за этот год в деле нашего транспорта несомненны. За 1921 год мы по речным судам перевезли гораздо больше, чем за 1920-й. Средний пробег в 1921-м г. выразился в 1 000 пудо-верст, а в 1920-м г. — в 800 пудо-верст. Организационный прогресс, несомненно, есть. Надо сказать, что мы впервые начинаем получать помощь из-за границы: заказаны тысячи паровозов, и мы уже получили первые 13 шведских и 37 немецких. Это самое маленькое начало, но все же начало. У нас все-таки сотни цистерн заказано, и до 500 из них в 1921-м г. уже пришло. Мы оплачиваем все это чрезвычайно дорого, непомерно дорого, но все же это значит, что крупная промышленность передовых стран оказывает нам помощь, это значит то, что крупная промышленность капиталистических стран оказывает нам помощь в деле восстановления нашего хозяйства, несмотря на то, что все они руководятся капиталистами, от всей души ненавидящими нас. Все они объединены правительствами, которые продолжают непрерывно печатать в своей прессе о том, как обстоит дело с признанием Советской России де-юре, и является ли большевистское правительство законным или незаконным. И после долгих пысканий оно оказывается законным, но признанным быть не может. Эту грустную правду, что

нас еще не признают, я не вправе скрыть, но должен вам сказать, что торговые отношения все же у нас развиваются.

Все эти капиталистические страны попали в такое положение, что они с нас дерут, что мы им переплачиваем, во все же они помогают нашему хозяйству. Как же это так случилось? Почему же они действуют против своей воли, против того, что беспрерывно твердит пресса, — а ведь эта пресса не чета нашей по количеству экземпляров и по силе и ненависти, с которой они выступают против нас. Они объявляют нас преступниками, но все же нам помогают. И выходит, что они экономически связаны с нами. Выходит так, как я уже говорил вам, что наш расчет, в большом масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет. И не потому, что у них нет людей, которые умеют правильно рассчитывать, — наоборот, у них их больше, чем у нас, — а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели. Вот почему я хотел, в дополнение, сообщить вам несколько цифр, показывающих развитие нашей заграничной торговли. Возьму только самые краткие цифры, которые можно будет запомнить. Если проследить все три года — 1918, 1919 и 1920-й, — наш привоз из-за границы окажется в 17 с небольшим миллионов пудов, а в 1921-м году — 50 миллионов пудов, т. е. в три раза больше, чем за все три предыдущих года вместе взятых. Наш вывоз за первые три года вместе был два с половиной миллиона пудов, за один 1921-й год — $11\frac{1}{2}$ милл. пуд. Эта цифра ничтожная, мизерная, до смешного малая, эта цифра всякому знающему человеку говорит сразу — нищета. Вот о чем свидетельствуют эти цифры. Но все-таки это начало. И мы, испытавшие попытку душить нас непосредственно, мы, слыжавшие годами угрозы, что сношения с нами, пока мы остаемся тем, что есть, всеми мерами не будут допущены, — мы все-таки видим, что кое-кто оказался сильнее, чем эти угрозы. Мы все-таки видим, что экономическое развитие учтено ими неправильно, а нами — правильно. Начало положено. Все внимание, все усилия, все заботы мы должны теперь приложить к тому, чтобы это развитие не останавливалось, чтобы оно шло вперед.

Я приведу еще одну небольшую картинку, чтобы показать, как в течение 1921 года мы шли вперед. В первую

четверть 1921 г. привоз был около 3 милл. пуд., во вторую четверть — 8 милл. пуд., в третью — 24 милл. пуд. Мы все-таки шагаем. Цифры эти ничтожно малы, но все же они постепенно увеличиваются. И мы видим, как они увеличиваются в 1921 г., который был годом неслыханной тяжести. Вы знаете, чего стоило такое бедствие, как голод, какие неслыханные мучения он продолжает причинять всему сельскому хозяйству, промышленности и всей нашей жизни. Все-таки, несмотря на то, что мы были страной, так сильно разоренной войной, страной, несшей такие колоссальные бедствия и в результате всех войн и в результате хозяйничанья царей и капиталистов, мы все-таки теперь стоим на пути, который открывает нам возможность улучшения нашего положения, вопреки непрекращающейся вражде к нам. Вот что является основным фактором. Вот почему, когда мы читали недавно о Вашингтонской конференции³¹, когда мы слышали известие о том, что враждебные нам державы летом принуждены будут созвать вторую конференцию с приглашением и Германии, и России, с обсуждением условий подлинного мира, мы говорим: наши условия ясны и отчетливы, мы их изложили, они опубликованы. Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами. Чем дальше они будут вступать на этот путь, тем шире, быстрее будет обрисовываться то, что я сегодня в отчете за 1921 г. могу показать вам лишь в таких мизерных цифрах.

И должен перейти теперь к нашему внутреннему экономическому положению. И здесь главный вопрос, на котором придется остановиться прежде всего, — это вопрос о нашей экономической политике. В том, чтобы к этой новой экономической политике перейти, в том, чтобы сделать первые шаги на этом пути, научиться их делать, приспособить к этому наше законодательство, нашу администрацию, — в этом состояла главная наша работа за отчетный 1921 год. Вы знаете из печати массу фактов, сообщений, которые показывают, как работа в этом отношении

развивалась. Вы, конечно, не станете требовать от меня, чтобы я приводил здесь дополнительные факты или перечислял те или иные цифры. Необходимо лишь установить то основное, что нас всех больше всего объединяло, что является наиболее существенным с точки зрения самого существенного и самого коренного вопроса всей нашей революции и всех будущих социалистических революций (если взять их в мировом масштабе вообще).

Самый коренной, самый существенный вопрос, это — отношение рабочего класса к крестьянству, это — союз рабочего класса с крестьянством, это — умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но и благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими, какие бы трудности ни пришлось на этом пути испытать, — а трудностей много, и закрывать глаза мы на них не можем, — только в этом союзе лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов. Только в упрочении союза рабочих и крестьян лежит общее избавление человечества от таких вещей, как недавняя империалистическая бойня, от тех диких противоречий, которые мы видим в капиталистическом мире сейчас, где небольшое число, ничтожнейшая горсточка богатейших держав задыхается в своем богатстве, а гигантское население земного шара бедствует, не имея возможности воспользоваться той культурой и теми богатыми ресурсами, которые имеются налицо, которым нет выхода из-за недостатка оборота.

Безработица является главнейшим бедствием передовых стран. Иного выхода из этого положения, как прочный союз крестьянства и рабочего класса, прошедшего тяжелую, но единственно солидную и серьезную школу, как фабрика, фабричная эксплуатация, фабричное объединение, — иного выхода нет. Этот союз, политический и военный, мы испытали в самые тяжелые годы нашей республики. Первый раз в 1921 г. переживаем мы этот союз, как экономический. Мы еще очень и очень плохо в этом отношении поставили дело. Надо это открыто сказать.

Надо видеть этот недостаток, а не прикрашивать его, надо все силы направить для его исправления и понять, что тут заложена основа нашей новой экономической политики. Для того чтобы поставить отношения между рабочим классом и крестьянством правильно, можно себе представить только два пути. Если крупная промышленность находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить мелких крестьян достаточным количеством продуктов или большим количеством продуктов, чем прежде, и установить, таким образом, правильные отношения между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями, — тогда крестьянство будет вполне удовлетворено, тогда крестьянство в своей массе, беспартийное крестьянство, признает, силой вещей, что этот новый порядок лучше порядка капиталистического. Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие налично; если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая, крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 годах. Тогда промышленность работала на войну и снабдила она человечество своими продуктами так полно, что оказалось не меньше 10 милл. человек убитыми и не меньше 20 милл. искалеченными. Это мы видели, и война все же в XX веке не то, что прежние войны.

Из среды людей, наиболее враждебных и чуждых всякому социализму, беспощадно враждебных малейшей социалистической идее, после этой войны даже в тех странах, которые вышли из нее победительницами, раздалось наибольшее количество голосов, которые определенно говорят, что даже если бы не было на свете дурных большевиков, то едва ли еще одну такую войну можно было бы допустить. Это говорят представители наиболее богатых стран. Вот на что работала эта богатая передовая крупная промышленность. Она служила для дела фабрикация искалеченных людей, и у нее не осталось времени для снабжения крестьян своими продуктами. Все же мы вправе сказать, что в мировом масштабе такая промышленность есть.

На земле есть страны с такой передовой крупной промышленностью, которая может сразу снабдить сотни миллионов отстающего крестьянства. Мы кладем это в основу своих расчетов. Вы лучше, чем кто-либо другой, знаете, наблюдая это в повседневной жизни, что у нас осталось от нашей крупной промышленности, которая и без того была слабой. Например, в Донбассе, этой основной базе крупной промышленности, было столько разрушений в гражданскую войну и прошло столько империалистических правительств (сколько их видела Украина!), — это не могло отразиться иначе, как тем, что от нашей крупной промышленности остались ничтожные остатки. Если прибавить к этому такое бедствие, как неурожай 1921 г., то станет понятно, что попытка снабдить крестьянство продуктами перешедшей в руки государства крупной промышленности нам не удалась. Раз эта попытка не удалась, то не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т. е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть. Замена разверстки продналогом — вот в чем суть нашей экономической политики, эта суть самая простая. Если нет цветущей крупной промышленности, способной организовать так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием, под руководством и контролем рабочего государства, — никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость привела нас к этому пути. И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики.

В эпоху, когда главное внимание и главные силы были отвлечены на задачи политические и военные, мы не могли действовать иначе, как с величайшей быстротой, устремляясь вперед с авангардом, зная, что авангард этот будет поддержан. В области великих преобразований в политике, в области того величайшего дела, которое мы сделали в течение трех лет, поставив себя в войну против командующих держав мира, нам был обеспечен союз крестьян и рабочих простым порывом политическим и военным, потому что каждый крестьянин знал, чувствовал и осязал, что против него стоит вековой праг — помещик, которому

так или иначе помогают представители других партий. И потому этот союз был так прочен и непобедим.

В области экономической союз должен быть построен на других началах. Тут необходима перемена сущности и формы союза. Если хоть кто-нибудь из коммунистической партии, из профсоюза или просто из людей, сочувствующих Советской власти, просмотрел эту необходимую перемену сущности союза и формы его, тем хуже для него. Такие просмотры в революции недопустимы. Необходимость изменения формы союза вызвана тем, что союз политический и союз военный не мог быть продолжаем так же просто и в области экономической, когда у нас крупной промышленности еще нет, когда она разорена войной, неслыханной ни в одном государстве. А ведь промышленность до сих пор не поднялась еще даже в государствах бесконечно более богатых, чем наше, и от войны выигравших, а не потерявших. Перемена формы и сущности союза рабочих и крестьян оказалась необходимой. Мы зашли в эпоху политическую и военную гораздо дальше вперед, чем нам позволял непосредственно экономический союз рабочих и крестьян. Мы должны были это сделать, чтобы победить врага, и мы смели право это сделать. Сделали мы это с успехом, потому что мы врагов наших победили на том поприще, которое было тогда, — на поприще политическом и военном, но на поприще экономическом мы потерпели целый ряд поражений. И тут нечего бояться это признать, а наоборот: только тогда мы научимся побеждать, когда мы не будем бояться признавать свои поражения и недостатки, когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо. Нашими заслугами в первой области, в области политической и военной, мы имеем право гордиться. Они вошли в историю, как мировое завоевание, которое еще покажет себя во всех областях. Но в области экономической за тот год, за который мне приходится отдавать вам отчет, мы только стали на путь новой экономической политики, и мы делаем в этом отношении шаг вперед. В то же время в этом отношении мы начинаем едва-едва только учиться, и тут делаем несравненно больше ошибок, смотря назад, увлекаясь прошлым опытом, который был великолепен, высок, величествен, имел всемирное значение, но который не мог решить той задачи экономического характера, которая нам

павязана сейчас, в условиях страны, разоренной в области крупной промышленности, в условиях, которые требуют от нас научиться, прежде всего, той экономической связи, которая сейчас неизбежна и необходима. Эта связь есть торговля. Это для коммунистов весьма неприятное открытие. Очень может быть, что это открытие чрезвычайно неприятно, даже несомненно, что оно неприятно, но если мы будем руководиться соображениями приятности или неприятности, то мы упадем до уровня тех «почти что» социалистов, которых мы с вами достаточно видели в эпоху Временного правительства Керенского. Едва ли «социалисты» этого рода пользуются еще каким-либо авторитетом в нашей республике. А нашей силой была всегда способность учитывать действительные соотношения и не бояться их, как бы они ни были нам неприятны.

Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму — и никто не опровергнет этого факта, как не опровергнет того, что эта крупная промышленность либо задыхается и создает безработицу в самых цветущих и богатых странах-победительницах, либо только и делает, что фабрикует снаряды для истребления людей. А если у нас при тех условиях отсталости, при которых мы вошли в революцию, сейчас нужного нам промышленного развития нет, то что же мы — откажемся? упадем духом? Нет. Мы перейдем к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим. Несомненно, путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплуататора. И для того, чтобы осуществить это в нашей обстановке, необходима та экономическая связь, которая является единственно возможной, — связь через хозяйство.

Вот причина нашего отступления, вот почему мы должны были отступить к государственному капитализму, отступить к концессиям, отступить к торговле. Без этого на почве того разорения, в котором мы оказались, надлежащей связи с крестьянством нам не восстановить. Без этого нам грозит опасность, что передовой отряд революции заблудится так далеко вперед, что от массы крестьянской оторвется. Смычки между ним и крестьянской массой не будет, а это было бы гибелью революции. На это мы

должны смотреть особенно трезво, ибо отсюда вытекает в первую голову и больше всего то, что называется у нас нашей новой экономической политикой. Вот почему мы сказали единодушно, что эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности.

Я позволю себе привести теперь самые небольшие цифры, чтобы показать, что, как ни трудно нам это было, как ни много мы делали ошибок (мы делали их чрезвычайно много), все же дело идет вперед. Товарищи, общих данных о развитии внутренней торговли у меня нет, я думаю привести только данные оборота Центросоюза, данные за три месяца. И вот, за сентябрь оборот Центросоюза выражается в 1 милл. руб. золотом, за октябрь — 3 милл., за ноябрь — 6 милл. Цифры, опять-таки, если взять их как абсолютные цифры, мизерны, малы; это надо признавать прямо, потому что вреднее будет делать себе на этот счет иллюзии. Это — цифры нищенские, но в тех условиях разорения, в которых мы оказались, эти цифры говорят с несомненностью о том, что движение вперед есть, что зацепиться за эту экономическую основу мы можем. Как ни многочисленны ошибки, которые мы делаем, — и профсоюзы, и коммунистическая партия, и управляющий аппарат, — мы все же убеждаемся в том, что мы можем избавиться от этих ошибок, и постепенно избавляемся, что мы идем тем путем, который восстановит отношения между земледелием и промышленностью во что бы то ни стало. Мы должны и можем добиться подъема производительных сил хотя бы на ступени мелкого крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной. Мы должны добиться успехов, и мы начинаем их добиваться, но надо помнить, что здесь другой темп и другая обстановка работы, здесь труднее добиться победы. Здесь мы не можем так быстро достигнуть наших целей, как нам удавалось это в области политической и военной. Тут мы не можем идти порывами и прыжками, и сроки здесь другие — они исчисляются десятками лет. Вот в какие сроки нам придется добиваться успехов в экономической войне и в обстановке не помощи, а вражды от наших соседей.

А дорога наша — верная, ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны. По этой верной дороге мы начали идти. Надо только детально взвешивать каждый малейший шаг, учитывать все свои малейшие ошибки, и тогда мы добьемся своего по этому пути.

Я должен был бы теперь, товарищи, несколько поговорить о главном нашем промысле — о сельском хозяйстве, но думаю, что по этому вопросу вы выслушаете доклад гораздо более обстоятельный и полный, чем мог бы сделать я, так же, как и относительно голода, который осветит вам тов. Калинин.

Прекрасно вам известно, товарищи, какой песьуханной тяжестью обрушился на нас голод в 1921 году. Эти бедствия старой России неизбежно должны были перенестись и на нас, потому что единственный выход из этого может быть только в восстановлении производительных сил, но не на старой, нищенской, мелкой основе, а на основе новой, на основе крупной промышленности и электрификации. Только в этом состоит избавление от нашего нищенства, от беспрерывных голодовок, а для этой работы, как сразу видно, сроки, которыми мы измеряли наши политические и военные победы, не подходят. Мы все же, будучи окружены враждебными государствами, эту блокаду пробили: как ни скудна была помощь, мы все-таки кое-что получали. Вся она в итоге выражается в $2\frac{1}{2}$ милл. пуд. Это — вся помощь, которую мы получили из-за границы, которую заграничные государства милостиво могли оказать голодной России. Мы могли собрать путем пожертвований около 600 тыс. золотых рублей. Это слишком ничтожная цифра, и из этой цифры мы видим, как корыстно отнеслась к нашему голоду европейская буржуазия. Вы все, вероятно, читали, как вначале, при известиях о голоде, пышно и торжественно заявляли влиятельные государственные люди, что пользоваться голодом, чтобы поднимать вопрос о старых долгах, было бы вещью дьявольской. Я не знаю, страшнее ли дьявол, чем современный империализм. Знаю, что на самом деле вышло именно так, что с нас, несмотря на голод, старые долги взыскать на особенно тяжелых условиях попробовали. Мы не отказываемся платить и торжественно заявляем, что готовы об этом говорить деловым образом. Но чтобы дать себя закабалить по

этому поводу без всякого учета, без всякого расчета взаимных претензий, без всякого делового обсуждения вопроса, — вы все понимаете, и на этот счет сомнений быть не может, — этого мы никогда, ни в коем случае не допустим.

Я должен сообщить вам, что последние дни принесли нам все-таки очень порядочный успех в деле борьбы с голодом. Вы читали, наверное, в газетах, что в Америке ассигновано 20 милл. долларов на помощь голодающим в России, вероятно, на тех условиях, на каких помогает АРА — американская организация помощи голодающим. На днях получена от Красина телеграмма, что американское правительство предлагает формально гарантировать в течение трех месяцев получение нами продовольствия и семян на эти 20 милл. долларов, если мы от себя могли бы согласиться израсходовать 10 милл. долларов (20 милл. золотых руб.) на ту же цель. Мы немедленно такое согласие дали, и это передано по телеграфу. И, повидимому, можно сказать, что в течение первых трех месяцев мы на сумму 30 милл. долларов, т. е. 60 милл. золотых руб., продовольствие и семена для голодающих обеспечим. Этого, конечно, мало, это ни в коем случае не покроет того ужасного бедствия, которое обрушилось на нас. Это вы все прекрасно понимаете. Но, во всяком случае, это все-таки есть помощь, которая, несомненно, свое дело в облегчении отчаянной нужды и отчаянного голода сделает. И если нам осенью уже удалось добиться известного успеха в деле снабжения семенами голодающих местностей и расширения посевов вообще, то мы имеем надежду весной добиться еще большего успеха.

Осенью у нас было приблизительно засеяно в голодающих губерниях 75% озимого клина, в губерниях, частично пострадавших от неурожая, — 102%, в губерниях производящих — 123%, в губерниях потребляющих — 126%. Это, во всяком случае, показывает, что как ни дьявольски тяжелы были наши условия, а помощь крестьянству в деле расширения посевов и борьбы с голодом мы все-таки кое-какую оказали. При тех условиях, которые сложились, мы имеем право ожидать теперь без всякого преувеличения и не боясь впасть в ошибку, что мы при обсеменении ярового клина существенную помощь крестьянству окажем. Эта помощь ни в коем случае, повторяю,

не будет полной. У нас ни в коем случае нехватит того, чтобы покрыть всю нужду. Это надо сказать прямо. И тем более надо напрягать силы, чтобы эту помощь расширить.

Я по этому поводу должен сообщить итоговые цифры, касающиеся нашей продовольственной работы. Продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе, беря все крестьянство, облегчение. Это не требует доказательств. Дело не только в том, какое количество хлеба было взято с крестьянина, а в том, что крестьянин почувствовал себя обеспеченнее при продналоге, и у него поднялась заинтересованность в хозяйстве. Старательному крестьянину, при повышении производительных сил, продналог открывал более широкую дорогу. Итог сбора продналога за отчетный год в общем таков, что мы должны сказать: надо напрячь все наши усилия, чтобы не сорваться.

Вот те общие, самые краткие итоги, которые я вам могу сообщить по последним данным, доставленным из Наркомпрода. Нам необходимо не меньше, чем 230 милл. пуд. Из них 12 милл. пуд. голодающим, 37 милл. на семена и 15 милл. резервного фонда, — а мы можем получить 109 милл. продналогом, 15 милл. помольным сбором, $12\frac{1}{2}$ милл. от возврата семенной ссуды, $13\frac{1}{2}$ милл. от товарообмена, 27 милл. с Украины и 38 милл. пуд. из-за границы (38 милл., если считать, что мы 30 милл. получим, учитывая ту операцию, о которой я вам только что говорил, и, кроме того, 8 милл. пуд. купим). Итог — 215 милл. пуд. Все же, таким образом, дефицит и ни одного пуда в резерве. А сможем ли мы купить еще за границей — это неизвестно. Наш продовольственный план рассчитан теперь в обрез для того, чтобы наименьшую тяжесть возложить на крестьянство, пострадавшее от голода. Если мы считали в 1920 г. на содержание государства 38 милл. человек, то теперь мы эту цифру сократили до 8 миллионов. Но отсюда вывод только один: продовольственный налог должен быть собран в размере 100%, т. е. полностью, во что бы то ни стало. Мы несколько не забываем, что это составляет для крестьянства, пострадавшего так много, огромную тяжесть. Я превосходно знаю, что товарищам на местах, которые всю продовольственную работу испытали на себе, лучше, чем мне, известно, что означает такая

задача — собрать 100% продовольственного налога непременно теперь. Но я должен от имени правительства, как итог отчета наших работ за 1921 г., сказать вам: эту задачу; товарищи, выполнить надо, на эту трудность пойти надо и эту тяжесть побороть необходимо. Иначе не обеспечено самое основное, самое элементарное в деле нашего транспорта и нашей промышленности, не обеспечен самый минимальный, абсолютно необходимый бюджет, без которого нельзя существовать в той обстановке, в которой находимся мы, окруженные врагами и при высокой степени неустойчивом международном равновесии.

Без громаднейших усилий из того положения, в котором очутились мы, которых мучили войной империалистической и войной гражданской, которых травили правящие классы всех стран, выхода нет и быть не может, и поэтому надо совершенно отчетливо, не боясь горькой правды, сказать и от имени съезда подтвердить на местах всем работникам: «Товарищи, все существование Советской республики, весь наш самый скромный план восстановления транспорта и промышленности рассчитан на то, что мы общую продовольственную программу выполним. Поэтому, продналог, собранный в 100%, является безусловной необходимостью».

Говоря о плане, я перейду к тому, какое практически положение получилось у нас с государственным планом. Я начну с топлива, с того, что является хлебом для промышленности, является основой всей нашей промышленной работы. Вы уже, вероятно, получили сегодня или получите на-днях материалы по работе нашего Госплана — Государственной плановой комиссии. Вы получите отчет о съезде электротехников, который дал серьезнейший и богатейший материал, проверку лучшими техническими и научными силами России того плана, который является единственно научно проверенным, кратчайшим и ближайшим планом для восстановления нашей крупной промышленности, требующим для выполнения не менее 10—15 лет. Я уже говорил и не устану повторять, что сроки, с которыми мы должны считаться в нашей практической работе, теперь не те, какие мы видели в области работы политической и военной. Очень многие из руководящих работников коммунистической партии и профсоюзов это усвоили, а надо, чтобы это усвоили все. Между прочим, в той брошюре

тов. Кржижановского, которая завтра вам будет роздана — отчет о деятельности Госплана, — вы увидите, как, с точки зрения коллективной мысли инженеров и агрономов, ставится вопрос о нашем государственном плане вообще. Вы увидите, как подходят к делу, — не с обычной для нас с вами точки зрения, общеполитической или общеэкономической, — а с точки зрения коллективного опыта, инженеры и агрономы, рассчитывая, между прочим, до каких пределов мы можем отступать. Вы найдете в этой брошюре ответ на этот вопрос с точки зрения инженеров и агрономов, и тем более ценно то, что вы найдете в ней, как результат работы за отчетный год нашего общепланового государственного учреждения, расчет того, как им ставится вопрос транспорта и промышленности. Понятное дело, что я не могу излагать вам здесь содержание этой работы.

Мне хотелось бы только совсем коротко остановиться на вопросе о том, как обстоит дело с планом топливным, ибо в этой области в начале отчетного 1921 г. мы понесли самое жестокое крушение. Именно тут, опираясь на улучшение дела в конце 1920 г., мы допустили величайший просчет и привели транспорт к колоссальному кризису весной 1921 г., кризису, который был вызван уже не только недостатком материальных средств, но и тем, что мы неверно рассчитали темп быстроты развития. Уже тогда сказалась ошибка, что опыт, нами усвоенный из периода политического и военного, мы перенесли на задачи хозяйственные, — важнейшая ошибка, коренная ошибка, которую мы до сих пор повторяем, товарищи, на каждом шагу. Сейчас у нас много ошибок, и нужно сказать, что если мы этих ошибок не осознаем и если мы во что бы то ни стало не добьемся того, чтобы эти ошибки исправить, у нас прочного хозяйственного улучшения быть не может. После испытанного нами урока мы топливный план на вторую половину 1921 г. ставим уже с большой осторожностью, считая малейшее преувеличение здесь недопустимым и всемерно с ним борясь. Цифры к концу декабря, хотя еще неполные, которые мне были сообщены т. Смилгой, руководящим всеми нашими учреждениями по сбору топлива, показывают, что мы имеем тут дефицит, но уже дефицит незначительный, причем дефицит, показывающий улучшение внутреннего строения нашего топливного бюд-

жета — именно то, что техники называют его минерализацией, т. е. большой успех в снабжении России минеральным топливом, а только на минеральном топливе может быть прочная постройка крупной промышленности, способной служить базой для социалистического общества.

Вот как был рассчитан в начале второго полугодия 1921 г. наш топливный план. Если перевести дрова, 2 700 000 куб. саженьей, на условное 7 000 калорийное топливо, как всегда мы это переводим и как это сделано на стр. 40-й брошюры Кржижановского, которая будет вам роздана, то мы рассчитываем получить 297 миллионов пудов. Теперь цифры показывают, что мы получили около 234 миллионов пудов. Здесь громадная нехватка, на которую я должен обратить ваше внимание. К дровяной работе наших топливных учреждений мы за отчетный год относились очень внимательно. Но именно эта работа больше всего связана с состоянием крестьянского хозяйства. Именно здесь на крестьянина и его лошадь ложится вся тяжесть. Здесь нехватка топлива, бескормица и т. д. очень отражаются на работе. Вот почему получается нехватка. Вот почему теперь, когда мы стоим в начале зимней топливной кампании, мне опять-таки приходится сказать: товарищи, привезите на места лозунг величайшего напряжения сил в этой области. В области нашего топливного бюджета мы рассчитали в минимальных размерах лишь то, что абсолютно необходимо для поднятия промышленности, но в этих минимальных размерах это нужно во что бы то ни стало выполнить, как бы ни были тяжелы условия.

Дальше. Угля мы рассчитывали получить 143 милл. пудов, мы получили 184 милл. пудов, — тут успех, прогресс минерализации нашего топлива, прогресс Донбасса и других учреждений, где целый ряд товарищей работали очень самоотверженно и достигли практических результатов в улучшении крупной промышленности. Я пару цифр относительно Донбасса вам приведу, потому что это — основа, крупный центр всей нашей промышленности. Нефти мы рассчитывали получить 80 милл., что даст в переводе на условное топливо 120 милл. С торфом рассчитывали на 40 милл. (19 милл. условного топлива) и получили 50. Итого рассчитывали получить 579 милл. пудов, а, повидимому, удастся получить не больше 562 милл. В общем,

с топливом недостаток есть. Правда, этот недостаток не так велик, может быть, 3—4%, но, во всяком случае, это — недостаток. Во всяком случае, надо будет признать, что все это для крупной промышленности является прямой угрозой, ибо кое-что не выполнено будет из того минимума, который был назначен. Я этим примером, думаю, показал вам, во-первых, что наши плановые учреждения работали даром и что приближение момента исполнения наших планов началось, а вместе с тем этот пример показывает, что мы едва-едва начинаем подниматься, что в этом отношении тяжесть, трудность нашего хозяйственного положения еще в высочайшей степени велика и что поэтому основным лозунгом, основным боевым кличем, основным призывом, с которым должен вести и закончить свою работу наш съезд, с которым он должен разъехаться на места, является: нужно еще напряжение сил, как оно ни тяжело, и в области работы промышленной, и в области работы сельскохозяйственной. Иного спасения для республики, для удержания, сохранения, упрочения власти рабочих и крестьян нет, как напряжение труда в этом отношении. Что мы достигли немалых успехов, это в особенности показал, например, Донбасс, где работали с чрезвычайной преданностью и с чрезвычайным успехом такие товарищи, как т. Пятаков — в области крупной промышленности, как т. Рухимович — в области мелкой промышленности, которому в первый раз удалось поставить мелкую промышленность так, что она кое-что дала. В крупной промышленности выработка забойщика достигла довоенной нормы, чего раньше у нас не было. Вся производительность Донбасса, если мы возьмем 1920 г., исчислялась в 272 милл. пудов. Она исчислялась в 272 милл., а в 1921 г. исчисляется в 350 милл. пудов. Эта цифра очень и очень мала по сравнению с той, которая была максимальной в довоенное время — 1 миллиард 700 миллионов. Но это все же кое-что. Это показывает, что серьезный шаг вперед делается. Это все же шаг вперед в деле восстановления крупной промышленности, а жалеть жертв, чтобы восстановить крупную промышленность, мы не можем.

Еще два слова о металлургии. В этом отношении наше положение особенно тяжело. Мы производим каких-нибудь, может быть, 6% того, что производили в довоенное время. Вот до какого разорения, до какой нищеты империа-

листоческая война и гражданская война довели Россию! Но мы, конечно, поднимаемся. У нас создаются такие центры, как Югосталь, где работает тоже наиболее преданным образом тов. Межлаук. Как ни тяжело наше положение, мы здесь видим успех громадный. Мы в первой половине 1921 г. выплавляли ежемесячно 70 тыс. пуд. чугуна, в октябре — 130 тыс., в ноябре — 270 тыс., т. е. почти вчетверо больше. Мы видим, что у нас нет оснований предаваться панике. Мы несколько не скрываем от себя, что цифры, которые я приводил, показывают уровень мизерный, нищенский, но мы все же можем доказать этими цифрами, что как ни был тяжел 1921 г., какие исключительные тяжести ни обрушивались на рабочий и крестьянский класс, все же мы поднимаемся, мы стоим на верном пути и, напрягая все силы, мы можем надеяться, что подъем станет еще выше.

Я бы хотел сообщить еще некоторые данные об успехе электрификации. К сожалению, крупного успеха мы пока не имеем. Я рассчитывал, что смогу поздравить IX съезд с открытием второго крупного электрического центра, построенного Советской властью: первый — Шатурка, а второй — новый центр — Каширская станция, которую мы как раз рассчитывали открыть в декабре³². Она дала бы — и может дать — 6 000 киловатт в первую очередь, что при тех 18 тысячах киловатт, которые мы имеем в Москве, было бы помощью существенной. Но тут целый ряд препятствий привел к тому, что в декабре 1921 г. мы этой станции открыть не можем. Она откроется в самый короткий срок, не больше, чем через несколько недель. Вообще вы, вероятно, обратили внимание на отчет, который накануне был помещен в «Экономической Жизни» и подписан инженером Леви, одним из крупных работников VIII Всероссийского электротехнического съезда и вообще одним из крупнейших наших работников. Из этого отчета я приведу вам только следующие краткие цифры: если сложить 1918 и 1919 гг., то у нас в этот срок были открыты 51 станция с мощностью в $3\frac{1}{2}$ тысячи киловатт. Если сложить 1920 и 1921 гг., то открыто было 221 станция с мощностью в 12 тысяч киловатт. Если эти цифры сравнивать с Западной Европой, то, конечно, они покажутся крайне мизерными, нищенскими. Но они показывают, как может идти вперед дело даже при наличии трудностей, и в одной

стране невиданных. Немаловажную роль сыграло распространение мелких станций в деревне. Надо сказать прямо, что очень часто здесь было растаскивание. Но и в этом растаскивании есть некоторая польза. Этими мелкими станциями были созданы в деревне центры современной новой крупной промышленности. Они хотя и ничтожны, но все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, не останется со своей примитивной деревянной сохой, а пойдет вперед к другим временам. И в массы крестьян постепенно проникает мысль, что мы Россию должны поставить и можем поставить на другую базу. Сроки тут, как я уже говорил, измеряются десятками лет, но работа уже началась, сознание в крестьянской массе расширяется и отчасти именно благодаря тому, что у нас мелкие станции растут быстрее, чем крупные. Но если в 1921 г. мы опоздали с открытием одной крупной электрической станции, то в начале 1922 г. их будет две: Каширская в Подмосковье и Уткина Заводь под Пттером³³. В этом отношении, во всяком случае, мы стоим на пути, по которому нам обеспечено движение вперед, если мы с прежним напряжением будем относиться к выполнению наших задач.

Два слова еще об одном успехе — о нашем успехе в деле работы по торфу. Добыча торфа у нас в 1920 г. достигла 93 милл. пуд., в 1921 г. — 139 милл. пуд. — единственная, пожалуй, область, где мы довоенную норму далеко обогнали. В области торфа у нас богатства необъятные, как ни в одной стране в мире. Но здесь гигантские трудности были и отчасти остаются и сейчас в том отношении, что эта работа, вообще тяжелая, страшно тяжела была именно в России. Изобретение гидравлического способа добычи торфа, над чем работали в Главторфе гг. Радченко, Меньшиков и Морозов, облегчает эту работу. В этом отношении достигнут успех громадный. В 1921 г. работало всего 2 торфонасоса — аппараты для гидравлического добывания торфа, избавляющие рабочих от каторжного труда, который до сих пор связан с добычей торфа. Теперь заказано в Германии и обеспечено к 1922 г. 20 аппаратов. Содружество с передовой европейской страной началось. И перед нами сейчас открывается возможность развития этого дела, мимо которого пройти невозможно. Обилие болот и запас торфа в России велик, как нигде, и превратить этот труд из ка-

торжного, на который шло и могло идти только небольшое число рабочих, в более нормальный теперь представляется возможным. Практическое содружество с современным передовым государством — с Германией — достигнуто, поскольку там уже вырабатывают на заводах приборы, облегчающие этот труд, приборы, имеющие быть, паверняка, пущенными в 1922 году. На это обстоятельство нам надо обратить внимание. В этой области мы можем сделать очень и очень много, если все будем знать и все будем распространять ту мысль, что при напряжении усилий, при механизации труда выйти из экономического кризиса в России мы имеем большую возможность, чем какое бы то ни было другое государство.

Теперь в области нашей экономической политики мне хочется подчеркнуть еще одну сторону дела. При оценке нашей новой экономической политики недостаточно обращать внимание на то, что может быть особенно важно. Конечно, сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем. Поднятие производительных сил, — во что бы то ни стало, немедленно, теперь же, — началось, благодаря новой экономической политике. Есть еще одна сторона новой экономической политики — учиться. Новая экономическая политика есть та форма, при которой учиться хозяйничанию мы начнем настоящим образом, а в этом отношении и до сих пор мы работали из рук вон плохо. Конечно, коммунистическому руководителю, профсоюзному руководителю трудящихся масс трудно представить себе, что торговля является сейчас оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом экономический подъем. Если взять любого купца, торгующего под контролем государства и суда (суд у нас пролетарский, и суд у нас сумеет посмотреть за каждым частным предпринимателем, чтобы законы писались для них не так, как они пишутся в буржуазных государствах; недавно в Москве этот пример был³⁴, и все вы хорошо знаете, что мы число этих примеров умножим, строго карая попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями), то мы увидим, что все же этот купец, этот частный предприниматель

за сотню процентов прибыли сумеет сделать дело, — скажем, приобретет сырье для промышленности, — так, как сплошь и рядом не сумеют этого сделать никакие коммунисты и профсоюзники. И вот тут-то значение новой экономической политики. Учитесь. Это учение очень серьезное, мы все его должны проделать. Это учение чрезвычайно свирепое. Оно не похоже на чтение лекций в школе и на сдавание тех или иных экзаменов. Это есть проблема тяжелой, суровой экономической борьбы, поставленная в обстановке нищеты, в обстановке неслыханных тяжестей, трудностей, бескормицы, голода, холода, но это есть то настоящее учение, которое мы должны проделать. Здесь всякая попытка от этой задачи отмахнуться, всякая попытка закрыть глаза, что мы, мол, тут в стороне, будет самым преступным и самым опасным чванством, коммунистическим и профессиональным. Этим грешком мы, товарищи, все, управляющие Советской Россией, очень страдаем, и надо это сознать с полной откровенностью, чтобы от этого недостатка избавиться.

Мы приступаем к задаче нашего экономического строительства на основе нашего вчерашнего опыта, а в этом-то и кроется наша коренная ошибка. Здесь я приведу вам одну французскую поговорку, которая говорит, что обыкновенно у людей недостатки имеют связь с их достоинствами. Недостатки у человека являются как бы продолжением его достоинств. Но если достоинства продолжают больше, чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо, и не там, где надо, то они являются недостатками. Вероятно, почти всякий из вас в личной жизни и вообще это наблюдал, и мы теперь наблюдаем на всем развитии и нашей революции, нашей партии и наших профсоюзов, которые являются главной опорой партии, на всем аппарате, управляющем Советской Россией, мы наблюдаем этот недостаток, который явился как бы продолжением наших достоинств. Величайшим достоинством было то, что в области политической и военной мы сделали всемирно-исторический шаг, который вошел в мировую историю, как смена двух эпох. Какие бы мучения нам ни пришлось еще выдержать, у нас этого никто назад взять не может. Из империалистической войны и из наших бедствий мы вышли только благодаря пролетарской революции, только благодаря тому, что советский строй при-

шел на смену старому строю. Этого взять назад нельзя, это — достоинство непререкаемое, непреложное и неотъемлемое, которое не может быть отнято никакими усилиями и натиском наших врагов, но которое как раз, если его продолжить там, где не надо, становится самым опасным недостатком.

Задачи политические и задачи военные можно было решить подъемом энтузиазма на данной ступени сознания рабочих и крестьян. Они поняли все, что война империалистическая их душит; не нужен был подъем на новую ступень сознания, на новую ступень организации, чтобы понять это. Энтузиазм, натиск, героизм, который оставался и останется навсегда памятником того, что делает революция и что она могла сделать, помогли решить эти задачи. Вот чем мы достигли нашего политического и военного успеха, и это достоинство становится теперь самым опасным нашим недостатком. Мы смотрим назад и думаем, что так же можно решить и хозяйственные задачи. Но в этом-то и ошибка: когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить вчерашним приемом. Не пытайтесь — не решите! И эту ошибочность нам надо сознать. Работники коммунистические и работники профсоюзные, которые сплошь и рядом от черной, тяжелой, многолетней хозяйственной работы, требующей выдержки, тяжелых испытаний, длительной работы, аккуратности и настойчивости, в качестве ли советских работников, в качестве ли вчерашних бойцов, отошли от нее, отмахиваются, отговариваются воспоминаниями о том, что мы великое сделали вчера, — вы мне напоминаете басню про гусей, которые кичились, что «Рим спасли», но которым на это крестьянин ответил хворостиной: «Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?». То, что в 1917—18—19—20 гг. мы решили наши задачи политические и военные с тем героизмом, с тем успехом, которым мы положили начало новой эпохи всемирной истории, этого не отвергает никто. Это принадлежит нам, и ни у кого ни в партии, ни в профсоюзах нет попытки отнять это у нас, — но перед советскими работниками и перед работниками профсоюзов сейчас лежит задача другая.

Сейчас вы окружены капиталистическими державами, которые вам не помогут, а помешают, сейчас вы работаете

в условиях нищеты, разорения, голода и бедствия. Либо научитесь работать иным темпом, считая работу десятилетиями, а не месяцами, зацепляясь за ту массу, которая измучилась и которая не может работать революционно-героическим темпом в повседневной работе, — либо научитесь этому, либо вас назовут по справедливости гусями. Любой профсоюзный и политический работник, когда он говорит общую фразу, что, мол, вот мы, профсоюзы, мы, коммунистическая партия, управляем, — это хорошо. В области политической и военной мы это делали прекрасно, а в области хозяйственной мы это делаем скверно. Надо это сознать и делать лучше. Любому профсоюзу, который в общих чертах ставит вопрос о том, должны ли профсоюзы участвовать в производстве, я скажу: да перестаньте болтать (а плоднo с мeнт ы), лучше ответьте мне на вопрос практически и скажите (если вы на ответственном посту, как авторитетный человек, работник коммунистической партии или профсоюза): где вы поставили хорошо производство, сколько лет вы его ставили, сколько вам человек подчинено — тысяча или десять тысяч, дайте мне список тех, кого вы ставите на хозяйственную работу, которую вы довели до конца, а не то, чтобы за 20 дел браться, а потом по недосугу ни одного не доводить до конца. У нас, в советских нравах, бывает не так, чтобы хозяйство довести до конца, чтобы в течение нескольких лет сослаться на успех, чтобы не бояться учиться у того купца, который 100% прибыли возьмет и еще себе заберет, а так, что напишут прекрасную резолюцию о сырье и скажут, что мы, мол, представители коммунистической партии, профсоюза, пролетариата. Извините, пожалуйста. Что называется пролетариатом? Это класс, который занят работой в крупной промышленности. А крупная промышленность где? Какой это пролетариат? Где ваша промышленность? Почему она стоит? Потому, что нет сырья? А вы сумели его собрать? Нет. Напишете резолюцию, чтобы его собрали, — и сядете в лужу, и скажут — глупость, и, стало быть, вы похожи на гуся, предки которого спасли Рим.

На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие. Всегда в истории великие политические

перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. Иначе развитие и не могло идти в том обществе, которое было придавлено царями, помещиками, капиталистами. И эта часть работы, т. е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирное историческое значение этого дела бесспорно. Затем, за великим политическим переворотом встает, однако, другая задача, которую нужно понять: нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь, не отговариваясь тем, что советский строй плох и что нужно его перестраивать. У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. О том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс, — это я знаю превосходным образом и на всякие десять недостатков, которые любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в том дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень. Вот в чем штука. Не перестраивать, а, наоборот, помочь надо исправить те многочисленные недостатки, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, чтобы помочь десяткам и миллионам людей. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет, что это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу.

Прежде чем закончить, я еще позволю себе распространить этот урок, — что недостатки являются иногда продолжением наших достоинств, — на одно из наших учреждений, именно: на ВЧК. Товарищи! вы, конечно, все знаете, какую дикую ненависть внушает это учреждение российской эмиграции и тем многочисленным представителям правящих классов империалистических стран, которые

с этой российской эмиграцией живут. Еще бы! — это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас. У них, у капиталистов и помещиков, остались в руках все международные связи, вся международная поддержка, у них была поддержка государств, несравненно более могучих, чем наше. Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК. Мы всегда это будем подчеркивать, когда мы услышим, в прямой или в отраженной форме, как часто слышим из-за границы, вопли тех из русских представителей, которые на всех языках умеют употреблять слово «ЧК» и считать его образом, типом русского варварства.

Господа капиталисты, российские и иностранные! Мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто, в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов. Это мы очень хорошо знаем, но знаем вместе с тем, что достоинства человека могут стать его недостатками, и мы знаем, что та обстановка, которая у нас создалась, повелительно требует ограничить это учреждение сферой чисто политической, сосредоточить его на тех задачах, при которых обстановка и условия помогают ему. Если попытки контрреволюции будут таковы, как они были до сих пор, — а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований, — то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе

нечто серьезное. Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать Советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать. Но, вместе с тем, мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, — этого требует новая экономическая политика, — а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло.

В заключение я должен сказать, товарищи, что та задача, которую мы решаем в этом году и которую мы так плохо до сих пор решали, — соединение рабочих и крестьян в прочный экономический союз, даже в обстановке наибольшей нищеты и разорения, — поставлена нами теперь правильно, линию мы приняли правильную, и никаких сомнений на этот счет быть не может. И эта задача не только русская, но и мировая.

Та задача, которую мы решаем сейчас, пока — временно — в одиночку, кажется задачей чисто русской, но на деле это — задача, которая будет стоять перед всеми социалистами. Капитализм гибнет; в своей гибели он еще может причинить десяткам и сотням миллионов людей невероятные мучения, но удержать его от падения не может никакая сила. Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже,

оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы выработать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики. Мы эту задачу решим и союз рабочих и крестьян создадим настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут. (Бурные и долго не смолкающие аплодисменты.)

«Правда» № 292, 25 декабря 1921 г.

Печатается по тексту книги: «Девятый Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов. Стенографический отчет». Москва, изд. ВЦИК, 1922, сверенному со стенограммой

2

НАКАЗ ПО ВОПРОСАМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАБОТЫ,
ПРИНЯТЫЙ IX ВСЕРОССИЙСКИМ СЪЕЗДОМ СОВЕТОВ
28 ДЕКАБРЯ 1921 г.

IX Всероссийский съезд Советов, рассмотрев доклады и отчеты наркоматов о хозяйственной деятельности за отчетный год, преподает, в дополнение и обобщение постановлений съезда Советов по отдельным вопросам хозяйственной работы, к неуклонному исполнению всех советских учреждений в центре и на местах, следующие руководящие указания:

1. Главной и неотложной задачей деятельности всех хозяйственных органов съезд Советов приказывает считать: достижение в кратчайший срок, во что бы то ни стало, прочных практических успехов в деле снабжения крестьянства большим количеством товаров, необходимых для подъема земледелия и улучшения жизни трудящейся массы крестьянства.

2. Эту цель, как главнейшую, должны не упускать из виду все органы по управлению промышленности, разумеется, не допуская ни малейшего ослабления задачи снабжения в 100% нужд Красной Армии, что должно быть поставлено в первую очередь в интересах сохранения обороноспособности Советской республики.

3. Этой же цели должно быть подчинено улучшение положения рабочих в том смысле, что на все рабочие организации (и в первую голову профсоюзы) возлагается обязанность заботиться о такой постановке промышленности, которая бы быстро и полно удовлетворяла потребности крестьянства, причем от степени достигнутых в этом отношении успехов должно непосредственно зависеть увеличение заработка и улучшение жизни промышленных рабочих.

4. Этой же цели должна быть подчинена деятельность Наркомфина, на который возлагается IX съездом Советов задача осуществить с наибольшим напряжением сил и наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты. Замена эмиссии налогами должна проводиться неуклонно, без допущения малейшей волокиты.

5. Эту же цель во главу угла должны поставить себе все органы и учреждения, ведающие внутренней и внешней торговлей, т. е. Центросоюз, Наркомвнешторг и т. д. Только быстрыми практическими результатами в деле развития оборота между земледелием и промышленностью съезд Советов будет измерять и поручает руководящим органам Советской власти измерять успехи этих учреждений. В частности, съезд Советов предписывает шире прибегать к частнохозяйственным предприятиям в деле сбора сырья, вывоза его и всяческого развития торговли, понимая при этом роль государственных органов, как контролирующую и направляющую, и преследуя беспощадно всяческую волокиту и бюрократизм, мешающие живому делу.

6. От всех органов и учреждений, ведающих хозяйственной работой, IX съезд Советов требует несравненно большего, чем до сих пор, внимания и энергии в деле привлечения к государственной работе в данной области всех сколько-нибудь выдающихся сил из рядов беспартийных рабочих и крестьян.

Съезд устанавливает, что в этом отношении мы отстаем; — что не проявляется достаточно систематичности и настойчивости в этом отношении; — что расширение круга хозяйственных и государственных деятелей в этом отношении безусловно и настоятельно необходимо; — что всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться как орденом трудового знамени, так и денежными премиями.

Съезд Советов обращает внимание всех хозорганов и всякого рода классовых, не чисто правительственных организаций, на безусловную необходимость еще более настойчивой работы по привлечению к делу хозяйственного строительства специалистов, понимая под таковыми как

представителей науки и техники, так и людей, которые практической деятельностью приобрели опыт и знания в деле торговли, в деле организации крупных предприятий, контроля за хозяйственными операциями и т. п. Улучшение положения специалистов и обучение под их руководством широкого круга рабочих и крестьян — должны стать предметом постоянной заботы центральных и местных учреждений РСФСР.

7. От Наркомюста IX съезд Советов требует несравненно большей энергии в двух отношениях:

во-первых, чтобы нарсуды республики строго следили за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики и воспитывая широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности;

во-вторых, чтобы нарсуды обратили больше внимания на судебное преследование бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности. Процессы по делам такого рода необходимы и для повышения ответственности за зло, с которым так трудно бороться при наших условиях, и для привлечения внимания рабочих и крестьянских масс к этому важнейшему вопросу, и для достижения практической цели: больших хозяйственных успехов.

IX съезд считает, что задача Наркомпроса в новом периоде заключается в том, чтобы в наиболее короткий срок создать кадр специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих, и предлагает еще более усилить связь школьной и внешкольной образовательной работы со злободневными хозяйственными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности. В частности, IX съезд Советов устанавливает, что во исполнение решения VIII съезда Советов о пропаганде плана электрификации России сделано еще далеко не достаточно, и требует, чтобы при каждой электрической станции путем мобилизации всех пригодных сил были регулярно устраиваемы беседы, лекции, практические занятия для ознакомления рабочих и крестьян с электричеством, его значением и планом электрификации; в тех уездах, где еще

нет ни одной электрической станции, должны быть построены, с наибольшей возможной быстротой, хотя бы маленькие электрические станции, которые должны стать местным центром указанной работы пропаганды, просвещения и поощрения всяческой инициативы в этой области.

Написано 25—27 декабря 1921 г.

*Напечатано 30 декабря 1921 г.
в газете «Известия ВЦИК» № 295*

Печатается по рукописи

О ПОЛИТИКЕ АНГЛИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

ПИСЬМО В ЦК РКП(б)

Телеграмма насчет британской Рабочей партии показывает чрезвычайную наивность Красина. По-моему, следует предпринять сейчас двойные меры: 1) в прессе выступить с рядом статей за разнообразными подписями с высмеиванием взглядов так называемой европейской демократии на грузинский вопрос; 2) поручить немедленно какому-нибудь ядовитому журналисту написать проект архивежливой ноты в ответ английской Рабочей партии. В этой ноте самым настоятельным образом разъяснить, что предложение о выводе наших войск из Грузии и об устройстве там референдума было бы вполне разумно и могло бы быть признано исходящим от людей, не сошедших с ума, не подкупленных Антантой, если бы оно было распространено на все народности земного шара; в частности, для того, чтобы навести руководителей британской Рабочей партии на мысль о том, что значат современные империалистические отношения в международной политике, мы предлагаем ей благосклонно рассмотреть: во-первых, о выводе английских войск из Ирландии и об устройстве там референдума; во-вторых, то же относительно Индии; в-третьих, то же относительно японских войск из Кореи; в-четвертых, то же относительно всех стран, в которых находятся войска какого-либо из крупных империалистических государств. В ноте выразить в отменно-вежливой форме ту мысль, что люди, которые захотят подумать над этими нашими предложениями и над системой империалистических отношений в международной политике, могут оказаться способными понять «интересный» характер предложений, сделанных нами английской Рабочей партией.

В общем и целом проект ноты должен быть архивежливым и чрезвычайно популярным (уровень понимания 10-летних детей) издевательством над идиотскими вождями английской Рабочей партии.

Предлагаю Политбюро обсудить, не следует ли послать копию этого письма Красину. Я лично высказываюсь за.

27. XII. 1921 г.

Ленин

*Впервые напечатано
21 января 1930 г.
в газете «Правда» № 21*

*Продиктовано по телефону
Печатается по машинописной копии*

О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФСОЮЗОВ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК РКП(б) ОТ 12 ЯНВАРЯ 1922 г. ³⁵

1. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРОФСОЮЗЫ

Новая экономическая политика вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата, а следовательно, и профсоюзов. Подавляющая масса средств производства в области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения через рынок многомиллионного крестьянства.

Изменения форм социалистического строительства вызываются тем обстоятельством, что во всей политике перехода от капитализма к социализму компартия и Соввласть осуществляют теперь особые приемы этого перехода, действуют в целом ряде отношений иными способами, чем прежде, завоевывают ряд позиций, так сказать, «новым обходом», совершают отступление, чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм. В частности, теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а, с другой стороны, социализированные государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, т. е. на коммерческие начала, что при общей культурной отсталости и истощении страны неизбежно будет в большей

или меньшей степени приводить к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В ПРОЛЕТАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРОФСОЮЗЫ

Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частнохозяйственного капитализма. Успех такого регулирования зависит не только от госвласти, но еще больше от степени зрелости пролетариата и трудящихся масс вообще, затем от уровня культуры и т. д. Но даже при полном успехе такого регулирования противоположность классовых интересов труда и капитала остается безусловно. Поэтому одной из самых главных задач профсоюзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в борьбе его с капиталом. Эта задача должна быть поставлена открыто на одно из первых мест, аппарат профсоюзов должен быть соответственно перестроен, видоизменен или дополнен (должны быть образованы или, вернее, образуются конфликтные комиссии, стачечные фонды, фонды взаимопомощи и т. д.).

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ, ПЕРЕВОДИМЫЕ НА ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАСЧЕТ, И ПРОФСОЮЗЫ

Перевод госпредприятий на так называемый хозяйственный расчет неизбежно и неразрывно связан с новой экономической политикой и в ближайшем будущем неминуемо этот тип станет преобладающим, если не исключительным. Фактически это означает, в обстановке допущенной и развивающейся свободы торговли, перевод госпредприятий в значительной степени на коммерческие основания. Это обстоятельство, в связи с настоятельнейшей необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого госпредприятия, в связи с неизбежным ведомственным интере-

сом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями или ведомствами, коим они принадлежат. Поэтому по отношению к социализированным предприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата.

4. СУЩЕСТВЕННОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ КЛАССОВОЙ БОРЬБОЙ ПРОЛЕТАРИАТА В ГОСУДАРСТВЕ С ПРИЗНАНИЕМ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ, ФАБРИКИ И Т. Д. И С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТЬЮ В РУКАХ КЛАССА КАПИТАЛИСТОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБОЙ ПРОЛЕТАРИАТА В ГОСУДАРСТВЕ, НЕ ПРИЗНАЮЩЕМ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И БОЛЬШИНСТВО КРУПНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, В ГОСУДАРСТВЕ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТЬЮ В РУКАХ ПРОЛЕТАРИАТА

Пока существуют классы, неизбежна классовая борьба. В переходное время от капитализма к социализму неизбежно существование классов, и программа РКП говорит с полнейшей определенностью, что мы делаем лишь первые шаги в переходе от капитализма к социализму. Поэтому и компартия и Соввласть, как и профсоюзы, должны открыто признавать существование экономической борьбы и ее неизбежность до тех пор, пока не закончена, хотя бы в основе, электрификация промышленности и земледелия, пока не подрезаны этим все корни мелкого хозяйства и господства рынка.

С другой стороны, очевидно, что конечной целью стачечной борьбы при капитализме является разрушение государственного аппарата, свержение данной классовой госвласти. А при пролетарском государстве переходного типа, каково наше, конечной целью всякого выступления рабочего класса может быть лишь укрепление пролетарского государства и пролетарской классовой госвласти путем борьбы с бюрократическими извращениями этого

государства, с его ошибками и слабостями, с вырывающимися из-под его контроля классовыми аппетитами капиталистов и т. п. Поэтому ни компартия, ни Соввласть, ни профсоюзы никоим образом не могут забывать и не должны скрывать от рабочих и трудящихся масс того, что применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс, с другой.

Поэтому в области трений и конфликтов отдельных групп рабочего класса с отдельными учреждениями и органами рабочего государства задачей профсоюзов является содействовать наиболее быстрому и безболезненному улажению конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса. Единственно правильным, здоровым и целесообразным методом улажения трений и конфликтов между отдельными частями рабочего класса и органами рабочего государства является посредническое участие профсоюзов, которые, в лице своих соответственных органов, либо вступают в переговоры с соответственными заинтересованными хозяйственными органами на основе точно формулированных требований и предложений обеих сторон, либо апеллируют к высшим государственным инстанциям.

В случае, когда неправильные действия хозяйственных органов, отсталость известных рабочих групп, провокационная работа контрреволюционных элементов, или, наконец, непредусмотрительность самих профсоюзных организаций приводят к открытым конфликтам в виде стачек на государственных предприятиях и проч., задачей профсоюзов является содействовать скорейшей ликвидации конфликтов путем принятия мер, вытекающих из характера профсоюзной работы: принятие мер к устранению действительных неправильностей и непорядков и

к удовлетворению законных и осуществимых требований масс, политическое воздействие на массы и проч.

Одним из важнейших и безошибочных мерил правильности и успешности работы профессионального союза является учет того, в какой мере он успешно предупреждает массовые конфликты на государственных предприятиях путем предусмотрительной политики, направленной к действительному и всестороннему ограждению интересов рабочей массы и своевременному устранению поводов к конфликтам.

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДОБРОВОЛЬНОМУ ЧЛЕНСТВУ В ПРОФСОЮЗАХ

Формальное отношение профсоюзов к зачислению в члены союзов поголовно всех лиц наемного труда внесло известную степень бюрократического извращения в профсоюзы и оторванность последних от широких масс своих членов; поэтому необходимо со всей решительностью осуществить добровольное членство как в отношении индивидуального, так и коллективного вступления в союзы. От членов профсоюза никоим образом не следует требовать определенных политических взглядов; в этом смысле, как и в вопросе об отношении к религии, профсоюзы должны быть беспартийны. От членов профсоюзов в пролетарском государстве следует требовать лишь понимания товарищеской дисциплины и необходимости единения рабочих сил для отстаивания интересов трудящихся и помощи по отношению к власти трудящихся, т. е. Соввласти. Пролетарское государство должно поощрять профобъединение рабочих в отношении как правовом, так и материальном. Но никаких прав не должно быть у профсоюзов без обязанностей.

6. ПРОФСОЮЗЫ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Главнейшим и самым коренным интересом пролетариата после завоевания им госвласти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производительных сил общества. Эта задача, ясно выдвинутая в программе РКП, особенно обострена у нас теперь послевоенным разорением, голодом и разрухой. Поэтому

быстрейший и возможно более прочный успех в восстановлении крупной промышленности — есть условие, без коего немислим успех всего дела освобождения труда от ига капитала, немислима победа социализма, а такой успех, в свою очередь, требует безусловно, в современной российской обстановке, сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправлений. Эти управления, составленные по общему правилу на началах единоличия, должны самостоятельно ведать и установлением размеров зарплаты и распределением дензнаков, пайков, прозодежды и всяческого иного снабжения, на основе и в пределах заключенных с профсоюзами коллективных договоров и при максимальной свободе маневрирования, при строжайшей проверке фактических успехов в повышении производства и безубыточности и прибыльности его, при серьезнейшем отборе наиболее выдающихся и умелых администраторов и т. д.

Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями при этих условиях должно быть признано безусловно вредным и недопустимым.

Но было бы совершенно неправильным толковать эту бесспорную истину в смысле отрицания участия профсоюзов в социалистической организации промышленности и в управлении госпромышленностью. Это участие необходимо в точно определенных, именно — следующих формах.

7. РОЛЬ И УЧАСТИЕ ПРОФСОЮЗОВ

В ХОЗ- И ГОСОРГАНАХ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Пролетариат является классовой основой государства, совершающего переход от капитализма к социализму. Пролетариат может выполнить успешно эту задачу в стране с громадным преобладанием мелкого крестьянства лишь при условии чрезвычайно умелого, осторожного и постепенного осуществления союза с подавляющим большинством крестьянства. Профсоюзы должны быть ближайшим и неременным сотрудником госвласти, которую руководит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный авангард рабочего класса — компартия. Будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны быть в частности школой управления социалистической про-

мышленностью (а затем постепенно и земледелием) для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся.

Исходя из этих принципиальных положений, следует установить на ближайший период следующие основные формы участия профсоюзов в хоз- и госорганах пролетарского государства:

1. Профсоюзы участвуют в составлении всех хоз- и госорганов, связанных с экономикой, выдвигая своих кандидатов, с указанием их стажа, опыта и проч. Решение вопроса принадлежит исключительно хозорганам, которые несут и всю ответственность за работу соответственных органов. При этом хозорганы принимают во внимание оценку всех кандидатов, даваемую соответствующим профсоюзом.

2. Одной из важнейших задач профсоюзов является выдвигание и подготовка администраторов из рабочих и трудящихся масс вообще. Если у нас имеются теперь десятки таких администраторов промышленности вполне удовлетворительных и сотни более или менее удовлетворительных, то в ближайшее время нам нужны сотни первых и тысячи вторых. Систематический учет всех способных на такую работу рабочих и крестьян и обстоятельная, всесторонняя, деловая проверка успеха их обучения управлению должны быть во много раз тщательнее и настойчивее осуществляемы профсоюзами, чем теперь.

3. Необходимо усилить участие профсоюзов во всех плановых органах пролетарского государства, в выработке хозпланов, программ производства и расходования фондов материального снабжения рабочих, в участии в отборе предприятий, оставляемых на госснабжении, сдаваемых в аренду или концессии, и т. п. Профсоюзы, не беря на себя непосредственно никаких функций контроля над производством на частных и арендованных предприятиях, осуществляют свое участие по регулированию частнокапиталистического производства исключительно посредством участия в соответствующих государственных органах. Наряду с участием профсоюзов во всей культурно-просветительной работе и в производпропаганде такая деятельность профсоюзов должна все шире и глубже втягивать рабочий класс и трудящиеся массы во все строительство госхозяйства, знакомя их со всем кругом хозжизни, со всем кругом промышленной работы, начиная от заготовки

сырья и кончая реализацией продукта, и давая все более конкретное представление как о едином госплане социалистического хозяйства, так и о практической заинтересованности рабочего и крестьянина в осуществлении этого плана.

4. Выработка тарифов и норм снабжения и т. д. составляет одну из необходимых составных частей работы профсоюзов в деле строительства социализма и участия их в управлении промышленностью. В частности, дисциплинарные суды должны неуклонно повышать дисциплину труда и культурные формы борьбы за нее и за повышение производительности, отнюдь не вмешиваясь в функции нарсуdivов вообще и в функции управления.

Этот перечень главных функций профсоюзов в деле строительства социалистического хозяйства должен быть, разумеется, подробно детализирован соответствующими органами профсоюзов и Соввласти. Самым существенным для поднятия народного хозяйства и укрепления Соввласти является то, чтобы, учтя опыт огромной проделанной союзами работы по организации хозяйства и его управления, а также и ошибки, причинившие немало вреда, непосредственного, неподготовленного, некомпетентного, безответственного вмешательства в управление, сознательно и решительно перейти к упорной, деловой, рассчитанной на долгий ряд лет работе практического обучения рабочих и всех трудящихся управлять нархозьством целой страны.

8. СВЯЗЬ С МАССОЙ, КАК ОСНОВНОЕ УСЛОВИЕ ВСЯКОЙ РАБОТЫ ПРОФСОЮЗОВ

Связь с массой, т. е. с громадным большинством рабочих (а затем и всех трудящихся), является самым важным, самым основным условием успеха какой бы то ни было деятельности профсоюзов. Снизу до самого верха организации профсоюзов и их аппарата должна быть создана и проверена практически, на опыте долгого ряда лет, целая система ответственных товарищей, обязательно не только из числа коммунистов, которые должны жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроение массы, ее действительные стремления, потреб-

ности, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд. Одной из самых больших и грозных опасностей для численно скромной компартии, которая в качестве авангарда рабочего класса руководит громадной страной, совершающей (пока еще без прямой поддержки более передовых стран) переход к социализму, является опасность отрыва от масс, опасность того, что авангард забежит слишком далеко вперед, не «выравнивая фронты», не сохраняя прочной связи со всей армией труда, т. е. с громадным большинством рабочей и крестьянской массы. Как самая лучшая фабрика с превосходным двигателем и первоклассными машинами окажется бездействующей, если попорчен передаточный механизм от двигателя к машинам, так неизбежна катастрофа нашего социалистического строительства, если неправильно построен или неправильно работает передаточный механизм от компартии к массам — профсоюзы. Эту истину недостаточно разъяснять, напоминать, подтверждать, она должна быть организационно закреплена во всем строении профсоюзов и в их повседневной работе.

9. ПРОТИВОРЕЧИЕ В САМОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРОФСОЮЗОВ ПРИ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Из всего вышеизложенного вытекает ряд противоречий между различными задачами профсоюзов. С одной стороны, их главный метод действия — убеждение, воспитание; с другой, они не могут отказаться, как участники госвласти, и от участия в принуждении. С одной стороны, их главная задача — защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова; с другой, они не могут отказаться от нажима, как участники госвласти и строители всего нархозяйства в целом. С одной стороны, они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов; с другой, именно к профсоюзам всего менее применимы специфически военные методы работы. С одной стороны, они должны

уметь приспособиться к массе, к ее данному уровню; с другой, они никоим образом не должны потакать предвзвешенным и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий и т. д. и т. п. Эти противоречия не случайны и неустранимы в течение ряда десятилетий. Ибо, пока есть остатки капитализма и мелкого производства, неизбежны противоречия во всем общественном строе между этими остатками и ростками социализма.

Практические выводы отсюда двойки. Первый: для успешной работы профсоюзов недостаточно правильное понимание их задач, недостаточно правильное строение их; необходим еще особый такт, умение подойти к массе особым образом в каждом отдельном конкретном случае, достигая с минимумом трений подъема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом.

Второй вывод: указанные противоречия неизбежно будут порождать конфликты, несогласованность, трения и т. п. Необходима высшая инстанция, достаточно авторитетная, чтобы разрешить их немедленно. Такой инстанцией является компартия и международное объединение компартий всех стран — Коминтерн.

10. ПРОФСОЮЗЫ И СПЕЦЫ

Основные положения по данному вопросу изложены в программе РКП. Но они останутся на бумаге, если не обращать повторно внимания на факты, показывающие степень проведения их в жизнь. Такими фактами за последнее время являются: во-первых, случаи убийства инженеров рабочими на социализированных рудниках не только Урала, но и Донбасса; во-вторых, самоубийство главного инженера московского водопровода В. В. Ольденборгера в связи с невозможными условиями работы, созданными некомпетентным и недопустимым поведением как членов комячейки, так и органов Соввласти, что заставило ВЦИК передать все это дело на рассмотрение суда.

Вина за такие явления ложится в несравненно большей мере на компартию и Соввласть в целом, чем на профсоюзы. Но речь идет сейчас не об установлении меры политической вины, а об определенных политических выводах. Если

все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и Соввласть, и профсоюзы не достигнут того, чтобы мы, как зеницу ока, берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи. Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось лучше при социализме, чем при капитализме, в отношении и материальном, и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов. Никто не согласится признать поставленным сколько-нибудь сносно такое ведомство, в котором не ведется планомерно поставленной и дающей практические результаты работы по всестороннему обеспечению спецов, поощрению лучших из них, защиты и охраны их интересов и т. д.

Профсоюзы должны вести всю работу всех этих видов (или систематически участвовать в соответственной работе всех ведомств) не с точки зрения интересов данного ведомства, а с точки зрения интересов труда и нархозйства в целом. На профсоюзы ложится в отношении спецов самая тяжелая и трудная работа повседневного воздействия на наиболее широкие массы трудящихся, чтобы создавать правильные взаимоотношения их к спецам, и только такая работа способна дать действительно серьезные практические результаты.

11. ПРОФСОЮЗЫ И МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА РАБОЧИЙ КЛАСС

Профсоюзы лишь тогда реальны, когда они объединяют очень широкие слои беспартийных рабочих. Отсюда вытекает неизбежно, особенно в стране с громадным преобладанием крестьянства, сравнительная устойчивость именно среди профсоюзов тех политических влияний, которые

являются надстройкой над остатками капитализма и над мелким производством. Это — влияния мелкобуржуазные, т. е., с одной стороны, зсеровско-меньшевистские (рос- сийская разновидность партий II и II^{1/2} Интернационалов), с другой стороны, анархические; только среди этих течений осталось сколько-нибудь заметное число лиц, которые защищают капитализм не из корыстно-классовых мотивов, а идейно, продолжая верить в неклассовое значение проповедуемых ими «демократии», «равенства», «свободы» вообще.

Именно указанной социально-экономической причиной, а не ролью отдельных групп, тем менее отдельных лиц, следует объяснять наблюдаемые у нас пережитки (изредка и возрождение) подобных мелкобуржуазных идей среди профсоюзов. И компартия, и совучреждения, ведущие культурно-просветительную работу, и все коммунисты среди профсоюзов должны поэтому обратить гораздо большее внимание на идейную борьбу с мелкобуржуазными влияниями, течениями и уклонами среди профсоюзов, — тем более, что новая экономическая политика не может не вести к известному усилению капитализма. Противовес этому, в виде усиления борьбы с мелкобуржуазными влияниями на рабочий класс, настоятельно необходим.

ЦК РКП(б)

*Написано 30 декабря 1921 г. —
4 января 1922 г.*

*Напечатано 17 января 1922 г.
в газете «Правда» № 12*

*Печатается по тексту газеты,
сохраненному с рукописью*

ПРОЕКТ ДИРЕКТИВЫ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ³⁶

Политбюро указывает всем хозяйственным органам, что теперь, после партконференции декабря 1921 г. и IX съезда Советов, новая экономическая политика является достаточно твердо и ясно установленной. Необходимо поэтому все усилия приложить, чтобы ее как можно шире и быстрее использовать на практике. Всякие общие рассуждения, теоретизирование и словопрения на тему о новой экономической политике надо отнести в дискуссионные клубы, частью в прессу. Из СНК, СТО и всех хозяйственных органов изгнать все подобное беспощадно.

От НКФина Политбюро требует сосредоточения всех усилий на быстрейшем увеличении числа налогов и увеличении размера поступлений от них, а также на практических деловых поправках к общему бюджету. Все рассуждения касательно вопросов денежной политики, замены продналога денежными налогами и т. п. должны быть перенесены частью в дискуссионные клубы, частью в прессу.

Всякие комиссии довести до минимальнейшего минимума, заменяя комиссионную работу требованием письменных поправок или контрпроектов от всех заинтересованных ведомств в кратчайшие сроки (1—2 дня).

От всех наркомов Политбюро требует безусловно технической быстроты, энергии, устранения бюрократизма и волокиты в практическом испытании новой экономической политики; Политбюро требует безусловно перевода на премию возможно большего числа ответственных лиц за быстроту и увеличение размеров производства и торговли как внутренней, так и внешней. Это требование

относится в первую очередь к НКВТ, затем к Госбанку (его торговому отделу особенно), Центросоюзу и ВСНХ.

Ленин

После принятия в Политбюро объявить всем членам коллегий всех наркоматов и всем членам Президиума ВЦИК.

*Написано между 9 и 12 января
1922 г.*

Печатается впервые

Продиктовано по телефону

*Печатается по машинописной копии,
сверенной с рукописью*

ТРУДЯЩИМСЯ ДАГЕСТАНА ⁸⁷

С благодарностью принимаю дар — результат творческой инициативы трудящихся масс Дагестана.

Желаю успеха в трудном деле хозяйственного возрождения Дагестана.

Предсовнаркома РСФСР *Ленин*

12/1. 1922 г.

«Известия ВЦИК» № 10,
14 января 1922 г.

Продиктовано по телефону
Печатается по машинописной копии

ПИСЬМО ТОВ. ОРДЖОНИКИДЗЕ ОБ УСИЛЕНИИ ГРУЗИНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ³⁸

Тов. Серго!

Абсолютно необходимо, чтобы на съезде Советов Грузии было принято решение об обязательном усилении Красной Армии *Грузинской* и чтобы это решение было выполнено *на деле*.

В крайнем случае, если крестьяне против, надо провести решение хотя бы в самой общей форме: признать необходимость «обязательно усилить Грузинскую Красную Армию, призвать все органы власти и все трудящиеся массы к работе над этим» и т. п.

Но *на деле* во что бы то ни стало и *немедленно* развить и усилить Грузинскую Красную Армию. Пусть 1 бригада для начала, пусть даже меньше. 2—3 тысячи красных курсантов, из них полторы тысячи коммунистов, чтобы эти курсанты могли (будучи кадрами) развернуться в армию, *когда понадобится*, — это абсолютно необходимо.

Сталин добавит, может быть, подробнее о военно-технических способах выполнения.

Я ограничиваюсь политической стороной дела: за невыполнение этого выгоним из партии *безо всяких*. Тут шутить нельзя. Это политически абсолютно необходимо, и Вы лично и весь Грузинский ЦК ответите перед всей партией за это.

Жду ответа.

Ваш Ленин

13/II.

Это и для тов. Серго, и для всех членов ЦК Грузинской компартии.

ПРИПИСКА И. В. СТАЛИНА

К сказанному т. Лениным не имею ничего добавить. Серго и ЦК компартии Грузии, я думаю, поймут всю необходимость предлагаемой т. Лениным меры. Что касается «военно-технической» стороны дела, то она известна вам лучше, чем мне и прочим москвичам.

И. Сталин

Впервые напечатано в 1925 г.

*Печатается по оригиналу,
дополненному и подписанному
В. И. Лениным; приписка
И. В. Сталина — по рукописи*

ПИСЬМО Д. И. КУРСКОМУ

28/II. 1922.

г. Курский!

По поводу Вашего письма от 23/II (№ 255) в ответ на мое письмо.

Лично видетсья постараюсь, но не обещаю, ибо здоровье плохо.

Надеюсь, *после* собрания ответственных работников, в связи с моим письмом, Вы мне еще напишете о практических итогах его. Особо важно установить фактическую проверку: что *на деле* делается? что на деле достигается? успехи нарсудов и ревтрибов? как бы это учесть и проверить?

Число процессов по злоупотреблению *НЭПом*?

Число обвинительных приговоров, и каковы наказания (в целом, а не в единичных случаях)?

и т. д.

С коммунистическим приветом *Ленин*

Особо спешно и важно:

Р. С.* По поводу *гражданского кодекса*³⁹: я не в состоянии вникнуть в формулировку отдельных пунктов. Здоровье не позволяет.

Должен ограничиться следующими пунктами:

1) НКом Юст должен проследить и проверить *лично*, кто именно отвечает за каждый важный отдел гражданского кодекса.

2) Все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран *в защиту* трудящихся, взять непременно.

* — Postscriptum — приписка. Ред.

3) Не ограничиться этим (это самое важное). Не идти слепо за НКИДел. *Не угодить «Европе», а продвинуться дальше в усилении вмешательства государства в «частноправовые отношения», в гражданские дела.* Как именно надо это сделать, я не могу сказать, ибо не в состоянии ни изучить вопроса ни вникнуть хотя бы в отдельный кодекс. Но что это надо сделать, для меня ясно. Что нам сейчас грозит опасность — в этой области *не доделать* (а не опасность «пере»делать), это тоже для меня вполне ясно. Именно перед Генуей⁴⁰ не сфальшивить, не смалодушничать, не выпустить из своих рук ни малейшей возможности *расширить* вмешательство государства в «гражданские» отношения.

Ленин

*Впервые напечатано в 1945 г.
в Ленинском сборнике XXXV*

Печатается по рукописи

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

О ВОСХОЖДЕНИИ НА ВЫСОКИЕ ГОРЫ, О ВРЕДЕ УНЫНИЯ,
О ПОЛЬЗЕ ТОРГОВЛИ, ОБ ОТНОШЕНИИ К МЕНЬШЕВИКАМ И Т. П. ⁴¹

I

ВРОДЕ ПРИМЕРА

Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и неисследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины. Спуск вниз на той невиданной еще в мире высоте, на которой оказался наш воображаемый путешественник, представляет опасности и трудности, пожалуй, даже большие, чем подъем: легче оступиться; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели, и т. д. Приходится обвязывать себя веревкой, тратить целые часы, чтобы киркой вырубать уступы или места, где бы можно было крепко привязать веревку, приходится двигаться с черепашной медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и все еще не видеть, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск, находится ли сколько-нибудь надежный обход, по которому можно бы опять, смелее, быстрее, прямее двинуться вперед, вверх, к вершине.

Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются, — несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко, —

минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать некоторые голоса снизу, наблюдающие из безопасного далека, в подзорную трубу, этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать (по образцу «сменовеховцев»⁴²) «спуском на тормозах», ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испробованный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!

Голоса же снизу несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй! Другие стараются скрыть свое злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлева; они скорбят, вознося очи горе. К прискорбью, наши опасения оправдываются! Не мы ли, потратившие всю жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не кончен разработкой? И если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем (смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами подготавливает себе возможность подвинуться на какой-нибудь аршин! а нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!), — если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору, чтобы не скомпрометировать этот великий план вообще!

К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, не может слышать голосов этих «истинных друзей» идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах.

II

БЕЗ МЕТАФОР

Пример — не доказательство. Всякое сравнение хромает. Это — истины бесспорные и общеизвестные, но их не мешало бы напомнить, чтобы нагляднее представить границы значимости всякого сравнения вообще.

Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту, не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 годом. Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы «доделали», и чего не доделали: тогда голова останется свежее, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния.

Мы «доделали» буржуазно-демократическую революцию так «чисто», как никогда еще в мире. Это — величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет.

Мы доделали выход из реакционнейшей империалистской войны революционным путем. Это — тоже такое завоевание, которого никакая сила в мире назад не вернет, и завоевание тем более ценное, что реакционные империалистские бои неизбежны в недалеком будущем, если сохранится капитализм; а люди XX века не очень легко удовлетворятся второй раз «базельскими манифестами», которым в 1912 и 1914—1918 годах одурачили себя и рабочих ренегаты, герои II и II½ Интернационалов.

Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя «доделать» советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран.

Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и головокружения, особенно на больших высотах). И нет решительно ничего «страшного», ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран. А мы все еще пока одни, и в стране отсталой, в стране более других разоренной, сделали невероятно много. Мало того: мы сохранили «армию» революционных пролетарских сил, мы сохранили ее «мавевренную способность», мы сохранили ясность головы, позволяющую нам трезво учесть, где, когда и насколько надо отступить (чтобы сильнее прыгнуть); — где, когда и как именно надо прилечь за переделку недоделанного. Погибшими

наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое «предприятие», как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и, вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче.

И нам тем менее позволительно впадать хоть в малейшее уныние, тем менее есть оснований для этого, что кое в чем мы, при всем нашем разорении, нищете, отсталости, голоде, *начали двигаться вперед* в области подготовительной к социализму экономики, тогда как рядом с нами, во всем мире, страны более передовые, в тысячу раз более нас богатые и военно-могущественные, *продолжают двигаться назад* в области «ихней», ими прославленной, им знакомой, сотни лет уже испытанной, капиталистической экономики.

III

ОБ ОХОТЕ НА ЛИС; О ЛЕВИ; О СЕРРАТИ

Говорят, самым надежным способом охоты на лис является следующий: прослеженных лис окружают на известном расстоянии веревкой с красными флажками на небольшой высоте от снега; боясь явно искусственного, «человеческого» сооружения, лиса выходит только тогда и только там, где эта «ограда» из флажков приоткрывается; а там ее и ждет охотник. Кажалось бы, осторожность для такого зверя, которого все травят, качество самое положительное. Но и тут «продолжение достоинства» оказывается недостатком. Лису ловят именно на ее чрезмерной осторожности.

Должен покаяться в одной ошибке, которую мне довелось сделать на III съезде Коминтерна тоже из-за чрезмерной осторожности. На этом съезде я стоял на крайнем правом фланге. Убежден, что это была единственно правильная позиция, ибо весьма многочисленная (и «влиятельная») группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала

неумеренно «левую» и неправильно левую позицию, слишком часто заменяя трезвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханьем красными флажками. Из осторожности, в заботе о том, чтобы этот несомненно неправильный уклон в левизну не дал ложного направления всей тактике Коминтерна, я защищал Леви всячески, высказывая предположение, что он потерял голову (я не отрицал, что он потерял голову) может быть из чрезмерного испуга перед ошибками левых, и что бывали случаи, когда потерявшие голову коммунисты потом опять «находили» ее. Допуская даже — перед натиском «левых», — что Леви меньшевик, я указывал, что даже такое допущение не решает еще дела. Например, вся история 15-тилетней борьбы меньшевиков с большевиками в России (1903—1917) доказывает, как доказывают это и три русских революции, что меньшевики в общем были безусловно неправы и что они были на деле агентами буржуазии в рабочем движении. Это факт бесспорный. Но этот бесспорный факт не устраняет того факта, что в отдельных случаях меньшевики бывали правы против большевиков, например, в вопросе о бойкоте Столыпинской Думы в 1907 году.

Со времени III съезда Коминтерна прошло уже 8 месяцев. Видимо, наш тогдашний спор с «левыми» уже устарел, уже решен жизнью. Я оказался неправ насчет Леви, ибо он с успехом доказал, что попал на меньшевистскую дорожку не случайно, не временно, не только «перегибая палку» против опаснейшей ошибки «левых», а надолго, прочно, по всему своему естеству. Вместо того, чтобы после III конгресса Коминтерна честно признать необходимость снова попроситься в партию, как должен был поступить человек, временно потерявший голову в раздражении на некоторые ошибки левых, Леви принялся мелко пакостить партии и из-за угла ставить подножки ей, т. е. оказывать фактические услуги агентам буржуазии из II и II^{1/2} Интернационалов. Разумеется, вполне правы были немецкие коммунисты, которые ответили на это, исключив недавно из своей партии еще нескольких господ, оказывавших тайно поддержку Павлу Леви в этом благородном занятии.

Развитие германской и итальянской коммунистических партий после III конгресса Коминтерна доказывает, что

ошибка левых на этом конгрессе ими учтена и исправляется — понемногу, медленно, но неуклонно; решения III конгресса Коммунистического Интернационала проводятся лояльно в жизнь. Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый *тип* партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию, это — вещь чрезвычайно трудная. Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее. В повседневной жизни переделать *тип* партийной работы, преобразовать обыденщину, добиться того, чтобы партия стала авангардом революционного пролетариата, не отходя от масс, а все более и более сближаясь с ними, поднимая их к революционному сознанию и революционной борьбе, это — самое трудное, но и самое важное дело. Если европейские коммунисты не используют для этого коренного, внутреннего, глубокого переделывания всей постройки и всей работы своих партий того (вероятно, очень короткого) промежутка между периодами особого обострения революционных битв, которые переживали многие капиталистические страны Европы и Америки в 1921 году и в начале 1922 года, то это будет с их стороны величайшим преступлением. К счастью, опасаться этого нет оснований. Нешумная, неяркая, некрикливая, небыстрая, но глубокая работа создания в Европе и Америке настоящих коммунистических партий, настоящих революционных авангардов пролетариата начата и эта работа идет.

Политические уроки даже из наблюдения такой тривиальной вещи, как охота на лис, оказываются небесполезными: с одной стороны, чрезмерная осторожность приводит к ошибкам. С другой, нельзя забывать, что если заменить трезвый учет обстановки одним «настроением» или маханьем красными флажками, то можно сделать ошибку уже непоправимую; можно погибнуть при таких условиях, когда хоть трудности и велики, но гибель ничуть, ни чуточки еще не обязательна.

Павел Леви желает теперь особо выслужиться перед буржуазией — и, следовательно, перед II и II^{1/2} Интернационалами, ее агентами, — переиздавая как раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской

басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903-м году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года, рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918-го года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 годов исправила большую часть своих ошибок). Но несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память об ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений (с которым невозможно опаздывают немецкие коммунисты, извиняемые лишь отчасти неслыханным количеством жертв в их тяжелой борьбе) будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира. «Немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 г. — смердящий труп» — вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения. А на заднем дворе рабочего движения, среди навозных куч, куры вроде Павла Леви, Шейдемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому свое.

Что касается до Серрати, то его приходится сравнить с гнилым яйцом, которое лопается и шумно и с особенно... пикантным ароматом. Провести на «своем» съезде резолюцию о готовности подчиниться решению конгресса Коминтерна, затем послать на этот конгресс старика Лаццари и в заключение надуть рабочих с грубостью лошадиного барышника, это — перл. Итальянские коммунисты, воспитывая настоящую партию революционного пролетариата в Италии, будут иметь теперь наглядный образец политиканского мошенничества и меньшевизма перед глазами рабочих масс. Не сразу, не без многих повторных наглядных уроков скажется полезное, *отталкивающее* действие этого образца, но скажется оно непременно. Не отрываться от масс, не терять терпения в тяжелой работе практического разоблачения перед рядовым рабочим всех жульничеств Серрати; не поддаваться на слишком легкое и самое опасное решение: там, где Серрати

говорит: «а», говорить «минус а»; воспитывать массы неуклонно к революционному мирозерцанию и революционному действию; пользоваться практически и практично великолепными (хотя и дорого стоящими) наглядными уроками фашизма — и победа за итальянским коммунизмом обеспечена.

Леви и Серрати характерны не сами по себе, а как современный образец крайнего левого крыла мелкобуржуазной демократии, «ихнего» лагеря, лагеря международных капиталистов, против нашего лагеря. «Ихний» лагерь злорадствует, ликует или проливает крокодиловы слезы весь, целиком, от Гомперса до Серрати, по поводу нашего отступления, нашего «спуска вниз», нашей новой экономической политики. Пусть злорадствуют. Пусть выделывают свои клоунские упражнения. Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их — и мы будем на самой вершине. Дело международного блока от Гомперса до Серрати — дело погибшее.

Написано в конце февраля 1922 г.

*Впервые напечатано 16 апреля 1924 г.
в газете «Правда» № 87*

Печатается по рукописи

О МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ
ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА МЕТАЛЛИСТОВ
8 МАРТА 1922 г. 43

(Бурные аплодисменты.) Товарищи! Позвольте мне несколько нарушить ваш обычный порядок и коснуться сегодня не тех тем, которые стоят в порядке дня вашего заседания и вашего съезда, для того, чтобы поделиться своими выводами и соображениями по вопросу о главных задачах политики. У нас уже неоднократно было принято обращаться к тем, кто, не являясь официальным представителем тех или иных государственных учреждений, фактически несет на себе громадную долю государственной работы. И вы все знаете, что настоящая деловая работа в большинстве наших государственных учреждений ведется теми или иными представителями рабочего класса и в том числе, конечно, в одном из первых рядов металлистами.

Вот почему я думаю, что в данном случае отнюдь не будет неуместно нарушить ваш обычный порядок занятий и говорить не столько о профессиональных и партийных вопросах, сколько о вопросах политических, о нашем международном и внутреннем положении. Ибо есть, по моему убеждению, нечто такое и в нашем международном, и в нашем внутреннем положении, что походит на некоторый перелом в политике и что требует со стороны всякого партийного человека и, разумеется, со стороны всякого сознательного рабочего особенного внимания для того, чтобы этот перелом в политике вполне понять, правильно усвоить и в свою работу — и советскую, и партийную, и профессиональную, и всякую иную — претворить.

Вы, конечно, все знаете, товарищи, что во главе вопросов международной политики у нас продолжает стоять

Генуя. Я не так чтобы очень твердо был уверен, что она продолжает стоять законно, ибо когда мы говорим: «Генуя», то предполагаем всем давно известную конференцию, назначенную было в Италии, в Генуе, почти совсем подготовленную, а в настоящее время, к сожалению, находящуюся в таком неопределенном состоянии, что никто не знает (я очень опасаясь, что сами инициаторы и организаторы Генуи не знают), имеет ли она много шансов состояться, или этих шансов она почти не имеет. Во всяком случае, мы должны сказать себе и всем тем, кто имеет какой-либо интерес к судьбам рабоче-крестьянской республики, что наша позиция в этом отношении, т. е. в вопросе о конференции в Генуе, с самого начала была совершенно твердой и такой же твердой осталась. И не наша вина, если не только твердости, но даже и самой элементарной решительности, самой элементарной способности выполнять свои же намерения нехватает у кого-то другого. Мы с самого начала заявляли, что *Геную приветствуем и на нее идем*; мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только. Это, конечно, нисколько не секрет для тех капиталистических государств, правительства которых составляли первый план Генуэзской конференции и двигали ее в ход. Эти государства превосходно знают, что ряд торговых договоров, связывающих нас с различными капиталистическими странами, становится все длиннее; число практических торговых сделок растет; число детальнейшим образом обсуждаемых торговых предприятий, совместно русских и иностранных, в самых разнообразных комбинациях различных иностранных государств и различных отраслей нашей промышленности, — в настоящее время громадно. Поэтому практическая основа того, о чем в Генуе, главным образом, будет идти речь, капиталистическим государствам великолепно известна. И если в дополнение к этой основе является надстройкой куча всяческих политических разговоров, предположений, прожектов, то надо понимать, что это — только надстройка, очень часто искусственно построенная,

выдуманная и осуществляемая теми, кто в этом заинтересован.

Более чем за четыре года существования Советской власти мы, разумеется, достаточно приобрели практического опыта (помимо того, что мы об этом достаточно знали и теоретически), чтобы уметь оценивать надлежащим образом эту дипломатическую игру, которую развернули по всем правилам устарелого буржуазного дипломатического искусства господа представители буржуазных государств. Мы прекрасно понимаем, что лежит в основе этой игры: мы знаем, что суть ее составляет торговля. *Буржуазным странам надо торговать с Россией*: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор; несмотря на все их великолепнейшие победы, несмотря на все то бесконечное хвостовство, которым они наполняют газеты и телеграммы всего мира, экономика их все же расплзается, и с самой простой задачей — не то, чтобы новенькое строить, а чтобы старое лишь восстановить, — они вот уже четвертый год, после их величайших побед, справиться не могут и все еще вертятся вокруг того, как бы втроем, вчетвером, впятером собраться (число, как видите, необыкновенно большое, страшно затрудняющее возможность соглашения) и составить такую комбинацию, чтобы можно было торговать.

Я понимаю, что коммунистам, чтобы научиться торговать, действительно надо время и что всякий, кто хочет этому научиться, сначала несколько лет будет делать грубейшие ошибки, и история ему простит, потому что это дело для него новое. Тут нужно и мозги сделать более гибкими, и скинуть всякую коммунистическую или, вернее, русскую обломовщину и многое другое. Но чтобы представителям буржуазных государств приходилось заново учиться делу торговли, которую они ведут сотни лет, и на которой построен весь их общественный быт, — это странно. Для нас, впрочем, это не так странно: мы давно говорили и знали, что они империалистическую войну оценили менее правильно, чем мы. Они оценивали ее с точки зрения того, что лежит у них под носом, а через три года после их гигантских побед не могут найти выхода из положения.

Мы, коммунисты, говорили, что мы войну оцениваем глубже и правильнее, что противоречия и бедствия ее

действуют неизмеримо шире, чем предполагают капиталистические государства. И, глядя со стороны на буржуазные страны-победительницы, мы говорили: помянут они наши предсказания и нашу оценку войны и ее последствий еще не раз. Нас не удивляет то обстоятельство, что они запутались, пожалуй, меньше, чем в четырех соснах. Но в то же время мы говорим: для нас необходима торговля с капиталистическими государствами, пока они существуют как таковые. На переговоры с ними мы идем как торговцы, а что мы можем это осуществить, это доказывается числом торговых договоров с капиталистическими державами, которое растет, доказывается числом сделок. Мы не можем их опубликовать, пока они не заключены. Когда к нам является торговец-капиталист и говорит: «Пока мы не дошли до конца разговоров, это должно остаться между нами», — конечно, с торговой точки зрения в этом отказать нельзя. Но мы-то знаем, сколько договоров находится в подготовке — один список их занимает несколько страниц, в числе их находятся десятки обсужденных конкретно практических предложений с солидными финансовыми группами. Конечно, господа представители буржуазных держав, собирающиеся в Генуе, знают это не хуже нас: насчет чего иного, а связь этих правительств с их капиталистическими фирмами, конечно, осталась. Даже у них все еще не настолько велика расхлябанность, чтобы они этого не знали.

И поэтому, если мы в телеграммах из-за границы встречаем постоянные известия о том, как будто они не представляют себе точно, что будет происходить в Генуе, как будто они выдумывают что-то новое, как будто они мир хотят удивить тем, что предъявят России новые условия, то позвольте им сказать (я надеюсь, что мне удастся лично это сказать Ллойд-Джорджу в Генуе) — вы этим никого не удивите, господа. Вы — люди торговые и торгуете прекрасно. Мы торговле еще только учимся и торгуем очень плохо. Но у нас есть десятки и сотни договоров и проектов договоров, из которых видно, как мы торгуем, какие и на каких условиях мы сделки заключаем или будем заключать. А если мы встречаем в газетах всякие известия, рассчитанные на то, чтобы кое-кого запугать, о том, что нам навяжут какое-то испытание, то мы на этот счет довольно спокойно улыбаемся. Угроз мы видали

достаточно и притом более серьезных, чем угрозы торговца, который собирается хлопнуть дверь, предлагая свою, самую что ни на есть последнюю, цену. Мы видели угрозы пущками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. *Угрозы этих мы не испугались. Об этом, господа европейские дипломаты, пожалуйста, не забывайте,*

Мы вовсе не гонимся за тем, чтобы поддержать свой собственный дипломатический престиж, свое реноме, как это чрезвычайно важно для буржуазных государств. Мы официально даже вовсе говорить об этом не будем. Но мы этого не забыли. У нас ни один рабочий, ни один крестьянин не забыл, забыть не может и никогда не забудет, что он воевал, отстаивая рабоче-крестьянскую власть против союза всех самых могущественных держав, которые поддерживали интервенцию. У нас есть целая коллекция договоров, которые эти государства в течение ряда лет заключали с Колчаками и Деникиными. Они опубликованы, мы их знаем, весь мир знает их. Зачем же играть в прятки и изображать дело так, как будто мы все стали Иванами-Непомнящими? Каждый крестьянин и каждый рабочий знает, что он воевал с этими державами, и что они его не победили. И если вам угодно, господа представители буржуазных государств, забавляться и тратить вашу бумагу (у вас ее очень много, больше, чем нужно), ваши чернила, обременять ваши провода и ваши радиостанции на то, чтобы оповещать весь мир: «Мы Россию поставим в положение испытуемой», то мы еще посмотрим, кто — кого. Мы уже испытывались и испытывались не словами, не торговлей, не рублем, а дубьем. И мы уже заслужили тяжелыми, кровавыми и мучительными ранами то, что про нас не мы сами, а противники должны сказать: «За битого двух небитых дают».

Мы заслужили это в области военной. Вот по части торговой, жаль, что мало нас, коммунистов, бьют, но я надеюсь, что в ближайшем будущем этот недостаток будет восполнен и с таким же успехом.

Я сказал, что рассчитываю лично поговорить с Ллойд-Джорджем в Генуе на эти темы и сказать ему, что *пугать нас пустячками не следует*, ибо от этого только потеряют престиж те, кто пугает. Я надеюсь, что этому не помешает моя болезнь, которая несколько месяцев не дает мне воз-

возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе. *Но сумеют ли они через несколько недель сговориться втроем или вчетвером насчет того, о чем они весь мир оповестили, что они сговорились, — в этом я не уверен.* Я даже решаюсь утверждать, что никто в мире в этом не уверен, и даже больше, что они сами этого не знают, потому что, когда победившие державы, имеющие в своих руках власть над всем миром, собрались в Каннах, после того, как они уже много раз собирались, — число их конференций бесконечно, и европейская буржуазная пресса даже сама смеется над этим, — они все же не смогли сказать как следует, чего они хотят.

Правильнее всего поэтому, с точки зрения практических задач, а не с точки зрения дипломатической чехарды, определил положение т. Троцкий. На другой день после известия о том, что Генуя совсем налажена, совсем сговорена, что насчет Генуи полное согласие, но что только неустойчивость одного из буржуазных правительств (они стали как-то подозрительно неустойчивы) вынудила временную отсрочку, он опубликовал приказ: «Пусть каждый красноармеец усвоит себе международное положение; мы знаем твердо, что у них есть устойчивая группа, которая желает попробовать интервенцию; мы будем начеку, и пусть каждый красноармеец знает, что такое дипломатическая игра и что такое сила оружия, которая до сих пор решала все классовые конфликты».

Пусть каждый красноармеец знает, что такое эта игра, что такое сила оружия, и тогда мы посмотрим. Как ни развалился капитализм во всех капиталистических странах, но эту штуку попробовать могут многие не невлиятельные партии. А если правительства неустойчивы настолько, что не могут созвать во-время собрания, то кто знает, в чьих руках окажутся эти правительства. Мы знаем, что у них есть влиятельные, желающие войны, партии и влиятельные лица и экономические воротилы, мы это прекрасно знаем, и о настоящей сути, которая лежит в основе экономических договоров, мы осведомлены достаточно. Мы тяжелого вынесли необыкновенно много и знаем, какие бедствия и мучения новая попытка войны

может причинить нам, и мы говорим, что мы *это еще раз вынесем, попробуйте только это попробовать*. Вывод, который сделал г. Троцкий, опубликовавший, вместо соображений дипломатической чехарды, свой твердый приказ, состоит в том, чтобы каждому красноармейцу разъяснили международное положение заново, что отсрочка Генуэзской конференции по случаю неустойчивости итальянского кабинета — это есть опасность войны. Мы добьемся, что у нас каждый красноармеец это будет знать. Нам тем легче этого добиться, что редко можно найти такую семью, такого красноармейца в России, которые этого не знали бы и не только из газет, циркуляров или приказов, а из своей деревни, где он видел калек, видел семьи, которые эту войну выдержали, где он видит веурожай, голод мучительный и разорение, дьявольскую нужду и знает, чем они вызваны, хотя он не читает парижских изданий меньшевиков и эсеров, чтобы объяснить это злокачественными свойствами большевиков. У него едва ли есть теперь более прочное настроение во всем его существе, чем настроение отпора (скажу хоть так), отпора тем, кто навязал нам и поддержал против нас войну Колчака и Деникина. На этот счет нам не нужно создавать новых комиссий агитации и пропаганды.

По вопросу о Генуэзской конференции нужно строго отличать суть дела от тех газетных уток, которые буржуазия пускает; ей они кажутся страшными бомбами, но нас они не пугают, так как мы их много видели и они не всегда заслуживают, чтобы на них отвечать даже улыбкой. Всякие попытки навязать нам условия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать. Мы, как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам, и что мы тебе, и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль. Мы видим много предложений, число договоров у нас растет и будет расти, как бы фигура трех-четырёх держав-победительниц ни складывалась; этой отсрочкой конференции вы потеряете, потому что вы своим собственным людям докажете, что вы сами не знаете, чего хотите, и что вы больны так называемой болезнью воли. Эта болезнь заключается в непонимании той экономии и политики, которую мы оценили глубже вас. Скоро десять лет пройдет, как мы оценили это, а вся эта последующая

разруха и развал все еще не ясны для буржуазных государств.

Мы уже видим ясно то положение, которое у нас создано, и можем сказать с полной твердостью, что *отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем. Достаточно.* Мы совершенно ясно видим и не скрываем, что новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать, но такова уже логика борьбы. Если кто помнит, что было в октябре 1917 года, или если кто тогда был политически незрелым и ознакомился потом с положением, которое было в 1917 году, то он знает, какую массу компромиссных предложений делали тогда большевики по отношению к буржуазии. Они говорили: «Господа, у нас дело разваливается, а мы у власти будем и ее удержим. Не угодно ли вам обдумать, как бы вам, выражаясь по-мужицки, без скандала это уладить». Мы знаем, что были не только скандалы, но и попытки восстаний, которые поднимали и поддерживали меньшевики и эсеры. Они говорили раньше: «Мы хоть сейчас отдадим власть Советам». На-днях мне пришлось прочесть статью Керенского против Чернова в парижском журнале (там этого добра очень много); Керенский говорит, — разве мы держались за власть, я еще во время Демократического совещания заявлял, что если окажутся лица, которые возьмут на себя образование однородного правительства, то власть будет передана новому правительству без всяких потрясений.

Мы не отказывались взять власть одни. Мы заявляли это еще в июне 1917 года⁴⁴. В октябре 1917 года на съезде Советов это осуществили. Съезд Советов получил большевистское большинство. Тогда Керенский обратился к юнкерам, поскакал к Краснову, хотел собрать армию и идти на Петроград. Мы их немножко помяли, и теперь они в обиде и говорят: «Какие обидчики, захватчики, какие палачи». Мы отвечаем: «Пеняйте на себя, друзья! Не думайте, что русские крестьяне и рабочие забыли ваши действия! Вы вызвали нас на борьбу в самой отчаянной форме в октябре, в ответ на это мы выдвинули террор и тройной террор, а если еще потребуется, выдвинем и еще, если вы попробуете еще раз». Ни один рабочий, ни один крестьянин не сомневается в том, что он необходим; кроме интеллигентских кликуш, никто в этом не сомневается.

В условиях неслыханных экономических трудностей нам пришлось проделать войну с неприятелем, превышающим наши силы в сто раз; понятно, что пришлось при этом идти далеко в области экстренных коммунистических мер, дальше, чем нужно; нас к этому заставляли. Наши противники думали, что они покончат с нами, они думали не на словах, а на деле заставить нас подчиниться. Они говорили: «Ни на какие уступки не пойдём». Мы ответили: «Если вы думаете, что мы на крайние коммунистические меры не решимся, то ошибаетесь». И мы решились, мы это сделали, и мы победили. Сейчас мы говорим, что этих позиций нам не удержать, мы отступаем, потому что у нас достаточно завоевано, чтобы удержать за собой нужные позиции. Вся белогвардейщина во главе с меньшевиками и эсерами ликует и говорит: «Ага! вы отступаете!». — Ликуйте, этим вы ублажаете себя, — говорим мы. Нам это выгодно, если наш неприятель, вместо деловой работы, занимается самоублажением. Торжествуйте, вы ставите нас в еще более выгодное положение тем, что иллюзиями ублажаете себя. Мы завоевали громадные позиции, и если бы, начиная с 1917 по 1921 год, мы не завоевали себе этих позиций, у нас не было бы пространства для отступления — и в смысле географии, и в смысле экономическом и политическом. Мы сохраняем власть в союзе с крестьянами, а если вы не хотите соглашаться на условия, которые вам предлагались до войны, то после войны получите худшие условия. Это точно запечатлено в истории дипломатической, экономической и политической с 1917 по 1921 год, так что это несколько не хвастовство. Это просто констатирование, просто напоминание. Если бы господа капиталисты в октябре 1917 года приняли наши предложения, они имели бы в пять раз больше, чем сейчас. Вы воевали три года. Что получили? Еще хотите воевать? Мы хорошо знаем, что желают воевать среди вас далеко не все. Мы знаем, с другой стороны, что при отчаянном голоде, при том состоянии промышленности, какое есть, всех позиций, полученных с 1917 по 1921 год, нам не удержать. Мы целый ряд их сдали. Но мы можем теперь сказать, что *это отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено*. Мы свои силы и силы капиталистов взвесили. Мы целый ряд примерных разведочных движений в смысле заключения договоров

с капиталистами русскими и иностранными имеем и говорим, и я надеюсь и уверен, что и съезд партии скажет это официально от имени руководящей партии России: *наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно. Дальше назад мы не пойдем, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы.*

Когда я говорю, что мы свое экономическое отступление приостанавливаем, это не значит, чтобы я сколько-нибудь забывал те дьявольские трудности, в которых мы находимся, и чтобы я хотел вас на этот счет успокоить и утешить. Вопрос о границах отступления и о том, приостанавливаем мы его или нет, — это вопрос не о том, какие трудности перед нами стоят. Мы знаем, какие трудности стоят перед нами. Мы знаем, что такое голод в крестьянской стране, как Россия. Мы знаем, что поправить бедствия, вызванные голодом, нам еще не удалось. Мы знаем, что значит финансовый кризис в стране, которая вынуждена торговать и в которой выпущено такое обилие бумажных денег, какого свет не видал. Мы знаем эти трудности, мы знаем, что они громадны. Я не боюсь сказать, что они необъятны. Нас это несколько не пугает. Напротив, мы почерпаем свою силу из того, что говорим открыто рабочим и крестьянам: «Вот какие трудности перед вами лежат, вот какая опасность нам угрожает со стороны западных держав. Давайте работать и смотреть трезво на наши задачи». Если мы останавливаем наше отступление, то это не значит, что мы не знаем этих опасностей. Мы на них смотрим прямо. Мы говорим: «Вот где главная опасность; бедствия, вызванные голодом, надо залечить. Мы их еще не залечили. Мы еще отнюдь не преодолели финансового кризиса». Так что отнюдь не в том смысле надо понимать слова о приостановке отступления, что мы уже считаем, что нами фундамент (новой экономики) создан и что мы можем идти спокойно. Нет, фундамент еще не создан. Спокойно смотреть на будущее мы еще не можем. Опасностями мы окружены и военными, о которых я говорил достаточно, и еще большими опасностями мы окружены внутри, где существуют опасности экономические, состоящие в страшном разорении крестьянства, состоящие в голоде, состоящие в финансовом неустройстве. Они чрезвычайно велики. От нас требуется громадное напряжение сил. Но, если нам навяжут войну, мы воевать

сумеет. Но повести войну им тоже не так легко. В 1918 году им было легко начать войну и продолжать ее в 1919 году точно так же. Но до 1922 года утекло много и воды, и крови, и всего иного. Западные рабочие и крестьяне совсем не те, что были в 1919 году. И надуть их, говоря им, что мы воюем против немцев, а большевики так себе, посланцы немцев, и больше ничего — нельзя. Мы в панику не впадаем от нашего экономического положения. Мы в настоящее время имеем десятки договоров, заключенных с русскими и с иностранными капиталистами. Мы знаем, какие трудности перед нами были и есть. Мы знаем, почему русские капиталисты на эти договоры пошли. Мы знаем, на каких условиях эти договоры заключены. Большинство этих капиталистов идут на эти договоры как практики, как купцы. И мы идем как купцы. Но всякий купец в известной степени учитывает политику. Если это купец не совсем дикой страны, он не заключит сделки с правительством, которое не представляет больших видимостей прочности, большой надежности. Тот купец, который сделает это, это уже не купец, а дурак. А их бывает среди купцов не подавляющее большинство, потому что вся логика купеческой борьбы убирает их с купеческого поля. Если прежде у нас была оценка: побил тебя Деникин, докажи, что ты можешь его побить, то сейчас оценка другая: побил тебя купец, докажи, что ты можешь заставить его пойти на сделку. Мы это доказали. Мы имеем уже ряд договоров с крупнейшими капиталистическими фирмами России и Западной Европы. Мы знаем, на что они идут. Они знают, на что мы идем.

Теперь задача работы у нас несколько изменяется. Вот я об этом и хотел сказать еще несколько слов в дополнении к моему и так несколько затянувшемуся докладу.

В связи с тем положением, когда Генуя показывает колебания, которым, кажется, не предвидится и конца, и когда мы в своей внутренней политике сделали столько уступок, теперь мы должны сказать: *«Довольно, больше никаких уступок!»*. Если господа капиталисты думают, что можно еще тянуть и чем дальше, тем будет больше уступок, повторяю, им нужно сказать: *«Довольно, завтра вы не получите ничего!»*. Если история Советской власти и ее побед их ничему не научила, тогда — как им

угодно. Мы с своей стороны все сделали и мы заявили об этом перед всем миром. Я надеюсь, что съезд также подтвердит, что дальше мы не отступаем. *Отступление кончилось*, а в связи с этим и изменяется наша работа.

Нужно отметить, что у нас до сих пор замечается большая первность, почти болезненность при обсуждении этого вопроса; составляются всяческие планы и выносятся всякие решения. По этому поводу мне хочется привести следующее. Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему⁴⁵. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении людей (и надо сказать, что положение это очень глупое), которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы — до бесконечности. Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что *старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел*. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий. Мы не подражали никому из тех, кто слово «революция» пишет с большой буквы, как это делают эсеры. Но мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше⁴⁶. Нужно смотреть на эти глупости трезво и безбоязненно — этому мы, революционеры, должны научиться.

Мы сделали в эту революцию так много неотъемлемого, что уже окончательно победило и о чем уже знает весь мир, что нам смущаться и нервничать ни в каком случае не надо. Сейчас положение такое, что мы, опираясь на

произведенную разведку, делаем проверку того, что нами сделано, — эта проверка имеет очень важное значение, от нее мы должны направляться дальше. И когда нам предстоит выдержать борьбу с капиталистами, нам нужно решительно проводить наш новый путь. *Нам нужно построить всю нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области.* У нас сплошь и рядом во главе учреждения ставится коммунист — человек заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет, и по этому случаю он поставлен во главе гостреста. И вот он имеет все неоспоримые достоинства, как коммунист, а купец-то его все-таки вздует — и отлично сделает. Ибо напрасно самых достойных, великолепнейших коммунистов, в преданности которых ни один человек, кроме сумасшедшего, не усомнится, посадили туда, куда надо ставить расторопного, добросовестно относящегося к делу приказчика, который гораздо лучше справится со своей работой, чем самый преданный коммунист. Вот здесь-то и сказывается наша обломовщина.

Мы на практическую работу для исполнения насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных. Сколько у нас коммунистов сидит в государственных учреждениях? У нас имеются громадные материалы, солидные труды, которые бы привели в восторг самого пунктуального ученого немца, у нас имеются горы бумаг, и нужно 50 лет работы Истпарта⁴⁷, умноженных на 50, чтобы во всем этом разобраться, а практически в гостресте вы ничего не добьетесь и не узнаете, кто за что отвечает. Практическое исполнение декретов, которых у нас больше чем достаточно и которые мы печем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находит себе проверки. Исполняются ли у нас постановления коммунистических ответственных работников? Умеют ли они это дело поставить? Нет, этого нет, и вот почему изменяется и гвоздь нашей внутренней политики. Что такое наши заседания и комиссии? Это очень часто игра. После того, как мы начали чистку партии и сказали себе: «Шкурников, примазавшихся к партии, воров — долой», стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только

начало. На съезде партии мы этот вопрос обсудим как следует. И тогда, я думаю, те десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ведут и не умеют вести, подвергнутся той же участи. Вот когда мы таким образом почистимся, наша партия будет заниматься фактической работой и будет понимать ее так же, как она понимала это в области военной. Конечно, это работа не только нескольких месяцев, но и не одного года. Мы должны отличаться твердокаменностью в этом вопросе. Мы не боимся сказать, что характер нашей работы изменился. Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный. Он немножко дерет, но зато в рот хмельного не берет. Он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, он ее прикрывает. *От этого врага мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой бестолковщины и обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может.*

Заканчивая свою речь, я подведу краткий итог. Игра в Геную, игра в чехарду, которая около нее происходит, нимало нас не заставит колебаться. Теперь уже нас не поймают. *Мы идем к купцам и будем идти на сделки, продолжая свою политику уступок, но границы их уже определены. То, что мы до сих пор дали купцам в наших договорах, мы сделали в смысле шага назад в нашем законодательстве, и дальше мы не пойдем.*

В связи с этим изменяются наши главные задачи во внутренней, особенно экономической, политике. Нам нужны не новые декреты, не новые учреждения, не новые способы борьбы. *Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения.* Следующая чистка пойдет на коммунистов, *мнящих себя администраторами.* Пробирайтесь лучше в область пропагандистской и агитаторской и всякой иной полезной работы — все те, кто все эти комиссии, совещания и разговоры ведут, а простого дела не делают. Сочиняют что-нибудь особенное и мудреное и оправдываются тем, что новая экономическая

политика и надо что-нибудь выдумать новое. А то дело, которое им поручено, не делается. Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские. Вот против этого зла мы поведем нашу борьбу. *Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела* — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет. Мы официально должны сказать от имени партии, в чем теперь гвоздь работы, и соответственно перестроить ряды. Тогда мы в этой новой области окажемся такими же победителями, какими до сих пор оказывались во всех областях работы, за которые большевистская пролетарская власть, поддержанная крестьянской массой, принималась. (А п л о д и с м е н т ы.)

«Правда» № 54, 8 марта 1922 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА

Об общих задачах журнала «Под Знаменем Марксизма»⁴⁹ тов. Троцкий в № 1—2 сказал уже все существенное и сказал прекрасно. Мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, ближе определяющих содержание и программу той работы, которая провозглашена редакцией журнала во вступительном заявлении к № 1—2.

В этом заявлении говорится, что не все объединившиеся вокруг журнала «Под Знаменем Марксизма» — коммунисты, но все последовательные материалисты. Я думаю, что этот союз коммунистов с некоммунистами является безусловно необходимым и правильно определяет задачи журнала. Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи.

Это относится и к той работе защиты материализма и марксизма, за которую взялся журнал «Под Знаменем Марксизма». У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная

материалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского, от которого современные народники (народные социалисты, эсеры и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности.

Во всяком случае, у нас в России есть еще — и довольно долго, несомненно, будут — материалисты из лагеря некоммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и вопиющего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества». Дицген-отец, которого не надо смешивать с его, столь же претенциозным, сколь неудачным литератором-сыном, выразил правильно, метко и ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и пользующиеся среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как «дипломированных лакеев поповщины».

Наши российские интеллигенты, любящие считать себя передовыми, как, впрочем, и их собратья во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дицгена. Но не любят они этого потому, что правда колет им глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем общэкономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правильность резкой характеристики Дицгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная, хотя бы, с тех, которые были связаны с открытием радия, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна, — чтобы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий

и идейным содержанием модных философских направлений.

Из указанного видно, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть босвым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими» публицистами.

Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма. У нас есть ведомства или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло, крайне неудовлетворительно, испытывая, видимо, на себе гнет общих условий нашего истинно русского (хотя и советского) бюрократизма. Чрезвычайно существенно поэтому, чтобы в дополнение к работе соответствующих государственных учреждений, в исправление ее и в оживление ее, журнал, посвящающий себя задаче — стать органом воинствующего материализма, вел неутомимую атеистическую пропаганду и борьбу. Надо внимательно следить за всей соответствующей литературой на всех языках, переводя или, по крайней мере, реферируя все сколько-нибудь ценное в этой области.

Энгельс давно советовал руководителям современного пролетариата переводить для массового распространения в народе боевую атеистическую литературу конца XVIII века⁴⁹. К стыду нашему, мы до сих пор этого не сделали (одно из многочисленных доказательств того, что завоевать власть в революционную эпоху гораздо легче, чем суметь правильно этой властью пользоваться). Иногда оправдывают эту нашу вялость, бездеятельность и неумелость всяческими «выспренними» соображениями: например, дескать, старая атеистическая литература XVIII века устарела, ненаучна, наивна и т. п. Нет ничего хуже подобных, якобы ученых, софизмов, прикрывающих либо педантизм, либо полное непонимание марксизма. Конечно, и ненаучного, и наивного найдется не мало в атеистических произведениях революционеров XVIII века. Но никто не мешает издателям этих сочинений сократить их и снабдить короткими послесловиями с указанием

на прогресс научной критики религий, проделанный человечеством с конца XVIII века, с указанием на соответствующие новейшие сочинения и т. д. Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно, крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.

Бойкал, живая, талантиливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают. Все сколько-нибудь крупные произведения Маркса и Энгельса у нас переведены. Опасаться, что старый атеизм и старый материализм останутся у нас недоиспользованными теми исправлениями, которые внесли Маркс и Энгельс, нет решительно никаких оснований. Самое важное — чаще всего именно это забывают наши якобы марксистские, а на самом деле уродующие марксизм коммунисты — это суметь заинтересовать совсем еще неразвитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий.

С другой стороны, взгляните на представителей современной научной критики религий. Почти всегда эти представители образованной буржуазии «дополняют» свое же собственное опровержение религиозных предрассудков такими рассуждениями, которые сразу разоблачают их как идейных рабов буржуазии, как «дипломированных лакеев поповщины».

Два примера. Проф. Р. Ю. Виппер издал в 1918 году книжечку: «Возникновение христианства» (изд. «Фарос».

Москва). Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви, как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической и материалистической. Это — прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии.

Известный немецкий ученый, Артур Древе, опровергая в своей книге: «Миф о Христе» религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было, в конце книги высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную, способную противостоять «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому потоку» (стр. 238 4-го немецкого издания, 1910 года). Это — реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гадеснькими и подлыми предрассудками.

Это не значит, чтобы не надо было переводить Древе. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность. Это значит, что чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т. е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо «союз» с Древецами в той или иной форме, в той или иной степени, для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами.

Журнал «Под Знаменем Марксизма», который хочет быть органом воинствующего материализма, должен уделять много места атеистической пропаганде, обзору соответствующей литературы и исправлению громадных недочетов нашей государственной работы в этой области. Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды.

Чрезвычайно важны все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Северной Америки, в которых меньше проявляется официальная, казенная, государственная связь религии и капитала. Но зато нам яснее становится, что так называемая «современная демократия» (перед которой так неразумно разбивают свой лоб меньшевики, эсеры и отчасти анархисты и т. п.) представляет из себя не что иное, как свободу проповедывать то, что буржуазии выгодно проповедывать, а выгодно ей проповедывать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.

Хотелось бы надеяться, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, даст нашей читающей публике обзоры атеистической литературы с характеристикой, для какого круга читателей и в каком отношении могли бы быть подходящими те или иные произведения и с указанием того, что появилось у нас (появившимся надо считать только сносные переводы, а их не так много) и что должно быть еще издано.

Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма.

Помещенная в 1—2 номере журнала «Под Знаменем Марксизма» статья А. Тимирязева о теории относительности Эйнштейна позволяет надеяться, что журналу удастся осуществить и этот второй союз. Надо обратить на него побольше внимания. Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьца. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей, — это задача, без разрешения которой воинствующий материализм

лизм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом. Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить, что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX века.

И для того, чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествовед должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай) — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и несомненно первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон,

печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, всего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае.

В заключение приведу пример, не относящийся к области философии, но во всяком случае относящийся к области общественных вопросов, которым также хочет уделить внимание журнал «Под Знаменем Марксизма».

Это один из примеров того, как современная якобы наука на самом деле служит проводником грубейших и гнуснейших реакционных взглядов.

Недавно мне прислали журнал «Экономист» № 1 (1922 г.), издаваемый XI отделом «Русского технического общества». Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.

Некий г. П. А. Сорокин помещает в этом журнале обширные якобы «социологические» исследования «О влиянии войны». Ученая статья пестрит учеными ссылками на «социологические» труды автора и его многочисленных зарубежных учителей и сотоварищей. Вот какова его учепость:

На странице 83-й читаю:

«На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 разводов — цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, 11% — менее одного месяца, 22% — менее двух месяцев, 41% — менее 3—6 месяцев и лишь 26% — свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак — форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои аппетиты» («Экономист» № 1, стр. 83-я).

Нет сомнения, что и этот господин, и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины».

Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении, покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия, даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках, проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине и по отношению к внебрачным детям.

Это не мешает, конечно, меньшевикам, эсерам и части анархистов и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно-демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число предшествовавших ей и называющих себя

демократическими буржуазных революций, — провела решительную борьбу в указанном отношении, как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов.

Если г. Сорокину 92 развода на 10 000 браков кажется цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии. Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше. Россия в этом отношении отличается от других стран только тем, что ее законы не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия.

Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных «образованных» крепостников. Вероятно, не малая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливоенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место.

Научится, была бы охота учиться.

12. III. 1922.

ТОВ. МОЛОТОВУ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО

О ТЕЗИСАХ Т. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО 50

1. Заглавие не годится. Это не «основные принципы», кои установлены уже программой, а «О постановке работы РКП в деревне при условиях переживаемого момента».

Предлагаю: поручить автору *сократить* и частично видоизменить тезисы применительно к этой перемене темы. В частности, сократить общепринципальные повторения (им место будет в листовке, поясняющей и комментирующей будущее решение съезда) и развить детальнее *практические*, особенно *организационные* выводы.

2. В заголовке § I: «социальные отношения» вместо единственного числа.

(Переписка неряшлива: «объединения» вместо «обеднения»
«бесплощадных» вместо «безлошадных»...).

3. В § I особенно много длиннот: многое надо перенести в брошюрку.

4. О «кооперировании» и в § I и в других §§ говорится голо и абстрактно. Это уже говорено тьму раз и надоело. Надо изложить совершенно иначе, не повторяя голого лозунга: «Кооперируйтесь!», а *указывая конкретно*, в чем *практический опыт* кооперирования и как ему помочь. Если этого материала у автора нет, то надо внести в решение съезда *требование* этот материал собирать и разрабатывать не академически, а практически. (Все тезисы т. Преображенского архи- и пере-академичны; интеллигентщина, кружковщина, литературщина, а не практическая гос- и хозработа.)

5. «За исключением хозяйств коллективных» не развитие, а «тенденция к падению» (у бедноты). Не годится. Во-1-х, не доказано, что у «коллективов» вообще лучше. Не след дразнить крестьян лживым комсамохвальством. Во-2-х, не «тенденция к падению», а задержка развития *езде*; падение — *часто*.

6. Что «хозяйственное крестьянство» *увлекается* «задачей улучшения сельскохозяйственной культуры», это выражено неловко и, к сожалению, тоже «комхвастовство». Надо сказать: «начинает, хотя и медленно» (§ I).

7. «Крестьянское (?) равенство рассасывается» (?). Так нельзя сказать.

Конец I-го параграфа совсем негоден: статья, а не тезисы; предположения, без данных.

8. В § II начало архинепопулярно. И по сути ни к чему это в тезисах. Не из той оперы.

9. Вторая фраза II-го параграфа (против «комбедовских способов») вредна и неверна, ибо война, напр., может принудить к комбедовским способам.

Об этом сказать надо совсем иначе: напр., так: ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов, в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на *ограничение* его эксплуататорских стремлений и т. д.

Как ограничивать эти стремления, как защищать бедноту должно и может наше государство, в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически, а общие фразы *пусты*.

10. Последние слова II-го параграфа верны, но непопулярны и не развиты. Подработать надо.

11. В § III фраза: «Отрыв» и т. д. совсем искажена.

12. По сути всего § III, преобладают общие места. Это ни к чему. Повторять их так голо — вредно; вызовет тошноту, скуку, злобу против жвачки.

Вместо этого лучше хоть один *езд* взять и показать *деловым* анализом, как надо помогать «кооперированию», а не злить крестьян *елупо коммунистической игрой* в

кооперацию; — как и в чем именно мы на деле помогли агрономическим улучшениям и пр. и должны помогать и т. д.

Не тот подход к теме. Вредный подход. Тошнит всех от общих фраз. Они *плодят* бюрократизм и поощряют его.

13. Начало § IV-го особенно неудачно. Это непопулярная статья, а не тезисы к съезду.

Далее. «Директивы в декретном порядке», вот что предлагает автор. Это в корне неверно. Бюрократизм потому нас и душит, что мы все еще играем в «директивы в декретном порядке». Хуже и вреднее этого автор ничего не мог бы придумать.

Далее. Говорить на съезде РКП, что «надо осуществить решения IX съезда Советов», это архискандал. Для этого писать тезисы!!

Весь § не годится. Общие места. Фразы. Пожелания, всем надоевшие. Это и есть *современный* «комбюрократизм».

Вместо этого лучше взять данные *практического* опыта хотя бы даже по одному уезду, — хотя бы даже по одной волости, — и разработать их не академически, а *практически*: учитесь, любезные комбюрократы, *вот того-то не делать* (конкретно, с примерами и наименованием мест, с точным указанием фактов), а *вот то-то* делать (так же конкретно).

По отношению к «кооперации» этот недостаток тезисов здесь, в § IV, особо велик и особо вреден.

14. В § V «кадрами сельскохозяйственного пролетариата» объявляются «рабочие совхозов». Это неверно. Это «комчванство». Гораздо чаще это *не* пролетариат, а и «пауперы», и мелкие буржуа, и все что хотите. Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно. Это — главный источник нашего бюрократизма. И это зря дразнит крестьян, обижает их. О «кадрах сельскохозяйственного пролетариата» в наших совхозах пока умнее помолчать будет.

Правильно говорится дальше, что организация этого «пролетариата» («весьма разнородного и пестрого»: правильно! и потому больше похожего на... нечто неприличное, но не «кадры») «очень трудна».

Верно! И поэтому не надо говорить таких вещей, как «состав совхозов должен быть очищен от мелкособственнических элементов», ибо это вызовет *смех*, и законный (вроде очистки крестьянских изб от дурного воздуха).

Лучше помолчать.

15. В § VI (только!) начинается подход к практическим задачам. Но и этот подход так слаб, так мало обоснован практическим опытом, что приходится сделать вывод (во изменение предложения, намеченного выше, в пункте 1-ом):

признать тезисы не подходящими;

поручить автору плюс Осипскому плюс Теодоровичу плюс Яковенке организовать на съезде совещание делегатов, работающих в деревне;

темой совещания сделать отнюдь не «принципы» и т. п., а исключительно *изучение и оценку практического опыта*:

как кооперировать?

как бороться с плохими совхозами? с плохими кооперативами и коллективами?

как усилить Всеработземлес⁵¹? (вставить туда автора на *длительную* работу).

Поставить от Цека задачей этого совещания — отнюдь не впадать в повторение общих мест, а исключительно изучать детально местный (уездный, волостной, сельский) *практический* опыт; если его мало (вероятно, мало, ибо никто не потрудился собрать; несобранного же опыта очень много), то лучше выбрать съездом

(а) комиссию по изучению сего практического опыта;

(б) подчинить ее Центральному Комитету;

(в) включить в нее т. Преображенского;

(г) » в Всеработземлес его же...

(д) комиссии поручить собрать опыт, подработать, выработать (после ряда статей)

письмо Цека (нового) о постановке работы в деревне с обязательным конкретнейшим указанием, как кооперировать, как «ограничивать» кулаков, не приостанавливая роста производительных сил, как вести дело Всеработземлесу, как его усилить и т. д. и т. д.

Резолюцию съезда от Цека подготовить такую (примерно):

Факты показывают, и специальная комиссия съезда подтверждает, что главный недостаток партии в области работы в деревне — неизучение практического опыта. Это корень всех бед и всего бюрократизма. Съезд поручает Цека с этим в 1-ую голову бороться. Между прочим, при помощи комиссии такой-то, из коей 1 — (или 2, 3) в Всеработземлес на *постоянную* работу.

Комиссия должна печатать листовки, брошюрки, изучая опыт систематично, чтобы советовать и приказывать, как именно вести работу, как не вести.

Ленин

16/III. 1922.

Впервые напечатано в 1925 г.

Печатается по рукописи

ПРОЕКТ ОТВЕТА Э. ВАНДЕРВЕЛЬДЕ⁵²

17 марта 1922 г.

Ни один член Советского правительства в России не сомневался никогда, что представители Второго Интернационала всегда проводили неуклонно ту политику, которую с небольшими колебаниями проводили также представители «Вевского социалистического объединения». Именно они проводили политику и прямого и косвенного союза с теми эксплуататорскими классами, которые во всех странах преследовали и убивали коммунистов, примеры чему особенно многочисленны и наглядны в Германской демократической республике. Только этим объединением и политической близостью между партиями эсеров и меньшевиков, которые фактически поддерживали наше шествие на Россию Колчака, Деникина и т. п., можно объяснить доверчивость, проявляемую в настоящее время известными политическими кругами в Западной Европе к эсерам и меньшевикам. На самом деле не только не вынесено приговора по делу об эсерах, о котором Вы пишете, но даже не было суда и не вручено еще обвиняемым обвинительного акта. Во всяком случае, считаю долгом прибавить, что Советское правительство не отказывалось от деловых предложений, вроде предложения обмена пленных или освобождения тех или иных категорий пленных, когда подобные предложения исходили от правительства Деникина во время его прямого нашего шествия на Советскую Россию с целью восстановления власти помещиков.

*Печатается впервые,
по машинописной копии*

**ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ И. И. СТЕПАНОВА:
«ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ РСФСР В СВЯЗИ
С ПЕРЕХОДНОЙ ФАЗОЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА»**

От всей души рекомендую настоящую работу тов. Степанова вниманию всех коммунистов.

Автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов. Автор прекрасно сделал, что решил писать книгу не для интеллигентов (как у нас принято писать книги, подражая худшим манерам буржуазных писателей), а для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян. В приложении автор поместил указатель литературы как для тех, кому трудно было бы, без пояснений, понять некоторые места в изложении тов. Степанова, так и для тех, кто хочет знать главнейшие труды русской и иностранной литературы по данному вопросу вообще. Особо отметить надо начало VI главы, где автор дает прекрасное изложение значения новой экономической политики, а затем превосходно опровергает ходячий «легонький» скептицизм насчет электрификации; скептицизм этот прикрывает обычно отсутствие серьезного размышления о предмете (если этот скептицизм не является, что тоже иногда бывает, прикрытием вражды белогвардейцев, эсеров и меньшевиков ко всякому советскому строительству вообще).

Чего нам больше всего нехватает для настоящей (а не чиновнически-бездельной) работы по народному просвещению, — это именно вот таких «пособий для школ» (для всех, обязательно всех школ вообще), как настоящие. Если бы все наши литераторы-марксисты вместо того, чтобы тратить свои силы на всем надоевшую газетную и журнальную политическую трескотню, засели за такие же пособия или учебники по всем без изъятия общественным

вопросам, тогда мы не переживали бы такого позора, что почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом, в *его*, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу.

Восьмой съезд Советов постановил, что преподавание плапа электрификации обязательно во всех — во всех без изъятия — учебных заведениях РСФСР⁵³. Это постановление осталось, как и многие другие, на бумаге вследствие нашей (нас, большевиков) некультурности. Теперь, с появлением в свет настоящего «пособия для школ» тов. Степанова, надо добиться — и мы добьемся! — того, чтобы в каждой уездной библиотеке (а затем и в каждой волостной) было по несколько экземпляров этого «пособия»; — чтобы при каждой электрической станции в России (а их свыше 800) не только была эта книга, но и устраивались обязательно общедоступные народные чтения об электричестве и об электрификации РСФСР и о технике вообще; — чтобы каждый народный учитель в каждой школе прочел и усвоил это «пособие» (для помощи в этом деле должен быть в каждом уезде устроен кружок или группа инженеров и преподавателей физики), и не только прочел, понял и усвоил сам, но умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще.

Добиться этого будет стоять немалого труда. Мы — нищие люди и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь не для принесения «пользы» и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить *свою* жизнь.

А это все у нас есть. И поэтому учиться мы будем и научимся.

Н. Ленин

18. III. 1922.

«Правда» № 64, 21 марта 1922 г.

Печатается по тексту книги
И. Степанов. «Электрификация
РСФСР в связи с переходной фазой
мирового хозяйства». Москва, 1922,
совершенному с рукописью

**ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ
О РАБОТЕ ЗАМОВ
(ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК И СТО)**

21/III. 1922.

Беседовал с Цюрупой и Рыковым. Надеюсь, что работа пойдет хорошо. Между прочим один вопрос касается Вашего наркомата. Главной задачей Цюрупы и Рыкова является (должна быть теперь) проверка исполнения, подбор людей.

Нужны помощники. Одного аппарата управдела Совнаркома для сего мало, а увеличивать его нерационально. Я выразил мысль, что надо использовать для сего (непосредственная помощь Цюрупе и Рыкову в деле проверки исполнения, надзора за *низами* наркоматов) Рабкрин. Хочу знать, одобрите ли Вы; если да, нужно письменное соглашение Ваше с замами, и в выработке этого соглашения я бы хотел принять участие.

Цель: из лучших работников Рабкрина, коих Цюрупа и Рыков подбирают, по соглашению с Вами, выработать (путем испытания их и Вами и обоими замами на *практических* поручениях) людей особо и безусловно надежных, умеющих быстро и безусловно а) *добиваться* исполнения; б) проверять исполнение; в) проверять правильность *аппарата* в том или ином наркомате, отделе, Мос- или Петросовете и т. д.; г) инструктировать насчет того, как ставить работу.

Эти люди работают не иначе, как *лично* докладывая ход и исход работы замам и Вам. Этих людей подбирать *очень* медленно с тем, чтобы лишь после многократного испытания превращать их, так сказать, в «особоуполномоченных» инспекторов и инструкторов; число их довести, *постепенно*, до нескольких десятков. Они, в свою очередь,

будут осуществлять привлечение к Рабкрину (*фактическое*) беспартийных рабочих и крестьян.

Если одобрите, пошлите копию этого Цюрупе и Рыкову, с Вашей припиской. Если имеете возражения, черкните (и позвоните) мне тотчас. Я бы хотел сказать об этом в докладе на съезде.

Ленин

*Впервые напечатано 21 января 1930 г.
в газете «Правда» № 21*

Печатается по машинописной копии

К ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ «БЕДНОТЫ»⁵⁴

Приветствую редакцию «Бедноты» по поводу четырехлетнего юбилея газеты.

Четыре года газета потрудилась с честью и с успехом над тем, чтобы послужить интересам трудового крестьянства. Война, навязанная пародам капиталистами и помещиками, так разорила Россию, что трудовое крестьянство все еще остается у нас беднотой. Много еще работы и тяжелой работы предстоит трудящимся массам России, чтобы побороть голод и нищету, нужду и разорение, вызванные последствиями войны.

Но эту тяжелую работу и крестьяне и рабочие России проделают и до конца доведут во что бы то ни стало. В этой работе поддержит и укрепит рабочих и крестьян сознание того, что они будут трудиться теперь на самих себя, на улучшение своей жизни, а не на обогащение помещиков и капиталистов.

Союз рабочих и крестьян — вот что дала нам Советская власть. Вот в чем ее сила. Вот в чем залог наших успехов и нашей окончательной победы.

Этот союз дал нам победу над Колчаком и Деникиным, которые пытались восстановить власть помещиков в России при поддержке иностранных войск, посылаемых капиталистами.

Теперь иностранные капиталисты вынуждены заключать торговые договоры с Советской Россией. Эти договоры помогут нам приобрести необходимые сельскохозяйственные орудия, машины и другие предметы для восстановления разоренного крестьянского хозяйства.

Мы переживаем теперь самую тяжелую весну, после голодного года. Но не будем падать духом. Как ни велики бедствия рабочих и крестьян, мы завоевали теперь себе право и возможность работать на себя, а не на помещика. И мы восстановим и улучшим разоренное хозяйство.

Н. Ленин

23. III. 1922.

«Беднота» № 1183, 26 марта 1922 г.

Печатается по рукописи

**ПИСЬМО В. М. МОЛОТОВУ О ПЛАНЕ
ПОЛИТДОКЛАДА НА XI СЪЕЗДЕ ПАРТИИ⁵⁵**

23/III. 1922.

Тов. Молотов!

Прошу Вас передать пленуму ЦК:

1. Мое ходатайство освободить меня от участия в пленуме по болезни (и заседания на пленуме и доклада на съезде я не осилю);

2. Если потребуется моя явка на пленум для объяснений по поводу нижеприводимого плана доклада, я безусловно могу явиться и явлюсь часа через 2—3 после вызова.

3. План предполагаемого мною политдоклада Цека на съезде:

в основном повторение, в некоторых пунктах развитие того, что сказано в речи на съезде металлистов, 6. III. 1922. Совсем коротко о Генуе. Несколько подробнее о *НЭПе* и о понятии «государственного капитализма».

Приостановка отступления (экономического) и задача перегруппировки сил. Предостережение нам со стороны буржуазии, которая устами сменовеховца Устрялова заявляет, что *НЭП* не «тактика», а «эволюция» большевизма.

Главное, чего нам нехватает, — культурности, умения управлять. Иллюстрация этого небольшими примерами. Экономически и политически *НЭП* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической

экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда.

О том, что неотъемлемо завоевано нашей революцией, и о том, что ею недоделано.

Возможность интервенции. Опасность финансового кризиса. Использовать «передышку»: сосредоточить центр тяжести работы на подборе людей и на проверке фактического исполнения.

Разрыв между величиной начатых осуществлением задач и нищетой как материальной, так и культурной.

В дополнение к докладу указать на роль двух замов председателя СНК и председателя СТО; на мою переписку об этом с А. Д. Цюрупой с конца I. 1922; на вырабатываемое теперь нами втроем (плюс Рыков) положение о новой постановке работы с наибольшей проверкой исполнения.

Освободить СНК от мелочей; точнее разграничить его функции от функций СТО и Малого СНК. Поднять авторитет СНК привлечением к участию в нем руководящих товарищей, наркомов, а не только их замов.

В связи с этим и согласно неоднократным устным заявлениям тов. Калинина, а равно прилагаемому письменному сообщению т-ща Енукидзе предложить съезду от имени ЦК одобрить как вышеназложенный план, так и созыв ВЦИКа на более длительные сессии для разработки основных вопросов законодательства и для систематического контролирования работы наркоматов и СНКома.

Наконец, необходимо разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства.

Выработать проект соответствующей резолюции на утверждение партсъезда.

4. Прошу пленум ЦК назначить дополнительного докладчика от ЦК, ибо мой доклад слишком общ, затем я не абсолютно уверен, что смогу его сделать, а главное — от текущей работы Политбюро уже месяцами отстал.

С коммунистическим приветом

Ленин

*Впервые напечатано 30 августа 1928 г.
в газете «Правда» № 201*

Печатается по рукописи

ОБ УСЛОВИЯХ ПРИЕМА НОВЫХ ЧЛЕНОВ В ПАРТИЮ

ПИСЬМА В. М. МОЛОТОВУ

1

Товарищу Молотову

Прошу ввести в пленум ЦК следующее мое предложение:

Я считаю крайне важным удлинить стаж для приема новых членов в партию. У Зиновьева стаж определен в $1\frac{1}{2}$ года для рабочих и год для остальных. Предлагаю оставить полгода только для тех рабочих, которые не меньше 10 лет пробыли фактически рабочими в крупных промышленных предприятиях. Для остальных рабочих назначить $1\frac{1}{2}$; 2 года назначить для крестьян и красноармейцев и 3 года для всех остальных. Особое изъятие допускается с совместного разрешения ЦК и ЦКК.

Я считаю крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки. Несомненно, что у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих. Все умные белогвардейцы вполне определенно учитывают то обстоятельство, что якобы пролетарский характер нашей партии на самом деле несколько не гарантирует ее от возможного перевеса, и притом в самый короткий срок, элементов мелкохозяйских. При господствующей у нас неаккуратности, несистематичности работы короткие сроки стажа будут означать на деле полнейшее отсутствие всякой серьезной проверки того, являются ли кандидаты действительно сколько-нибудь испытанными коммунистами. Если у нас имеется в партии 300—400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные

указывают на недостаточно подготовленный уровень тесерешних членов партии. Поэтому я усиленно настаиваю на необходимости удлинить сроки стажа и затем дать поручение Оргбюро выработать и строго применять правила, которые бы действительно делали стаж серьезнейшим испытанием, а не пустой формальностью.

Я думаю, вопрос этот надо особо тщательно обсудить на съезде.

Ленин

24/III. 1922 г.

2

Товарищу Молотову

с просьбой передать на прочтение всем членам ЦК до постановки на съезде вопроса об условиях приема новых членов в партию

Прочитав решение пленума от 25/III по вопросу о сроках кандидатского стажа для вступления в партию новых членов, я бы хотел оспорить это решение на съезде. Но, опасаясь, что выступить на съезде не смогу, прошу прочесть следующие мои соображения.

Нет сомнения, что ваша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская. Я думаю, никто не может оспорить этого, и простая справка со статистикой подтвердит это положение. Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы. Это — факт общеизвестный. С другой стороны, так же несомненно, что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике. Далее, надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский. Достаточно вспомнить все литературные произведения сменовеховцев, чтобы убедиться, какая далекая от всего пролетарского публика увлечена теперь политическими успехами большевиков. Если Генуэзская конференция даст нам новый политический успех, то напор в партию элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому возрастет в гигантских размерах. Полугодовой стаж для рабочих ни в

коем случае не в состоянии остановить этот напор, ибо нет ничего легче, как подстроить такой короткий стаж искусственно, тем более, что для весьма многих интеллигентских и полунинтеллигентских элементов поступление в рабочие при наших условиях ровно никаких трудностей не представит. Из всего этого я делаю вывод, подкрепленный в моих глазах еще тем, что белогвардейцы вполне сознательно учтывают непролетарский состав нашей партии, — вывод, что мы должны значительно увеличить сроки кандидатского стажа, и если оставлять 6 месяцев для рабочих, то безусловно необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта.

Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него.

Поэтому необходимо: 1) увеличить все кандидатские стажи; 2) определить с особо детальными подробностями, в чем должно состоять действительное прохождение кандидатского стажа, каковы должны быть конкретные и практические условия проверки того, что кандидатский стаж действительно проходит, а не остается пустой формальностью; 3) необходимо создать квалифицированное большинство в тех учреждениях, которые решают вопрос о приеме новых членов в партию; 4) необходимо обусловливать этот прием решениями не только губкомов, но и контрольных комиссий; 5) надо выработать еще какие-либо меры для того, чтобы облегчать освобождение партии от тех ее членов, которые совсем не являются коммунистами, проводящими вполне сознательно пролетарскую политику. Я не предлагаю новой генеральной чистки партии, ибо думаю, что это сейчас практически неосуществимо, но

найти какие-либо средства фактической чистки партии, т. е. к уменьшению ее состава, необходимо, и если над этим подумать, то я уверен, что ряд подходящих мер может быть изыскан.

Если возможно, я бы просил читающих это обращение членов ЦК ответить мне хотя бы короткой телефонограммой на имя одной из секретарш СНК.

Ленин

26/III. 1922 г.

*Впервые напечатано в декабре
1925 г.*

*Продиктовано по телефону
Печатается по машинописной копии*

XI СЪЕЗД РКП(б)⁵⁶**27 МАРТА — 2 АПРЕЛИ 1922 г.**

Напечатано в 1922 г. в книге:
«Одиннадцатый съезд Российской
коммунистической партии (больше-
виков). Стенографический отчет».
Москва, издательское отделение
ЦК РКП

Печатается по тексту книги,
сверенному со стенограммой; речь
при закрытии съезда — по рукописи

1

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА
27 МАРТА

Товарищи! По поручению Центрального Комитета партии объявляю XI съезд РКП открытым.

Товарищи! Вы собрались на этот съезд впервые после целого года, в течение которого интервенция и нашествия капиталистических государств, по крайней мере в наиболее прямой их форме, не тревожат нас. Первый год мы имеем возможность посвятить свои силы настоящим, главным, основным задачам социалистического строительства.

В этом отношении мы сделали, несомненно, только первые шаги. Но я уверен, что если мы сделанное нами оценим с надлежащей трезвостью и не побоимся глядеть прямо в глаза действительности, не всегда приятной, а иногда и совсем неприятной, то все трудности, которые только теперь вырисовываются перед нами во всем размере, все эти трудности мы, несомненно, преодолеем.

Бедствия, которые обрушились на нас в этом году, были едва ли еще не более тяжелыми, чем в предыдущие годы.

Точно все последствия войны империалистической и той войны, которую нам навязали капиталисты, точно все они собрались вместе и обрушились на нас голодом и самым отчаянным разорением. Эти бедствия сейчас далеко еще не преодолены. И никто из нас не рассчитывает, что их можно одолеть быстро.

Но если мы сохраним и укрепим единство нашей партии, если мы из международных трудностей выйдем так же успешно, как мы выходили до сих пор, если мы все силы устремим на решение тех задач, которые сейчас с безусловной необходимостью вытекают из теперешних

условий, то тогда нет сомнения, что мы все эти трудности преодолеем.

Во всем мире коммунистическое движение растет, если далеко не так быстро, как ожидали те из нас, которые мерили его темпом времени войны и времени ее окончания, то во всяком случае солидно, прочно, широко, глубоко. И если мы в сотрудничестве с коммунистическими партиями, которые теперь имеются уже во всех или, за ничтожным изъятием, во всех странах мира, если мы сумеем трезво оценить свое положение и не побоимся сознать свои ошибки, то из всех этих трудностей мы выйдем победителями.

2

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б)
27 МАРТА

(Аплодисменты.) Товарищи! Позвольте мне политический доклад ЦК начать не с начала года, а с его конца. Сейчас наиболее злободневным вопросом политики является Генуя. Но так как в печати у нас об этом уже сказано было очень много, и так как мне пришлось в речи 6 марта, которая была напечатана, высказать существенное по этому вопросу, то, если не будет особых требований с вашей стороны на изложение каких-либо подробностей, я бы просил разрешения в детали этого вопроса не входить.

О Генуе в общем вы все знаете, потому что печать уделяла этому вопросу много места, — на мой взгляд даже непомерно много, в ущерб действительным, практическим и насущным нуждам нашего строительства вообще, хозяйственного в особенности. В Европе, понятно, во всех буржуазных странах, очень любят занимать или забивать головы всякой трескотней насчет Генуи. А мы на этот раз (хотя и не только на этот раз) им подражаем и подражаем непомерно много.

Должен сказать, что нами в ЦК были приняты самые тщательные меры для того, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов (а у нас теперь советских дипломатов порядочное количество, не так, как в начале существования Советской республики). Мы выработали в ЦК достаточно детальные директивы нашим дипломатам в Геную, выработывали их очень длительно, несколько раз обсуждали и переобсуждали заново. И само собой разумеется, что тут вопрос стоит, я бы не сказал — военный, потому что это слово вызовет перетолковывание, но во всяком случае вопрос — о состязании. В буржуазном

лагере имеется чрезвычайно сильное и гораздо более могущественное течение, чем другие течения, клонящееся к тому, чтобы сорвать Генуэзскую конференцию. Имеются другие течения, которые во что бы то ни стало хотят ее отстоять, добиться того, чтобы она собралась. Эти последние течения сейчас взяли верх. Имеется, наконец, в лагере всех буржуазных стран течение, которое можно бы назвать пацифистским и к которому надо причислить и весь II и II^{1/2} Интернационал. Это — тот лагерь буржуазии, который пытается отстоять ряд пацифистских предложений и начертать нечто вроде пацифистской политики. Мы, как коммунисты, имеем насчет этого пацифизма определенные взгляды, излагать которые здесь совершенно излишне. Понятно, что в Геную мы идем не как коммунисты, а как купцы. Нам надо торговать, и им надо торговать. Нам хочется, чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду. Как развернется борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов.

Понятно, что, когда мы идем в Геную как купцы, нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики. Плох был бы все-таки тот купец, который не сумел бы усвоить это отличие и, приспособив к этому свою тактику, добиться практических целей.

Мы идем в Геную с практической целью — расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и успешно развивалась. Но мы отнюдь не ручаемся за успех Генуэзской конференции. За это ручаться было бы смешно и нелепо. Я должен сказать, что при самой трезвой и осторожной оценке возможностей, которые Генуя сейчас представляет, все-таки, думаю, не будет преувеличенным сказать, что этой своей цели мы добьемся.

Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи, — если им вздумается упрямитесь. Но цели своей мы достигнем!

Ведь самые неотложные, насущные, практические и резко обнаружившиеся за последние годы интересы всех

капиталистических держав требуют развития, упорядочения и расширения торговли с Россией. А раз такого рода интересы есть, то можно поспорить, можно повздорить, можно разойтись в разных комбинациях — весьма даже правдоподобно, что доведется разойтись, — а все же, в конце концов, эта основная хозяйственная необходимость сама себе проложит дорогу. И я думаю, что мы можем быть на этот счет спокойны. Не ручаюсь за срок, не ручаюсь за удачу, но именно на данном собрании можно довольно уверенно сказать, что развитие правильных торговых сношений между Советской республикой и всем остальным капиталистическим миром неизбежно пойдет дальше. Какне при этом возможны перерывы, — об этом я в своем месте в докладе упомяну, но думаю, что по вопросу о Генуе можно будет этим ограничиться.

Само собою понятно, что товарищи, которые пожелают ознакомиться с вопросом детальнее и не удовлетворятся тем списком членов делегации, который опубликован в газетах, сумеют выбрать комиссию или секцию и ознакомиться со всеми материалами ЦК, с перепиской, с директивами. Детали, разумеется, нами намечались условно, потому что до сих пор точно неизвестно, кто в этой самой Генуе сядет за стол и какие при этом условия, или предварительные условия, или оговорки будут изложены. Разбирать всех их здесь было бы в высшей степени нецелесообразно, я думаю, даже практически невозможно. Повторяю, съезд, через секцию или комиссию, имеет полную возможность собрать по этому вопросу все документы как опубликованные, так и имеющиеся у ЦК.

Я ограничусь сказанным, так как уверен, что не в этом вопросе самые большие наши трудности. Это не то, на что вся партия должна обратить свое главное внимание. Европейская буржуазная пресса раздувает и преувеличивает искусственно и умышленно значение этой конференции, обманывая трудящиеся массы (так делает всегда $\frac{9}{10}$ всей буржуазной прессы во всех этих свободных демократических странах и республиках). Мы немножко поддались этой прессе. Как всегда, наши газеты еще поддаются старым буржуазным обычаям, не хотят переходить на новые социалистические рельсы, и мы подняли шумиху больше, чем предмет того заслуживает. По сути дела для коммунистов, особенно переживших такие серьезные годы, какие

мы пережили, начиная с 1917-го, выдавших комбинации политики такие серьезные, какие мы с тех пор видали, Генуя не представляет собою больших трудностей. Я не помню, чтобы по этому вопросу не только в составе ЦК, но и в составе нашей партии подымались какие-нибудь разногласия или споры. Это естественно, ибо здесь нет ничего спорного с точки зрения коммунистов, — даже имея в виду разные оттенки среди них. Мы идем в Геную, повторяю, как купцы, чтобы добиться выгоднейших форм для развития торговли, которая началась, которая идет и которая, даже если бы удалось кой-кому насильственно ее прервать на то или иное время, все-таки после этого перерыва будет неминуемо развиваться.

Ограничиваясь поэтому вот этими краткими указаниями о Генуе, я перейду к тем вопросам, которые, на мой взгляд, являются главными вопросами политики за истекший год и главными вопросами политики на будущий год. Мне сдается (или, по крайней мере, такова моя привычка), что в политическом докладе ЦК нам надо вести речь не просто о том, что было за отчетный год, но о том, какие за отчетный год получились политические уроки — основные, коренные, чтобы свою политику на ближайший год определить верно, чтобы кое-чему за год научиться.

Главным вопросом является, конечно, новая экономическая политика. Весь отчетный год прошел под знаком новой экономической политики. Если какое-нибудь крупное, серьезное и неотъемлемое завоевание мы за этот год сделали (это еще не так для меня несомненно), то только в том, чтобы научиться чему-нибудь из начал этой новой экономической политики. Мы, действительно, за этот год в области новой экономической политики научились чрезвычайно многому. А проверка того, научились ли мы действительно и насколько, — это будет уже дано, вероятно, последующими событиями, такого рода происшествиями, от нашей воли очень мало зависящими, как, например, предстоящим финансовым кризисом. Мне кажется, главное, что надо иметь в виду по вопросу о нашей новой экономической политике, как основу для всех рассуждений и для учета опыта за год и для приобретения практических уроков на грядущий год, — это следующие три пункта.

Во-первых, прежде всего важна нам новая экономическая политика, как проверка того, что мы действительно дости-

гаем смычки с крестьянской экономикой. В предшествующую эпоху развития нашей революции, когда все внимание и все силы были устремлены или почти поглощены, главным образом, задачей отпора от нашествия, мы об этой смычке не могли как следует подумать, — нам было не до нее. Ею до известной степени можно было и должно было пренебречь, когда стояла абсолютно неотложная и прямая нависшая задача отпора от опасности быть немедленно задушенными гигантскими силами мирового империализма.

Поворот к новой экономической политике был решен на прошлом съезде с чрезвычайнейшим единодушием, с бóльшим даже единодушием, чем решались другие вопросы в нашей партии (которая, надо признать, вообще отличается бóльшим единодушием). Единодушие это показало, что абсолютно назрела необходимость нового подхода к социалистической экономике. Люди, по многим вопросам расходившиеся, с различных точек зрения оценивавшие положение, единодушно и очень быстро пришли без всяких колебаний к тому, что у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента нет и что есть единственный способ найти этот подход — это новая экономическая политика. Нам пришлось, в силу развития событий военных, в силу развития событий политических, в силу развития капитализма в старом культурном Западе и развития общественных и политических условий в колониях, — нам пришлось первым пробить брешь в старом буржуазном мире в тот момент, когда наша страна принадлежала экономически если не к самой отсталой, то к одной из самых отсталых стран. Огромное большинство крестьянства нашей страны ведет мелкое индивидуальное хозяйство. Постройка того, что мы могли бы сразу осуществить из намеченной нами программы коммунистической общественности, шла до известной степени в сторонке от того, что делалось в широчайшей крестьянской массе, на которую мы возлагали очень тяжелую повинности, оправдывая их тем, что война никаких колебаний в этом отношении не допускает. И это оправдание, если взять его во всем объеме, было крестьянством принято, несмотря на ошибки, которых мы не могли избежать. Крестьянская масса в общем увидела и поняла, что эти огромные тяжести, которые на нее возлагались, были необходимы, чтобы отстоять рабоче-крестьянскую власть от

помещиков, чтобы не быть задушенными капиталистическим нашествием, которое грозило отобрать все завоевания революции. Но смычки между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках, заводах, совхозах, и экономикой крестьянской не было.

Это ясно мы увидели на прошлом съезде партии. Это мы видели так ясно, что никаких колебаний в партии по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна, не было.

Забавно наблюдать в необыкновенно богатой печати всяческих русских партий за границей оценки этого нашего решения. Разница между этими оценками только самая пустая: они, живя прошлым, и сейчас еще твердят о том, что левые коммунисты до сих пор еще против новой экономической политики. Вспомнили люди в 1921 г. то, что было в 1918 г., и то, что сами-то левые коммунисты у нас забыли, и жуют и пережевывают это до сих пор, уверяя, что эти большевики — народ, известно, коварный и лживый; они, мол, скрывают от Европы, что тут у них самих имеются разногласия. Когда читаешь это, то думаешь: пускай себе заблуждаются. Если у них такие представления о том, что у нас происходит, то можно по ним судить о степени сознательности этих, будто бы, образованнейших старых людей, которые теперь выбрались за границу. Мы знаем, что у нас никаких разногласий не было, и не было потому, что практическая необходимость иного подхода к постройке фундамента социалистической экономики для всех была ясна.

Смычки с крестьянской экономикой той новой экономики, которую мы пытались создать, у нас не было. Есть ли она теперь? Еще нет. Мы к ней только подходим. Все значение новой экономической политики, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и только в этом: найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем. И в этом наша заслуга. И без этого мы бы не были коммунистами-революционерами.

Новую экономику мы стали строить совершенно по-новому, ни с чем старым не считаясь. И если бы мы ее строить не начали, то мы были бы разбиты в первые же месяцы, в первые же годы наголову. Но это не значит, что мы уперлись в то, что если мы начали ее с такой абсолютной сме-

лостью, то мы непременно и будем так продолжать. Откуда это вытекает? Это ниоткуда не вытекает.

Мы с самого начала говорили, что нам приходится делать непомерно новое дело и что если нам быстро не помогут товарищи рабочие стран более развитых в капиталистическом отношении, то дело наше будет невероятно трудным, в котором будет, несомненно, ряд ошибок. Главное: надо трезво уметь смотреть, где такие ошибки допущены, и переделывать все с начала. Если не два, а даже много раз придется переделывать все с начала, то это покажет, что мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче.

Сейчас основное по вопросу новой экономической политики — правильно усвоить опыт истекшего года. Это надо сделать, и делать это мы хотим. И если мы хотим во что бы то ни стало добиться этого (а мы этого хотим и добьемся!), то надо знать, что задача цэпа, основная, решающая, все остальное себе подчиняющая, — это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить (очень плохо, очень неумело, но все же начали строить, на основе совершенно новой социалистической экономики, нового производства, нового распределения), и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян.

Смычки этой не было, и эту смычку нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо подчинить все. Нам еще надо выяснить, насколько удалось новой экономической политике создать эту смычку, и не разрушить то, что мы начали неумело строить.

Мы строим свою экономику в связи с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из пужды, не мудрствуя (потому что, где ему мудрствовать для того, чтобы вылезти и спастись от прямой опасности мучительнейшей голодной смерти?).

Надо показать эту смычку, чтобы мы ее ясно видели, чтобы весь народ ее видел, чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской, мучительной жизнью теперь и

той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь. Надо сделать так, чтобы простому, рядовому трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение и получил не так, как получали немногие из крестьян в эпоху помещичьей власти и капитализма, когда каждый шаг улучшений (улучшения, несомненно, бывали, и очень крупные) был связан с издевкой, с надругательством, с издевательством над мужиком, с насиллем над массой, которого никто из крестьян не забыл и десятки лет в России не забудет. Наша цель — восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина, — доказать, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищавшего, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо.

Вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем основа всей нашей политики. Здесь — главный наш урок за весь прошедший год применения новой экономической политики и главное наше, так сказать, политическое правило на год наступающий. Крестьянин нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Крестьянин в своей массе живет, соглашаясь — «ну, если вы не умеете, мы подождем, может быть, вы и научитесь». Но этот кредит не может быть неисчерпаемым.

Это надо знать и, получивши кредит, все-таки поторавливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными. «Но сейчас все-таки, после стольких месяцев и стольких лет отсрочки, вы, любезнейшие правители, приобрели самый верный, надежный способ помочь нам выйти из нужды, нищеты, голода, разорения. Вы умеете, вы это доказали». Вот какой экзамен на нас неминуемо надвигается, и он, этот экзамен, все решит в последнем счете: и судьбу нэпа и судьбу коммунистической власти в России.

Сумеет ли доделать наше непосредственное дело, или нет? Что, этот нэп — пригодится на что-нибудь, или нет?

Если окажется правильным отступление, то сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой, и вместе с ней, в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно идти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят. Еще до сих пор, за первый год, мы не достигли этого. Это надо сказать прямо. И я глубоко убежден (а наша новая экономическая политика дает возможность сделать этот вывод совершенно ясно и твердо), что если мы усвоим всю громадную опасность, которая заключается в напе, и направим все наши силы на слабые пункты, то тогда мы эту задачу решим.

Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики.

Второй, более частный, урок, это — проверка соревнованием государственных и капиталистических предприятий. У нас теперь создаются смешанные общества, — я немножко о них скажу дальше, — которые, как и вся наша государственная торговля, и вся наша новая экономическая политика, являются применением нами, коммунистами, приемов торговых, приемов капиталистических. Они имеют и то значение, что тут устанавливается практическое соревнование способов капиталистических и способов наших. Сравните практически. Мы до сих пор писали программу и обещали. В свое время это было совершенно необходимо. Без программы и обещаний выступить с мировой революцией нельзя. Если нас за это белогвардейцы, и в том числе меньшевики, ругают, то это только показывает, что меньшевики и социалисты II и II^{1/2} Интернационалов не имеют никакого понятия о том, как вообще происходит развитие революции. Иначе, как через это, мы начать не могли.

Но сейчас дело обстоит так, что мы должны проверку нашей работы установить уже серьезную, не ту, которая бывает через контрольные учреждения, теми же коммунистами создаваемые, хотя бы эти контрольные учреждения

были великолепны, и хотя бы они были и в системе советских учреждений, и в системе партийных учреждений почти что идеальными контрольными учреждениями. Не эта проверка нам нужна, а та, которая является проверкой с точки зрения массовой экономики.

Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая.

«Но капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете? Вы не умеете». Ведь вот какие голоса в прошлом году весною, — не всегда ясно, — слышались, но составляли подпочву всего прошлогоднего весеннего кризиса. «Люди-то вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете». Вот самая простая и самая убийственная критика, которую крестьянство в прошлом году, а через крестьянство целый ряд слоев рабочих, направляли против коммунистической партии. И вот почему пункт в вопросе о напе, этот старый пункт, приобретает такое значение.

Проверка нужна настоящая. Рядом действует капиталист, действует грабительски, берет прибыли, но он умеет. А вы — вы по-новому пробуете: прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие, — ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, — а дело делать умеете? Нужна проверка, настоящая проверка, да проверка не такая, что ЦКК исследует и вынесет порицание, а ВЦИК назначит взыскание, — нет, а проверка настоящая, с точки зрения народной экономики.

Отсрочки коммунистам были даны всякие, в кредит было дано столько, сколько ни одному другому правительству не давалось. Конечно, коммунисты помогли избавиться от капиталистов, от помещиков, крестьянство это ценит, и оно в кредит отсрочки давало, но все до известного срока. А затем уже проверка: умеете ли вы хозяйничать не хуже, чем другие? Старый капиталист умеет, а вы не умеете.

Вот первый урок, первая главная часть политического доклада ЦК. Мы хозяйничать не умеем. Это за год доказано. Я бы очень хотел взять пример нескольких гострестов (если выразаться этим прекрасным русским языком,

который так хвалил Тургенев) и показать, как мы умеем хозяйничать.

К сожалению, по ряду причин, в значительной степени по болезни, этой части доклада я не мог разработать и только должен ограничиться выражением своего убеждения, основанного на наблюдении того, что происходит. За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем. Это основной урок. Либо в ближайший год мы докажем обратное, либо Советская власть существовать не может. И самая большая опасность — что не все это сознают. Если бы все коммунисты, ответственные работники, ясно сознали: не умеем, давайте учиться с начала, тогда бы мы выиграли дело, — это, по-моему, был бы основной, коренной вывод. Но этого не сознают и уверены, что если кто так думает, то это неразвитый народ, не учились, мол, коммунизму, — может быть, поймут, поучатся. Нет, извините, не в том дело, что крестьянин, беспартийный рабочий не учились коммунизму, а в том дело, что миновали времена, когда нужно было развить программу и призвать народ к выполнению этой великой программы. Это время прошло, теперь нужно доказать, что вы при нынешнем трудном положении умеете практически помочь хозяйству рабочего и мужика, чтобы они видели, что соревнование вы выдержали.

Смешанные общества, которые мы начали создавать, в которых участвуют и частные капиталисты, русские и заграничные, и коммунисты, эти общества — одна из форм, в которой можно правильно поставить соревнование, показать и научиться тому, что мы умеем не хуже капиталистов установить смычку с крестьянским хозяйством, можем удовлетворить его потребности, можем помочь крестьянину двинуться вперед, так, как он сейчас есть, при всей его темноте, ибо переделать его в короткий срок нельзя.

Вот какое соревнование стоит перед нами, как абсолютная неотложная задача. Вот в чем гвоздь новой экономической политики и вся, по моему убеждению, суть партийной политики. У нас чисто политических вопросов и трудностей сколько угодно. И вы их знаете: и Генуя, и опасность интервенции. Трудности велики, но они все ничтожны по сравнению с этой трудностью. Там мы уже видели, как это делается, там мы научились многому, испытали

буржуазную дипломатию. Это такая штука, которой нас меньшевики 15 лет учили и кое-чему полезному научили. Это не ново.

Но вот вещь, которую приходится нам проделывать в экономике: теперь выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом, который к крестьянину пойдет и не будет спорить о коммунизме — представьте себе: не станет спорить о коммунизме, — а станет спорить: что ежели нужно достать, правильно торговать, суметь построить, то я-то построю дорого, а, может быть, коммунисты построят дороже, если не в десять раз дороже. Вот такая агитация представляет теперь суть дела, вот в чем корень экономики.

Повторяю, отсрочку и кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по-изповски, — векселя, но сроки на этих векселях не написаны, и когда они будут предъявлены ко взысканию, этого справкой с текстом векселя не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эти политические векселя от обыкновенных торговых векселей. На это нам надо обратить все внимание, не успокаиваться на том, что везде в государственных трестах и смешанных обществах ответственные и лучшие коммунисты — толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и в этом смысле они хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство — комчванство, выражаясь тем же великим русским языком. Вопрос в том, что ответственный коммунист — и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, — торговли вести не умеет, потому что он не делец, этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран, с надеждой на избавление от капитализма, — он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабаз десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает.

И вот, если мы, товарищи, это, хотя бы первое, незнание поправим, то это будет громаднейшая победа. Мы с этого съезда должны уйти с убеждением, что мы этого не знали, и будем учиться с азов. Мы все-таки еще не перестали быть революционерами (хотя многие говорят, и даже не совсем неосновательно, что мы обюрократились) и можем понять ту простую вещь, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать с начала несколько раз: начали, уперлись в тупик — начинай снова, — и так десять раз переделывай, но добейся своего, не важничай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а, может быть, белогвардеец, и наверное, белогвардеец, умеет делать дело, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь. Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий и «кавалера» коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно.

Кое-какие, хотя и малюсенькие, успехи у нас за этот год есть, но они ничтожны. Главное то, что нет сознания и широко распространенного, всеми коммунистами разделяемого убеждения, что сейчас у нас, у русского ответственного и преданнейшего коммуниста, этого умения меньше, чем у любого старого приказчика. Надо, повторяю, начать учиться с начала. Если мы это сознаем, тогда мы экзамен выдержим, а экзамен серьезный, который устроит приближающийся финансовый кризис, экзамен, который устроит русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться. Экзамен этот серьезный, ибо тут нас могут побить экономически и политически.

Вопрос стоит так и только так, потому что тут соревнование серьезное и это соревнование решающее. Много у нас было всяких ходов и выходов из наших политических и экономических трудностей. Мы можем с гордостью похвастаться, что мы до сих пор умели использовать все эти ходы и выходы в разных сочетаниях, применительно к разным обстоятельствам, но теперь у нас больше никаких выходов нет. Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле, действительно, «последний и решительный бой», не с международным капитализмом, — там еще много будет «последних и решительных

боев», — ист, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить. Тут предстоит «последний и решительный бой», тут больше никаких, ни политических, ни всяких других обходов быть не может, ибо это экзамен соревнования с частным капиталом. Либо мы этот экзамен соревнования с частным капиталом выдержим, либо это будет полный провал. Чтобы выдержать этот экзамен, для этого мы имеем политическую власть и целую кучу всяких экономических и других ресурсов, все, чего хотите, — кроме уменья. Уменья нет. И вот, если мы этот простой урок извлечем из опыта минувшего года и сделаем его руководящим для себя на весь 1922 год, тогда мы и эту трудность победим, несмотря на то, что она гораздо больше, чем предыдущая трудность, потому что она лежит в нас самих. Это не то, что какой-нибудь внешний враг. Эта трудность заключается в том, что мы сами не хотим сознать той неприятной истины, которая нам павязана, и не хотим попасть в то неприятное положение, в которое надо попасть: начини учиться с начала. Это — второй урок, который, на мой взгляд, вытекает из новой экономической политики.

А третий, дополнительный, это — по вопросу о государственном капитализме. Жаль, что на съезде нет тов. Бухарина, хотелось бы мне с ним немного поспорить, но лучше отложу до следующего съезда. По вопросу о государственном капитализме, думается мне, вообще наша пресса и вообще наша партия делают ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги. А там написано совершенно не про то: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но ни одной книги нет, которая была бы написана про государственный капитализм, который бывает при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим. И если обозреть в уме нашу прессу по вопросу о государственном капитализме одним общим взглядом, как я пытался это сделать, готовясь к настоя-

шему докладу, то получается убеждение, что там стреляют совсем мимо, глядят совершенно в другую сторону.

Государственный капитализм, по всей литературе экономической, — это тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо подчиняет себе те или иные капиталистические предприятия. А у нас государство пролетарское, на пролетариат опирается, пролетариату дает все политические преимущества и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов (вы помните, что мы начали эту работу с комбедов). Поэтому-то государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к буржуазной власти в капиталистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, но руководит этим государством не буржуазия, а пролетариат. Мы не хотим понять, что когда мы говорим «государство», то государство это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы.

Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно; экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно уменья у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы непосредственно вестать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным. Тут нужно только уменья, а его у нас нет.

Ведь это — положение, совершенно невиданное в истории, когда у пролетариата, у революционного авангарда

совершенно достаточно политической власти, а наряду с этим — государственный капитализм. Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя. Все остальное не является для них, для этого лагеря, абсолютно необходимым, — со всем остальным они могут примириться. Сумейте вы, коммунисты, вы, рабочие, вы, сознательная часть пролетариата, которая взялась государством управлять, сумейте вы сделать так, чтобы государство, которое вы взяли в руки, чтобы оно по-вашему действовало. А вот мы год пережили, государство в наших руках, — а в новой экономической политике оно в этот год действовало по-нашему? Нет. Этого мы не хотим признать: оно действовало не по-нашему. А как оно действовало? Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины. Вот основное, что надо помнить по вопросу о государственном капитализме. Надо в этой основной области учиться с начала, и только тогда, если это станет нашим абсолютным достоянием и сознанием, мы можем ручаться, что мы этому научимся.

Теперь я перейду к вопросу об остановке отступления, о чем мне пришлось говорить в моей речи на съезде металлистов. Я не встретил с тех пор никаких возражений, — ни в партийной прессе, ни в частных письмах товарищей, ни в Центральном Комитете. Центральный Комитет мой план одобрил, а состоял этот план в том, чтобы и в докладе от имени Центрального Комитета на настоящем съезде эту остановку отступления со всей энергией подчеркнуть и просить съезд дать соответствующую директиву уже от имени всей партии, уже как обязательную. Мы

год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: — достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается, или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил. Мы пришли в новое место, отступление в общем и целом мы все-таки произвели в сравнительном порядке. Правда, с разных сторон не было недостатка в голосах, которые это отступление хотели обратить в паническое. Одни с той стороны, что, дескать, вы в той или иной части неверно отступали, как, например, некоторые представители группы, которая носила название «рабочей оппозиции». (Думаю, что они неправильно это название носили.) Они от чрезмерного усердия шли в одну дверь, а попали в другую, и теперь наглядно обнаружили это. Тогда они не видели того, что их деятельность была направлена не к тому, чтобы исправить наше движение, а на самом деле их деятельность имела одно значение — сеяла панику, мешала тому, чтобы отступление произвести дисциплинированно.

Отступление — штука трудная, особенно для тех революционеров, которые привыкли наступать, особенно, когда они привыкли наступать несколько лет с гигантским успехом, особенно, если они окружены революционерами других стран, только и мечтающими о том, чтобы начать наступление. Видя, что мы отступаем, некоторые из них даже непозволительным образом и по-детски расплакались, как это произошло на последнем расширенном Исполкоме Коминтерна. От самых хороших коммунистических чувств и коммунистических устремлений, некоторые товарищи расплакались оттого, что хорошие русские коммунисты, представьте себе, отступают. Может быть, мне уже теперь трудно перенестись в эту психологию западноевропейскую, хотя я достаточное количество лет выжил в этих прекрасных демократических странах в качестве эмигранта. Но, может быть, с их точки зрения это так трудно понять, что можно расплакаться. Для нас, во всяком случае, останавливаться на сентиментальностях некогда. Нам было ясно, что именно потому, что мы наступали так успешно в течение многих лет и одерживали так много необыкновенных побед (и все это в стране невероятно разоренной, лишенной материальных предпосылок!), чтобы закрепить это наступление, нам совершенно необходимо было, раз мы так много завоевали, совершенно необходимо было отступить.

Мы не могли удержать всех позиций, которые с налету захватили, а с другой стороны, только благодаря тому, что мы с налету, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много, только поэтому у нас было так много места, что мы могли очень далеко отступить, и сейчас еще можем далеко отступить, нисколько не теряя главного и основного. Отступление в общем и целом прошло в достаточном порядке, хотя голоса панические, к числу которых принадлежала «рабочая оппозиция» (и в этом был ее величайший вред!) и вызвали у нас частичные отрезывания, отпадения от дисциплины, от правильного отступления. Самая опасная штука при отступлении — это паника. Ежели вся армия (тут я говорю в переносном смысле) отстывает, тут такого настроения, которое бывает, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение, до известной степени подавленное. У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод и холод в Москве, «тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция». У нас есть целый ряд таких поэтических произведений.

И понятно, что это порождается отступлением. И в этом громадная опасность: отступить после победоносного великого наступления страшно трудно; тут имеются совершенно иные отношения; там дисциплину если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательней и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отстывает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, — тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй!». И правильно.

Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы сохранить хороший порядок, — в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины, и не только по отношению к некоторым внутривластным нашим делам, но это надо иметь в виду еще больше по отношению к таким господам, как меньшевики или все господа из II^{1/2} Интернационала.

На-днях я прочел в 20 книжке «Коммунистического Интернационала» статью тов. Ракоши о новой книжке Отто Бауэра, у которого мы все когда-то учились, но который после войны, как и Каутский, стал жалким мещанином. Он теперь пишет: «Вот они отступают к капитализму; мы всегда говорили: революция — буржуазная».

И меньшевики и эсеры, которые все такие вещи проповедуют, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз большая, чем при наступлении, потому что при наступлении все рвется вперед. А если теперь все начнут рваться назад, то это — гибель, неизбежная и немедленная.

Именно в такой момент отступить в порядке, точно установить предел отступления и не поддаваться панике, это — самое главное. И когда меньшевик говорит: «Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступить вместе», — то мы ему на это говорим: «За публичное оказательство меньшевика наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое».

Они никак не могут понять и говорят: «Какие у этих людей диктаторские замашки!». Они до сих пор думают, что мы преследуем меньшевиков за то, что они с нами в Женеве дрались. Но если бы мы таким путем шли, то, вероятно, и двух месяцев у власти не продержались бы. Действительно, такая проповедь, которую изрекают и Отто Бауэр, и руководители II и II^{1/2} Интернационалов, и меньшевики, и эсеры, составляет их собственную натуру: «Революция зашла далеко. Мы всегда говорили то, что ты сейчас говоришь. Позволь нам еще раз это повторить». А мы на это отвечаем: «Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины». Этого мы забывать не должны.

Когда я говорю об остановке отступления, я вовсе не имею в виду сказать этим, что мы научились торговать. Наоборот, я держусь обратного мнения, и я был бы

неправильно понят и было бы доказано, что я не умею правильно излагать свои мысли, если бы от моего выступления осталось подобное впечатление.

Но дело в том, чтобы то нервничание, та суетливость, которые создались у нас вследствие нэпа, стремление создавать все по-новому, приспособлять, чтобы это было приостановлено. У нас сейчас есть ряд смешанных обществ. Правда, их очень немного. У нас, с участием иностранных капиталистов, учреждено девять обществ, утвержденных Внешторгом, комиссия Сокольникова утвердила 6, и Северолес заключил 2. Сейчас налицо, таким образом, семнадцать обществ с многомиллионным капиталом, утвержденных разными инстанциями. (Конечно, у нас путаница и в инстанциях достаточная, так что зевок тут тоже возможен.) Но, во всяком случае, с русскими и иностранными капиталистами у нас сейчас общества есть. Их немного. Это маленькое, но практическое начало показывает, что коммунистов оценили, оценили с точки зрения их практики, оценили не такие высокие учреждения, как ЦКК и ВЦИК. Конечно, ЦКК — учреждение очень хорошее, и мы ему власти теперь дадим побольше. Но все-таки, когда эти учреждения проверяют коммунистов, то... представьте себе, что на международном рынке их авторитета не признают. (С м е х.) А когда обыкновенные капиталисты, русские и заграничные, идут в смешанное общество с коммунистами, мы говорим: «А все-таки кое-что мы умеем, все-таки, как это ни плохо, как это ни мизерно, но в смысле начала мы уже имеем кое-что». Конечно, не так много; подумайте, уже год, как провозгласили, что всю энергию (а говорят, энергии у нас много), всю энергию положил на это дело, и за год только семнадцать обществ.

Это показывает, до какой степени мы дьявольски неповоротливы, мешковаты, сколько еще у нас обломовщины, за которую нас еще неминуемо будут бить. Но все-таки, повторяю, начало есть, разведка сделана. Капиталисты не пошли бы к нам, если бы элементарных условий для их действия не было. Но если даже ничтожная часть пошла, это уже показывает, что частичная победа есть.

Конечно, они еще внутри обществ этих вздуют нас, вздуют так, что несколько лет затем придется разбирать. Но это вичего. Я не говорю, что это есть победа, — это есть разведка, которая показывает, что у нас уже есть

поприще, есть кусок земли, и что мы отступление можем уже приостановить.

Разведкой установлено ничтожное количество договоров с капиталистами, но все-таки они заключены. На этом надо учиться и действовать дальше. В этом смысле пора перестать нервничать, кричать, суетиться. Идут записки за записками, телефонограммы за телефонограммами: «Нельзя ли нас тоже переорганизовать, потому что у нас нэп?». Все суетятся, получается кутерьма; практического дела никто не делает, а все рассуждают, как приспособиться к нэпу, и результата никакого не получается.

А купцы над коммунистами смеются и, вероятно, приговаривают: «Раньше были главноговаривающие⁵⁷, а теперь — главноразговаривающие». Что над нами капиталисты издевались, что мы опоздали, прозевали, — в этом нет тени сомнения, и в этом смысле я говорю, что нужно и от имени съезда эту директиву утвердить.

Отступление кончено. Главные приемы деятельности, как с капиталистами работать, намечены. Есть образцы, хотя бы и в ничтожном количестве.

Перестаньте умничать, рассуждать о нэпе, стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты. Но, экономисты, не рассуждайте о нэпе, а увеличивайте число этих обществ, проверяйте число коммунистов, которые умеют поставить соревнование с капиталистами.

Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую съезд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это будет засчитываться в минус. Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов. Капиталисты создают смычку с крестьянством экономическую, чтобы обогатиться; ты же должен создать смычку с крестьянской экономикой, чтобы усилить экономическую власть нашего пролетарского государства. У тебя перевес перед капиталистами потому, что государственная власть в твоих руках, целый ряд экономических средств в твоих руках, ты не умешь только ими пользоваться, смотри на вещи трезвее, скинь с себя мишуру, торжественное коммунистическое облачение, попросту учись простому делу, и тогда мы побьем частного капиталиста. У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку

с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называемой коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами так, что, если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче.

Вот в каком смысле нужно говорить об остановке отступления, и этот лозунг, в той или другой форме, было бы правильно превратить в решение съезда.

Я хотел, в связи с этим, коснуться вопроса о том, что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы, которые, как вы знаете, представляют течение, привившееся в эмигрантской России, течение общественно-политическое, во главе которого стоят крупнейшие кадетские деятели, некоторые министры бывшего колчаковского правительства, — люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство, и надо поэтому идти за ней. «Но эта Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это — тактика: большевики обойдут в трудный момент частных капиталистов, а потом, мол, возьмут свое. Большевики могут говорить, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать. История идет разными путями» — рассуждают сменовеховцы.

Некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов. Кажется, он был министром при Колчаке. Он не соглашается со своими товарищами и говорит: «Вы там насчет коммунизма как хотите, а я утверждаю, это у них не тактика, а эволюция». Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, «комвранья», кажинный день, и тошнехонько от этого бывает иногда убийственно. И вот, вместо этого «комвранья» приходит номер «Смены Вех» и говорит напрямик: «У вас это вовсе не так, это вы только воображаете, а на самом деле вы ска-

тываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками». Это очень полезно, потому что в этом мы видим уже не простой перепев того, что мы постоянно кругом себя слышим, а просто классовую правду классового врага. Такую вещь очень полезно посмотреть, которая пишется не потому, что в коммунистическом государстве принято так писать или запрещено иначе писать, а потому, что это действительно есть классовая правда, грубо, открыто высказанная классовым врагом. «Я за поддержку Советской власти в России, — говорит Устрялов, хотя был кадет, буржуа, поддерживал интервенцию, — я за поддержку Советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти».

Это очень полезная вещь, которую, мне кажется, необходимо иметь в виду; и гораздо лучше для нас, когда сменовеховцы так пишут, чем когда некоторые из них почти что коммунистами прикидываются, так что издали, пожалуй, не отличишь, — может быть, он в бога верует, может — в коммунистическую революцию. Этакие откровенные враги полезны, надо сказать прямо. Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо.

Много тому бывало примеров, и поэтому надо сие откровенное заявление сменовеховцев приветствовать. Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеховцы выражают настроенные тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет? Я говорил о соревновании. Прямого натиска на нас нет, нас не хватают за горло. Что будет завтра, это мы еще посмотрим, но сегодня на нас

не наступают с оружием в руках, и, тем не менее, борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг.

Я говорил о коммунистическом соревновании не с точки зрения коммунистического сочувствия, а с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада. Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом.

И тут нужно ясно поставить вопрос — в чем наша сила и чего нам нехватает? Политической власти совершенно достаточно. Едва ли кто-нибудь найдется здесь, который бы указал, что в таком-то практическом вопросе, в таком-то деловом учреждении у коммунистов, у коммунистической партии власти недостаточно. Основная экономическая сила — в наших руках. Все решающие крупные предприятия, железные дороги и т. д., — они все в наших руках. Аренда, как бы она местами ни была широко развита, в общем играет ничтожнейшую роль, в общем это совершенно ничтожнейшая доля. Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же нехватает? Ясное дело, чего нехватает: нехватает культурности тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву — 4 700 ответственных коммунистов — и взять эту бюрократическую машину, груды, — кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груды. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут. Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоеует другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4 700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) не оказались

ли подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов, потому что у них нет достаточного умения управлять. Коммунисты, становясь во главе учреждений, — а их иногда нарочно так подставляют искусно саботажники, чтобы получить вывеску-фирму, — зачастую оказываются одураченными. Это признание очень неприятное. Или, по крайней мере, не очень приятное, но мне кажется, что его надо сделать, ибо в этом сейчас гвоздь вопроса. К этому, по-моему, политический урок за год сводится, и под этим знаком пройдет борьба 1922 года.

Сумеют ли ответственные коммунисты РСФСР и РКП понять, что они не умеют управлять? что они воображают, что ведут, а на самом деле их ведут? Вот если они сумеют понять, то, конечно, научатся, потому что научиться можно, но для этого надо учиться, а у нас не учатся. У нас направо и налево махают приказами и декретами, и выходит совсем не то, чего хотят.

Соревнование и состязание, которое мы поставили на очередь дня, провозгласив нэп, — это есть серьезное соревнование. Кажется, что оно бывает во всех государственных учреждениях, а на самом деле это есть еще одна форма борьбы двух классов, непримиримо враждебных друг другу. Это — еще одна форма борьбы буржуазии с пролетариатом, это — борьба, которая еще не завершена и даже в центральных учреждениях Москвы не превзойдена культурно. Ибо сплошь и рядом буржуазные деятели знают дело лучше, чем наши лучшие коммунисты, имеющие всю власть, все возможности и ни одного шага не умеющие делать со своими правами и со своей властью.

Я хотел бы привести одну цитату из книжечки Александра Тодорского. Книжечка вышла в г. Вельегонске (есть такой уездный город Тверской губ.), и вышла она в первую годовщину советской революции в России — 7 ноября 1918 года, в давно-давно прошедшие времена. Этот вельегонский товарищ, повидимому, член партии. Я книжку эту давно читал и не ручаюсь, что в этом отношении ошибки не сделаю. Он говорит, как он приступил

к оборудованию двух советских заводов, как привлек двух буржуев и сделал это по-тогдашнему: под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества. Они были привлечены к воссозданию завода. Мы знаем, как в 1918 г. привлекали буржуазию (с м е х), так что подробно останавливаться на этом не стоит: мы се иными способами теперь привлекаем. Но вот его вывод: «Это еще полдела — мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать».

Вот это — замечательные слова. Замечательные слова, показывающие, что даже в городе Весьегонске, даже в 1918 году, было правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией.

Это еще полдела, если мы ударим эксплуататора по рукам, обезвредим и доконаем. А у нас, в Москве, из ответственных работников около 90 человек из 100 воображают, что в этом все дело, т. е. в том, чтобы доконать, обезвредить, ударить по рукам. То, что я говорил о меньшевиках, эсерах, о белогвардейцах, очень часто все ведет к тому, чтобы обезвредить, ударить по рукам (а, может быть, не только по рукам, быть может и по другому месту) и доконать. Но ведь это полдела. Даже в 1918 году, когда это было сказано весьегонским товарищем, это было полдела, а теперь — это даже меньше, чем четверть дела. Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас, а не так, чтобы ответственные коммунисты стояли во главе, имели чины, аплыли по течению с буржуазией. Вот в этом — вся суть.

Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты — это капля в море, капля в народном море. Они только в том случае сумеют повести народ по своему пути, если правильно определяют путь не только в смысле всемирного исторического направления. В этом смысле мы наш путь определили абсолютно правильно, и каждое государство приносит подтверждение, что мы определили его правильно, и в нашей родине, в своей стране, мы должны этот путь определить правильно. Он определяется не только этим, а и тем, что не будет интервенции, тем, что мы сумеем крестьянину давать товар за хлеб. Крестьянин скажет: «Ты — прекрасный человек, ты защищал нашу родину; мы тебя за это слушались, но если ты

хозяйничать не умеешь, то поди вон». Да, крестьянин это скажет.

Управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят. А если коммунист воображает, что я, мол, все знаю, потому что я — ответственный коммунист, я не таких людей побеждал, как какой-нибудь приказчик, а мы били на фронтах, и разве таких били, — то вот такое преобладающее настроение нас и режет.

Это — самая неважная часть дела, если мы эксплуататора обезвредим, ударим по рукам и обкорнаем. Это надо делать. И наше Госполитуправление и наши суды должны делать это не так вяло, как делают до сих пор, а помнить, что они — пролетарские суды, окруженные врагами всего мира. Это нетрудно, этому в основном мы научились. Тут должен быть произведен некоторый нажим, по это легко.

А вторая часть победы, — чтобы некоммунистическими руками строить коммунизм, чтобы уметь практически делать то, что экономически делать приходится, — это находить смычку с крестьянским хозяйством, удовлетворить крестьян, чтобы крестьянин сказал: «Как ни труден, как ни тяжел, как ни мучителен голод, а я вижу, что власть хотя и непривычная, хотя и необычайная, по от нее получается практическая, реально ощутимая польза». Нужно добиться, чтобы те многочисленные, во много раз превосходящие нас элементы, с которыми мы сотрудничаем, работали бы так, чтобы мы умели наблюдать их работу, чтобы мы понимали эту работу, чтобы их руками делалось нечто полезное для коммунизма. Вот в этом гвоздь теперешнего положения, ибо если отдельные коммунисты это и понимали и видели, то в широкой массе нашей партии этого сознания необходимости привлечения беспартийных к работе нет. Сколько об этом писалось циркуляров, сколько было говорено, а за год что-нибудь сделано? Ничего. Из сотни комитетов нашей партии и пять комитетов не сумеют показать практические свои результаты. Вот насколько мы отстали от той потребности, которая имеется сейчас на очереди, насколько мы живем в традициях 1918-го и 1919-го годов. То были великие годы, сделано величайшее всемирное историческое дело. А если

смотреть назад на эти годы и не видеть, какая теперь задача на очереди, то это была бы гибель, несомненная, абсолютная гибель, и весь гвоздь в том, что сознать этого мы не хотим.

Я бы хотел теперь привести два практических примера того, как у нас выходит с нашим управлением. Я уже сказал, что правильнее было бы для этого взять один из гострестов. Должен извиниться, что этого правильного приема употребить не могу, потому что для этого требовалось бы конкретнейшим образом изучить материалы хотя бы об одном гостресте, но это изучение, к сожалению, я лишен был возможности произвести и беру поэтому два небольших примера. Один пример такой: МПО⁵⁸ обвиняло в бюрократизме Наркомвнешторг; другой — из области Донбасса.

Первый пример мало подходящий, но лучшего взять не имею возможности. Основную мысль могу иллюстрировать и на этом примере. Последние месяцы мне, как вы знаете из газет, не было возможности касаться дела непосредственно, я не работал в Совнаркоме, не был и в ЦК. При временных и редких наездах в Москву мне бросились в глаза отчаянные и страшные жалобы на Внешторг. В том, что Внешторг плох, что там волокита, я ни одной минуты никогда не сомневался. Но когда жалобы стали особенно страстны, я попытался разобраться, — взять конкретный случай, докопаться хоть раз до низов, выяснить, как это там выходит, почему эта машина не идет.

МПО нужно было купить консервы. Явился для этого французский гражданин. Не знаю, делал ли он это в интересах международной политики и с ведома руководителей Антанты, или вследствие аппробации Пуанкаре и других врагов Советской власти (я думаю, наши историки разберутся в этом после Генуэзской конференции), но факт, что французская буржуазия принимала участие не только теоретически, но и практически, так как представитель французской буржуазии оказался в Москве и продавал консервы. Москва голодает, летом будет голодать еще больше, мяса не привезли и — по всем известным качествам нашего Наркомпути — наверное не привезут.

Продают мясные консервы (но если они не совсем сгнили, конечно, — это покажет еще будущее расследование) на советские деньги. Чего же проще? Оказывается, что ежели

рассуждать по-советски и как следует, то совсем не просто. Я не имел возможности следить за делом непосредственно, а организовал следствие, имею теперь тетрадку, в которой рассказано, как эта знаменитая история развивалась. Началась она с того, что 11-го февраля, по докладу т. Каменева, состоялось постановление Политбюро ЦК РКП о желательности закупки за границей предметов продовольствия. Конечно, без Политбюро ЦК РКП как же это русские граждане могут такой вопрос решить! Представьте себе: как это могли бы 4 700 ответственных работников (это только по переписи) без Политбюро ЦК решить вопрос о закупке предметов продовольствия за границей? Это, конечно, представление сверхъестественное. Тов. Каменев, очевидно, прекрасно знает нашу политику и действительность и поэтому не слишком полагался на большое число ответственных работников, а начал с того, что взял быка за рога, и если не быка, то во всяком случае Политбюро, и получил сразу (я не слышал, чтобы были по этому поводу прения) резолюцию: «Обратить внимание Наркомвнешторга на желательность ввоза из-за границы продовольствия, причем пошлины» и т. д. Обращено внимание Наркомвнешторга. Дело начинает двигаться. Это было 11 февраля. Я припоминаю, что в Москве мне пришлось быть в самом конце февраля или около того, и на что я сразу натолкнулся, — это на вопли, прямо на отчаянные вопли московских товарищей. В чем дело? Не можем никак закупить продовольствия. Почему? Волокита Наркомвнешторга. Я долго не принимал участия в делах и не знал тогда, что на это есть постановление Политбюро, и только сказал управделами: проследить, добыть бумажку и показать мне. И закончилось это дело тем, что, когда приехал Красин, Каменев поговорил с Красиным, дело было улажено, и консервы мы купили. Все хорошо, что хорошо кончается.

Что Каменев с Красиным умеют столкнуться и правильно определить политическую линию, требуемую Политбюро ЦК РКП, в этом я несколько не сомневаюсь. Если бы политическая линия и в торговых вопросах решалась Каменевым и Красиным, у нас была бы лучшая из советских республик в мире, но нельзя так делать, чтобы по каждой сделке тащить члена Политбюро Каменева и Красина, — последнего, занятого дипломатическими

делами перед Генусей, делами, которые требовали отчаянной, непомерной работы, — тащить этих товарищей для того, чтобы купить у французского гражданина консервы. Так работать нельзя. Тут не новая, не экономическая и не политика, а просто издевка. Теперь я имею следствие по этому делу. Я имею даже два следствия: одно — произведенное управделами Совнаркома Горбуновым и его помощником Мирошниковым, другое — то, которое производило Госполитуправление. Почему, собственно, Госполитуправление интересовалось этим делом, я не знаю и не твердо уверен, что это правильно, но останавливаться на этом не стану, потому что боюсь, как бы не понадобилось новое следствие. Важно только то, что материал собран и сейчас у меня имеется на руках.

Как это вышло, что в конце февраля я, приехав в Москву, нашел настоящий вопль, что «не можем купить консервов», в то время как пароход стоит в Либаве и консервы лежат там, и даже берут советские деньги за настоящие консервы! (Смех.) Если эти консервы не окажутся совершенно гнилыми (а я сейчас подчеркиваю: «если», потому что не вполне уверен, что я тогда не назначу второе следствие, но о результатах его придется нам рассказать уже на другом съезде) — так, если консервы не окажутся гнилыми, они куплены, я спрашиваю: в чем дело, что без Каменева и Красина не могло двинуться такое дело? Из следствия, которое у меня имеется, я вижу, что один ответственный коммунист послал другого ответственного коммуниста к чорту. Из этого же следствия я вижу, что один ответственный коммунист сказал другому ответственному коммунисту: «Не буду с вами разговаривать впредь без нотариуса». Прочитавши эту историю, я вспомнил, как 25 лет тому назад, когда я был в Сибири в ссылке, мне приходилось быть адвокатом. Был адвокатом подпольным, потому что я был административно-ссылным и это запрещалось, но так как других не было, то ко мне народ шел и рассказывал о некоторых делах. Но самое трудное было понять, в чем дело. Придет баба, начинает, конечно, с родственников, и невероятно трудно было добиться, в чем дело. Я говорю: «Принеси копию». Она рассказывает о белой корове. Ей говоришь: «Принеси копию», тогда она уходит и говорит: «Не хочет слушать без копии о белой корове». Так мы и смеялись в своей колонии над этой

копией. Но маленький прогресс мне удалось осуществить, приходя ко мне, тащили конюю, и можно было разобраться, в чем дело, почему жалуются и что болит. Это было 25 лет тому назад в Сибири (таком месте, откуда было много сот верст до первой железнодорожной станции).

А почему после трех лет революции в столичном городе Советской республики потребовалось два следствия, вмешательство Каменева и Красина и директивы Политбюро, чтобы купить консервы? Чего не хватало? Политической власти? Нет. Деньги нашли, так что была и экономическая власть и политическая. Все учреждения на месте. Чего не хватает? — Культурности 99 сотых работников МПО, против которых я ничего не имею и считаю превосходными коммунистами, и работников Внешторга, — они не могли культурно подойти к делу.

Когда я впервые об этом услышал, я написал письменное предложение в ЦК: по-моему, всех, кроме членов ВЦИК, которые, вы знаете, неприкосновенны, всех, кроме членов ВЦИК, из московских учреждений посадить в худшую московскую тюрьму на 6 часов, а из Внешторга — на 36 часов. А теперь оказалось, что виновный не найден. (Смех.) В самом деле, из того, что я рассказал, совершенно очевидно, что виновного не найдешь. Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дела делать — бестолковщина и безалаберщина. Сначала сунется, сделает, потом подумает, а когда у них не выходит — побегут к Каменеву жаловаться, тащат в Политбюро. Конечно, в Политбюро нужно нести все государственные трудные вопросы — об этом мне еще придется говорить, — но надо сначала подумать, а потом уже делать. Если ты выступаешь, потрудись выступать с документами. Сначала дай телеграмму, в Москве есть еще телефоны, пошли телефонограмму в соответствующие учреждения, дай копию Цюрупе, скажи: я считаю сделку спешной и за волокиту буду преследовать. Об этой элементарной культурности надо подумать, подойти к делу обдуманно; если дело не решается сразу двумя минутами, разговором по телефону, возьми документы, обставь себя ими и скажи: «Если ты проявишь волокиту, я тебя посажу в тюрьму». Но ни капли обдуманности, никакой подготовки, обычная суетня, несколько комиссий, все устали, измучились, больны, а дело можно двинуть тогда, когда Каменева можно сочетать с Красиным.

Это дело типичное. И отнюдь не только в столичном городе Москве, но наблюдается и в других столицах, в столицах всех независимых республик и отдельных областей, и не в столичных городах постоянно делаются такие вещи и даже во сто раз хуже.

В нашей борьбе нужно помнить, что коммунистам нужна обдуманность. Они вам расскажут превосходно о революционной борьбе, о состоянии революционной борьбы во всем мире. А чтобы вылезти из отчаянной нужды и нищеты, для этого надо обдумывать, быть культурным, порядочным — этого они не умеют. Если мы будем обвинять ответственных коммунистов, что они недобросовестно подходят к делу, это будет неправильно. Громадное большинство из них — 99 сотых — люди не только добросовестные, а доказавшие свою преданность революции в самых трудных условиях, и до падения царизма, и после революции, буквально жертвовавшие жизнью. Если в этом искать причины, то это будет в корне неверно. Нужен культурный подход к простейшему государственному делу, нужно понимание, что это — дело государственное, торговое, если будут препятствия, надо уметь их устранить и тянуть к суду виновных за волокиту. У нас есть пролетарский суд в Москве, и он должен притянуть тех, которые виновны, почему несколько десятков тысяч пудов консервов не куплены. Я думаю, пролетарский суд сумеет наказать, а чтобы наказать — надо найти виновных, а я вам ручаюсь, что найти виновных нельзя, пусть каждый из вас посмотрит это дело — нет виновных, а есть сутолока, суматоха и ерунда. Никто не умеет подойти к делу, не понимает, что к государственному делу надо подойти не так, а этак. А вся белогвардейщина, саботажники этим пользуются. У нас была пора бешеной борьбы с саботажниками, она и сейчас стоит на очереди; правильно, конечно, что саботажники есть и с ними надо бороться. Но разве можно бороться с ними, когда положение такое, как я говорил? Это вреднее всякого саботажа, саботажнику ничего и не надо, кроме как увидеть, что два коммуниста спорят между собой по вопросу о том, в какой момент обратиться в Политбюро для получения принципиальной директивы на покупку продовольствия, и в эту щель пролезть. Если сколько-нибудь толковый саботажник встанет около того или иного коммуниста или у обоих по очереди и под-

держит их, — тогда конец. Дело погибло навсегда. Кто виноват? Никто. Потому что два коммуниста, ответственных, преданных революционера, спорят из-за прошлогоднего снега, спорят по вопросу о том, в какой момент внести вопрос в Политбюро, чтобы получить принципиальную директиву для покупки продовольствия.

Вот как стоит вопрос, вот в чем трудность. Любой приказчик, выдержавший школу крупного капиталистического предприятия, такую вещь делать умеет, а 99 сотых ответственных коммунистов не умеют и не хотят понять, что у них нет этого умения, что надо учиться с азав. Если мы не поймем этого, не сядем снова учиться с przygotowительного класса, то мы ни в коем случае не решим экономической задачи, которая стоит сейчас в основе всей политики.

Другой пример, который я хотел бы привести, это — Донбасс. Вы знаете, что это — центр, настоящая основа всей нашей экономики. Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность, если мы не восстановим, не поставим на должную высоту Донбасс. В ЦК мы за этим наблюдали.

С этим районом не было незаконного, смехотворного, нелепого перенесения мелочного вопроса в Политбюро, а было настоящее абсолютно неотложное дело.

ЦК присмотреть бы за тем, чтобы в таких действительных центрах, основах и фундаменте всей нашей экономики, действительно путно работали, а там во главе ЦПКП — в Центральном правлении каменноугольной промышленности стояли люди не только, несомненно, преданные, но люди действительно образованные и с громадными способностями, и даже не ошибусь, если скажу — талантливые люди, и поэтому внимание ЦК было туда устремлено. Украина — независимая республика, это очень хорошо, но в партийном отношении она иногда берет — как бы повежливее выразиться? — обход, и нам как-нибудь придется до них добратся, потому что там сидит народ хитрый, и ЦК — не скажу, что обманывает, но как-то немного отодвигается от нас. Чтобы видеть все это дело, мы разбирали в здешнем ЦК и видели трения и разногласия. Там есть Кимка — комиссия по использованию мелких

копей. Конечно, между Кимкой и между ЦКП идут сильные трения. Но мы, ЦК, все же некоторый опыт имеем и решили единогласно не убирать руководящие круги, а если будут трения, доложить нам, хотя бы даже и со всеми деталями, потому что, когда мы имеем в крае не только преданных, но и способных людей, нужно стараться поддерживать их, чтобы они доучились, если допустить, что они не научились. Кончилось тем, что на Украине был партийный съезд, — я не знаю, что там вышло, было всяческое. Я справлялся у украинских товарищей и тов. Орджоникидзе я просил специально, а также и ЦК поручил поехать и посмотреть, что там было. Видимо, там была интрига и всяческая каша, и Истпарт не разберется даже и через 10 лет, если этим займется. Но получилось фактически, что, вопреки единогласным директивам ЦК, эта группа оказалась сменной другой группой. В чем тут было дело? В основном часть этой группы, несмотря на все свои высокие качества, сделала известную ошибку. Они попали в положение людей, которые переадминистрировали. Там мы имеем дело с рабочими. Очень часто, когда говорят: «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводский пролетариат. Совсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней неверно. Сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетарии, а всяческий случайный элемент.

Уметь поставить работу правильно, так, чтобы не отставать, чтобы во-время разрешить трения, которые происходят, и не отрывать администрирования от политики, — вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда. Ошибка, которую работники Донбасса совершили, ничтожна по сравнению с другими нашими ошибками, но это типичный

пример, когда было единодушное требование в ЦК: «Оставьте эту группу, давайте нам в ЦК даже мелкие конфликты, потому что Донбасс, это — не случайный район, а это — район, без которого социалистическое строительство останется простым добрым пожеланием», — но вся наша политическая власть, весь авторитет ЦК оказались недостаточными.

На этот раз сделана ошибка в администрировании, конечно; кроме того, была куча и других ошибок.

Вот вам пример того, что вся загвоздка не в политической власти, а в том, чтобы уметь управлять, уметь правильно расставлять людей, уметь избегать мелких столкновений так, чтобы государственная хозяйственная работа не прерывалась. Этого у нас нет, — вот в чем ошибка.

Я думаю, что, когда мы говорим о нашей революции и взвешиваем судьбы революции, нам надо строго отличать те задачи революции, которые решены полностью и которые вошли, как нечто совершенно неотъемлемое, в историю всемирного исторического поворота от капитализма. Такие дела за нашей революцией есть. Конечно, пусть меньшевики и Отто Бауэр — представитель II^{1/2} Интернационала — кричат: «У них там буржуазная революция», но мы говорим, что наша задача — буржуазную революцию довести до конца. Как одно белогвардейское издание выразилось: 400 лет собирали навоз в наших государственных учреждениях; а мы вычистили этот навоз за четыре года, — это величайшая наша заслуга. А что же сделали меньшевики и эсеры? Ничего. Ни у нас, ни даже в передовой, просвещенной Германии, даже там средневекового навоза вывезти не могут. И они нашу величайшую заслугу нам ставят в укор. Доведение дела революции до конца — это неотъемлемая наша заслуга.

Теперь пахнет войной. Рабочие союзы, как, например, реформистские союзы, принимают резолюции против войны и грозят стачкой против войны. Недавно, если не ошибаюсь, я видел газетную телеграмму о том, что во французской палате один прекрасный коммунист держал речь против войны и указал, что рабочие предпочтут восстание войне. Нельзя ставить вопрос так, как мы его ставили в 1912 г., когда печатался Базельский манифест. Только русская революция показала, как можно выйти из войны и каких трудов это стоит, что значит — из реакционной войны

выйти революционным путем. Реакционные империалистические войны на всех концах мира неизбежны. И забыть то, что десятки миллионов перебиты тогда и будут еще биты теперь, при решении всех вопросов такого свойства, человечество не может, и оно не забудет. Ведь мы живем в XX веке, и единственный народ, который вышел из реакционной войны революционным путем не в пользу того или другого правительства, а сорвав их, — это русский народ, и вывела его русская революция. И то, что завоевано русской революцией, — неотъемлемо. Этого никакая сила не может взять, как никакая сила в мире не может взять назад того, что Советским государством было создано. Это — всемирно-историческая победа. Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была неприспособлена, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано, — и поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и нищета, что только одни мучения переживает трудящийся народ, — все-таки во всем мире все рабочие тяготеют к Советскому государству. Вот те великие завоевания, которые нами достигнуты и которые являются неотъемлемыми. Но для нас, представителей коммунистической партии, это значит только открыть дверь. Перед нами стоит теперь задача постройки фундамента социалистической экономики. Сделано это? Нет, не сделано. У нас еще нет социалистического фундамента. Те коммунисты, которые воображают, что он имеется, делают величайшую ошибку. Весь гвоздь состоит в том, чтобы отделить твердо, ясно и трезво, что у нас составляет всемирно-историческую заслугу русской революции, от того, что нами исполняется до последней степени плохо, что еще не создано и что еще много раз надо переделывать.

Политические события всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы удержать всю цепь,

надо уцепиться за основное звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться. В 1917 г. в чем был весь гвоздь? В выходе из войны, чего требовал весь народ, и это покрывало все. Выхода из войны революционная Россия достигла. Были большие усилия, но зато основная потребность народа была учтена, и это дало нам победу на много лет. И народ почувствовал, крестьянин видел, всякий возвращающийся с фронта солдат превосходно понимал, что в лице Советской власти он получает более демократическую, более близкую к трудящимся власть. Сколько бы мы глупостей и безобразий ни делали в других областях, раз мы эту главную задачу учли, — значит, все было правильно.

В 1919-м и 1920-м годах в чем был гвоздь? — Отпор военный. Тут па нас шла, нас душила всемирно могущественная Антанта, и не нужно было пропаганды — любой беспартийный крестьянин понимал, что делается. Идет помещик. Коммунисты умеют с ним бороться. Вот почему крестьянин в массе своей был за коммунистов, вот почему мы победили.

В 1921-м году гвоздем было отступление в порядке. Вот почему пужна была сугубая дисциплина. «Рабочая оппозиция» говорила: «Вы недооцениваете рабочих, рабочие должны проявлять больше инициативы». Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступать и сугубо держать дисциплину. Тот, кто сколько-нибудь вносит ноты паники или нарушение дисциплины, погубил бы революцию, потому что нет ничего труднее, как отступление с людьми, которые привыкли завоевывать, которые пропитаны революционными воззрениями и идеалами и в душе всякое отступление считают вроде того, что гнусностью. Самая большая опасность состоит в том, чтобы не нарушить порядка, и самая большая задача — в том, чтобы сохранить порядок.

А теперь в чем гвоздь? Этот гвоздь представляет собой — к чему бы я и хотел подвести и подытожить свой доклад — гвоздь не в политике, в смысле перемены направления; об этом говорят неизменно много в связи с нэпом. Все это говорят впустую. Это — вреднейшая болтовня. В связи с нэпом у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это — вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения —

в людях, в подборе людей. Это трудно усвоить революционеру, который привык бороться против мелких дел, против культурничания, который вместо пересоздания учреждения выдвинул роль личности. Но мы пришли к положению, которое в смысле политическом надо оценить трезво, — мы подвинулись так далеко, что не можем всех позиций удержать и не должны удерживать.

В смысле международном улучшение нашего положения в эти последние годы гигантское. Советский тип государства нами завоеван, — это есть шаг вперед всего человечества, и Коминтерн сведениями из любой страны каждый день нам подтверждает об этом. И тени сомнения ни у кого нет. Но в смысле практической работы дело обстоит так, что если коммунисты не смогут оказать практической помощи крестьянской массе, то она их не поддержит. Центр внимания не в том, чтобы законодательствовать, лучшие декреты издавать и т. д. У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Без этого не было бы к нам доверия всех рабочих и крестьян, которые хотели построить жизнь на новых основах. Но эта полоса прошла, а мы этого не хотим понять. Теперь крестьяне и рабочие будут смеяться, когда предпишут построить, переделать такое-то учреждение. Теперь простой рабочий и крестьянин интересоваться этим не будут, и они правы, ибо центр тяжести не в этом. Ты, коммунист, должен идти к народу теперь не с этим. Хотя мы, сидящие в государственных учреждениях, завалены такими мелочами всегда, но не за это звено цепи надо браться, не в этом гвоздь, а гвоздь в том, что люди посажены непра-

вильно, что ответственный коммунист, превосходно проделавший всю революцию, приставлен к тому торгово-промышленному делу, в котором он ничего не понимает и мешает видеть правду, ибо за его спиной превосходно прячутся делеяги и мошенники. В том дело, что практической проверки того, что выполнено, у нас нет. Это — задача прозаическая, маленькая, это — мелкие дела, но мы живем после величайшего политического переворота, при тех условиях, когда мы должны некоторое время существовать среди капиталистического уклада, гвоздь всего положения не в политике, в узком смысле слова (то, что говорится в газетах, это трескотня политическая, и ничего социалистического здесь нет), гвоздь всего положения не в резолюциях, не в учреждениях, не в переорганизации. Поскольку они нам необходимы, это делать мы будем, но не суйтесь с этим к народу, а подбирайте нужных людей и проверяйте практическое исполнение, — и это народ оценит.

В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится. Сейчас народ и все трудящиеся массы видят основное для себя только в том, чтобы практически помочь отчаянной нужде и голоду и показать, что действительно происходит улучшение, которое крестьянину чуждо, которое ему привычно. Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы ввести не могли. Для этого не хватало фабрик и оборудования для них. Тогда мы должны дать через торговлю, но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления народ вынести не может. В этом весь гвоздь положения. И если не будет ничего неожиданного, то это должно стать гвоздем всей нашей работы на 1922 г. при трех условиях.

Во-первых, при том условии, что не будет интервенции. Мы все делаем своей дипломатией для того, чтобы ее избежать, тем не менее она возможна каждый день. Мы действительно должны быть пачеку и в пользу Красной Армии мы должны идти на известные тяжелые жертвы, конечно, строго определяя размеры этих жертв. Перед нами весь

мвр буржуазии, которая ищет только формы, чтобы нас задушить. Наши меньшевики и эсеры — не что иное, как агенты этой буржуазии. Таково их политическое положение.

Второе условие — если финансовый кризис не будет слишком силен. Он надвигается. О нем вы услышите по вопросу о финансовой политике. Если он будет слишком силен и тяжел, нам придется многое опять перестраивать и все силы бросить на одно. Если он будет не слишком тяжел, он может быть даже полезным: он почистит коммунистов из всяких гострестов. Только надо будет не забыть это сделать. Финансовый кризис перетряхивает учреждения и предприятия, и негодные из них лопаются прежде всего. Надо будет только не забыть, чтобы не свалили все это на то, что виноваты спецы, а что ответственные коммунисты очень хороши, боролись на фронтах и всегда хорошо работали. Так что если финансовый кризис не будет непомерно тяжел, то из него можно будет извлечь пользу и почистить не так, как чистит ЦКК или Центропроверком⁵⁹, а прочистить, как следует, всех ответственных коммунистов в хозучреждениях.

И третье условие — чтобы не делать за это время политических ошибок. Конечно, если будем делать политические ошибки, тогда все хозяйственное строительство будет подрезано, тогда придется заниматься тем, чтобы вести споры об исправлении и направлении. Но если таких печальных ошибок не будет, то гвоздь в ближайшем будущем не в декретах и не в политике, в узком смысле этого слова, не в учреждениях, не в их организации — этим делом будут заниматься постольку, поскольку это необходимо, в кругах ответственных коммунистов и советских учреждений, — а гвоздь для всей работы — это в подборе людей и в проверке исполнения. Если мы в этом отношении практически научимся, принесем практическую пользу, тогда мы снова все трудности преодолеем.

В заключение я должен коснуться практической стороны вопроса о наших советских органах, высших учреждениях и отношении к ним партии. У нас создалось неправильное отношение между партией и советскими учреждениями, и на этот счет у нас полное единодушие. На одном примере я показывал, как конкретное мелкое дело тащат уже в Политбюро. Формально выйти из этого

очень трудно, потому что управляет у нас единственная правительственная партия, и жаловаться члену партии запретить нельзя. Поэтому из Совнаркома тащат все в Политбюро. Тут была также большая моя вина, так как многое по связи между Совнаркомом и Политбюро держалось персонально мною. А когда мне пришлось уйти, то оказалось, что два колеса не действуют сразу, пришлось нести тройную работу Каменеву, чтобы поддерживать эти связи.

Насчет основных директив, тут в ЦК согласие полное, и я надеюсь, что съезд отнесется к этому вопросу с большим вниманием и утвердит директивы в том смысле, что надо освободить Политбюро и ЦК от мелочей и повысить работу ответственных работников. Нужно, чтобы наркомы отвечали за свою работу, а не так, чтобы сначала шли в Совнарком, а потом в Политбюро. Формально мы не можем отменить право жаловаться в ЦК, потому что наша партия единственная правительственная партия. Тут надо пресекать всякое обращение по мелочам, но нужно повысить авторитет Совнаркома, чтобы там больше участвовали наркомы, а не заместители, нужно изменить характер работы Совнаркома в том отношении, в каком мне не удалось это сделать за последний год: гораздо больше внимания обратить на то, чтобы следить за проверкой исполнения.

В связи с этим надо обратить внимание, чтобы комиссии Совнаркома, СТО были урезаны, чтобы они знали и разрешали свои собственные дела, а не разбрасывались на бесконечное число комиссий. На-днях была произведена чистка комиссий. Насчитали 120 комиссий. А сколько оказались необходимыми? 16 комиссий. И это — не первая чистка. Вместо того, чтобы отвечать за свое дело, вынести решение Совнаркому и знать, что ты за это держишь ответ, — прячутся за комиссии. В комиссиях чорт ногу ломает, никто ничего не разберет, кто отвечает; все спуталось, и, в конце концов, выносятся такие решения, в котором все ответственные.

В связи с этим надо указать, что необходимо расширить и развить автономию и деятельность областных экосов. У нас теперь деление России на областные районы произведено по научным основаниям, при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых, условий получения

топлива, местной промышленности и т. д. На основании этого деления созданы районные и областные экосо. Конечно, частные исправления будут, но надо повысить авторитет этих экосо.

Затем надо добиться, чтобы ВЦИК работал более энергично и правильно собирался на сессиях, которые должны быть более длительными. Сессии должны обсуждать проекты законов, которые иногда наспех вносятся в Совнарком без обязательной надобности. Лучше отложить и дать местным работникам внимательно обдумать, и строже требовать от составителей законов, чего у нас не делается.

Если сессии ВЦИК будут более длительны, они разделятся на секции и подкомиссии и сумеют проверить работу более строго, добиваясь того, что, по-моему, составляет весь гвоздь, всю сущность теперешнего политического момента: центр тяжести перенести на подбор людей, на проверку фактического исполнения.

Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться. Если это будет признано, и раз есть у нас достаточная к этому возможность, — а, судя по общему международному положению, у нас хватит времени на то, чтобы успеть выучиться, — это надо сделать во что бы то ни стало. (Бурные аплодисменты.)

3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ ЦК РКП(б)
28 МАРТА

(Аплодисменты.) Мне прежде всего придется уделить некоторое время критике тех замечаний, которые здесь сделали гг. Преображенский и Осинский. Я думаю, что гг. Преображенский и Осинский в самом главном и основном стреляли совершенно мимо цели, и как раз своими выступлениями они показали неправильность той линии, как они себе представляют политику.

Тов. Преображенский говорил о капитализме и о том, что по программе нам следовало бы учинить общую дискуссию. Я думаю, что это была бы самая непроизводительная и неправильная трата времени.

Прежде всего по вопросу о госкапитализме.

«Госкапитализм есть капитализм, — говорил Преображенский, — и только так понимать можно и должно». Я утверждаю, что это есть схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что мы это только впервые теперь переживаем. До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть. И не нужно смотреть назад. Если вы будете писать историю, вы ее напишете прекрасно, а, когда вы будете писать учебник, вы будете писать: государственный капитализм, это — капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно непредвиденный, — ведь никто не мог предвидеть того, что пролетариат достигнет власти в стране из наименее развитых и попытается сначала организовать крупное

производство и распределение для крестьян, а потом, когда, по условиям культурным, не осилит этой задачи, привлечет к делу капитализм. Всего этого никогда не предвидели, но это же бесспорнейший факт.

В речи Ларина полная неясность представления, что такое новая экономическая политика, как к ней надо относиться.

Ни одного серьезного возражения не было сказано против того, что нужно было перейти к новой экономической политике. Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях, и научимся преодолевать слабости. (Аплодисменты.) Капитализм, который мы допустили, необходимо было допустить. Если он уродлив и плох, мы можем это исправить, потому что власть у нас в руках, и нам бояться нечего. Это признают все, и смешивать это с сеянием паники смешотворно. Если бы мы боялись это признать, тогда неминуемо погибли бы. Но, что мы этому научимся и захотим учиться этому, показывают три-четыре-пять лет, когда мы научились более сложным вещам в более короткие периоды времени. Правда, тогда нас подталкивала необходимость. На войне нас подталкивали чрезвычайно энергично, и, кажется, ни на одном фронте, ни в одном походе не обходилось без того, чтобы нас не подталкивали: сначала к Москве подходили на расстояние сотни верст, подходили к Орлу, были за пять верст от Петрограда. Вот когда мы настоящим образом спохватились и начали и учиться и применять свой плод учения, и выгнали неприятеля.

В тысячу раз труднее положение, когда приходится иметь дело с неприятелем, стоящим здесь в обыденщине экономической. Споры, которые в литературе до сих пор поднимались о государственном капитализме, споры эти, в лучшем случае, могут войти в исторический учебник. Я несколько не отрицаю пользы учебников и недавно писал, что было бы лучше, если бы наши литераторы поменьше уделяли внимания газетам, политической трескотне, а писали бы учебники, что превосходным образом

сделали бы многие, в том числе и тов. Лариц. Там его качества чрезвычайно были бы полезны, тогда бы у нас была разрешена задача, которую т. Троцкий хорошо подчеркнул, заявив, что основное дело сейчас — воспитание молодого поколения, а его не на чем воспитывать. В самом деле — на чем оно учится общественным наукам? На старом буржуазном хламе. Это — позор! И это тогда, когда у нас сотни марксистских литераторов, которые могут дать учебники по всем общественным вопросам, но не дают потому, что не тем заняты, не туда устремляются.

Относительно государственного капитализма нужно знать то, что должно стать лозунгом для агитации и пропаганды, что необходимо разъяснять, добиваться практического понимания. Это — то, что государственный капитализм у нас теперь не тот, о котором писали немцы. Это — капитализм, допущенный нами. Верно это или нет? Все знают, что это верно!

Мы приняли на съезде коммунистов решение, что государственный капитализм допущен нашим пролетарским государством, а государство — это мы. Если плохо допустили, виноваты мы, нечего валить на другого! Надо учиться, добиваться того, чтобы государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смел выходить из рамок и условий, определенных ему пролетариатом, из условий, которые выгодны пролетариату. И тут было верно указано, что мы должны были считаться с крестьянством, как с массой, и дать ему свободную торговлю. Всякий разумный рабочий понимает, что это необходимо для пролетарской диктатуры, и только т. Шляпников может шутить и издеваться над этим. Это усвоено всеми, достаточно разжевано тысячу раз, и вы просто не хотите этого понять. Если крестьянину необходима свободная торговля в современных условиях и в известных пределах, то мы должны ее дать, но это не значит, что мы позволим торговать сивухой. За это мы будем карать. Это не значит, что мы разрешим торговать политической литературой, которая называется меньшевистской и эсеровской и которая вся содержится на деньги капиталистов всего мира.

Вот о чем я говорил, когда я упомянул о пулеметах, и тов. Шляпников должен был это понять. То, что он говорит, это — пустяки!

Никого вы этим не запугаете и никакого сострадания к себе не возбудите! (Аплодисменты. Смех.)

Бедный Шляпников! Ленин собрался на него пулеметы выставлять.

Речь идет о партийных мерах воздействия, а вовсе не о каких-то пулеметах. О пулеметах речь идет для тех людей, которые у нас теперь называются меньшевиками, эсерами в которые делают выводы о том, что вы, мол, говорите об отступлении к капитализму, и мы говорим то же: мы с вами согласны! Мы это слышим постоянно, и за границей идет гигантская агитация, что большевики хотят меньшевиков и эсеров держать в тюрьмах, а сами допускают капитализм. Конечно, капитализм мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству. Это пужно! Без этого крестьянин жить и хозяйничать не может. А без эсеровской и меньшевистской пропаганды он, русский крестьянин, мы утверждаем, жить может. А кто утверждает обратное, то тому мы говорим, что лучше мы все погибнем до одного, но тебе не уступим! И ваши суды должны все это понимать. Когда мы переходим от ВЧК к государственно-политическим судам, то надо сказать на съезде, что мы не признаем судов внеклассовых. У нас должны быть суды выборные, пролетарские, и суды должны знать, что мы допускаем. Члены суда должны твердо знать, что такое государственный капитализм.

Вот в чем политический лозунг дня, а не в споре о том, как понимали немецкие профессора государственный капитализм и как мы понимаем государственный капитализм. С тех пор мы очень много вынесли, и назад оглядываться совершенно не подобает.

До какой степени Преображенский политически совершенно глядит мимо, — это показывает его рассуждение об экономическом бюро или о программе. Такая прекрасная вещь эта программа, и так мы ее искажаем! И как может это делаться? Это делается оттого, что читается буква за буквой и строчка за строчкой, а на дальнейшее человек глядеть не хочет. Выдернул цитату и говорит: вот тут был спор. Говорят, правильная линия была рабфактов и комячеек, а не тех, которые говорили: «Поосторожнее, поумереннее будьте с этими спецами». Что комячейки есть прекрасные комячейки и рабфаки есть прекрасные

рабфаки, — это так, но они не застрахованы от ошибок, они не святые.

Да, комячейки есть представители нашей партии, и рабфаки есть представители нашего класса, но что они делают ошибки, и мы должны их исправлять, это — азбучная истина. Как тут поправлять, я не знаю, потому что лично в собраниях ЦК, где обсуждался этот вопрос, не участвовал. Но я знаю, что пересол у нас имеется в смысле линии рабфаков и комячеек против профессоров. Но когда ЦК, рассмотрев дело со всех сторон, увидел, что тут был пересол и что по отношению к этим профессорам, чужим, представителям не нашего класса, нужно взять линию поосторожней, тогда является Преображенский, вынимает программу и говорит: никаких политических уступок этому слою, иначе это — нарушение программы⁶⁰.

Если так начать управлять партией, то это приведет нас наверное к гибели. Не потому, что тов. Преображенский неправильно понимает политику вообще, а потому, что он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремленный на определенные рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону, а, когда он подходит с точки зрения политической и административной, выходит нечто чудовищное. Экономбюро создать?! Ведь только что все говорили и все согласились, и получилось полное единогласие (а это очень важно: от этого единства и действие зависит), что аппараты партийный и советский следует размежевать.

Сделать это страшно трудно, — людей нет! Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах⁶¹. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти

и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потопом в мелких интригах.

Тов. Преображенский предлагает Экономбюро, но тогда все, что мы говорим о разделении партийной и советской работы, пойдет насмарку. Тов. Преображенский предлагает будто хорошую схему: с одной стороны — Политбюро, затем — Экономбюро, Оргбюро. Но гладко это только на бумаге, а в жизни смехотворно! Я решительно не понимаю, как мог человек, у которого есть чутье к живой политике, после пяти лет существования Советской власти, вносить и настаивать на таком предложении!

Чем у нас отличается Оргбюро от Политбюро? Ведь нельзя точно разграничить, какой вопрос политический и какой организационный. Любой политический вопрос может быть организационным, и наоборот. И только установленная практика, что из Оргбюро можно перенести в Политбюро любой вопрос, дала возможность правильно наладить работу ЦК.

Кто-нибудь, когда-нибудь предлагал иное? Никогда никто не предлагал, потому что иного исхода с точки зрения разумности предложить нельзя. Нельзя механически отделить политическое от организационного. Политика ведется через людей, а если будут писать бумажки другие люди, то ничего не выйдет.

Ведь вы знаете, бывали ведь революции, когда в парламентских собраниях писали бумажки, а проводили их люди другого класса. Получались щелчки, и их вышибали вон. Отделять организационные вопросы от политики нельзя. Политика — это концентрированная экономика.

Тов. Косиор жалуется на ЦК, фамилии назвал (я всех их записал) — я лично не знаю и ответить не могу, но если вы, как партийный съезд, интересуетесь — ваша обязанность выбрать комиссии по каждому имени и учинить Косиору и соответственным лицам допрос с пристрастием. Здесь сущность дела в том, что если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику. Хотя мы и делаем

ошибки, перебрасывая тех или иных людей, но все же я позволю себе думать, что Политбюро ЦК за все время его работы сделало минимум ошибок, Это не самохвальство. Работа Политбюро проверяется не комиссиями, не теми людьми, которые поставлены нашей же партией, но она проверяется белогвардейцами, она проверяется нашими врагами, доказательство этому — итоги политики, в которой крупных ошибок не было.

У Осинского сильная его сторона — с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берется. Надо сделать так, чтобы эта сильная сторона была так обставлена, чтобы его слабая сторона была урезана (хотя Осинский будет кричать, он человек энергичный, — а все-таки надо это сделать, иначе он, как работник, погиб), Я думаю, что мы в ЦК приняли меры, чтобы сочетать его слабые стороны с сильными.

Лучшим обвинительным материалом против Осинского, — если бы я хотел полемизировать с ним, а я не хочу этого, — лучшим материалом было бы — отпечатать и вывесить на доске сегодняшнюю речь Осинского... Был человек...

Будучи замнаркомом и руководящим лицом важнейшего из наркоматов, находясь в передних рядах тех людей, которые по любому вопросу дадут платформу, — он, этот человек, предложил перейти к системе кабинетной. Я утверждаю, что этот человек навсегда абсолютно убит. Я не стану это разбирать, подробно полемизировать, интерес весь в том, чтобы такая громадная сила, как Осинский, была бы использована правильно. Если т. Осинский по-товарищески не отнесется к тем советам, которые ему зачастую давались в ЦК и в которых я немало повинен, и не умерит себя в этой части, то он неизбежно и абсолютно свалится в болото, как это случилось сегодня.

Это очень неприятно бывает людям, которые любят проявить свою натуру; это стремление закономерно, если у человека богато одаренная натура, и он хочет ее проявить. Дай бог всякому. Но ЦК должен смотреть за тем, чтобы натура проявлялась с пользой. ЦК должен устроить так, чтобы рассуждение о кабинете обрезать, и даже если этот человек, который подвергается, так сказать, обрезанию, и будет вносить жалобы. Это будет полезно. Нужно свои способности умерить, чтобы в это болото

не заскипать, и советоваться с товарищами по наркоматам и проявлять общую линию, а у нас хотя бы в одном наркомате сделано что-нибудь без спора? Не сделано.

«Улучшение системы управления и психологическая мобилизация масс». Это смертоубийство! Если бы на такую точку зрения политической реакции съезд встал, то это был бы вернейший и лучший способ самоубийства.

«Улучшение системы управления». Дай бог подойти к тому, чтобы выйти из той сутолоки, которая существует.

Мы системы не имеем?! Пять лет лучшие силы уходили на то, чтобы создать эту систему! Эта система есть величайший шаг вперед.

Практический аппарат плох! Знаем ли мы, как дело обстоит? Не знаем! А Осинский говорит, как будто бы знает. Он, ведь, может сесть и в 10 минут написать систему управления, и если не ограничить этого желания, это будет вредно и будет политической ошибкой. При другой же обстановке, если он и впредь будет относиться с тем же рвением, с каким относится к работе сейчас, работа будет очень полезной.

Вот вам иллюстрация. Затем о том, что, когда я говорил насчет самого важного, Преображенский и Осинский это доказали, а Ларин это доказал сугубо. Посмотрите, что он сделал. Он обвинял меня и очень весело шутил и смеялся.

Это выходит у него великолепно, тут его сильная сторона. Если бы эта сильная сторона т. Ларина не была связана с тем, что ему приходится применять ее к государственной работе, тов. Ларин принес бы в тысячу раз больше пользы республике, потому что он человек очень способный и обладает большой фантазией. Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности, но у тов. Ларина ее маленький избыток. Например, я бы сказал так, что, если бы весь запас фантазии Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо. (Смех, аплодисменты.) А пока мы этой операции сделать не можем, до тех пор государственное, хозяйственное, плановое, экономическое дело предоставить Ларину нельзя; было бы то же самое, что

в старом ВСНХ, когда Рыков еще не выздоровел, а работал и подписывался «Ю. Ларин» от имени всего Высснархоза; было плохо не потому, что т. Ларин проявляет только свои худшие свойства, а наоборот, — лучшие способности, ибо в его преданности и знании дела и тени ни у кого нет сомнения, а дело было поставлено все же неправильно!

Это я и говорил. Правда, это все прописи. Но насчет прописей еще Камков на съезде эсеров меня высмеивал. Камков говорил: «Ленин проповедует сегодня: «Не укради», а завтра прибавит: «Не прелюбы сотвори». Вот и вся премудрость Ленина». Это я от эсера Камкова слышал еще в 1918 году. И если Камков, который сопровождал эти доводы громом пушек, никакого впечатления не произвел, то тем паче не произведет и Ларин. Сейчас нужно применить эти задачи к основным моментам нашей новой экономической политики. Тут т. Ларин пытался вести партию по неверному направлению; а будь он занят тем делом, где у него проявятся масса способностей и где он принесет большую пользу молодежи, и где он не сделает такой штуки, какую сделал в Госплане, было бы совершенно другое. Там для молодого поколения остались бы следы т. Ларина. Я сказал, кажется, достаточно ясно. И не было бы той путаницы, которую здесь внес Ларин.

Я говорил, что Каменев внес в Политбюро предложение директиву — признать ввоз продовольствия полезным и чтоб консервы покупались на советские деньги. Ларин тут сидел, все великолепно слышал и все великолепно помнит и сейчас же, взойдя на эту трибуну, сказал: «Ленин забыл, по болезни, — простим ему на этот раз, — что для траты золотого фонда нужно войти в Политбюро». Если бы тов. Каменев предлагал, чтобы мы золотой фонд давали французским спекулянтам на покупку консервов, мы бы и слушать его не стали. Ни одной копейки золотой на консервы не давали, давали бумажки советские и — представьте себе — купили. Вульфсон меня вчера уверял даже, что эти консервы хорошего качества (хотя они еще не пришли). Но я ему не верю, раньше попробуем, потому что тут еще может быть надувательство. Но дело в том, что тут Ларин сам спутал: ни одной копейки золотой не давали, а дали 160 миллиардов советских бумажек.

Конечно, было бы смешно и нелепо думать, что Ларин, говоря так, делает это из злых намерений; нет, не в этом дело, но у него фантазия летает за триллион километров, и от этого получается то, что дело запутывается.

Далее он сказал, что Госплан предлагал сдать в аренду $\frac{3}{4}$ железнодорожного транспорта. Хорошо, что он это сказал на партийном съезде, где Кржижановский тут же опроверг. Это не так часто бывает. А вы думаете, что попытка так говорить бывает только на партийном съезде? Угодно ли справиться в ЦКК, как они разбирали дело о дискуссионном клубе Москвы⁶², почему вообще дело было о дискуссионном клубе Москвы, где гг. Ларин и Рязанов... (Рязанов с места: «Насчет золотого фонда не говорил там, говорили хуже».) Я не был в Москве, не участвовал в разборе этого дела, имел только краткое извещение. (Рязанов: «Не всякому слуху верить».) Я знаю это из беседы с тов. Сольдем, это не слух, а беседа с лицом, которое высшим партийным съездом назначено в ЦКК, и он мне сказал, и то, что он мне сказал, не может вызвать никакого сомнения. Назвать это слухом можно от большого легкомыслия. ЦКК разбирала дело о поведении дискуссионного клуба и ей пришлось едновременно указать на неправильность постановки дела. Для меня ясно, в чем неправильность. Сегодня Ларин мимоходом, потому что он увлекся, его собственная речь его подогнала, договорился, что сдают в аренду $\frac{3}{4}$ железнодорожного транспорта, и ЦК исправил. Кржижановский говорит, что ничего подобного — ЦК не исправил, и Ларин напутал. Так бывает постоянно.

Мы не умеем за четыре года научиться такому делу, чтобы приставить полезного работника Ларина к настоящей полезной работе и отставить от той работы, в которой он против своей воли приносит вред.

Кажется, довольно противоестественно! диктатура пролетариата, террористическая власть, победа над всеми армиями в мире, кроме победы над армией Ларина. Тут поражение полное! Возьмется всегда за то, за что братья не нужно. Его громадные знания, умение увлечь людей принесли бы насущнейшую пользу молодому поколению, которое идет впотьмах. Его знаний мы не умеем использовать, поэтому начинаются трения, сопротивление; тут Политбюро, Оргбюро ЦК, пленумы ЦК, которые обви-

няются в чрезмерной власти, оказываются имеющими недостаточно власти или авторитета, чтобы правильно распределить всех товарищей.

Над этим надо подумать и серьезно обсудить этот вопрос. В этом центр тяжести работы, это исправить нужно. Если это исправим, — мы из трудностей выйдем. Этого достигнем исправлением, а не тем, что будем говорить о новых задачах аграрной программы, о чем говорили Осинский и Ларин. Я на нее написал рецензию в ЦК⁶³. О ней я сейчас говорить не буду, — всякий член партии, который интересуется ею, имеет право это взять и прочитать в секретариате. Пожалуйста! Если правильно приложить силы Ларина и Осинского, при отсечении их неверных устремлений, мы получим гигантскую пользу от применения их сил.

Я заканчиваю несколькими словами о Шляпникове. Я хотел говорить о нем больше. Троцкий, который по поручению ЦК вместе с Зиновьевым в Коминтерне давал ответ на заявление 22-х⁶⁴, исчерпал эту тему на 99 сотых.

Тов. Шляпников, во-первых, прикинулся непонимающим того, по поводу чего я говорил о пулеметах и паникерах; шутил, что меня, мол, так много раз судили. Товарищи, шутка, конечно, хорошая вещь. Без шуток, конечно, нельзя говорить на большом собрании, потому что люди устали; надо по-человечески понимать. Но есть вещи, которыми шутить непозволительно; есть такие вещи, как единство партии.

Когда мы врагами окружены со всех сторон, когда международная буржуазия достаточно умна, чтобы Милюкова пересадить налево, а эсеров снабдить деньгами на издание каких угодно газет, двинуть Вандервельде, Отто Бауэра поднять кампанию по поводу суда над эсерами, кричать, что большевики — звери; когда эти люди сотни лет учились политике, имеют миллиарды в своем распоряжении золотых рублей, франков и т. д., когда все это мы имеем против себя, — при таких условиях шутить, как тов. Шляпников шутит, что «меня в ЦК судили» и т. д., — это, товарищи, печально. Партийному съезду надо сделать определенные выводы. Мы зря в ЦК судов не устраиваем! Суд над Шляпниковым был, и не хватило в ЦК трех голосов, чтобы исключить его из партии⁶⁵. Членам партии, собравшимся на партийный съезд, надо

поинтересоваться этим, взять протокол этого собрания ЦК. Этим не шутят!

Обратиться к Коминтерну вы имеете законное право. Но задолго до этого обращения громадное большинство ЦК было за исключение т. Шляпникова, — нехватило законных двух третей голосов. Шутить с этим нельзя! Не мешает вам познакомиться с тем, что т. Шляпников на собрании фракции членов съезда металлистов вел прямую агитацию за раскол.

О роли брошюры тов. Коллонтай⁶⁶ тов. Троцкий сказал.

Если мы такими вещами будем шутить, тогда речи не может быть о том, чтобы мы устояли в трудном положении, в котором мы находимся. Для того, чтобы мы устояли, я выставлял три условия: первое — если не будет интервенции, второе — если финансовый кризис не будет слишком тяжел, третье — чтобы мы не делали политических ошибок.

Кто-то тут из ораторов сказал, что будто бы я говорил о политических осложнениях. Нет, я говорил о политических ошибках. Если мы не сделаем политической ошибки, тогда я могу сказать, что 99 сотых партии будет с нами так же, как и беспартийные рабочие и крестьяне, которые поймут, что теперь время учебы.

Я вспоминаю, что в своей статье по поводу годовщины Красной Армии тов. Троцкий сказал: «год учебы». И для партии, и для рабочего класса этот лозунг так же верен. Мы за это время накопили много геройских людей, которые закрепили безусловно перелом во всемирной истории. Это не оправдание, что мы не поняли задачи, которая теперь стоит перед нами: «год учебы».

Теперь мы стоим гораздо крепче, чем стояли год назад. Конечно, и теперь буржуазия попробует сделать новую интервенцию, но это им дастся труднее, чем раньше; сегодня это труднее, чем вчера.

Чтобы осуществить учебу, мы должны не допускать политической ошибки. Мы не должны тратить время на игру в единство партии, как это делает тов. Шляпников. Так играть нельзя! Мы знаем, что от борьбы в партии мы немало теряем. Товарищи, этого урока забывать нельзя! И за этот год ЦК с полным правом может сказать, что партия пришла на съезд менее фракционной и более единой, чем в прошлом году. Я не хочу хвастаться, что

все фракционное в нашей партии исчезло. Но, что этой фракционности стало меньше — это самый бесспорный факт, уже доказанный.

Вы знаете, что «рабочая оппозиция» — она уже есть обломок прежней. Сравните подписи заявления 22-х с подписями платформы, которая была перед X съездом. Здесь — не все подписи. Надо сказать тем людям, которые законно используют свое право обращения в Коминтерн, что было незаконно ходатайствовать за Мясникова. История с Мясниковым была летом прошлого года. Тогда меня в Москве не было, и я ему написал длинное письмо⁶⁷, которое он поместил в своей брошюрке. Я видел, что способности у человека есть, что с ним стоит переговорить, но надо сказать человеку, что если он с такой критикой выступит, то это будет недопустимо.

Он пишет письмо: соберите по данному району всех недовольных. Да, собрать в данном районе всех недовольных очень нетрудно. Вот речи, какие здесь держал Шляпников, и не здесь держит т. Медведев. (Медведев с места: «Кто вас информирует?») Меня информируют учреждения, установленные съездом РКП: Оргбюро ЦК, Секретариат ЦК, ЦКК. Обратитесь к ним, если желаете, и вы увидите, какие речи держит т. Медведев. Если этого не прекратить, то мы единства не сохраним, а это едва ли не главное завоевание: беспощадно ошибки наши вскрывать и говорить о них. Если мы это ясно сознаем, — а на этом съезде это достигается, — тогда нет ни тени сомнения, что мы их преодолеть сумеем. (Бурные аплодисменты.)

4

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА
2 АПРЕЛЯ

Товарищи! Мы подошли к концу работ нашего съезда.

Первое отличие, которое бросается в глаза при сравнении этого съезда с предыдущим, это — большая сплоченность, большее единодушие, большее организационное единство.

Лишь небольшая часть одной части оппозиции прошлого съезда поставила себя вне партии.

По вопросу о профсоюзах и о новой экономической политике разногласий в нашей партии не оказалось или не оказалось в сколько-нибудь заметном размере.

Коренное и главное, что мы приобрели «нового» па этом съезде, это живое доказательство неправоты наших врагов, которые не уставая твердили и твердят, что партия наша впадает в старчество, теряет гибкость ума и гибкость всего своего организма.

Нет. Этой гибкости мы не потеряли.

Когда надо было — по всему объективному положению вещей и в России и во всем мире — идти вперед, наступать на врага с беззаветной смелостью, быстротой, решительностью, мы так и наступали. Когда понадобится, сумеем это сделать еще раз и еще не раз.

Мы подняли этим пашу революцию на невиданную еще в мире высоту. Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возьмет назад, ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания.

А когда оказалось к весне 1921 года, что нашему передовому отряду революции грозит опасность оторваться

от массы народа, от массы крестьянства, которую он должен умело вести вперед, тогда мы единодушно и твердо решили отступить. И за истекший год мы отступали, в общем и целом, в революционном порядке.

Революциям пролетариата, которые зреют во всех передовых странах мира, не удастся решить своей задачи без того, чтобы соединить умение беззаветно бороться и наступать с умением отступать в революционном порядке. Опыт второй полосы нашей борьбы, т. е. опыт отступления, тоже пригодится, вероятно, в будущем рабочим по крайней мере некоторых стран, как несомненно пригодится рабочим всех стран наш опыт первой полосы революции, опыт беззаветно смелого наступления.

Теперь мы постановили признать отступление законченным.

Это значит, что по-новому ставится вся задача нашей политики.

Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение. Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производительных сил России, можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый свой шаг.

Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого архимедленного и архисторожного движения, эти голоса будут одиноки.

Партия в целом поняла и делами теперь докажет, что поняла необходимость построить в данный момент свою работу именно так и только так. А раз мы это поняли, мы сумеем добиться своей цели!

Объявляю XI съезд Российской коммунистической партии закрытым.

О ПРОЕКТЕ РЕЗОЛЮЦИИ XI СЪЕЗДА ПАРТИИ О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ⁶⁸

ПИСЬМО Н. ОСИНСКОМУ

1. IV. 1922 г.

г. Осинский!

Обдумывая нашу беседу с Вами по поводу работы сельскохозяйственной секции партсъезда, я пришел к выводу, что всего насущнее теперь такая задача:

не связать себе (ни партии, ни Соввласти) рук какими-либо предписаниями, директивами или правилами, пока мы недостаточно собрали фактов хозяйства на местах, пока мы недостаточно изучили действительных условий и потребностей теперешнего крестьянского хозяйства;

не допустить ни в коем случае того, что было бы наиболее опасно и вредно в настоящее время и на что легко могут сбиться власти на местах, именно: излишней и неудачной, скороспелой, не проверенной опытом регламентации.

Последний съезд Советов дал линию. Задача партсъезда, по-моему, в сельскохозяйственной секции обсудить ее применение с точки зрения *практики* и *опыта мест*; приказать и Центральному Комитету РКП и Наркомзему (Соввласти вообще) тщательнее и полнее собирать проверочные факты; предписать или, вернее, дать директиву комфракции ближайшей сессии ВЦИКа при детализации решения съезда Советов, т. е. при превращении этого решения в новые и более подробные законы, быть как можно осторожнее, дабы неумелым вмешательством не затруднить успешного развития сельскохозяйственного производства.

Больше всего на свете надо теперь бояться, по-моему, именно неумелого вмешательства, пока еще мы не изучили

основательно действительных потребностей *местной* сельскохозяйственной жизни и действительных способностей нашего местного аппарата власти (способностей не причинять зла во имя благочестивого желания делать добро).

Поэтому я бы представлял себе желательную резолюцию партсъезда, на основании работ сельскохозяйственной секции, *примерно* в таком виде:

1. Партсъезд, заслушав сообщение о работах сельскохозяйственной секции, принимает его к сведению; констатирует недостаточность собранного материала об опыте работы на местах и ставит первоочередной задачей как партии, так и комфракций во всех совустройствах тщательный сбор и внимательнейшее изучение местного практического опыта.

2. Съезд считает ошибочными меры разгона (или поспешной переделки?) учреждений сельскохозяйственной кооперации, рекомендуя наибольшую осторожность в этом отношении.

3. По вопросу об условиях применения наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли партсъезд рекомендует всем работникам в данной области не стесняться излишними формальностями ни того ни другого явления и ограничиться проведением решения последнего съезда Советов, а также изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях.

4. Первоочередной и главнейшей целью всей работы в крестьянстве съезд признает практическую помощь делу немедленного расширения засевов, увеличения запашки, увеличению количества сельскохозяйственных продуктов, уменьшению тяжелой нужды крестьянства; при этом надо всеми силами и средствами поддерживать и поощрять помощь беднейшей части крестьянства, добиваясь упорным трудом выработки мер, которые на практике показывают себя пригодными в этом отношении даже при современных трудных условиях.

С коммунистическим приветом *Ленин*

МЫ ЗАПЛАТИЛИ СЛИШКОМ ДОРОГО ⁶⁹

Представьте себе, что представителю коммунистов надо проникнуть в помещение, в котором уполномоченные буржуазии ведут свою пропаганду перед довольно многочисленным собранием рабочих. Представьте себе, далее, что за вход в это помещение буржуазия требует от нас высокой платы. Если плата не была условлена раньше, мы должны, разумеется, торговаться, чтобы не обречь бюджета своей партии. Если мы заплатили за вход в это помещение слишком дорого, то, несомненно, мы сделали ошибку. Но лучше заплатить дорого, — по крайней мере, пока мы не научимся как следует торговаться, — чем отказаться от возможности выступить со своим словом перед рабочими, которые до сих пор были в исключительном, так сказать, «обладании» реформистов, т. е. вернейших друзей буржуазии.

Это сравнение пришло мне в голову, когда я прочел в сегодняшней «Правде» сообщение по телеграфу из Берлина о том, на каких условиях достигнуто соглашение между представителями трех Интернационалов.

Наши представители поступили неправильно, по моему убеждению, согласившись на следующие два условия: первое условие, что Советская власть не применит смертной казни по делу 47-ми социалистов-революционеров; второе условие, что Советская власть разрешит присутствовать на суде представителям всех трех Интернационалов.

Оба эти условия есть не что иное, как политическая уступка, которую революционный пролетариат сделал реакционной буржуазии. Если кто-либо усумнится в пра-

вильности такого определения, то для раскрытия политической наивности такого человека достаточно поставить ему вопрос: согласится ли английское или другое современное правительство на то, чтобы представители всех трех Интернационалов присутствовали на процессе по обвинению ирландских рабочих в восстании? или на процессе по обвинению в недавнем восстании рабочих Южной Африки⁷⁰? согласится ли в этих и подобных случаях английское или другое правительство на то, чтобы им было дано обещание не применять к его политическим противникам смертной казни? Небольшого размышления над этим вопросом достаточно, чтобы понять следующую простую истину: мы имеем перед собой во всем мире борьбу реакционной буржуазии с революционным пролетариатом, В данном случае Коминтерн, представляющий одну сторону в этой борьбе, делает политическую уступку другой стороне — реакционной буржуазии. Ибо все на свете знают (кроме тех, которые хотят скрыть очевидную правду), что эсеры стреляли в коммунистов и устраивали против них восстания, действуя фактически, а иногда и формально, единым фронтом со всей международной реакционной буржуазией.

Спрашивается, какую уступку сделала нам взамен за это международная буржуазия? Ответ на это может быть только один: никакой уступки нам не сделала,

Только рассуждения, затемняющие эту простую и ясную истину классовой борьбы, только рассуждения, бросающие сор в глаза рабочим и трудящимся массам, могут пытаться затемнить эту очевидную истину. По соглашению, подписанному в Берлине представителями III Интернационала, мы уже сделали две политические уступки международной буржуазии. Взамен мы не получили от нее никакой уступки.

Представители II и II½ Интернационалов сыграли роль вымогателей политической уступки, которую пролетариат сделал буржуазии, решительно отказываясь при этом провести, или хотя бы даже пытаться провести, какую-нибудь политическую уступку со стороны международной буржуазии по отношению к революционному пролетариату. Конечно, этот бесспорный политический факт был затемнен искусными представителями буржуазной дипломатии (буржуазия учила представителей своего

класса быть хорошими дипломатами в течение многих веков), но попытка затемнить факт несколько не меняет самого факта. Прямо или косвенно были связаны те или иные представители II и II^{1/2} Интернационалов с буржуазией, это в данном случае вопрос совершенно десятистепенный. Мы не обвиняем их в прямой связи. К делу совершенно не относится, была ли тут прямая связь или была довольно запутанная косвенная связь. К делу относится только то, что Коминтерн сделал политическую уступку международной буржуазии под давлением уполномоченных II и II^{1/2} Интернационалов, и что в обмен мы никакой уступки не получили.

Какой же отсюда вывод?

Вывод прежде всего тот, что гг. Радек, Бухарин и другие, которые представляли Коммунистический Интернационал, поступили неправильно.

Далее. Вытекает ли отсюда, что мы должны разорвать подписанное ими соглашение? Нет. Я думаю, что подобный вывод был бы неправильным, и что рвать подписанное соглашение нам не следует. Нам следует только сделать тот вывод, что буржуазные дипломаты на этот раз оказались искуснее, чем наши, и что на следующий раз — если плата за вход в помещение не будет заранее оговорена — нам надо будет торговаться и маневрировать искуснее. Нам надо будет поставить себе за правило не делать политических уступок международной буржуазии (как бы искусно ни были прикрыты эти уступки какими угодно посредниками), если мы не получим взамен более или менее равноценных уступок со стороны международной буржуазии по отношению к Советской России или по отношению к другим отрядам международного, борющегося с капитализмом, пролетариата.

Возможно, что итальянские коммунисты и часть французских коммунистов и синдикалистов, которые были против тактики единого фронта, сделают из вышесказанных рассуждений тот вывод, что тактика единого фронта ошибочна. Этот вывод будет явно неправильным. Если уполномоченные коммунистов заплатили слишком дорого за вход в помещение, в котором они имеют некоторую, хотя и небольшую, возможность обратиться к рабочим, донныне находящимся в исключительном «обладании» реформистов, то надо стараться исправить эту ошибку

в следующий раз. Но несравненно большей ошибкой был бы отказ от всяких условий и от всякой платы для того, чтобы проникнуть в это, довольно крепко охраняемое, запечатое помещение. Ошибка гг. Радека, Бухарина и других не велика; она тем более не велика, что мы рискуем самое большее тем, что, поощренные итогами берлинского совещания, противники Советской России устроят два-три, может быть, успешных, покушения на отдельных лиц. Ибо они знают теперь заранее, что могут стрелять в коммунистов, имея шансы, что совещание, подобное берлинскому, помешает коммунистам стрелять в них.

Но, во всяком случае, некоторую брешь в запечатое помещение мы пробили. Во всяком случае, г. Радеку удалось разоблачить хотя бы перед частью рабочих, что II Интернационал отказался выставить в числе лозунгов демонстрации лозунг об отмене Версальского договора. Величайшая ошибка итальянских коммунистов и части французских коммунистов и синдикалистов состоит в том, что они удовлетворяются тем знанием, которое есть у них. Они удовлетворяются тем, что они хорошо знают, что представители II и II½ Интернационалов, а также господа Пауль Леви, Серрати и т. п. являются искуснейшими уполномоченными буржуазии и проводниками ее влияния. Но таких людей и таких рабочих, которые знают это действительно твердо и действительно понимают значение этого, несомненно меньшинство и в Италии, и в Англии, и в Америке, и во Франции. Коммунисты должны не вариться в собственном соку, а научиться действовать так, чтобы, не останавливаясь перед известными жертвами, не боясь неизбежных в начале всякого нового и трудного дела ошибок, проникать в запечатое помещение, где воздействуют на рабочих представители буржуазии. Коммунисты, которые не захотят понять этого и не захотят научиться этому, не могут надеяться приобрести большинство среди рабочих, или, во всяком случае, они затрудняют и замедляют дело приобретения такого большинства. А это уже для коммунистов и для всех действительных сторонников рабочей революции вещь совершенно непростительная.

Буржуазия оказалась, в лице своих дипломатов, еще раз искуснее, чем представители Коммунистического Интернационала. Таков урок берлинского совещания.

Этого урока мы не забудем. Из этого урока мы извлечем все необходимые выводы. Представителям II и II^{1/2} Интернационалов нужен единый фронт, ибо они надеются ослабить нас чрезмерными с нашей стороны уступками; они надеются проникнуть в наше, коммунистическое, помещение без всякой платы; они надеются посредством тактики единого фронта убедить рабочих в правильности реформистской и в неправильности революционной тактики. Нам нужен единый фронт, потому что мы надеемся убедить рабочих в обратном. Ошибки же наших коммунистических представителей мы будем сваливать на них и на те партии, которые эти ошибки делают, стараясь научиться на примере этих ошибок и добиться того, чтобы не повторять их в будущем. Но ни в каком случае мы не будем сваливать ошибок наших коммунистов на массы пролетариата, который во всем мире стоит перед натиском наступающего на него капитала. Ради того, чтобы этим массам помочь бороться против капитала, помочь понять «хитрую механику» двух фронтов во всей международной экономике и во всей международной политике, ради этого мы тактику единого фронта приняли и проведем ее до конца.

9-го апреля 1922 г.

«Правда» № 81, 11 апреля 1922 г.
Подпись: Ленин

Продиктовано по телефону
Печатается по тексту
газеты «Правда»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О РАБОТЕ ЗАМОВ (ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК И СТО)⁷¹

I. ОБЩИЕ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАНИЯ ЗАМОВ

1. Основная работа замов, за которую они специально отвечают и которой должно быть подчинено все остальное, состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений; в сокращении штатов сов-учреждений, в надзоре за упорядочением и упрощением делопроизводства в них; в борьбе с бюрократизмом и волокитой.

Все дальнейшее является детализацией этого основного задания или частным дополнением к нему.

На замов возлагается:

2. Наблюдение за тем, чтобы рассмотрение советских вопросов в других учреждениях, как советских, так и партийных (Президиум ВЦИКа, Полит- и Оргбюро Цека РКП — и т. д. без всякого изъятия) происходило не иначе как с ведома и участия замов.

3. Разгрузка СНК и СТО в максимальной степени от мелочных вопросов, разрешение которых должно происходить частью (и преимущественно) в порядке ведомственного управления, частью (именно в нетерпящих отлагательства и исключительно важных случаях) непосредственными распоряжениями замов.

4. Тщательный надзор за тем, чтобы распорядительные заседания СТО и в особенности *Малый Совнарком*⁷² не расширяли своей работы свыше безусловной необходимости, не усложняли своего дела и лежащих на них задач, не допускали бюрократического взбухания и гипертрофии их функций, а требовали большей самостоятельности

в работе и большей ответственности каждого наркома и каждого отдельного учреждения.

5. Принуждение наркомов и отдельно поставленных учреждений к самостоятельному и ответственному управлению в пределах предоставленных им прав и лежащих на них обязанностей.

6. Наблюдение за тем, чтобы ответственность в первую голову членов коллегий и важнейших соработников, а затем и всех соработников была совершенно точно и индивидуально установлена; беспощадная борьба против господствующей расплывчатости и неясности в вопросе о том, что каждому отдельно поручено, и против вытекающей отсюда полнейшей безответственности.

7. Личное ознакомление с известным числом не только высших, а непременно средних и низших соработников, путем вызова их к себе и по возможности поездок в отдельные московские учреждения и в провинцию, в целях проверки и подбора людей, а равно в целях действительного улучшения соаппарата.

8. Перевод на боевое положение тех наркоматов, их отделов и учреждений, кои в течение известного времени приобретают исключительно ударное значение, максимальная помощь им работниками, средствами, личными указаниями замов и т. п.

II. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ РАБОТЫ ЗАМОВ

9. Приблизительно $\frac{9}{10}$ труда замы должны уделять хозяйственным наркоматам, $\frac{1}{10}$ — остальным.

10. На первое место в ближайшее время выдвинулись вопросы финансовые, им должно быть уделено наибольшее внимание замов.

11. Особо насущным является введение премиальной системы, вознаграждение совслужащих в зависимости от размеров оборота и размеров прибыли в НКВТ, в кооперации и в других учреждениях, ведущих торговлю.

Необходимо систематически поставить изучение и подготовку мер, распространяющих премиальную систему на всю оплату всех совслужащих вообще.

12. Следует прекратить все работы по подготовке особого наркомата внутренней торговли или присоединения этого

дела к НКВД или ВСНХ. Провести создание при СТО особой «Комиссии внутренней торговли» с минимальным секретариатом при ней и с единственными местными органами ее: губернскими экономответвлениями.

13. Весьма важно наблюдение за работой гострестов в целях отделения сносно поставленных от большинства поставленных отвратительно и неуклонного закрытия этих последних; проверка роли (фактической) коммунистов в правлениях гострестов; установление действительно отвечающих за ведение дела и за успешное ведение дела лиц.

14. Необходимо, чтобы каждый зам взял на свою ответственность постановку одного-двух образцовых отделов или учреждений того или иного наркомата для выработки нормы штатов, для проверки этой нормы, для установления наилучших приемов делопроизводства и надзора за ним.

Приемы работы, способы повышения ее производительности, методы контроля, вырабатываемые в этих немногих, но действительно образцовых учреждениях, должны быть затем постепенно вводимы во всех совучреждениях.

Ввиду исключительной важности этого вопроса, ввиду упорнейшего сопротивления совбюрократии, отстаивающей бюрократическую старину, неизбежна упорная борьба за создание немногих образцовых учреждений как средство подтягивать и проверять остальные. По соглашению с соответствующими учреждениями (Цека союза совслужащих, ВЦСПС, Институт труда и т. д. и т. п.) и под надзором замов должна быть переведена и издана вся лучшая новейшая литература, особенно американская и немецкая, об организации труда и управления.

15. Необходимо наблюдение — хотя бы для начала в очень немногих учреждениях — за перераспределением коммунистов внутри совучреждений, стремясь к тому, чтобы коммунисты занимали исключительно такие должности (как в самом верху, так и в самом низу иерархической лестницы), которые позволяют им действительно проверять ход работы, действительно бороться с бюрократизмом и волокитой, действительно добиваться немедленного улучшения положения и облегчения судьбы тех несчастных

граждан, кои вынуждены иметь дела с нашим никуда не годным советским аппаратом.

На коммунистов, занимающих должности внизу иерархической лестницы, обратить особое внимание, ибо они часто важнее на деле, чем стоящие наверху.

16. Отчеты губэконосо должны правильно читаться, во-первых, членами Госплана и работниками Центрального статистического управления и «Экономической Жизни», так, чтобы каждый читающий давал самые краткие отзывы для печати или для своих учреждений и отвечал за необходимые своевременные указания и выводы; во-вторых, группой в несколько десятков (не менее) коммунистов по возможности из числа не состоящих в числе служащих и способных читать отчеты с вневедомственной, а *только* с коммунистической точки зрения.

Группа во главе с т. Милютиним в Петрограде должна заведывать распределением отчетов губэконосо для чтения и использования этих отчетов в газетах, журналах, в сводных брошюрах и т. п.

Необходимо бороться неуклонно за постепенное расширение круга обязательно печатаемых отчетов всяких экономических учреждений (и у-эконосо, и гострестов, и «смешанных обществ» и т. д. и т. п.), ибо без приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами ни о каком действительном превращении полуазиатской страны в культурную и в социалистическую не может быть и речи.

17. Газета «Экономическая Жизнь» должна быть превращена в действительный орган *СТО*, в орган хозяйственного управления. Оба зама должны регулярно читать ее и бороться беспощадно с господствующим стремлением всех литераторов и всех соавторов свести эту газету на уровень обычного «полунезависимого», интеллигентски-буржуазного органа «мнений», взглядов и перебранки, без сводки отчетов, без контроля за правильностью их поступления, без серьезного анализа хозработы по отдельным учреждениям, без серьезной критики годных и негодных учреждений, лиц, приемов работы и т. д.

За превращение «Экономической Жизни» в действительный орган *хозуправления*, в действительный орган социалистического строительства придется бороться годами,

но тем более необходима борьба неуклонная и систематическая.

18. То же относится к Центральному статистическому управлению. Оно должно быть не «академическим» и не «независимым» органом, коим оно, по старой буржуазной привычке, является на $\frac{9}{10}$ сейчас, а органом социалистического строительства, проверки, контроля, учета того, что надо социалистическому государству знать теперь, сейчас, в первую голову. Сопротивление старых привычек и здесь неизбежно будет очень упорное; тем упорнее должна быть борьба. (Прошу замов просмотреть мою переписку на указанную тему с редактором «Экономической Жизни» и Центральным статистическим управлением летом 1921 года.*)

III. СПОСОБ РАБОТЫ ЗАМОВ; ИХ АППАРАТ

19. Замы в максимальной степени освобождают себя от мелочей и от лишних свиданий с наркомками, членами коллегий, кои обычно отнимают массу времени и тем лишают возможности заняться проверкой фактической работы.

20. Замы в максимальной степени освобождают себя от участия в комиссиях разного рода.

21. Замы стремятся всемерно к закрытию существующих комиссий (которые на $\frac{9}{10}$ излишни и имеют свойство возрождаться после закрытия очень быстро под чуточку иным соусом) и препятствуют образованию новых.

22. В неизбежных случаях комиссионной работы замы всемерно избегают личного в них участия, ограничиваясь, по возможности, окончательным утверждением их решений или же ускорением работы и направлением их решений в установленном порядке на утверждение.

23. Аппаратом замов является, во-первых, личный состав управделов СНК и СТО, их помощников и секретарей. Дальше безусловно необходимого минимума — и притом только такого, который вполне доступен (не слишком велик) *личному* надзору замов — этот аппарат ни в

* См. настоящий том, стр. 15—17, 9—14. *Ред.*

кчем случае не должен быть расширяем. Во-вторых, на отдельных членов Малого СНК замы возлагают отдельные поручения. В-третьих, главным аппаратом замов должен быть Наркомат Рабочей и Крестьянской Инспекции.

Замы лично подбирают себе помощников и исполнителей из этого наркомата, приучая их к работе и проверяя их работу, в особенности добиваясь расширения участия беспартийных рабочих и крестьян в этой работе (дело исключительно трудное, но в то же время такое, без постепенного развития которого Соввласть неминуемо осуждена на гибель).

24. Замы должны стараться применять чаще, чем прежде, паложение административного взыскания своей личной властью (ускорить законопроект на эту тему, подготовленный тов. Цюрупой) за бюрократизм, волокиту, неисполнительность, неаккуратность и т. д. В случаях вины более значительной необходимо отстранение от должности, предание суду, постановка через НКЮст демонстративных, ярких процессов.

IV. О ЕДИНСТВЕ РАБОТЫ ОБОИХ ЗАМОВ

25. Для установления полного единства работы обоих замов они сообщают друг другу в копиях важнейшие распоряжения и систематически вводят в обычай стенографическую запись тех распоряжений, указаний и т. п., которые они дают устно, при личных свиданиях (конечно, в самом кратком виде и только важнейшее). Число стенографисток при Управлении делами СНК должно быть для этого увеличено настолько, чтобы в течение всего рабочего времени замов дежурили по 2 стенографистки. Если понадобится, выписать парочку лучших диктофонов из-за границы.

26. То же относится к важнейшим докладам, как письменным, так и устным.

27. В необходимых и важнейших случаях замы совещаются в целях единства понимания задач и действия и для всемерного устранения скреживаний и противоречий в работе.

При разногласии между замоми вопрос решает ПредСНК, а при его отсутствии — Политбюро ЦК или особо назначенный им товарищ.

V. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОТЫ МЕЖДУ ЗАМАМИ

28. На ближайшие месяцы, впредь до особого постановления, устанавливается следующее распределение работы между замами.

29. Тов. Цюрупа председательствует в Большом СНК (после 2-х часов заседания председательствование передается т. Рыкову). Присутствие непредседательствующего зама в Большом СНК и СТО (плениарном) обязательно.

Тов. Цюрупа подписывает для печати постановления Большого СНК и телеграфные распоряжения от его имени, а равно наблюдает за комиссиями Большого СНК и Малого СНК и за работами Малого СНК. Он же ближайше наблюдает за Управлением делами и секретариатом Большого СНК, отвечая в то же время за полнейшее единство этого аппарата с аппаратом СТО, за отсутствие всякого раздвоения и всякой несогласованности.

30. Тов. Рыков председательствует в пленарных заседаниях СТО, подписывает для печати его постановления и его телеграфные распоряжения, наблюдая ближайше за Управлением делами и секретариатом СТО (при вышеуказанном условии полной нераздельности этого аппарата и аппарата Большого СНК).

31. В отношении проверки исполнения, наблюдения за сокращением штатов и за улучшением аппарата, а равно в отношении отдельных мелких текущих вопросов, не требующих решения Большого СНК и СТО, наркоматы разделяются между обоими замами следующим образом:

ведению тов. Цюрупы подлежат:

Наркомзем
НКПС
ВСНХ
НКПочтель
Наркомюст
НКВД
Наркомнац
Наркомпрос

ведению т. Рыкова подлежат:

НКФ
НКВТ
Комиссия по внутренней торговле

Центросоюз
Наркомтруд (и ВЦСПС в части)
Наркомсобез
Наркомпрод
Наркомвоен
Наркоминдел
Наркомздрав
Центральное статистическое
управление
Областные экосо
Концессионный комитет
Госплан

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*

11. IV. 1922.

Впервые напечатано в 1928 г.

Печатается по рукописи

ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ

Товарищу Сталину (для Политбюро)

15/IV

Только что получил книгу: «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.»⁷³.

Томище в 733 страницы издан с тем бесстыдным истинно советским неряшеством, за которое надо сажать в тюрьму. Нет цены. Нет подписи ответственного лица или лиц. Нет указателя!! Простой *перечень* имен, составлен *неряшливо*. И т. д.

Предлагаю:

- 1) обязать Ганецкого и Карахана найти в 2-хдневный срок всех ответственных за издание лиц;
- 2) их же — задержать продажу книги;
- 3) — подготовить листок для вклейки с указанием на нехватяющее;
- 4) — подготовить указатель толковый; одним словом, к четвергу представить в ЦК *краткий* доклад о всех безобразиях — дефектах издания и о способах исправления.

Ленин

P. S. В «Предисловии» — *неподписанном!* — назван М. Н. Покровский, но ясно, что за издание, за его технику отвечает не он, работавший над *собираанием* материалов.

Печатается впервые, по рукописи

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ: «СТАРЫЕ СТАТЬИ НА БЛИЗКИЕ К НОВЫМ ТЕМЫ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1922-го ГОДА ⁷⁴

Настоящая брошюра издается по почину московских коммунистов, а не мосму. Я был первоначально против переиздания старого, считая это старое устарелым.

Перечитав текст подготовленного московскими товарищами издания, я убедился, что в данном случае старое менее устарело, чем можно было ожидать. В большей своей части это старое в данном случае даже вовсе не устарело, хотя прошло четыре года необычайно бурного и быстрого революционного развития.

В большом масштабе текущий момент весной 1922 года повторяет основные особенности текущего момента весны 1918-го года. Тогда была «передышка» между войнами: между войной империалистской, которую мы закончили (вернее будет сказать: почти закончили) в феврале 1918-го года, и войной гражданской, которая не закончилась первой победой над контрреволюционерами вроде Богаевского, а только подготавливалась еще чехословаками, Корниловым, Деникиным и К^о.

Теперь Гевуя как раз знаменует опять «передышку» в неизмеримо более крупном, всемирном масштабе, передышку между войной против Советской России, каковую войну всемирная буржуазия вела и проиграла, и новой войной, которую эта буржуазия готовит, но еще не совсем приготовила в данный момент. (Я пишу эти строки 28 апреля 1922 г., когда последние известия сообщают о нависшей угрозе разрыва.)

И тогда и теперь «гвоздь» всей советской политики сводится к организации, к учету и контролю, к медленному, осторожному, деловому подходу к практической

задаче, к проверке фактической работы, к изучению нашего практического опыта. Об этом мне пришлось говорить на XI съезде РКП, немного недель тому назад. Эта «линия» съездом взята, как видно из его резолюции по докладу ЦК и по другим резолюциям. Эту линию я старался подытожить в заключительной речи при закрытии XI съезда.

Перепечатка старой брошюры 1918-го года небесполезна теперь, ибо тогдашние споры помогают многое уяснить в теперешних задачах нашей партии. Такие речи, как речи гг. Преображенского, Осинского, Ларина на XI съезде партии, в прениях по докладу ЦК, показали наглядно, что внимание очень многих и очень видных руководящих работников партии устремлено не туда, куда следует его устремить: «Гвоздь» задач нашей политики определен в этих речах неправильно. Я надеюсь, что мне удастся побеседовать об этом с читателями подробнее в недалеком будущем. А пока должен ограничиться замечанием, что в перепечатываемой брошюре речь идет о выяснении как раз того, почему на первый план выдвигалась тогда (*выдвигается и теперь*) задача: «учиться работать», правильно размещая людей, добиваясь установления индивидуальной ответственности каждого за точно определенную работу, внимательнее изучая и проверяя практический опыт работы, а не гоняясь за «новыми» планами новых учреждений или новой постановки дела, реорганизаций и т. под.

В заключение еще одно безусловно необходимое замечание. Я выбросил из настоящей брошюры мою заключительную речь в ВЦИКе весной 1918-го года⁷⁵. Речь эта записана так, что никуда не годится. Я должен по этому поводу повторить сказанное мной однажды, в 1919 или 1920 году, в письме к петроградским товарищам, сказанное в письме для печати, но ими, к сожалению, не напечатанное*. Именно: я не отвечаю за тексты моих речей, как они обычно передаются в газетах, и убедительнейше прошу не перепечатывать этих речей — по крайней мере без крайней и особой надобности, и во всяком случае без повторения настоящего моего точного заявления. Потому ли, что я говорю часто слишком быстро; потому ли,

* См. настоящий том, стр. 97—99. Ред.

что я говорю часто очень неправильно в смысле стилистики; потому ли, что обычная запись речей делается у нас наспех и крайне неудовлетворительно; по всем ли этим причинам и еще каким-либо другим, вместе взятым, — но факт тот, что ответственности за записанные мои речи я на себя текстуально не беру и прошу их не перепечатывать. Пусть отвечают те, кто составляет запись речи. Для перепечатки же, ежели есть в ней надобность, с избытком достаточно брошюр и статей, за текст которых я безусловно и целиком ответственен.

28. IV. 1922.

Н. Ленин

*Напечатано в 1922 г. в брошюре:
Н. Ленин (В. И. Ульянов). «Старые
статьи на близкие к новым темы»,
Москва*

Печатается по рукописи

ТЕЛЕГРАММА РАБОЧИМ И ИНЖЕНЕРАМ АЗНЕФТИ

Баку

В ночь с 9 на 10 апреля враги рабочего класса попытались рядом поджогов уничтожить Сураханские нефтяные промыслы в Баку. Ознакомившись с фактами необычайного героизма и самоотверженности, проявленных рабочими и инженерами промыслов, локализовавшими пожар в обстановке огромной опасности для жизни, от имени Советской России считаю своим долгом выразить благодарность рабочим и инженерам Сураханских нефтяных промыслов. Такие факты героизма лучше всего показывают, что, несмотря на все затруднения, несмотря на непрерывные заговоры эсеровско-белогвардейских врагов рабочей республики, Советская республика выйдет победителем из всех затруднений.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Написано 28 апреля 1922 г.

Впервые напечатано в 1942 г.

*Печатается по оригиналу,
подписанному В. И. Лениным*

К ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ «ПРАВДЫ»

Десять лет исполнилось со времени основания легальной «Правды», легальной — по царским законам — большевистской ежедневной газеты. А перед этим десятилетием стоит еще, примерно, десятилетие: девять лет (1903—1912), считая со времени возникновения большевизма, а если считать со времени основания вполне «большевистской» по направлению старой «Искры» (1900), то тринадцать лет (1900—1912).

Десятилетний юбилей ежедневной, в России издаваемой большевистской газеты... Только десять лет прошло с тех пор! А прожито по содержанию борьбы и движения за это время — лет сто. Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверхъестественная, если мерять на старые мерки, на мерки европейских филистеров, вроде героев II и II^{1/2} Интернационалов, — этих цивилизованных филистеров, которые привыкли считать «естественным», чтобы сотни миллионов людей (свыше миллиарда, если быть точным) в колониях, в полузависимых и совсем бедных странах соглашались терпеть обращение с ними, как с индусами или китайцами, терпеть неслыханную эксплуатацию, и прямой грабеж, и голод, и насилие, и издевательства, все ради того, чтобы «цивилизованные» люди могли «свободно», «демократично», «парламентски» решать вопрос, мирно ли поделить добычу или перебить десяток-другой миллионов для раздела империалистской добычи — вчера между Германией и Англией, завтра между Японией и Америкой (с тем или иным участием Франция и Англия).

Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей. Старая буржуазная и империалистская Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистской войне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мешане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли.

Это большинство теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и «могущественные» державы. Куда им! Теперешние «победители» в первой империалистской войне не в силах победить даже маленькой, ничтожно маленькой Ирландии, не в силах победить даже той путаницы, которая создавалась между ними самими в финансовых и валютных вопросах. А Индия и Китай кипят. Это — свыше 700 миллионов человек. Это, с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран, большая половина населения земли. Там надвигается, неудержимо и все быстрее надвигается, 1905 год, — с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т. е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягиваются и втянулись в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию.

Десятилетний юбилей ежедневной легальной большевистской «Правды» показывает нам наглядно одну из вех великого ускорения величайшей мировой революции. В 1906—1907 годах царизм разбил революцию, казалось бы, наголову. Большевистская партия сумела через немного лет продвинуться — *в другой форме, по-иному* — в цитадель врага и ежедневно, «легально» начать работу взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия изнутри. Прошло еще немного лет, и организуемая большевизмом пролетарская революция победила.

Когда основывалась старая «Искра», в 1900 году, в этом участвовал какой-нибудь десяток революционеров. Когда

возникал большевизм, в этом участвовало, на нелегальных съездах Брюсселя и Лондона в 1903 году, десятка четыре революционеров.

В 1912—1913 годах, когда возникла легальная большевистская «Правда», за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победивших и гнет царизма, и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма, меньшевиков.

В ноябре 1917 года на выборах в учредилку голосовало за большевиков 9 миллионов из 36. А на деле, не в голосовании, а в борьбе, за большевиков было в конце октября и в ноябре 1917 года *большинство* пролетариата и сознательного крестьянства, в лице большинства делегатов II Всероссийского съезда Советов, в лице большинства самой активной и сознательной части трудящегося народа, именно тогдашней двенадцатимиллионной армии.

Такова маленькая цифирная картинка «ускорения» всемирного революционного движения за последнее двадцатилетие. Очень маленькая, очень неполная картинка, в которой очень грубо выражена история всего только 150-тимиллионного народа, тогда как за эти двадцать лет началась и выросла в непобедимую силу революция в странах с населением до одного миллиарда и свыше (вся Азия, да не забыть еще Южной Африки, которая недавно напомнила о своей претензии быть *людьми*, а не рабами, и напомнила не совсем «парламентски»).

И если какие-нибудь, извините за выражение, «шпенглерята» умозаклучат отсюда (всякой глупости надо ожидать от «вумных» вождей II и II^{1/2}-ного Интернационалов), будто этим расчетом исключается из революционных сил пролетариат Европы и Америки, то мы ответим: упомянутые сейчас «вумные» вожди рассуждают постоянно так, будто из того обстоятельства, что через девять месяцев после зачатия следует ожидать рождения ребенка, вытекает возможность определить и час, и минуту родов, и положение ребенка при родах, и состояние роженицы во время родов, и точную степень болей и опасностей, которые предстоит претерпеть ребенку и роженице. «Вумные» люди! Они никак не могут догадаться, что с точки зрения развития международной революции переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам, или от Варлена к Реноделю, или от Вильгельма Либкнехта

и Бебеля к Зюдекуму, Шейдеману и Носке есть лишь нечто вроде «перехода» автомобиля от гладкого и ровного шоссе в сотни верст к грязной, вонючей лужице на том же шоссе, к лужице в несколько аршин.

Люди сами творят свою историю. Но чартисты, Варлены и Либкнехты творят ее своей головой и своим сердцем. А вожди II и II^{1/2}-ного Интернационалов «творят» ее совсем другими частями тела: удобряют почву для новых чартистов, для новых Варленов, для новых Либкнехтов.

Самообман был бы величайшим вредом для революционеров в настоящий *труднейший* момент. Хотя большевизм стал международной силой, хотя во *всех* цивилизованных и передовых странах уже родились новые чартисты, новые Варлены, новые Либкнехты, растущие в виде легальных (как была легальна наша «Правда» при царизме десять лет тому назад) коммунистических партий, тем не менее международная буржуазия остается пока все еще несравненно более сплывной, чем ее классовый противник, Эта буржуазия, сделавшая все от нее зависящее, чтобы затруднить роды, чтобы удесятерить опасности и муки родов пролетарской власти в России, в состоянии еще осудить на муки и на смерть миллионы и десятки миллионов людей посредством белогвардейских и империалистских войн и т. д. Этого мы не должны забывать. С этой особенностью теперешнего положения вещей мы должны умело сообразовать свою тактику, Мучить, истязать, убивать буржуазия пока может свободно. Но остановить неминуемую и — с всемирно-исторической точки зрения — совсем недалекую полную победу революционного пролетариата она не может.

2/V. 1922.

«Правда» № 93, 5 мая 1922 г.
Подпись: Н. Лени н

Печатается по тексту
газеты «Правда»

ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО

ОТВЕТ НА ЗАМЕЧАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ РАБОТЫ ЗАМОВ
(ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК)

Я пзвивплюсь за опоздание моего ответа, вызвавшее возпей с извлечением пули⁷⁶.

Замечания т. Рыкова «критические», но неопределенные, и ответа не требуют.

Замечание т. Томского о премиальности я считаю неправильным. Крушение профсоюзовой премиальной системы, которая выродилась, по словам т. Томского, в «грабеж государства», должно заставить нас упорнее работать над изучением и улучшением способов применения премиальной системы, а никак не вести к отказу от нее.

Замечания т. Троцкого частью тоже неопределенны (напр., «опасения» в § 4) и не требуют ответа; частью возобновляют старые наши разногласия с т. Троцким, многократно уже наблюдавшиеся в Политбюро. На них я коротко отвечаю по двум главным пунктам: а) Рабкрин и б) Госплан.

а) Насчет Рабкрпина т. Троцкий в корне неправ. При нашей отчаянной «ведомственности» даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкрпина сейчас. Над ним можно и должно поработать систематично и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического средства проверять, улучшать, учить работе нет. Если сейчас в Рабкрине около 12 000 чел. аппарата, плохого и плохо оплачиваемого, то следует сократить и улучшить его; напр., оставить $\frac{1}{6}$ долю при $\frac{1}{2}$ прежнего содержания, т.е. повысив содержание втрое; выделить сначала десятки,

потом сотни наилучших, безусловно честных и умелых работников, кои имеются и сейчас, но не подсчитаны, не выделены, не сгруппированы, не организованы. Это можно и должно сделать. Иначе бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя. Иначе нельзя учить беспартийных рабочих и крестьян управлению, а от этой задачи ни принципиально, ни практически, в данный момент, отказаться нельзя.

б) Насчет Госплана т. Троцкий не только в корне неправ, но и поразительно неосведомлен о том, о чем он судит. Госплан не только не страдает академизмом, а совсем наоборот, страдает перегруженностью от чересчур мелкой, зловонной «вермишели». Тов. Кржижановский, по мягкости, слишком поддается просьбам тех, кто тянет его «помочь» сейчас же.

Хорошо зная действительные недостатки Госплана, я, чтобы информировать членов Политбюро материалом фактическим, объективным, а не фантазиями, запросил т. Кржижановского, не страдает ли его работа «отвлеченностью» и каковы о сем точные данные. Тов. Кржижановский прислал мне перечень вопросов, стоявших перед президиумом Госплана за 2 месяца: февраль и март 1922. Итог: аа) вопросов плановых — 17%; бб) вопросов важного хозяйственного характера — 37%; вв) «вермишели» — 46%. Материалы эти я могу прислать любому члену Политбюро, на просмотр.

Вторая бумага т. Троцкого, от 23. IV. 1922, адресованная замам с копией в секретариат Политбюро (вероятно, случайно опущена копия мне), содержит в себе, во-первых, чрезвычайно возбужденную, но глубоко неправильную, «критику» постановления Политбюро о создании финтройки (Сокольников и оба замы), как тормоза между Малым и Б. Совнаркомом. Направление такой критики замам никакой ни плановой ни вообще сколько-либо организованной госработе не соответствует.

Во-2-х, эта бумага содержит те же, в корне неправильные и диаметрально противоположные истине, обвинения Госплана в академизме, обвинения, доходящие до следующего, прямо-таки невероятного, по неосведомленности, заявления т. Троцкого: «Вне установления размеров эмиссии — пишет он — и вне распределения денежных средств между ведомствами нет и не может быть сейчас никакого

хозяйственного плана. Между тем, *насколько я могу судить*, Госплан к этим основным вопросам *не имеет никакого отношения*.

Подчеркнутые слова заставляют меня только поставить вопрос: зачем же «судить» без осведомления? Осведомиться легко всякому члену Цека и всякому члену *СТО*. Осведомиться — значило бы узнать, что в Госплане есть финансово-экономическая секция, работающая именно над указанными вопросами. Недостатки в этой работе, конечно, есть, но их искать надо не в академизме, а как раз в обратном направлении.

5/V.

Ленин

*Впервые частично напечатано
в 1928 г.*

Печатается по рукописи

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК ПО ОТЧЕТУ ДЕЛЕГАЦИИ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Составить проект резолюции ВЦИКа по докладу Иоффе следующим, примерно, образом:

1. Делегация ВЦИКа правильно выполнила свои задачи, отстаивая полную суверенность РСФСР, — борясь с попытками закабаления и восстановления частной собственности, — заключив договор с Германней.

2. Международное политическое и экономическое положение характеризуется следующими чертами:

— политически: отсутствие мира и опасность новых империалистских войн [Ирландия; Индия; Китай и др.; обострение отношений между Англией и Францией, — Японией и С. Штатами *и т. д. и т. п.* ((подробнее))]

3. — экономически: страны «победительницы», всемирно могущественные и обогащенные войной (= грабежом), через 3½ года после окончания войны не могут восстановить даже прежних капиталистических отношений [валютный хаос; неисполнение и неисполнимость Версальского договора; неплатеж долгов С. Штатам *и т. д. и т. п.* — (подробнее)].

4. Поэтому § 1 капских резолюций, признавая *равноправие* двух систем собственности (капиталистической, или частной собственности, и коммунистической, принятой пока лишь в РСФСР), вынужден, таким образом, признать, хотя и косвенно, крах, банкротство первой системы собственности, неизбежность *соглашения* ее со второй, как равной с равным.

5. Другие §§ каньских условий, как и меморандумы и т. п. держав в Генуе, противоречат этому и тем самым осуждают себя на безжизненность.

6. Действительное равноправие двух систем собственности *хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею экономического хаоса и войн к высшей системе собственности*, — дано лишь в Рапалльском договоре⁷⁷. Поэтому ВЦИК

приветствует Рапалльский договор, как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войн (пока остаются две системы собственности, в том числе столь устарелая, как капиталистическая собственность);

признает нормальным для отношений РСФСР к капиталистическим государствам *лишь* такого типа договоры;

— поручает СНК и НКВД вести в этом духе политику;

— поручает Президиуму ВЦИКа подтвердить это приглашением со всеми республиками, входящими в федерацию с РСФСР;

— предписывает НКВДу и СНК допускать изъятие из этого, т. е. отступления от Рапалльского типа договоров, лишь в исключительных случаях, доставляющих совершенно особые выгоды для трудящихся масс РСФСР и т. п.

Написано 15 или 16 мая 1922 г.

Печатается впервые

Печатается по рукописи

ПИСЬМО Д. И. КУРСКОМУ

17. V. 1922.

Тов. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса⁷⁸. Набросок черновой, который, конечно, пуждается во всяческой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть и оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом

Ленин

Вариант 1:

Пропаганда или агитация или участие в организации или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или

шпионажа или финансирования прессы и т. под. средствами,

карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2:

а) Пропаганда или агитация, объективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер).

Вариант 2 б: Пропаганда или агитация, объективно содействующие или способные содействовать той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по рукописи

ПИСЬМА И. В. СТАЛИНУ О РАЗВИТИИ РАДИОТЕХНИКИ

1

Товарищу Сталину с просьбой переслать вкруговую
всем членам Политбюро

Товарищ Сталин,

Прилагаю два доклада: первый — профессора Осадчего, специалиста по электричеству, о радиотелеграфной и телефонной связи; второй — Бонч-Бруевича (не родственника известных братьев Бонч-Бруевич, из которых один был управдел СНК, а другой выдающимся царским генералом). Этот Бонч-Бруевич, доклад которого я прилагаю, — крупнейший работник и изобретатель в радиотехнике, один из главных деятелей Нижегородской радиолaborатории.

Из этих докладов видно, что в нашей технике вполне осуществима возможность передачи на возможно далекое расстояние по беспроволочному радиосообщению живой человеческой речи; вполне осуществим также пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи, доклады и лекции, делаемые в Москве, во многие сотни мест по республике в отдаленные от Москвы на сотни, а при известных условиях, и тысячи верст.

Я думаю, что осуществление этого плана представляет для нас безусловную необходимость как с точки зрения пропаганды и агитации, особенно для тех масс населения, которые неграмотны, так и для передачи лекций. При полной негодности и даже вредности большинства допускаемых нами буржуазных профессоров по общественным наукам у нас нет иного выхода, как добиться того, чтобы наши немногие коммунистические профессора, способные читать

лекции по общественным наукам, читали эти лекции для сотен мест во всех концах Федерации.

Поэтому я думаю, что ни в коем случае не следует жалеть средств на доведение до конца дела организации радиотелефонной связи и на производство вполне пригодных к работе громкоговорящих аппаратов.

Предлагаю вынести постановление об ассигновке сверх сметы в порядке экстраординарном до 100 тысяч рублей золотом из золотого фонда на постановку работ Нижегородской радиолаборатории, с тем чтобы максимально ускорить доведение до конца начатых ею работ по установке вполне пригодных громкоговорящих аппаратов и многих сотен приемников по всей республике, способных повторять для широких масс речи, доклады и лекции, произносимые в Москве или другом центре.

Поручить СТО установить особый надзор за расходованием этого фонда и, может быть, если окажется целесообразным, ввести премии из указанного фонда за особо быстрый и успешный ход работы⁷⁹.

Добавлю, что сегодняшние «Известия» сообщают об английском изобретении в области радиотелеграфии, передающем радиотелеграммы тайно. Если бы удалось купить это изобретение, то радиотелефонная и радиотелсграфная сгязь получила бы еще более громадное значение для военного дела.

19. V. 1922 г.

Ленин

*Впервые напечатано 21 января 1949 г.
в газете «Правда» № 21*

*Продиктовано по телефону
Печатается по машинописной копии*

2

Товарищу Сталину

По поводу сегодняшней бумаги Бонч-Бруевича я полагаю, что мы не можем пойти на финансирование радиолaborатории из золотого фонда без специальных заданий.

Предлагаю поэтому поручить СТО выяснить необходимые расходы на то, чтобы радиолaborатория максимально ускорила разработку усовершенствования и производства громкоговорящих телефонов и приемников. Только на это мы должны, по моему мнению, ассигновать сверхсметно определенную сумму золота.

19. V. 1922 г.

Ленин

*Впервые напечатано в 1945 г.
в Ленинском сборнике XXXV*

*Продиктовано по телефону
Печатается по машинописной копии*

О «ДВОЙНОМ» ПОДЧИНЕНИИ И ЗАКОННОСТИ⁸⁰

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ДЛЯ ПОЛИТБЮРО

Вопрос о прокуратуре вызвал разногласия в цекистской комиссии, назначенной для руководства работами сессии ВЦИК. Если эти разногласия не вызывают автоматического перенесения вопроса в Политбюро, то я, со своей стороны, считаю вопрос настолько важным, что предлагаю перенести его на решение Политбюро.

Сущность разногласий состоит в следующем: большинство комиссии, выбранной ВЦИК, высказалось по вопросу о прокуратуре против того, чтобы местные представители прокурорского надзора были назначаемы только центром и были подчинены только центру. Большинство требует так называемого «двойного» подчинения, которое установлено вообще для всех местных работников, т. е. подчинения их, с одной стороны, центру в лице соответствующего наркомата, с другой стороны — местному губисполкому.

То же самое большинство комиссии ВЦИК отклонило право местных представителей прокурорского надзора опротестовывать с точки зрения законности любые решения местных губисполкомов и местных властей вообще.

Мне трудно себе представить, каким доводом можно защищать столь явно неправильное решение большинства комиссии ВЦИК. Я слышал лишь доводы, что защита в данном случае «двойного» подчинения есть законная борьба против бюрократического централизма, за необходимую самостоятельность мест и против высокомерного отношения центра к губисполкомцам. Есть ли высокомерие в том взгляде, что законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик?

Основная ошибка того взгляда, который победил в большинстве комиссии ВЦИК, состоит в том, что они применяют принцип «двойного» подчинения неправильно. «Двойное» подчинение необходимо там, где надо уметь учитывать действительно существующую неизбежность различия. Земледелие в Калужской губернии не то, что в Казанской. То же относится ко всей промышленности. То же относится ко всему администрированию или управлению. Не учитывать во всех этих вопросах местных отличий значило бы впасть в бюрократический централизм и т. п., значило бы мешать местным работникам в том учете местных различий, который является основой разумной работы. Между тем, законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской. Надо помнить, что в отличие от всякой административной власти прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и никаким решающим голосом ни по одному административному вопросу не пользуется. Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единого образа понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям. Единственное право и обязанность прокурора передать дело на решение суда. Каковы же эти суды? Суды у нас местные. Судьи избираются местными Советами. Поэтому та власть, которой прокурор передает решение возбужденного им дела о нарушении закона, является властью местной, которая обязана, с одной стороны, абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы, а с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам, или даже признать таких-то лиц по суду оправданными. Если мы этого элементарнейшего условия для установления единой

законности во всей Федерации не будем проводить во что бы то ни стало, то ни о какой охране и ни о каком создании культуры не может быть и речи.

Точно так же принципиально неправильно говорить, что прокурор не должен иметь права опротестовывать решения губисполкомов и других местных органов власти; с точки зрения законности их обязан-де судить Рабкрин.

Рабкрин судит не только с точки зрения законности, но и с точки зрения целесообразности. Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение, причем прокурор не вправе приостанавливать решения, а обязан только привять меры к тому, чтобы помимо законности установилось абсолютно одинаковое во всей республике. Поэтому решение большинства комиссии ВЦИК не только представляет из себя величайшую принципиальную неправильность, не только в корне ошибочно применяет принцип «двойного» подчинения, но и подрывает всякую работу по установлению законности и минимальной культуры.

Далее, для решения данного вопроса надо учесть значение местных влияний. Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культуры. Едва ли кто-либо не слышал о том, что чистка партии вскрыла, как преобладающий факт, в большинстве местных проверочных комиссий сведение личных и местных счетов на местах при осуществлении чистки партии. Это факт бесспорный и достаточно знаменательный. Едва ли кто решится отрицать, что нашей партии легче найти десяток надежных коммунистов, достаточно образованных юридически и способных противостоять всяким чисто местным влияниям, чем найти таковых же сотни. А именно к этому сводится вопрос, когда говорят о «двойном» подчинении прокуратуры и о необходимости подчинения ее одному только центру. В центре же мы должны найти около десяти человек, которые будут осуществлять центральную прокурорскую власть в лице генерального прокурора, Верховного трибунала и коллегии Наркомюста (я оставляю в стороне вопрос, пользуется ли генеральный прокурор единоличной

властью или делит эту власть с Верховным трибуналом и коллегией Наркомюста, ибо этот вопрос совершенно второстепенный и может быть решен так или иначе в зависимости от того, доверяет ли партия одному лицу громадную власть или распределяет эту власть между указанными тремя инстанциями). Эти десять человек, находясь в центре, работают под самым близким наблюдением и в самом непосредственном контакте с тремя партийными учреждениями, которые представляют из себя максимальную гарантию против местных и личных влияний, именно: Оргбюро ЦК, Политбюро ЦК и ЦКК, причем это последнее учреждение, т. е. ЦКК, ответственное только перед съездом партии, строится так, что ни малейшего совместительства у членов ЦКК ни с каким наркоматом, ни с каким отдельным ведомством и ни с каким органом Советской власти быть не может. Ясно, что при таких условиях мы имеем максимальную из всех, какие были до сих пор придуманы, гарантию того, что партия создаст небольшую центральную коллегию, способную на деле противостоять местным влияниям, местному и всякому бюрократизму и устанавливая действительно единообразное применение законности во всей республике и во всей федерации. Поэтому возможные ошибки этой центральной юридической коллегии исправляются тут же на месте немедленно теми партийными органами, которые устанавливают вообще все основные понятия и все основные правила для всей нашей и партийной и советской работы в республике вообще.

Если отступить от этого, — это значит под сурдинку провести тот взгляд, которого никто не защищает прямо и открыто, именно: будто у нас уже так высоко развиты культурность и неразрывно связанная с нею законность, что мы можем ручаться за наличность у нас сотни прокуроров, совершенно безупречных с точки зрения того, что они никогда никаким местным влияниям не поддадутся и сами собой будут устанавливать единообразную законность во всей республике.

В итоге я прихожу к выводу, что защита «двойного» подчинения по отношению к прокуратуре и отнятие у нее права опротестовывать всякое решение местных властей не только неправильно принципиально, не только мешает основной нашей задаче неуклонного введения законности,

но и выражает интересы и предрассудки местной бюрократии и местных влияний, т. е. худшего средостения между трудящимися и местной и центральной Советской властью, а равно центральной властью РКП.

Поэтому я предлагаю ЦК отвергнуть в данном случае «двойное» подчинение, установить подчинение местной прокурорской власти только *центру* и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений, без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда.

20. V. 1922 г.

Ленин

*Впервые напечатано 23 апреля 1925 г.
в газете «Правда» № 91*

*Продиктовано по телефону
Печатается по машинописной копии*

ЛОЖКА ДЕГТЯ В БОЧКЕ МЕДА

Г-н О. А. Ерманский написал очень полезную и очень хорошую книгу: «Научная организация труда и система Тэйлора». (Госиздат. 1922.) Это переработка его книги «Система Тэйлора», вышедшей в свет в 1918 году. Книга значительно расширена; добавлены очень важные приложения: I. «Производительный труд и культура»; II. «Проблема усталости». Один из важнейших отделов, прежде называвшийся «Труд и отдых», занимавший прежде всего 16 страниц, теперь разросся в 70 страниц (глава III: «Работа человека»).

Книга дает нам подробнейшее изложение системы Тэйлора, притом, что особенно важно, и ее положительной и ее отрицательной стороны, а также основные научные данные о физиологическом приходе и расходе в человеческой машине. В целом книга вполне годится, по моему мнению, для того, чтобы быть признанной обязательным учебником для всех профшкол и для всех школ 2-ой ступени вообще. Научиться работать, это теперь главная, действительно общенародная задача Советской республики. Добиться поголовной грамотности; ни в коем случае не ограничиться этим, а во что бы то ни стало пойти дальше и перебрать все действительно ценное из европейской и американской науки; — это наша первейшая и главнейшая задача.

Одним серьезным недостатком обладает книга г-на Ерманского, недостатком, который, пожалуй, мешает тому, чтобы признать ее учебником. Это — многоречивость автора. Без всякой надобности он повторяет одно и то же по многу раз. Может быть, до известной степени извинением автору может служить в этом случае то, что он писал свою

книгу, не имея в виду превратить ее в учебник. Однако, на стр. VIII предисловия автор говорит о том, что он видит достоинство своей книги в популярном изложении научных вопросов. Он прав. Но популярное изложение требует также устранения повторений. Читать большие книги «народу» некогда. Книга г-на Ерманского чрезмерно велика, и без всякой надобности. Это мешает ее популярности...*

*Написано в конце августа —
начале сентября 1922 г.*

Впервые напечатано в 1928 г.

Печатается по рукописи

---

* На этом рукопись обрывается. Ред.

ПИСЬМО К V ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ ПРОФСОЮЗОВ ⁸¹

17. IX. 1922.

Дорогие товарищи!

Мне первый раз приходится, после долгой болезни, выступить — хотя бы и письменно — перед съездом. Позвольте мне поэтому ограничиться горячим приветствием и немногими краткими словами о положении и задачах нашей промышленности и нашей республики. Наше положение особенно трудно, потому что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственности капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем. Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстанавливать разрушенные железные дороги, машины, здания и прочее. Во всем мире мы пока остаемся одни, как государство, в котором трудящиеся крестьяне под руководством рабочих строят социализм, решительно отказываясь от руководства капиталистов, которые, прикрываясь всякими пышными словами о демократии, свободе и т. п., на деле укрепляют частную собственность капиталистов и помещиков, создают господство немногих богачей, делящих весь земной шар и воюющих между собой за его переделы, за порабощение сотен миллионов народов более слабых и отсталых.

Пока мы остаемся одни, задача восстановления нашего народного хозяйства ложится на наши плечи необыкновенно тяжело. Необходимо величайшим образом напрягать силы всех крестьян и всех рабочих, необходимо усовершенствовать и удешевлять наш государственный аппарат, который у нас еще очень плох, чтобы улучшать положение трудящихся и восстанавливать, хотя бы понемногу, наше разрушенное войной империалистской и войной гражданской хозяйство.

Пусть каждый сознательный крестьянин и рабочий, которому случится прийти в уныние под влиянием тяжелых условий жизни или чрезвычайной медленности нашего государственного строительства, припомнит недавнее прошлое, с господством капиталистов и помещиков. Такое воспоминание вернет ему бодрость в работе. Всеми силами, со всех сторон усилить и улучшить работу — в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти.

С товарищеским приветом

В. Ульянов (Ленин)

«Труд», 18 сентября 1922 г.
и «Правда» № 210,
19 сентября 1922 г.

Печатается по рукописи

ЗАПИСКА В ПОЛИТБЮРО О БОРЬБЕ С ВЕЛИКОДЕРЖАВНЫМ ШОВИНИЗМОМ ⁸²

Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди

русский
украинец
грузин и т. д.
Абсолютно!

Ваш Ленин

Правильно!

И. Сталин

Написано 6 октября 1932 г.

*Впервые напечатано 21 января 1937 г.
в газете «Правда» № 21*

Печатается по рукописи

РАБОЧИМ ГОРОДА БАКУ

Москва. 6/Х. 1922

Дорогие товарищи! Я только что выслушал краткий отчет тов. Серебровского о положении Азнефти. Трудностей в этом положении очень не мало. Посылая вам свой горячий привет, прошу вас ближайшее время продержаться всячески. Первое время нам особенно тяжело. Дальше будет легче. Победы мы должны добиться и добьемся во что бы то ни стало.

Еще раз шлю вам лучшие коммунистические приветы.

В. Ульянов (Ленин)

«Бакинский Рабочий» № 251,
7 ноября 1922 г.

Печатается по рукописи

ПЯТОМУ СЪЕЗДУ РКСМ⁸⁹

Дорогие друзья! Очень жалею, что не могу лично приветствовать вас. Желаю работам вашего V съезда всякого успеха. Уверен, что молодежь сумеет развиваться так успешно, чтобы ко времени назревания следующего момента мировой революции оказаться вполне на высоте задачи.

С горячим коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)

11/X. 1922.

«Правда» № 230, 12 октября 1922 г.

Печатается по рукописи

ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

СЕКРЕТАРЮ ЦК ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

13/Х. 1922.

Решение пленума ЦК от 6. X. (прот. № 7, п. 3) устанавливает как будто неважную, частичную реформу: «провести ряд отдельных постановлений *СТО* о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам»⁸⁴.

Но на деле это есть срыв монополии внешней торговли. Неудивительно, что этого добивался и добился тов. Сокольников. Он всегда этого добивался, он любитель парадокса и всегда брался доказывать, что монополия нам же невыгодна. Но удивительно, что голоснули за это, не спросив подробно никого из хозяйственников, люди, принципиально стоящие за монополию.

Что значит принятое постановление?

Для ввоза и вывоза открываются закупочные конторы. Владелец конторы вправе покупать и продавать *лишь* особо указанные товары.

Где же контроль? где же средства контроля?

Лен стоит в России 4 рубля с полтиной, в Англии 14 рублей. Мы все читали в «Капитале», как внутренне преобразуется и смелее капитал при быстром росте процента и прибыли. Все помнят, что капитал способен быстро доходить до риска головой, и это Маркс признавал задолго до войны и до ее «скачков».

Что же теперь? Какая сила удержит крестьян и торговцев от выгоднейшей сделки? Покрывать Россию

еще сетью надзирателей? Ловить соседа закупочной конторы и доказывать, что его лен запродан для тайного вывоза?

Парадоксы т-ща Сокольниково всегда остроумны, но надó же отличать парадоксы от тяжелой истины.

Никакая «законность» в деревенской России по подобному вопросу абсолютно невозможна. Никакое сравнение с контрабандой вообще («все равно, дескать, и контрабанда против монополии тоже идет во-всю») абсолютно неправильно: одно дело специалист-контрабандист, на границе, другое дело *все* крестьянство, которое *все* будет защищать себя и воевать с властью, пытающейся отнять «собственную» его выгоду.

Не успев испытать режима монополии, который только начинает нам давать миллионы (и будет давать десятки миллионов и больше), мы вводим полный хаос; толкаем те самые подпорки, которые едва-едва начали укреплять.

Мы начали возводить систему: и монополия внешторга и кооперация начаты постройкой. Через год-два будут некоторые итоги. Прибыль от внешней торговли измеряется сотнями процентов, мы *начинаем* получать миллионы и десятки миллионов. Мы *начали* строить смешанные общества; начали учиться получать *половину* их (чудовищной) прибыли. Мы видим уже некоторую перспективу солиднейшего господства. Мы бросаем это в надежде на пошлины, которые не могут дать сколько-нибудь подобной прибыли, мы бросаем все и гонимся за призраком!

Вопрос был внесен в пленум наспех. Ничего подобного серьезной дискуссии не было. Никаких причин торопиться нет. Только теперь начинают вникать хозяйственники. Решать важнейшие вопросы торговой политики со вчера на сегодня, не собрав материалов, не взвесив *за* и *против* с документами и цифрами, где же тут хоть тень правильного отношения к делу? Усталые люди голосуют в несколько минут и баста. Менее сложные политические вопросы мы взвешивали по многу раз и решали нередко по нескольку месяцев.

Я крайне жалею, что болезнь помешала мне быть в этот день на заседании и что я вынужден ходатайствовать теперь о некотором исключении из нормы.

Но я думаю, что надо вопрос взвесить и изучить, что торопиться вредно.

Я предлагаю: отсрочить решение этого вопроса на два месяца, т. е. до следующего пленума; а до тех пор собрать сведенные вместе и проверенные *документы* об опыте нашей торговой политики.

В. Ульянов (Ленин)

Р. С. Во вчерашнем разговоре с товарищем Сталиным — (я не был на пленуме и старался осведомиться у бывших на пленуме товарищей) — мы коснулись, между прочим, предположительно открытия на время портов Питерского и Новороссийского. Мне кажется, оба примера показывают крайнюю опасность подобных экспериментов хотя бы для самого небольшого списка товаров. Открытие Питерского порта усилит контрабанду льна по финляндской границе до ужасающих размеров. Вместо борьбы с контрабандистами профессионалами на нас свалится борьба со *всею крестьянством* льноводного района. Почти наверное мы будем биты в этой борьбе и притом непоправимо. Открытие Новороссийского порта выкачает быстро излишки хлеба: осторожно ли это, когда запасы для войны у нас малы? когда ряд систематических мер к их увеличению еще не мог успеть дать результаты?

Затем надо обдумать следующее. Монополия внешторга дала нам начало притока золотого фонда в Россию. Только-только становится возможным рассчитывать: первая поездка такого-то купца на полгода в Россию дала ему, скажем, сотни процентов прибыли; он поднимает цену нам за покупку такого права с 25% до 50% в пользу Внешторга. Мы начали получать возможность и учиться и *увеличивать* размер этой прибыли. Сразу все это гибнет, вся работа обрывается, ибо если по частям, на время открываются разные порты, то *ни один купец не даст ни гроша за подобную «монополию»*. Это ясно. Надо несколько раз подумать и посчитать, прежде чем идти на такой риск. Еще к тому же политический риск пуска не тех иностранных купцов поименно, коих мы проверяем, а всей вообще мелкой буржуазии.

С внешторгом мы начали рассчитывать на золотой приток. Другого расчета я не вижу, кроме разве винной монополии, но здесь и серьезнейшие моральные соображения, и ряд деловых возражений Сокольников.

Ленин

P. P. S.* Сейчас мне сообщают (1/2 2 часа), что ряд хозяйственников ходатайствует об отсрочке. Не читал еще этого ходатайства, но усиленно поддерживаю. Дело всего в 2-х месяцах.

Ленин

Печатается впервые, по рукописи

---

* P. P. S. — Post postscriptum — второй приписка. Ред.

ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ ФИНАНСОВЫХ РАБОТНИКОВ⁸⁵

Дорогие товарищи!

Задача укрепления советских финансов является одной из труднейших, но она стоит теперь в первом ряду и без ее решения невозможно сделать значительных шагов вперед ни в деле ограждения независимости Советской России от международного капитала, ни в деле хозяйственного и культурного развития страны. Наш финансовый аппарат должен напрячь все свои силы, чтобы в кратчайший срок быть в состоянии путем сбора налогов обеспечить рабоче-крестьянскому государству средства, необходимые для правильной работы всех государственных органов.

Приветствуя Всероссийский съезд финансовых работников, я высказываю твердую уверенность, что в финансовом строительстве работники финансов оправдают ожидания, возлагаемые на них трудящимися массами Советской России.

В. Ульянов (Ленин)

20 октября 1922 г.

ОБЩЕСТВУ ДРУЗЕЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (В АМЕРИКЕ) ⁸⁶

20. X. 1922 г.

Дорогие товарищи!

Я только что проверил специальным опросом Пермского губисполкома те чрезвычайно благоприятные сведения, которые были опубликованы в наших газетах, относительно работы членов вашего общества, во главе с Гарольд Вер, с тракторным отрядом Пермской губ. на совхозе (советском хозяйстве) «Тойкино».

Несмотря на гигантские трудности, в особенности ввиду крайней отдаленности от центра указанного места работы, а также ввиду разорения Колчаком во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать совершенно исключительными.

Спешу выразить вам свою глубокую признательность, с просьбой опубликовать в органе вашего общества, а также, если возможно, и в общей прессе Северо-Американских Соединенных Штатов.

Я вхожу с ходатайством в Президиум ВЦИК о признании этого советского хозяйства образцовым и об оказании ему специальной и экстраординарной помощи как в отношении строительных работ, так и в снабжении бензином, металлом и др. материалами, необходимыми для организации ремонтной мастерской.

Еще раз выражаю вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ни один вид помощи не является для нас столь своевременным и столь важным, как оказанный вами.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Ленин

ОБЩЕСТВУ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ⁸⁷

20. X. 1922 г.

Дорогие товарищи!

В наших газетах появились чрезвычайно благоприятные сведения относительно работ членов вашего общества в советских хозяйствах Кирсановского уезда, Тамбовской губ., и при ст. Митино, Одесской губ., а также о работе группы шахтеров Донецкого бассейна.

Несмотря на гигантские трудности и, в особенности, ввиду разорения во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать исключительными.

Спешу выразить вам свою глубокую признательность, с просьбой опубликовать в органе вашего общества, а также, если возможно, и в общей прессе Северо-Американских Соединенных Штатов.

Я вхожу с ходатайством в Президиум ВЦИК о признании наиболее выдающихся хозяйств образцовыми и об оказании им специальной и экстраординарной помощи, необходимой для благоприятного развития их работы.

Еще раз выражаю вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ваша помощь по тракторной обработке земли является для нас особенно своевременной и важной.

Особенное удовольствие мне доставляет возможность поздравить вас в связи с предполагаемой вами организацией 200 сельскохозяйственных коммун.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Ленин

ПРИВЕТ ОСВОБОЖДЕННОМУ ПРИМОРЬЮ ⁸⁸

Чита. Председателю Совета министров
Дальневосточной республики

К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и гор. Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР.

Председатель Совнаркома РСФСР

В. Ульянов (Ленин)

Москва, 26. X. 1922 г.

«Правда» № 243, 27 октября 1922 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ОБСЕРВЕР» И «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН»⁸⁹ ФАРБМАНУ

1. Вопрос. Антирусская пресса изображает прием Эррио в Москве и франко-русские переговоры, как решительный поворот иностранной политики Советской России.

Верно ли это? Верно ли, что Россия смотрит на английскую политику на Ближнем Востоке, как на вызов, и готова заключить соглашение с Францией, направленное против Англии?

Ответ. Я считаю абсолютно неверным изображать прием Эррио в Москве и франко-русские переговоры, как какой-либо, хотя бы даже малейший, поворот в политике Советской России вообще и ее поворот против Англии в частности. Несомненно, мы чрезвычайно высоко ценим и прием Эррио в Москве и тот шаг к сближению с Францией или к переговорам с ней, которые стали теперь возможными, вероятными и, хотелось бы думать, необходимыми. Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно, особенно ввиду того, что торговые интересы России настоятельно требуют сближения с этой сильнейшей континентальной державой. Но мы убеждены, что это сближение ни в малейшей степени не означает обязательности какой-либо перемены нашей политики по отношению к Англии. Мы считаем, что вполне дружественные отношения с обеими державами являются вполне возможными и составляют нашу цель. Мы считаем, что именно развитие торговых сношений неизбежно будет чрезвычайно сильно давить в направлении достижения этой цели. Мы считаем, что правильно понятые интересы Англии и Франции равным образом будут действовать в этом направлении. Мы считаем, что взаимные интересы Англии и Франции, поскольку они соприкасаются с Россией, ни в коем случае не содержат в себе элементов неизбежной вражды между

Англией и Францией. Напротив, мы думаем даже, что мирные и дружественные отношения этих держав к России содержат в себе одну из гарантий (я почти готов сказать: сильнейшую гарантию) того, что мир и дружба между Англией и Францией продолжатся наиболее долго, и что всякие возможные и вероятные при теперешних условиях разногласия между Францией и Англией придут наиболее быстро и наиболее верно к счастливому исходу.

2. *Вопрос.* Не является ли фактическое окончание греко-турецкой войны, поддерживавшейся Англией, лучшим моментом для заключения англо-русского соглашения?

Ответ. Конечно, окончание греко-турецкой войны, которая поддерживалась Англией, является моментом, который увеличивает в известном отношении шансы на заключение англо-русского соглашения. К этому соглашению мы стремились и до окончания этой войны и будем стремиться теперь с наибольшей энергией. Правда, некоторые из вопросов, связанные с окончанием этой войны, являются предметами, вызывающими наши разногласия с Англией. Но, во-первых, мир, сменивший греко-турецкую войну, является, по нашему мнению, таким выигрышем международной политики вообще, что мы надеемся на улучшение общих условий этой политики благодаря греко-турецкому миру. Во-вторых, расхождения, которые у нас имеются с Англией, мы ни в коем случае не считаем непреодолимыми. Напротив, мы надеемся, что ближайшее будущее покажет нам, в связи с различными стадиями ближневосточного вопроса, насколько оправдается наша надежда, что именно окончание греко-турецкой войны будет также окончанием тех конфликтов и несогласий, которые эту окончившуюся войну поставили на авансцену международной политики. Мы делаем все, чтобы окончание этой войны окончил также трения и несогласия с Англией, и мы надеемся, что интересы английского правительства и в данном случае возьмут верх над какими бы то ни было подсказываниями и часто перекрестными речами антирусской прессы.

3. *Вопрос.* Считаете ли Вы участие России по восточному вопросу делом престижа только, или Вы исключительно исходите из реальных интересов России? Согласно ли русское правительство с французским предложением допустить Россию только к участию в той части конференции, которая будет разрешать вопрос о проливах?

Ответ. Участие России в разрешении ближневосточного вопроса⁹⁰ я считаю ни в коем случае не делом престижа. Я надеюсь, что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно и никогда не способны выдвигать какое бы то ни было требование или ухудшать действительные шансы мира между державами только из-за престижа. Я уверен, что ни в одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа, как престижа, самой веселой насмешкой. Мы думаем, что дипломатия современной эпохи все быстрее идет к тому, чтобы относиться к вопросам престижа именно подобным образом.

Наша ближневосточная политика есть для нас дело самого реального и непосредственного жизненного интереса России и целого ряда федерированных с ней государств. Если бы все эти государства не добились своего требования участия в ближневосточной конференции, то это означало бы такую массу элементов враждебности, конфликтов и недовольства; это означало бы такие затруднения в чисто торговых делах между востоком Европы, с одной стороны, и всеми другими государствами, с другой, что для мирного сожительства либо не осталось бы совершенно почвы, либо оно было бы затруднено необыкновенно.

Поэтому русское правительство недовольно парижским предложением допустить Россию только к участию в той части конференции, которая будет разрешать вопрос о проливах. Мы думаем, что такое ограничение неминуемо приведет к ряду весьма практических и непосредственных, в частности экономических, неудобств, от которых сами же Франция и Англия пострадают, по всей вероятности, в самом недалеком будущем.

4. Вопрос. Какова русская программа разрешения вопроса о проливах?

Ответ. Наша программа относительно проливов (пока еще приблизительная, конечно) содержит в себе, между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции. Мы считаем, что не только интересы национальной независимости этого требуют. Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве,

содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны.

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это — непосредственный ближайший торговый интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных. Надо иметь в виду, что пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны и против мира раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспеченности мира мы встречаем в большинстве государств и, особенно, современных цивилизованных государств необыкновенно мало. А мы хотели бы и в этом и в подобных вопросах видеть как можно меньше общих заявлений, торжественных обещаний, пышных формул и как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны.

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания. И после того, что я сказал в предыдущей фразе, я думаю, что пояснять и конкретизировать этот пункт совершенно излишне.

5. *Вопрос.* Согласно ли русское правительство на контроль проливов Лигой Наций, если бы Лига включила в свой состав также Россию, Турцию, Германию и Соединенные Штаты?

Или Россия потребовала бы создания особой комиссии для контроля над проливами?

Ответ. Мы, конечно, противники Лиги Наций, и я думаю, что не только наш экономический и политический строй с его особенностями вызывает наше отрицательное отношение к Лиге Наций, но и интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей современной международной политики вообще, вполне оправдывают это отрицательное отношение. Лига Наций настолько носит на себе все черты своего происхождения из всемирной войны, настолько неразрывно связана с Версальским договором, настолько пропитана вся насквозь отсутствием чего-либо похожего на реальное установление равноправия наций, на реальные шансы мирного сожительства между ними, что, мне кажется, наше отрицательное отношение к Лиге Наций понятно и не требует дальнейших комментариев.

6. *Вопрос.* Означает ли отказ ратифицировать соглашение с Урклартом победу «левых коммунистов»? Каковы те объективные условия, которые сделали бы возможным возобновление переговоров и ратификацию договора с Урклартом?

Ответ. Вопрос о заключении договора с Урклартом⁹¹ был поднят нашим правительством еще тогда, когда я был болен и не был в состоянии принимать участие в правительственных делах. Поэтому о всех деталях этого дела я в настоящее время еще не вполне информирован. Но, тем не менее, я могу утверждать совершенно определенно, что о победе левых коммунистов нет и не может быть речи в данное время. Я это знаю из своего непосредственного наблюдения за ходом правительственных дел.

Дело в том, что несправедливый шаг Англии, выразившийся в нежелании допустить нас на конференцию, был настолько неожиданным, вызвал такое возмущение в России и настолько сплотил не только правых коммунистов с левыми, но и гигантскую массу беспартийного русского населения, рабочих и крестьян, что дело не дошло и не могло дойти ни до какого разногласия между левыми и правыми коммунистами.

Мотивировка нашего отклонения договора с Урклартом выразила непосредственно, можно сказать, не только общепартийное, но именно общенародное настроение, т. е. настроение всей рабочей и всей крестьянской массы.

Возобновление переговоров и дальнейшая ратификация договора с Урклартом прежде всего обусловлены тем, чтобы

Англия устранила вопиющие несправедливости по отношению к России, которые связаны со всяким умалением ее прав на участие в конференции по ближневосточным вопросам. Что же касается конкретных условий, предложенных нам Уркартом, то я еще не имел времени заняться этим достаточно подробно и могу лишь сказать, что правительство решило, как можно быстрее, в нашей печати дать высказаться сторонникам и противникам этого соглашения, чтобы из наиболее объективной и мотивированной дискуссии получить материал для серьезнейшей проверки всех «за» и «против» и для решения этого вопроса в духе наибольшего соответствия интересам России.

7. Вопрос. Насколько справедливы обвинения антирусской печати в Англии, утверждающей, что недавние аресты промышленников в Москве означают конец новой экономической политики и возврат к политике национализации и конфискации?

Ответ. По поводу Вашего вопроса об обвинении нас антирусской печатью в Англии в связи с арестами «промышленников в Москве» я должен сказать, что как раз сегодня читаю в нашей газете («Известия») заметку под названием «Аресты черных биржевиков». Не кто иной как начальник Экономического управления при Государственном политическом управлении т. З. Б. Кацнельсон рассказывает в этой заметке, что ни о каком аресте промышленников абсолютно не было и речи, что «распространяемые врагами Советской власти, как в пределах РСФСР, так и за границей, слухи о том, что эти аресты являются преследованием свободной торговли, на самом деле представляют собою абсолютно вздорное измышление с определенными контрреволюционными намерениями сорвать налаживающиеся экономические отношения с Западной Европой».

На самом деле арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные устанавливают не только продажу платины, золота (слитков), но и организацию контрабандной переправы этих ценностей за границу.

Из этого Вы можете видеть, как абсолютно лишены содержания слухи о том, будто бы мы кладем конец «новой

экономической политике», и как до последней степени фальшивы обвинения антирусской печати в Англии, которая старается самым неслыханным извращением дела и обманом представить нашу политику в ложном свете. На самом деле абсолютно не было и речи в каких бы то ни было правительственных кругах о том, чтобы положить конец «новой экономической политике» и вернуться к старой. Вся работа правительства, между прочим, в происходящей сейчас сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, направлена к тому, чтобы то, что называется новой экономической политикой, закрепить законодательно в наибольшей степени для устранения всякой возможности отклонения от нее.

27. X. 1922 г.

«Правда» № 254, 10 ноября 1922 г.

Печатается по машинописной копии,
присланной В. И. Лениным

РЕЧЬ НА IV СЕССИИ ВЦИК IX СОЗЫВА 31 ОКТЯБРЯ 1922 г.⁹²

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Все встают.) Товарищи! Позвольте мне ограничиться лишь небольшими словами приветствия. Прежде всего необходимо, конечно, направить наше приветствие Красной Армии, которая на днях показала еще раз свою доблесть, взяв Владивосток и очистив всю территорию последней из связанных с Советской Россией республик. Я уверен, что выражу общее мнение, если скажу, что мы все здесь приветствуем этот новый подвиг Красной Армии и приветствуем также то, что к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный: сброшены в море последние силы белогвардейцев. (Аплодисменты.) Я думаю, наша Красная Армия надолго нас избавила от всякого возможного повторения натиска белогвардейцев на Россию или на какую бы то ни было из республик, прямо или косвенно, тесно или более или менее отдаленно с нами связанных.

Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия.

Было время, когда Япония и Соединенные Штаты Америки подписывали соглашения о поддержке Колчака. Это время ушло так далеко, что многие из нас, пожалуй, о нем совсем и забыли. Но оно было. И если мы добились того, что подобное соглашение уже невозможно, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии. В ближайшем будущем нашим

дипломатам предстоит показать себя еще раз на вопросе громадной важности, на вопросе, в котором мы заинтересованы существенным образом, — на ближневосточной конференции, которую Англия созывает 13 ноября в Лозанне. Я уверен, что наши дипломаты и там в грязь лицом не ударят, и что интересы всех федеральных республик вместе с РСФСР мы сумеем и там отстоять; во всяком случае, мы сумеем добиться того, чтобы ясно открыть перед массами, где помеха, в чем она состоит, в какой степени идет она против наших законнейших желаний и стремлений, и не только наших, но и всех государств, заинтересованных в вопросе о проливах.

Этими краткими замечаниями о внешней политике я и ограничусь и теперь перейду к вашим работам.

Я думаю, что здесь мы успехов достигли очень немалых, несмотря на то, что, может быть, с первого взгляда работы эти казались кому-нибудь или кажутся не столь важными. Возьмем первый кодекс, который у вас уже проведен, — кодекс о труде. Это — громадное завоевание Советской власти, что в такое время, когда все страны ополчаются на рабочий класс, мы выступаем с кодексом, который прочно устанавливает основы рабочего законодательства, как, например, 8-часовой рабочий день. Правда, может быть, можно было бы по отношению к этому кодексу выразить то или иное пожелание большего. Я думаю, однако, что подобное пожелание было бы неправильно.

Надо считаться с тем, что в сравнении со всеми государствами, в которых теперь идет бешеная капиталистическая конкуренция, в которых — миллионы и десятки миллионов безработных, в которых капиталисты организуют своими силами могущественные капиталистические союзы, организуют поход на рабочий класс, — в сравнении с ними мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех. Это очень неприятно, может быть, что нам приходится в этом сознаться. Но я думаю, что именно потому, что мы таких вещей не прикрываем благовидными фразами и казенными восклицаниями, а сознаемся в них прямоком, именно потому, что мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы

пагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали.

Конечно, это не фантастическая быстрота, конечно, нам надо несколько лет упорнейшего труда, чтобы этого добиться. Разумеется, с сегодня на завтра ничего не сделаешь. Мы пять лет уже прожили и видели, с какой быстротой меняются общественные отношения. Мы научились понимать, что значит срок. И надо, чтобы мы этому учились и дальше. В фантастическую быстроту каких бы то ни было перемен у нас никто не поверит, но зато в быстроту действительную, в быстроту, по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым, как он был, — в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся.

Затем я коснусь вопроса о кодексе земельном, который вами проведен. В этом отношении, вы знаете, наши законы с первого же дня после знаменитого 25 октября 1917 г. сразу, в отличие от всех и всяких законов, выступили с положением о земле, которое технически, а может быть, и юридически, было очень несовершенно, но которое все существенное, что для крестьянина абсолютно необходимо, что обеспечивало ему союз с рабочим, — дало. И начиная с этого времени, как ни трудно нам было прожить текущие пять лет в непрерывных войнах, мы своих забот о том, чтобы крестьянин получил наибольшее удовлетворение в земле, не оставляли. И если тот закон, который теперь вами принят, тоже окажется в тех или иных отношениях заслуживающим поправок, мы без всякого затруднения эти дальнейшие поправки, дальнейшие улучшения будем принимать так же, как вы вот сию минуту принимали поправки и улучшения к нашему Уголовному кодексу. Вопрос о земле, вопрос об устройстве быта громадного большинства населения — крестьянского населения — для нас вопрос коренной. В этом отношении мы уже добились того, что русский крестьянин знает, что всякое предложение, касающееся изменения старых законов, встретит у нас всегда не тормоз, а поддержку и самое благожелательное отношение в высшем законодательном нашем учреждении.

Затем у вас были еще на рассмотрении такие вопросы, как кодекс гражданский, общее судоустройство. При той

политике, которую мы ведем твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний, это вопрос для широкой массы населения самый важный. Мы и здесь старались соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребления нэпом, которые во всех государствах легальны и которые мы легализовать не хотим. Насколько успешны те поправки, которые вы внесли специально с этой целью и которые вы одобрили, — это покажет будущее. Мы ни в коем случае не будем себе связывать рук на этот счет. Если текущая жизнь обнаружит злоупотребления, которых мы не досмотрели раньше, мы сейчас же внесем нужные исправления. На этот счет вы все, конечно, прекрасно знаете, что быстроты законодательства, подобной нашей, другие державы, к сожалению, не знают. Посмотрим, не заставит ли недалекое будущее их тоже позаботиться о том, чтобы в этом отношении немножечко нагнать Советскую Россию.

Дальше, из вопросов, не менее важных, надо остановиться на вопросе, который вы также здесь подвели к окончательному решению. Это — вопрос о съездах Советов на местах и о губисполкомах. Это — вопрос, с разрешением которого очень опаздывали до сих пор при всех прежних системах законодательства и при всех прежних конституциях. Это считалось неважным. Казалось, что на местах можно оставить и старинку. Мы думаем наоборот. Мы убеждены, что если наша революция достигла настоящих успехов, то это потому, что именно власти на местах, опыту самих мест мы всегда уделяли самое главное внимание. Если революция в октябре 1917 года добилась сразу таких успехов, что к весне 1918 года нам казалось, что война уже прекращена, — на самом деле она только начиналась, и начиналась в худшей форме гражданской войны; на самом деле мир с немцами означал поддержку этим немцам худших элементов гражданской войны; на самом деле тогдашний мир с немцами, который к осени развалился, означал сплошь и рядом поддержку этих элементов и союзными державами, которые нас же обвиняли в заключении мира с немцами. И если, я говорю, революция с такой быстротой в несколько месяцев, даже в несколько недель, сделала свое дело, то это потому, что

мы всецело полагались на местные элементы, что мы открывали им полный простор действий, что мы именно с мест ждали того энтузиазма, который создал непреоборимость и быстроту действий нашей революции. Я знаю, что с тех пор нашим местам приходилось переживать много весьма различных, так сказать, пертурбаций. Отношение мест к центру составляло нашу немалую задачу, и я вовсе не хочу сказать, что эта задача всегда решалась нами идеально: при общем уровне культуры, который мы имеем, нам о таком идеальном решении мечтать печего. Но что она решена искреннее, правдивее и прочнее, чем в каком бы то ни было другом государстве, — это мы можем сказать смело.

В заключение я коснусь еще только одного вопроса, который меня особенно интересует и который, я думаю, должен также интересовать и всех вас, хотя формально ни на вашей повестке, ни в списке вопросов он не стоит. Это — вопрос о нашем государственном аппарате, старый и вечно новый вопрос.

В 1918 году, в августе месяце, мы произвели перепись нашего аппарата в Москве. Мы получили число 231 000 государственных и советских служащих в Москве, число, обнимающее и центральных служащих и местных московских, городских. Недавно, в октябре 1922 г., мы произвели эту перепись еще раз, уверенные, что мы сократили наш раздутый аппарат и что он должен уже, наверное, оказаться меньшим. Он оказался равным 243 000 человек. Вот вам итоги всех сокращений. Этот пример потребует еще большого труда изучения и сопоставлений. Тогда, в 1918 г., когда мы, так сказать, в первом пылу реформы, произвели подобную перепись, мы, говоря попросту, почти ничего путного извлечь из ее итогов не могли. Не до того было. Гражданская война не оставляла нам ни малейшей свободной минуты. Теперь мы надеемся, что это будет сделано. Мы уверены, что наш аппарат, который страдает весьма многими недостатками, который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не для нас, а против нас, — эту правду нечего бояться сказать, хотя бы и с трибуны высшего законодательного учреждения нашей республики, — будет улучшен. Для того чтобы его улучшить, нужно много труда и умения. У нас есть подступы к очень серьезной работе над вопросом, в чем

именно должно состоять это улучшение, но пока только подступы — отдельные статьи, отдельные местные исследования. Если мы все уйдем отсюда с решимостью посвятить этому вопросу гораздо больше внимания, чем это обыкновенно делалось, с решимостью поменьше времени уделять суетне и сутолоке, — а мы все сплошь и рядом уделяем этому непомерное количество времени, — и если мы будем изучать действительно наш аппарат и работать над ним годами и годами, то это будет громадным завоеванием, это и будет обеспечением нашего успеха. Мы должны иметь мужество сказать, что мы создаем свой аппарат стихийно. Лучшие рабочие шли и брались за самые трудные обязанности и в области военной и в области гражданской, брались сплошь и рядом неправильно, но умели поправляться и работать. Соотношение между этими, может быть, десятками мужественных людей и сотнями тех, которые сидят и саботируют или полусаботируют, путаясь в объеме своих бумаг, это соотношение губило сплошь и рядом наше живое дело в непомерном море бумаг. Мы должны будем самым обстоятельным образом изучить этот вопрос, которого до сих пор изучить не могли. Годы и годы должны пройти, годы и годы мы должны учиться, потому что уровень культуры наших рабочих низок, рабочим трудно взяться за совершенно новое дело производства, — а только на одних рабочих мы и можем положиться в смысле искренности и энтузиазма. Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его — не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме — на высшие ступени культуры. Я уверен, что, посвятив свои силы в дальнейшем такой работе, мы к самым лучшим результатам подойдем необходимо и неизбежно. (Продолжительные аплодисменты.)

«Правда» № 247, 1 ноября 1922 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»,
сверенному со стенограммой

«ПЕТРОГРАДСКОЙ ПРАВДЕ»⁹³

1. XI. 1922 г.

Дорогие товарищи! От всей души поздравляю Вас с пятилетним юбилеем Октябрьской революции и желаю, чтобы мы следующее пятилетие боролись на мирном фронте с таким же успехом, как до сих пор на военном.

С лучшими приветами и пожеланиями

Ваш В. Ульянов (Ленин)

«Петроградская Правда» № 251,
5 ноября 1922 г.

Печатается по рукописи

«ПРАВДЕ»

Дорогие товарищи! Поздравляю Вас горячо с пятилетним юбилеем Октябрьской революции. Мое пожелание: чтобы в следующее пятилетие мы завоевали, и притом мирно, не меньше, чем до сих пор завоевали вооруженной рукой.

Ваш *Ленин*

2. XI. 1922.

«Правда» № 252, 7 ноября 1922 г.

Печатается по рукописи

ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КОММУНИСТОВ-КООПЕРАТОРОВ ⁹⁴

Приветствуя вполне своевременный созыв международной конференции коммунистов-кооператоров, желаю ей полного успеха в работах.

Вместе с членами конференции отдаю себе отчет в сложности и трудности поставленной задачи — завоевания кооперативного аппарата на пользу мировой революции.

Я буду очень рад, если нам удастся опытом работы, выполненной в России, быть также полезными общему делу.

Написано 2 ноября 1922 г.

*Напечатано 3 ноября 1922 г.
в газете «Правда» № 249*

Печатается по тексту газеты

ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СТАТИСТИКОВ⁹⁵

4 ноября 1922 г.

От души благодарю вас за приветствие и прошу принять мою благодарность и лучшие пожелания успешной работы.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

«Правда» № 251, 5 ноября 1922 г.

*Печатается по оригиналу,
подписанному В. И. Лениным*

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН» А. РАНСОМУ

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ

1. Вопрос. Я нахожу громадное экономическое оживление, все покупают и продают и, очевидно, нарождается новый торговый класс. Я спрашиваю: *каким образом нэпман не является и не показывает признаков стремления быть политической силой?*

Ответ. Первый Ваш вопрос напомнил мне одну беседу в далекие, далекие времена в Лондоне. Дело было вечером в субботу. Мы гуляли с приятелем, лет двадцать тому назад. На улицах было необыкновенно оживленно. Торговцы расположились везде на улицах, освещая свои товары небольшими металлическими трубочками с нефтью или чем-то подобным. Огоньки были очень красивы. Движение на улицах прямо-таки необыкновенное. Все покупали или продавали.

В России было тогда направление, которое мы называли «экономистами». Под этим немного буршикозным названием мы разумели ребяческое упрощение взглядов исторического материализма Маркса. Мой приятель был «экономист» и принялся сейчас же выкладывать свою премуудрость: вот, дескать, за этой необыкновенной экономической деятельностью должно следовать стремление к политической силе. Я посмеивался над таким пониманием Маркса. Обилие мелких торговцев и их оживленнейшая деятельность несколько еще не свидетельствует об экономической большой силе класса, от которой можно и должно заключить к «политической силе». Вероятно, Лондон сложился в всемирную силу торговли, и экономическую и политическую, путем немного более сложным, чем представлял себе мой собеседник, и уличные торговцы в

Лондоне, несмотря на замечательное их оживление, от «политической» силы и даже от стремления к ней были довольно далеки.

Я боюсь, что Ваш вопрос, почему это «нэпман» (т. е. уличный торговец? мелкий торгаш?) не обнаруживает у нас «признаков стремления быть политической силой», вызовет у нас улыбку и мы ответим на него: по той же причине, по которой толпа на улицах Лондона, которая вся покупала и продавала на улицах по субботам, не обнаруживала в Англии «признаков стремления к политической силе».

2. Вопрос. У меня получается впечатление, что в России в настоящее время купля-продажа и обмен высоко прибыльны, тогда как производство возможно лишь в самых редких случаях. Купля-продажа и обмен находятся в руках нэпманов. Прибыльное производство большей частью ведется в мелком масштабе и находится в руках частных лиц. Убыточное производство — в руках государства. Я спрашиваю: не означает ли это постоянного экономического усиления нэпманов и постоянного ослабления государства?

Ответ. Я боюсь, что Ваш второй вопрос тоже ставится с точки зрения почти «экономистской» в указанном выше смысле. Бастиа, кажется, держался почти всерьез мнения, что «древние греки и римляне жили грабежом». Он не очень заботился о том «экономическом» вопросе, откуда же получалось то, что грабили эти живущие грабежом лица?

У Вас «получается впечатление, что в России в настоящее время купля-продажа и обмен высоко прибыльны», «тогда как производство возможно лишь в самых редких случаях».

Я очень удивился, прочитав о таком выводе из наблюдений над московскими улицами. А как же, подумал я, быть с миллионами и миллионами русских крестьян? Что они засевают землю, это, повидимому, случай не редкий и не самый редкий, а преобладающий в России? Случай «даже» более многочисленный, чем «купля-продажа» чего бы то ни было «нэпманом»? И вероятно, крестьянское производство в России не только «возможно», но и чрезвычайно «прибыльно»? Иначе откуда получились бы те сотни миллионов продналога, которые так необыкновенно быстро и легко уже внесли государству наши крестьяне? Откуда бы тот всеобщий подъем строительной деятельности

и в деревнях необъятной России и в городах, который наблюдается всеми и каждым?

Не принимает ли лицо, задающее вопрос, за «высоко выгодную продажу и обмен» мелкую торговлю, когда один мелкий торговец получает иногда миллионы и миллионы прибыли в падающей русской валюте, когда миллион стоит на вольном рынке меньше, чем прежде стоил рубль? Едва ли такая ошибка возможна, ибо наше государство вычеркивает теперь — вот уже несколько месяцев — «лишние» нули на бумажных деньгах. Вчера был триллион, а нынче четыре нуля вычеркиваются, и получается десять миллионов. Государство от этого не богатеет, но чтобы оно «становилось слабее», это очень странно предположить, ибо шаг вперед к улучшению денег тут явный. Нэпман начинает видеть, как начинается стабилизация рубля; напр., это было видно нынче летом; нэпман начинает соображать, что «вычеркивание» полей пойдет и дальше, и я сомневаюсь, чтобы оно было остановлено его «стремлением к политической силе».

Возвращаюсь к производству. Земля у нас в руках государства. Мелкие крестьяне, владеющие ею, превосходно доставляют налог. Промышленное производство, в отношении так называемой легкой индустрии, явно оживает, а оно часто находится либо в собственности государства под управлением его служащих, либо во владении арендаторов.

Поэтому опасаться «постоянного ослабления государства» нет оснований.

Надо различать не производство от торговли, а производство в легкой индустрии и производство в тяжелой индустрии. Это последнее действительно невыгодно; отсюда действительно тяжелое положение нашего государства. Об этом ниже.

3. Вопрос. Намеряют, что будет сделана попытка (путем обложения) заставить нэпмана субсидировать производство. Я спрашиваю: не будет ли результатом этого только повышение цен, повышение прибыли нэпмана и, косвенно, необходимость поднятия заработной платы, — таким образом, возврат к прежнему положению?

Ответ. В руках государства сотни миллионов пудов хлеба. При таких условиях ожидать, что налоги «только» повысят цены, нельзя. Налоги также дадут нам доход с нэпманов и с производителей на помощь промышленности, особенно на помощь тяжелой индустрии.

4. *Вопрос.* Если судить по обычным капиталистическим меркам, экономическое положение должно быть хуже. Если судить по коммунистическим меркам, положение тоже должно быть хуже (упадок тяжелой индустрии). Однако, каждое лицо, кого я встречаю, соглашается, что положение его лучше, чем год тому назад. Повидимому, что-то происходит, чего не допускает ни капиталистическая, ни коммунистическая идеология. И та и другая предполагают прогресс. Но что, если вместо прогресса мы регрессируем? Я спрашиваю: *разве невозможно, что мы идем не вперед, к новому благополучию, а возвращаемся назад, к старому положению? Разве невозможно, что Россия движется назад, к периоду сельскохозяйственного производства, примерно соответствующего ее потребностям, и к оживленной внутренней торговле, лишь незначительно ватрагиваемой иностранным ввозом? Разве не может быть мыслим подобный период при пролетарской диктатуре, как раньше при феодальной диктатуре?*

Ответ. Сначала начинаем «судить» по «обычным капиталистическим меркам». Все лето наш рубль был стабилен. Это явное начало улучшения. Затем оживление производства крестьянского и легкой индустрии несомненно. Также улучшение. Наконец, наш Госбанк получил чистого дохода не менее 20 милл. руб. золотом (это минимум; на деле больше). Мало, но улучшение несомненно. Мало, но начало увеличения фонда на тяжелую индустрию несомненно.

Далее. Перейдем к суждению по меркам коммунистическим. Все три перечисленные обстоятельства означают плюсы и с коммунистической точки зрения, ибо у нас государственная власть в руках рабочих. И шаг к стабилизации рубля, и оживление производства крестьянского и легкой индустрии, и начало прибылей Госбанка (то есть государства) — все это есть плюс и с коммунистической точки зрения.

Как может быть такая вещь, что капитализм и коммунизм противоположны, а *плюсом* являются разные обстоятельства с *обеих противоположных точек зрения*? Это возможно, ибо переход к коммунизму возможен и через государственный капитализм, если власть в государстве в руках рабочего класса. Это именно и есть «наш теперешний случай».

Упадок тяжелой индустрии — наш минус. Начало дохода от Госбанка и от Внешторга есть подготовка и в этой области к улучшению дела. Трудности здесь велики, но дело отнюдь не безнадежно.

Пойдем дальше. Не может ли быть, что мы идем назад к чему-то вроде «феодальной диктатуры»? Никак не может быть, ибо мы медленно, с перерывами, с шагами назад от времени до времени, поднимаемся по линии государственного капитализма. А это — линия, ведущая нас вперед, к социализму и к коммунизму (как высшей ступени социализма), а никоим образом не назад к феодализму.

Растет внешняя торговля; усиливается, хотя и с перерывами, стабилизация рубля; явный подъем промышленности и в Питере и в Москве; маленькое, очень маленькое начало подготовки средств государства для помощи тяжелой индустрии и т. далее. Все это доказывает, что Россия идет вперед, а не назад, хотя, повторяю, очень медленно и с перерывами.

5. Вопрос. Или мы присутствуем при печальном зрелище *расточения капитала, который должен быть использован в производстве?*

Ответ. На этот вопрос ответ уже дан предыдущим изложением.

6. Вопрос. Помимо этих вопросов «Манчестер Гардиан» было бы интересно иметь из Ваших уст опровержение ныне оживленно циркулирующих по Москве слухов о том, что этой зимой снова будет введена карточная система вместе с полной реквизицией складов нэпманов.

Ответ. Охотно подтверждаю полную несостоятельность слухов, будто мы думаем возвращаться назад к карточной системе, или к «полной реквизиции складов нэпманов».

Чистые сказки. Ни о чем подобном мы и не помышляем.

Ничего подобного нельзя себе и представить в современной России. Это — слухи, пускаемые злостно людьми, которые очень злы на нас, но не очень умны.

7. Вопрос. Наконец, прав ли я в своем предположении, что договор с Уркартом отвергнут не окончательно, а только положен под сукно до восстановления нормальных дружеских отношений с английским правительством?

Ответ. Вы абсолютно правы насчет Уркарта. Я повторяю сказанное мной недавно Фарбману*. Концессию Уркарта

* См. настоящий том, стр. 346—352. Ред.

мы не отклоняли окончательно. Мы отклонили ее только по указанной нами публично политической причине. Мы начали в нашей прессе открытое обсуждение всех *за* и всех *против*. И мы надеемся, что после этого обсуждения мы составим себе окончательное мнение и по политической и по экономической линиям.

5/XI. 1922

Напечатано на английском языке
22 ноября 1922 г. в газете
«The Manchester Guardian» № 23797

На русском языке впервые
напечатано в 1930 г.

Печатается по рукописи

ВТОРОЙ ВАРИАНТ (НЕОКОНЧЕННЫЙ)

На Ваши вопросы отвечаю:

1. Я думаю, что «нэпман», т. е. представитель растущей торговли при «новой экономической политике», желает быть политической силой, но не показывает никаких признаков этого или показывает их так, чтобы скрыть свои пожелания. Ему необходимо стремиться к сокрытию своих пожеланий, ибо иначе он рискует встретить серьезную оппозицию со стороны нашей государственной власти, а иногда и хуже, чем оппозицию, т. е. прямую враждебность.

Я полагаю, что при сосредоточении в руках нашей государственной власти громадного большинства средств производства действительной экономической потребностью мелкой буржуазии является свобода покупки и продажи предметов потребления. Наше законодательство обеспечивает мелкой буржуазии эту свободу.

Слово «нэпман», которое Вы употребляете, ведет к некоторому недоразумению. Это слово образовано из сокращенного «нэп», что означает «новая экономическая политика», и прибавки «ман», что означает «человек или представитель этой новой экономической политики». На газетном языке это слово возникло сначала, как шутовское обозначение мелкого торгаша или лица, пользующегося свободой торговли для всякого рода злоупотреблений.

Внешним образом новая экономическая политика всего больше бросается в глаза именно тем, что появляется на авансцену подобного рода «нэпман», или всякий, как Вы пишете, кто «продает и покупает».

Но действительная экономическая деятельность действительного большинства населения совсем не состоит

в этом. Достаточно указать, например, на деятельность громадной массы крестьянства, которое именно теперь с громадной энергией и с величайшим самопожертвованием восстанавливает свою запашку и работает над восстановлением своих сельскохозяйственных орудий производства, своих жилищ, построек и т. д. С другой стороны, промышленные рабочие именно теперь с такой же выдающейся энергией работают над улучшением орудий труда, над заменой изношенных орудий труда новыми, над возобновлением разрушенных, испорченных или пострадавших зданий и т. д.

«Нэпман», если уже употреблять это выражение, гораздо более относящееся к шутливому газетному языку, чем к области серьезных терминов политической экономии, обнаруживает гораздо больше шума, чем это соответствует его экономической силе. Поэтому я опасаясь, что человек, который применил бы к нашему «нэпману» то упрощенное положение исторического материализма, что за экономической силой должна следовать политическая, рискует ошибиться очень глубоко и даже стать жертвой целого ряда смешных недоразумений.

Действительная сущность новой экономической политики состоит в том, что пролетарское государство: во-первых, *разрешило свободу торговли для мелких производителей* и, во-вторых, в том, что *к средствам производства для крупного капитала пролетарское государство применяет целый ряд принципов того, что в капиталистической экономике называлось «государственным капитализмом».*

Я думаю, что «нэпман», который из этого делает вывод о желательности для него стать политической силой, рискует не только ошибиться, но и стать предметом газетных насмешек за вульгарное понимание им марксизма.

2. Ваше впечатление, что в России теперь купля и продажа приносят необыкновенно высокий доход, «тогда как производство возможно лишь в самых редких случаях», кажется мне способным вызвать довольно справедливые насмешки над политической экономией «господина «нэпмана»».

Если я не ошибаюсь, в России числится громадное большинство мелкокрестьянского населения, которое с необыкновенным усердием бросилось теперь на производство и достигло (отчасти благодаря государственной помощи се-

менами и т. д.) громадных, почти невероятных успехов, особенно, если принять во внимание неслыханные разрушения гражданской войны, голода и т. д. Мелкие крестьяне достигли при этом таких успехов, что с необыкновенной легкостью и почти без всякого принуждения внесли государственный налог, исчисляемый сотнями миллионов пудов хлеба.

Поэтому я думаю, что справедливее будет сказать: гигантское большинство населения, имея производство очень мелкое по размеру, дает самую громадную прибыль, находясь в руках частных лиц. Это относится ко всему сельскохозяйственному производству крестьянства. Таковую же или немного меньшую прибыль дает промышленное производство, находящееся частью в руках частных лиц, частью в руках государственных арендаторов или тех государственных заводов, которые производят предметы потребления для сельского населения.

Действительно неприбыльным производством, которое остается в руках государства, является лишь то, что следовало бы назвать, если употреблять научную политико-экономическую терминологию, производством средств производства (руда, металлы и т. д.) или производством основного капитала. В капиталистической экономике этот вид капитала требует обычно для своего возобновления государственных займов, которые сразу дают чрезвычайно большие суммы (сотни миллионов рублей или даже долларов) для реорганизации ряда предприятий, способных восстановить разрушенные средства производства.

Для нас восстановление разрушенных средств производства долгое время не обещает никакой прибыли, является, как Вы выражаетесь, «неприбыльным». Нам придется довольно долгое время для восстановления основного капитала пользоваться доходом от концессий или государственными субсидиями.

Такова современная экономическая действительность. Как видите, я смотрю на эту действительность существенно иначе, чем Вы. Я боюсь, что Ваш взгляд, будто у нас происходит «непрерывное экономическое усиление нэпманов» и «непрерывное экономическое ослабление государства», заслужил бы, вероятно, насмешки Маркса над вульгарной политической экономией.

А я позволяю себе думать по-старинке, что после Маркса говорить о какой-нибудь другой немарксовой политической экономии можно только для одурачения мещан, хотя бы и «высокоцивилизованных» мещан.

Я заканчиваю по вопросу о «политической силе»: рабоче и крестьянство, вот основа политической силы в России. Во всех капиталистических странах крестьян грабят и помещики и капиталисты. Чем сознательнее становятся крестьяне, тем лучше они это понимают. Поэтому масса населения за «покупающими и продающими» нэпманами не пойдет.

3. Не будут ли налоги на «нэпманов» вести только к повышению заработной платы и цен вместо того, чтобы давать средства на производство?

— Нет, ибо в основе цен будет стоять хлеб. Некая часть его в руках государства, собрана в виде налога. Самостоятельного влияния на цены нэпман не сможет иметь, ибо он не производитель. Монополия внешней торговли, замечу кстати, поможет нам держать в руках нэпмана, ибо цены будут устанавливаться помимо него, ценой производства за границей плюс наша государственная надбавка, идущая на субсидию производства.

Я боюсь, что Вы иногда принимаете за увеличение цен нэпманами рост цен наших бумажных денег вследствие роста эмиссии. Это было бы ошибкой.

Написано между 6 и 12 ноября 1922 г.

*Впервые напечатано 21 января 1926 г.
в газете «Правда» № 17*

*Печатается по машинописной
копии, правленной В. И. Лениным*

**БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК МОСКВЫ
И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ⁹⁰**

Дорогие товарищи! Сердечно благодарю Вас за добрые пожелания и приветствия. Очень жалею, что не могу быть лично. Поздравляю с пятилетием революции и всяческих успехов желаю съезду.

Ваш *Ленин*

6/XI. 1922

Напечатано в ноябре 1922 г.

*Печатается по фотокопии
с рукописи*

РАБОЧИМ ЗАВОДА Б. МИХЕЛЬСОН⁹⁷

Дорогие товарищи! Очень жалею, что маленькое нездоровье именно сегодня заставило меня сидеть дома. Шлю вам самые горячие приветствия и пожелания к пятилетнему юбилею. На следующее пятилетие желаю успешной работы.

Ваш *В. Ульянов (Ленин)*

7/XI. 1922

Впервые напечатано в 1942 г.

Печатается по рукописи

**РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ
«ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧА»⁹⁸**

Дорогие товарищи!

Сегодня, в день пятилетней годовщины революции, с особенным удовольствием приветствую открытие вашего клуба и выражаю надежду, что вы, рабочие и служащие государственной электрической станции «Электропередача», совместными усилиями сумеете превратить этот клуб в одну из важнейших позиций для просвещения рабочих.

В. Ульянов (Ленин)

7. XI. 1922 г.

*Впервые напечатано в 1945 г.
в Ленинском сборнике XXXV*

*Печатается по оригиналу,
правленному и подписанному
В. И. Лениным*

**РАБОЧИМ СТОДОЛЬСКОЙ СУКОННОЙ ФАБРИКИ
В КЛИНЦАХ⁹⁹**

8. XI. 1922 г.

Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим.

Самые лучшие благодарности и приветы и пожелания.

Ваш В. Ульянов (Ленин)

Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по рукописи

***IV КОНГРЕСС
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА¹⁰⁰***

5 ПОЛБРЯ — 5 ДЕКАБРЯ 1922 г.

1

IV ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА,
ПЕТРОГРАДСКОМУ СОВЕТУ
РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ

Крайне сожалею, что не смогу быть на первом заседании конгресса и должен ограничиться письменным приветствием.

Несмотря на гигантские трудности, стоящие на пути коммунистических партий, Коминтерн растет и крепнет. Главная задача попрежнему состоит в завоевании большинства рабочих. И эту задачу мы, несмотря ни на что, выполним.

Объединение II и II½ Интернационалов принесет пользу революционному движению пролетариата: меньше фикций, меньше обмана — это всегда полезно для рабочего класса.

Петроградским рабочим и их новому Совету, принимающим в своем городе IV конгресс Коминтерна, лучшие пожелания и горячий привет.

Петерские рабочие должны быть и на хозяйственном фронте одними из первых. С радостью слышим мы о начале хозяйственного возрождения Петрограда. На ваше приглашение побывать в Петрограде надеюсь ответить приездом в скором будущем.

Советская власть в России празднует первое пятилетие. Она более прочна, чем когда бы то ни было. Гражданская война кончена. Первые хозяйственные успехи налицо. Советская Россия считает величайшей гордостью помогать рабочим всего мира в их трудной борьбе за низвержение капитализма. Победа будет за нами.

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

В. Ульянов (Ленин)

Москва, 4 ноября 1922 г.

2

ПЯТЬ ЛЕТ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ДОКЛАД НА IV КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА 13 НОЯБРЯ 1922 г.

(Появление товарища Ленина встречается бурными, долго не прекращающимися аплодисментами и овациями всего зала. Все встают и поют «Интернационал».) Товарищи! Я числюсь в списке ораторов главным докладчиком, но вы поймете, что после моей долгой болезни я не в состоянии сделать большого доклада. Я могу дать лишь введение к важнейшим вопросам. Моя тема будет весьма ограниченной. Тема «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» слишком обширна и велика, чтобы ее вообще мог исчерпать один оратор в одной речи. Поэтому я беру себе только небольшую часть этой темы, именно — вопрос о «новой экономической политике». Я умышленно беру только эту малую часть, чтобы ознакомить вас с этим важнейшим теперь вопросом, — важнейшим, по крайней мере, для меня, ибо я над ним сейчас работаю.

Итак, я буду говорить о том, как мы начали новую экономическую политику, и каких результатов мы достигли с помощью этой политики. Если я ограничусь этим вопросом, то, может быть, мне удастся сделать общий обзор и дать общее представление о данном вопросе.

Если начать с того, как мы пришли к новой экономической политике, то я должен обратиться к одной статье, написанной мною в 1918 году¹⁰¹. В начале 1918 г. я как раз в краткой полемике коснулся вопроса, какое положение должны мы занять по отношению к государственному капитализму. Я писал тогда:

«Государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего (т. е. против тогдашнего) положения

дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм».

Это было сказано, конечно, в то время, когда мы были поглупее, чем сейчас, но не настолько уж глупы, чтобы не уметь рассматривать такие вопросы.

Я держался, таким образом, в 1918 г. того мнения, что по отношению к тогдашнему хозяйственному состоянию Советской республики государственный капитализм представлял собой шаг вперед. Это звучит очень странно и, быть может, даже нелепо, ибо уже и тогда наша республика была социалистической республикой; тогда мы принимали каждый день с величайшей поспешностью — вероятно, с излишней поспешностью, — различные новые хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И все же я тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской республики представляет собой шаг вперед, и я пояснял эту мысль дальше тем, что просто перечислил элементы хозяйственного строя России. Эти элементы были, по-моему, следующие: «1) патриархальная, т.е. наиболее примитивная форма сельского хозяйства; 2) мелкое товарное производство (сюда относятся и большинство крестьянства, торгующее хлебом); 3) частный капитализм; 4) государственный капитализм, и 5) социализм». Все эти хозяйственные элементы были представлены в тогдашней России. Я поставил себе тогда задачу разъяснить, в каком отношении друг к другу находятся эти элементы, и не следует ли один из несоциалистических элементов, именно государственный капитализм, расценивать выше, чем социализм. Я повторяю: это всем кажется весьма странным, что несоциалистический элемент расценивается выше, признается вышестоящим, чем социализм, в республике, которая объявляет себя социалистической. Но дело становится понятным, если вы вспомните, что мы отнюдь не рассматривали хозяйственный строй России, как нечто однородное и высокоразвитое, а в полной мере сознавали, что имеем в России патриархальное земледелие, т.е. наиболее примитивную форму земледелия наряду с формой социалистической. Какую

же роль мог бы играть государственный капитализм в такой обстановке?

Я далее спрашивал себя: какой из этих элементов является преобладающим? Ясно, что в мелкобуржуазной среде господствует мелкобуржуазный элемент. Я тогда сознавал, что мелкобуржуазный элемент преобладает; думать иначе было невозможно. Вопрос, который я тогда ставил себе — это было в специальной полемике, не относящейся к нынешнему вопросу, — был: как мы относимся к государственному капитализму? И я ответил себе: государственный капитализм, хотя он и не является социалистической формой, был бы для нас и для России формой более благоприятной, чем теперешняя. Что это означает? Это означает, что мы не переоценивали ни зародышей, ни начал социалистического хозяйства, хотя мы уже совершили социальную революцию; напротив того, мы уже тогда в известной степени сознавали: да, было бы лучше, если бы мы раньше пришли к государственному капитализму, а уже затем — к социализму.

Я должен особенно подчеркнуть эту часть потому, что, полагаю, только исходя из этого, во-первых, можно объяснить, что представляет собой теперешняя экономическая политика, и, во-вторых, из этого можно сделать очень важные практические выводы и для Коммунистического Интернационала. Я не хочу сказать, что у нас уже был заранее готовый план отступления. Этого не было. Эти краткие полемические строки не были в то время ни в коем случае планом отступления. Об одном очень важном пункте, например, о свободе торговли, который имеет основное значение для государственного капитализма, здесь нет ни слова. Все же общая, неопределенная идея отступления этим была уже дана. Я полагаю, что мы должны обратить внимание на это не только с точки зрения страны, которая по своему хозяйственному строю была и до сих пор остается очень отсталой, но и с точки зрения Коммунистического Интернационала и западноевропейских передовых стран. Теперь, например, мы заняты выработкой программы. Я лично полагаю, что лучше всего мы поступили бы, если бы мы сейчас обсуждали все программы лишь в общем, так сказать, в первом чтении, и дали бы их отпечатать, но окончательно решение вынесли бы не сейчас, не в настоящем году. Почему? Я думаю, прежде всего, конечно, по-

тому, что мы едва ли все их хорошо продумали. А затем еще и потому, что мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления. А это такой вопрос, на который при столь коренных изменениях во всем мире, как свержение капитализма и строительство социализма с его огромными трудностями, нам безусловно необходимо обратить внимание. Мы не только должны знать, как нам действовать, когда мы непосредственно переходим в наступление и при этом побеждаем. В революционное время это уж не так трудно, но и не так важно, по крайней мере, это не есть самое решающее. Во время революции всегда бывают такие моменты, когда противник теряет голову, и если мы на него в такой момент нападём, то можем легко победить. Но это еще ничего не означает, так как наш противник, если он имеет достаточную выдержку, может заранее собрать силы и пр. Он легко может спровоцировать нас тогда на нападение и затем отбросить на многие годы назад. Вот почему я полагаю, что мысль о том, что мы должны подготовить себе возможность отступления, имеет очень важное значение, и не только с теоретической точки зрения. И с практической точки зрения все партии, которые в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма, должны сейчас подумать также и о том, как обеспечить себе отступление. Я думаю, если мы учтем этот урок наряду со всеми другими уроками из опыта нашей революции, то это нам не только не принесет никакого вреда, но, весьма вероятно, принесет нам во многих случаях пользу.

После того как я подчеркнул, что мы уже в 1918 г. рассматривали государственный капитализм, как возможную линию отступления, я перехожу к результатам нашей новой экономической политики. Я повторяю: тогда это была еще очень смутная идея, но в 1921 г., после того как мы преодолели важнейший этап гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис Советской России, который привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно,

по настроению были против нас. Чем было вызвано это своеобразное, и для нас, разумеется, очень неприятное, положение? Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, что мы не обеспечили себе достаточной базы, что массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистической форме хозяйства, к чисто социалистическому распределению превышает наши силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление так, чтобы ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель. Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года. Уже весной того же года мы единогласно решили — большах разногласий по этому поводу я у нас не видел — перейти к новой экономической политике. Теперь, по истечении полутора лет, в конце 1922 г., мы уже в состоянии сделать некоторые сравнения. Что же произошло? Как мы пережили эти более чем полтора года? Каков результат? Принесло ли нам пользу это отступление, и действительно ли спасло оно нас, или результат еще неопределенный? Это — главный вопрос, который я себе ставлю, и я полагаю, что этот главный вопрос имеет перво-степенное значение и для всех коммунистических партий, ибо, если ответ получился бы отрицательный, мы все были бы обречены на гибель. Я полагаю, что все мы со спокойной совестью можем утвердительно ответить на этот вопрос, а именно в том смысле, что прошедшие полтора года положительно и абсолютно доказывают, что мы этот экзамен выдержали.

Я попытаюсь теперь доказать это. Я должен для этого кратко перечислить все составные части нашего хозяйства.

Прежде всего остановлюсь на нашей финансовой системе и знаменитом русском рубле. Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион. (С м е х.) Это уже кое-что. Это — астрономическая цифра. (С м е х.) Я уверен, что здесь не все знают даже, что эта цифра означает. Но мы не считаем, и притом с точки зрения экономической науки, эти числа чересчур важными, ибо нули можно ведь зачеркнуть. (С м е х.) Мы уже в этом искусстве, которое с экономической точки зрения тоже

совершенно неважно, кое-чего достигли, и я уверен, что в дальнейшем ходе вещей мы достигнем в этом искусстве еще гораздо большего. Что действительно важно, это — вопрос о стабилизации рубля. Над этим вопросом мы работаем, работают лучшие наши силы, и этой задаче мы придаем решающее значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры, — все эти триллионы и квадриллионы — ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать. По этому вопросу я думаю, что смогу привести вам довольно важные и решающие факты. В 1921 г. период устойчивости курса бумажного рубля продолжался менее трех месяцев. В текущем 1922 году, хотя он еще и не закончился, этот период продолжался свыше пяти месяцев. Я полагаю, что этого уже достаточно. Конечно, этого недостаточно, если вы хотите от нас научного доказательства, что мы в будущем полностью разрешим эту задачу. Но доказать это целиком и полностью, по моему мнению, вообще невозможно. Сообщенные данные доказывают, что с прошлого года, когда мы начали нашу новую экономическую политику, до сегодняшнего дня мы уже научились идти вперед. Если мы этому научились, то я уверен, что мы научимся и впредь добиваться на этом пути дальнейших успехов, если только не сделаем какой-нибудь особенной глупости. Самое важное, однако, это — торговля, именно товарный оборот, который нам необходим. И если мы справились с ней в течение двух лет, несмотря на то, что находились в состоянии войны (ибо, как вам известно, Владивосток занят всего несколько недель тому назад), несмотря на то, что мы только теперь можем начать вести вполне систематически нашу хозяйственную деятельность, — если мы все же добились того, что период устойчивости бумажного рубля поднялся с трех месяцев до пяти, то я полагаю, что смею сказать, что мы этим можем быть довольны. Ведь мы стоим одиноко. Мы не получили и не получаем никаких займов. Ни одно из тех мощных капиталистических государств, которые так «блестяще» организуют свое капиталистическое хозяйство, что и поныне не знают, куда идут, нам не помогло. Версальским миром они создали такую финансовую систему, в которой они сами не разбираются.

•

Если эти великие капиталистические государства так хозяйничают, то я полагаю, что мы, отсталые и необразованные, можем быть довольны уже тем, что мы достигли важнейшее: достигли условия стабилизации рубля. Это доказывается не каким-нибудь теоретическим анализом, а практикой, а она, я считаю, важнее, чем все теоретические дискуссии на свете. Практика же показывает, что мы здесь добились решающих результатов, именно — начинаем двигать хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет величайшее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей.

Теперь я перехожу к нашим социальным целям. Самое главное, это — конечно, крестьянство. В 1921 г. мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства. Затем мы имели голод. И это означало для крестьянства самое тяжелое испытание. И вполне естественно, что вся заграница закричала тогда: «Вот, смотрите, вот результаты социалистической экономики». Вполне естественно, конечно, они промолчали о том, что на самом деле голод явился чудовищным результатом гражданской войны. Все помещики и капиталисты, начавшие наступление на нас в 1918 г., представляли дело так, будто голод является результатом социалистической экономики. Голод был действительно большим и серьезным несчастьем, таким несчастьем, которое грозило уничтожить всю нашу организационную и революционную работу.

Итак, я спрашиваю теперь: после этого небывалого и неожиданного бедствия, как обстоит дело сейчас, после того, как мы ввели новую экономическую политику, после того, как мы предоставили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен и для всех очевиден, а именно: крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объеме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения каких-либо мер принуждения. Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 г., так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать. Мы считаем, что эти доказательства более важны, чем какие-нибудь статистические доказательства. Что крестьянство является у нас

решающим фактором, — в этом никто не сомневается. Это крестьянство находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас. Мы говорим это с полным сознанием, без преувеличения. Это уже достигнуто. Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, оно может жаловаться. Это, конечно, возможно и неизбежно, так как наш аппарат и наше государственное хозяйство еще слишком плохи, чтобы это предотвратить, но какое бы то ни было серьезное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года. Я полагаю, что это уже очень много.

Перехожу дальше к легкой индустрии. Мы именно должны в промышленности делать различие между тяжелой и легкой, так как они находятся в разных положениях. Что касается легкой промышленности, то я могу спокойно сказать: здесь наблюдается общий подъем. Я не буду вдаваться в детали. В мою задачу не входит приводить статистические данные. Но это общее впечатление основано на фактах, и я могу гарантировать, что в основе его нет ничего неверного или неточного. Мы можем отметить общий подъем легкой промышленности и в связи с этим определенное улучшение положения рабочих как Петрограда, так и Москвы. В других районах это наблюдается в меньшей степени, потому что там преобладает тяжелая промышленность, так что этого не надо обобщать. Все-таки, я повторяю, легкая промышленность находится в безусловном подъеме, и улучшение положения рабочих Петрограда и Москвы — несомненно. В обоих этих городах весной 1921 г. существовало недовольство среди рабочих. Теперь этого нет. Мы, которые изо дня в день следим за положением и настроением рабочих, не ошибаемся в этом вопросе.

Третий вопрос касается тяжелой промышленности. Здесь я должен сказать, что положение все еще остается тяжелым. Известный поворот в этом положении наступил в 1921—1922 году. Мы можем, таким образом, надеяться, что положение в ближайшем будущем улучшится. Мы отчасти собрали уже для этого необходимые средства. В капиталистической стране для улучшения положения тяжелой промышленности потребовался бы заем в сотни миллионов,

без которых улучшение было бы невозможно. Экономическая история капиталистических стран доказывает, что в отсталых странах только долгосрочные стомиллионные займы в долларах или в золотых рублях могли бы быть средством для поднятия тяжелой промышленности. У нас этих займов не было, и мы до сих пор ничего не получили. То, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не представляет, кроме бумаги. Писали мы об этом в последнее время много, в особенности также и об Уркартовской концессии. Однако наша концессионная политика кажется мне очень хорошей. Но, несмотря на это, прибыльной концессии мы еще не имеем. Этого я прошу не забывать. Таким образом, положение тяжелой промышленности представляет действительно очень тяжелый вопрос для нашей отсталой страны, так как мы не могли рассчитывать на займы в богатых странах. Несмотря на это, мы наблюдаем уже заметное улучшение и мы видим далее, что наша торговая деятельность принесла нам уже некоторый капитал. Правда, пока очень скромный, немногим превышающий двадцать миллионов золотых рублей. Во всяком случае, начало положено: наша торговля дает нам средства, которые мы можем использовать для поднятия тяжелой промышленности. В настоящее время наша тяжелая промышленность находится во всяком случае еще в очень трудном положении. Но я полагаю, что мы уже в состоянии кое-что сберечь. Это мы будем делать и впредь. Хотя это часто делается за счет населения, мы должны теперь все же экономить. Мы работаем теперь над тем, чтобы сократить наш государственный бюджет, сократить наш государственный аппарат. Я скажу еще в дальнейшем несколько слов о нашем государственном аппарате. Мы должны, во всяком случае, сократить наш государственный аппарат, мы должны экономить, сколько только возможно. Мы экономим на всем, даже на школах. Это должно быть, потому что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна. Это мы хорошо знаем.

Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, —

этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия. А для того, чтобы привести ее в хорошее состояние, потребуется много лет работы.

Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли. Итак, в этом отношении мы сделали решительный шаг. Мы добыли средства, необходимые для того, чтобы поставить тяжелую индустрию на собственные ноги. Сумма, которую мы до сих пор добыли, правда, едва превышает двадцать миллионов золотых рублей, но, во всяком случае, эта сумма имеется, и она предназначена только для того, чтобы поднять вашу тяжелую индустрию.

Я думаю, что в общем я вкратце, как это и обещал, изложил вам главные элементы нашего народного хозяйства, и думаю, что из всего этого можно сделать вывод, что новая экономическая политика уже теперь дала плюс. Уже теперь мы имеем доказательство того, что мы, как государство, в состоянии вести торговлю, сохранить за собою прочные позиции сельского хозяйства и индустрии и идти вперед. Практическая деятельность это доказала. Я думаю, что этого для нас пока достаточно. Нам придется еще многому учиться, и мы поняли, что нам еще необходимо учиться. Пять лет мы держим власть и притом в течение всех этих пяти лет мы находились в состоянии войны. Мы, стало быть, имели успех.

Это понятно, потому что крестьянство было за нас. Трудно быть более за нас, чем было крестьянство. Оно понимало, что за белым стоят помещики, которых оно ненавидит больше всего на свете. И поэтому крестьянство со всем энтузиазмом, со всей преданностью стояло за нас. Не трудно было достигнуть того, чтобы крестьянство вас защищало от белых. Крестьяне, ненавидевшие ранее войну, делали все возможное для войны против белых, для гражданской войны против помещиков. Тем не менее, это было еще не все, потому что в сущности здесь дело шло только о том, останется ли власть в руках помещиков или в руках крестьян. Для нас это было недостаточно. Крестьяне понимают, что мы захватили власть для рабочих и имеем перед собой цель — создать социалистический порядок при помощи этой власти. Поэтому важнее всего

была для нас экономическая подготовка социалистического хозяйства. Мы не могли подготовить его прямым путем. Мы принуждены были сделать это окольными путями. Государственный капитализм, как мы его установили у нас, является своеобразным государственным капитализмом. Он не соответствует обычному понятию государственного капитализма. Мы имеем в своих руках все командные высоты, мы имеем в своих руках землю, она принадлежит государству. Это очень важно, хотя наши противники и представляют дело так, будто это ничего не значит. Это неверно. То обстоятельство, что земля принадлежит государству, чрезвычайно важно и имеет также большое практическое значение в экономическом отношении. Этого мы добились, и я должен сказать, что и вся наша дальнейшая деятельность должна развиваться только в этих рамках. Мы уже достигли того, что наше крестьянство довольно, что промышленность оживает и что торговля оживает. Я уже сказал, что наш государственный капитализм отличается от буквально понимаемого государственного капитализма тем, что мы имеем в руках пролетарского государства не только землю, но и все важнейшие части промышленности. Прежде всего мы сдали в аренду известную часть мелкой и средней индустрии, все же остальное остается в наших руках. Что касается торговли, я хочу еще подчеркнуть, что мы стараемся основывать смешанные общества, что мы уже основываем их, т. е. общества, где часть капитала принадлежит частным капиталистам, и притом иностранным, а другая часть — нам. Во-первых, мы таким путем учимся торговать, а это нам необходимо, и, во-вторых, мы всегда имеем возможность, в случае если мы сочтем это необходимым, ликвидировать такое общество, так что мы, так сказать, ничем не рискуем. У частного же капиталиста мы учимся и приглядываемся к тому, как мы можем подняться, и какие ошибки мы совершаем. Мне кажется, что этим я могу ограничиться.

Я хотел бы коснуться еще некоторых незначительных пунктов. Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я. (С м е х.) Почему же мы делаем глупости? Это понятно: во-первых, мы — отсталая страна, во-вторых, образование в нашей стране минимальное, в-третьих, мы не получаем помощи. Ни одно

цивилизовавшее государство нам не помогает. Напротив, они все работают против нас. В-четвертых, по вине нашего государственного аппарата. Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 году, после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: «Пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это — несомненно. Здесь мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым, может быть, слишком быстрым темпом. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат.

Я сказал, что мы совершили огромное количество глупостей, но я должен сказать также кое-что в этом отношении и о наших противниках. Если наши противники нам ставят на вид и говорят, что, дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили огромное количество глупостей, я хочу ответить на это: да, но знаете ли, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши. Мы только начали учиться, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены, что добьемся хороших результатов. Но если

наши противники, т. е. капиталисты и герои II Интернационала, подчеркивают совершенные нами глупости, то я позволю себе привести здесь для сравнения слова одного знаменитого русского писателя, которые я несколько изменю, тогда они получатся в таком виде: если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два — пять»; а если его противники, т. е. капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: «Дважды два — стеариновая свечка». Это нетрудно доказать. Возьмите, например, договор с Колчаком, заключенный Америкой, Англией, Францией, Японией. Я спрашиваю вас: имеются ли более просвещенные и могущественные державы в мире? И что же получилось? Они обещали Колчаку помощь, не сделав подсчета, не размышляя, не наблюдая. Это было фиаско, которое, по-моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рассудка.

Или другой пример, еще более близкий и более важный: Версальский мир. Я спрашиваю вас: что сделали здесь «великие», «покрытые славой» державы? Как могут они теперь найти выход из этого хаоса и бессмыслицы? Я думаю, что это не будет преувеличением, если я повторю, что ваши глупости еще ничто по сравнению с теми глупостями, которые совершают вкуче капиталистические государства, капиталистический мир и II Интернационал. Поэтому я полагаю, что перспективы мировой революции — тема, которой я должен вкратце коснуться, — благоприятны. И при одном определенном условии, я полагаю, они станут еще лучшими. Об этих условиях я хотел бы сказать несколько слов.

В 1921 году на III конгрессе мы приняли одну резолюцию об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, т. е. все взято из русских условий. В этом ее хорошая сторона, но также и плохая. Плохая потому, что я убежден, что почти ни один иностранец прочесть ее не может — я эту резолюцию вновь перечитал перед тем, как это сказать. Во-первых, она слишком длинна, в ней 50 или больше параграфов. Таких вещей обыкновенно иностранцы не могут прочитать. Во-вторых, если ее даже прочтут, то никто из иностранцев ее не поймет, именно потому, что она слишком русская.

Не потому, что она написана по-русски, — она прекрасно переведена на все языки, — а потому, что она насквозь проникнута русским духом. И, в-третьих, если в виде исключения какой-нибудь иностранец ее поймет, то он не сможет ее выполнить. Это третий ее недостаток. Я беседовал с некоторыми прибывшими сюда делегатами и надеюсь в дальнейшем ходе конгресса хотя и не лично участвовать в нем — это, к сожалению, для меня невозможно, — но подробно поговорить с большим числом делегатов из различных стран. У меня создалось впечатление, что мы совершили этой резолюцией большую ошибку, а именно, что мы сами отрезали себе путь к дальнейшему успеху. Как я уже говорил, резолюция составлена прекрасно, я подписываюсь под всеми ее 50 или больше параграфами. Но мы не поняли, как следует подходить к иностранцам с нашим русским опытом. Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой. Но если мы этого не поймем, мы не сможем продвинуться дальше. Я полагаю, что самое важное для нас всех, как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что мы после пяти лет российской революции должны учиться. Мы теперь только получили возможность учиться. Я не знаю, как долго эта возможность будет продолжаться. Я не знаю, как долго капиталистические державы предоставят нам возможность спокойно учиться. Но каждый момент, свободный от военной деятельности, от войны, мы должны использовать для учебы и притом с начала.

Вся партия и все слои России доказывают это своей жаждой знания. Это стремление к учению показывает, что важнейшей задачей для нас является сейчас: учиться и учиться. Но учиться должны также и иностранные товарищи, не в том смысле, как мы должны учиться — читать, писать и понимать прочитанное, в чем мы еще нуждаемся. Спорят о том, относится ли это к пролетарской или буржуазной культуре? Я оставляю этот вопрос открытым. Во всяком случае, несомненно: нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное. Иностранцам этого не нужно. Им пужно уже нечто более высокое: сюда относится прежде всего и то, чтобы также поняли, что мы писали об организационном построении коммунистических партий и что иностранные товарищи подписали, не читая и не понимая. Это должно стать их

первой задачей. Необходимо привести эту резолюцию в исполнение. Этого нельзя сделать за одну ночь, это абсолютно невозможно. Резолюция слишком русская: она отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться. Этим ничего достигнуть нельзя. Они должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно. Мы, русские, должны тоже искать путей к разъяснению иностранцам основ этой резолюции. Иначе они абсолютно не в состоянии эту резолюцию выполнить. Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только русским, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период, это — учеба. Мы учимся в общем смысле. Они же должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными. (Бурные, долго не прекращающиеся аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует наш товарищ Ленин!» вызывают новые бурные овации.)

«Правда» № 258, 15 ноября 1922 г.

*Печатается по тексту «Бюллетеня
IV конгресса Коммунистического
Интернационала» № 8, 16 ноября
1922 г., сверенному со стенограммой
на немецком языке, правленной
В. И. Лениным*

**ПРИВЕТСТВИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ ¹⁰²**

Придаю очень большое значение выставке; уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха.

В. Ульянов (Ленин)

14. XI. 1922.

Напечатано в 1922 г.

Печатается по рукописи

ГРУППЕ «CLARTÉ»¹⁰³

15 ноября 1922 г.

Дорогие друзья!

Пользуюсь случаем, чтобы послать вам наилучший привет. Я был тяжело болен и более года не мог видеть ни одного произведения вашей группы. Надеюсь, что ваша организация «des anciens combattants»* сохранилась и растет и крепнет не только численно, но и духовно в смысле углубления и расширения борьбы против империалистической войны. Борьбе против такой войны стоит посвятить свою жизнь, в этой борьбе надо быть беспощадным, все софизмы в ее защиту надо преследовать до самых последних уголков.

Лучшие приветы.

Ваш Ленин

*Впервые напечатано в 1925 г.
на французском языке в журнале
«Clarté» № 71*

*На русском языке впервые
напечатано в 1930 г.*

Печатается по рукописи

---

* — бывших участников войны. Реб.

РЕЧЬ НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА 20 НОЯБРЯ 1922 г.¹⁰⁴

(Бурные аплодисменты, «Интернационал».)
Товарищи! Я очень сожалею и очень извиняюсь, что не мог прибыть на ваше заседание раньше. Вы, насколько мне известно, собирались несколько недель тому назад устроить мне возможность посетить Московский Совет. Мне не удавалось сделать это потому, что после болезни, начиная с декабря месяца, я, выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок и в силу уменьшения работоспособности мне пришлось откладывать с недели на неделю настоящее выступление. Мне пришлось также очень значительную долю работы, которую я вначале, как вы помните, взвалил на тов. Цюрупу, а потом на т. Рыкова, еще дополнительно взвалить на т. Каменева. И надо сказать, что на нем, выражаясь сравнением, которое я уже употребил, оказалось внезапно два воза. Хотя, продолжая то же сравнение, надо сказать, что лошадка оказалась исключительно способной и ретивой. Но все-таки тащить два воза не полагается, и я теперь с нетерпением жду времени, когда вернутся гг. Цюрупа и Рыков, и мы разделим работу хоть немножко по справедливости. Я же в силу уменьшения работоспособности должен присматриваться к делам в гораздо более значительный срок, чем этого хотел бы.

В декабре 1921 г., когда мне пришлось совершенно прервать работу, у нас был конец года. Тогда мы осуществляли переход на новую экономическую политику, и оказалось тогда же, что этот переход, хотя мы с начала 1921 г. за него и взялись, довольно труден, я сказал бы — очень

труден. Прошло более полутора лет, как мы этот переход осуществляем, когда, казалось бы, пора уже большинству переселиться на новые места и разместиться сообразно новым условиям, в особенности условиям новой экономической политики.

В отношении внешней политики у нас изменений оказалось всего меньше. Здесь мы продолжали тот курс, который был взят раньше, и я считаю, могу сказать вам по чистой совести, что продолжали его совершенно последовательно и с громадным успехом. Вам, впрочем, об этом подробно докладывать не нужно: взятие Владивостока, последовавшая за сим демонстрация и государственно-федеративное заявление, которое вы на днях прочли в газетах¹⁰⁶, доказали и показали яснее ясного, что в этом отношении нам ничего менять не приходится. Мы стоим на дороге, совершенно ясно и определенно очерченной, и обеспечили себе успех перед государствами всего мира, хотя некоторые из них до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают. Тем не менее, экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении. Это все мы теперь видим, и не только из газет. Я думаю, что и из поездок за границу товарищи убеждаются в том, как велики происшедшие изменения. В этом отношении у нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки.

А вот что касается внутренней нашей политики, то здесь пересадка, которую мы произвели весной 1921 года, которая нам была продиктована обстоятельствами чрезвычайной силы и убедительности, так что между нами никаких прений и никаких разногласий относительно этой пересадки не было, — вот эта-то пересадка продолжает причинять нам некоторые трудности, продолжает причинять нам, я скажу, большие трудности. Не потому, что мы сомневались бы в необходимости поворота, — никаких сомнений в этом отношении нет, — не потому, что мы сомневались бы, дала ли проба этой нашей новой экономической политики те успехи, которых мы ожидали.

Никаких сомнений на этот счет, могу сказать совершенно определенно, также нет ни в рядах нашей партии, ни в рядах громадной массы беспартийных рабочих и крестьян.

В этом смысле вопрос не представляет трудностей. Трудности являются оттого, что перед нами встала задача, для решения которой нужно очень часто привлечение новых людей, нужно проведение чрезвычайных мер и чрезвычайных приемов. У нас есть еще сомнения относительно правильности того или другого, есть изменения в том или другом направлении, и нужно сказать, что и то и другое останется еще в течение довольно приличного времени. «Новая экономическая политика!» Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики. Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем. Чтобы провести все эти действия в нормальном порядке, нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде чем решить. Нужно для того, чтобы справиться с теми невероятными трудностями, которые нам представляются в проведении всех наших задач и вопросов. Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь, Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенький) (продолжительные аплодисменты), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских и от врагов внешних, которые наступали на нас. Я говорю о Японии.

Мы завоевали дипломатическую обстановку вполне определенную, и она есть не что иное, как дипломатическая обстановка, признанная всем миром. Вы это все видите. Вы видите результаты этого, а сколько потребовалось для этого времени! Мы сейчас добились признания своих

прав нашими врагами как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров.

Мы можем видеть, почему нам, полтора года назад вступившим на путь так называемой новой экономической политики, почему нам так невероятно трудно двигаться по этому пути. Мы живем в условиях государства, настолько разрушенного войною, настолько выбитого из всякой сколько-нибудь нормальной колеи, настолько пострадавшего и потерпевшего, что мы теперь поневоле все расчеты начинаем с маленького, маленького процента — процента довоенного. Эту мерку мы прикладываем к условиям нашей жизни, прикладываем иногда очень нетерпеливо, горячо, и всегда убеждаемся, что тут имеются трудности необъятные. Задача, которую мы тут себе поставили, тем более представляется необъятной, что мы ее сравниваем с условиями обычного буржуазного государства. Мы себе поставили эту задачу потому, что понимали, что помощи от богатейших держав, которая обычно в этих условиях приходит, этой помощи нам ждать нечего. После войны гражданской нас поставили в условия почти бойкота, т. е. нам сказали: той экономической связи, которую мы привыкли оказывать и которая в капиталистическом мире является нормальной, мы ее вам не окажем.

Прошло больше 1½ года с тех пор, как мы вступили на путь новой экономической политики, прошло значительно больше со времени заключения нами первого международного договора, и, тем не менее, до сих пор этот бойкот нас всей буржуазией и всеми правительствами продолжает сказываться. Мы не могли ни на что другое рассчитывать, когда пошли на новые экономические условия, и, тем не менее, у нас не было сомнения в том, что мы должны перейти и должны добиться успеха в одиночку. Чем дальше, тем больше выясняется, что всякая помощь, которая могла бы нам быть оказана, которая будет нам оказана со стороны капиталистических держав, она не только этого условия не устранит, она, по всей вероятности, в громадном большинстве случаев, это условие еще усилит, еще обострит. «В одиночку», — мы себе сказали. «В одиночку», — говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было

сделки совершали, с которыми мы какие бы то ни было условия завязывали, с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали. И вот в этом особая трудность. Нам надо эту трудность сознавать. Мы выработали свой государственный строй больше чем трехгодовой работой, невероятно тяжелой, невероятно полной героизма. В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было разбирать — не ломаем ли мы чего лишнего, некогда было разбирать — не будет ли много жертв, потому что жертв было достаточно много, потому что борьба, которую мы тогда начали (вы прекрасно знаете, и распространяться об этом не приходится), эта борьба была не на жизнь, а на смерть против старого общественного порядка, против которого мы боролись, чтобы выковать себе право на существование, на мирное развитие. Его мы завоевали. Это не наши слова, не показания свидетелей, которые могут быть обвинены в пристрастии к нам. Это показания свидетелей, которые находятся в стане наших врагов и которые, конечно, пристрастны, но только не в нашу сторону, а совсем в другую. Эти свидетели находились в лагере Деникина, стояли во главе оккупации. И мы знаем, что их пристрастие стоило нам очень дорого, стоило многих разрушений. Мы из-за них понесли всевозможные потери, потеряли всякого рода ценности и главную ценность — человеческую жизнь в невероятно большом масштабе. Теперь мы должны, со всем вниманием присматриваясь к нашим задачам, понять, что главной задачей теперь будет — не отдавать старых завоеваний. Ни одного из старых завоеваний мы не отдадим. (Аплодисменты.) Вместе с тем мы стоим перед задачей совершенно новой; старое может оказаться прямой помехой. Эту задачу понять всего труднее. А ее нужно понять, чтобы научиться работать, когда нужно, так сказать, вывернуться совершенно наизнанку. Я думаю, товарищи, что эти слова и лозунги понятны, потому что в течение почти года, что мне пришлось отсутствовать, на разные лады, по сотням поводов, вам приходилось практически, имея дело с предметом работы в своих руках, говорить и думать об этом, и я уверен, что размышления об этом вас могут привести только к одному выводу: от нас теперь требуется еще больше той гибкости, которую мы применяли до сих пор на поприще гражданской войны.

От старого мы не должны отказываться. Целый ряд уступок, которые приравнивают нас к державам капиталистическим, — этот ряд уступок дает полную возможность вступать державам в сношения с нами, обеспечивает их прибыль, может быть, иногда большую, чем следует. В то же время мы уступаем из средств производства, которое наше государство держит почти все в своих руках, лишь небольшую часть. На днях в газетах обсуждался вопрос о концессии, предлагаемой англичанином Уркартом, который до сих пор шел почти все время против нас в гражданской войне. Он говорил: «Мы своей цели добьемся в гражданской войне против России, против той самой России, которая посмела нас лишить того-то и того-то». И после всего этого нам пришлось вступить с ним в сношения. Мы не отказались от них, мы приняли их с величайшей радостью, но мы сказали: «Извините, то, что мы завоевали, мы не отдадим назад. Россия наша так велика, экономических возможностей у нас так много, и мы считаем себя вправе от вашего любезного предложения не отказываться, но мы обсудим его хладнокровно, как деловые люди». Правда, первый наш разговор не вышел, ибо мы не имели возможности согласиться на его предложение по политическим мотивам. Мы должны были ответить ему отказом. Пока англичане не признавали возможности нашего участия в вопросе о проливах, о Дарданеллах, мы должны были ответить отказом, но сейчас же после этого отказа мы должны были приняться за рассмотрение этого вопроса по существу. Мы обсуждали, выгодно нам это или нет, выгодно ли нам заключать эту концессию, и если выгодно, то при каких обстоятельствах. Мы должны были поговорить о цене. Вот то, что вам, товарищи, ясно показывает, до какой степени мы теперь должны подходить к вопросам не так, как мы подходили к ним раньше. Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто. Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны все рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым. Мы должны рассчитать в обстановке капиталистической, как мы свое существование обеспечим, как мы получим выгоду от наших противников, которые, конечно, будут торговаться, которые торговаться никогда и не разу-

чивались и которые будут торговаться за наш счет. Этого мы тоже не забываем и вовсе не представляем себе, чтобы где-нибудь представители торговли превратились в агнцев и, превратившись в агнцев, предоставили нам всяческие блага задаром. Этого не бывает, и мы на это не надеемся, а рассчитываем на то, что мы, привыкнуши оказывать отпор, и тут, вывернувшись, окажемся способными и торговать, и наживаться, и выходить из трудных экономических положений. Вот эта задача очень трудная. Вот над этой задачей мы работаем. Я хотел бы, чтобы мы отдавали и отдали себе ясный отчет в том, насколько велика пропасть между задачами старой и новой. Как бы эта пропасть велика ни была, мы на войне научились маневрировать и должны понять, что маневр, который нам предстоит теперь, в котором мы теперь находимся, — самый трудный. Но зато маневр этот, видимо, последний. Мы должны испытать тут свою силу и доказать, что мы не только зазубрили вчерашние наши науки и повторяем зады. Извините, пожалуйста, мы начали переучиваться и будем переучиваться так, что достигнем определенного и всем очевидного успеха. Вот во имя этого переучивания, я думаю, теперь и следует нам еще раз дать друг другу твердое обещание, что мы под названием новой экономической политики повернули назад, и повернули назад так, чтобы ничего нового не отдать, и в то же время, чтобы капиталистам дать такие выгоды, которые заставят любое государство, как бы оно враждебно ни было по отношению к нам, пойти на сделки и сношения с нами. Тов. Красин, который много раз беседовал с Урклартом, этим главой и опорой всей интервенции, говорил, что Уркларт, после всех попыток навязать нам старый строй во что бы то ни стало, по всей России, садится за стол вместе с ним, Красиным, и начинает говорить: «А почему? А сколько? А на сколько лет?». (Аплодисменты.) От этого еще довольно далеко к тому, чтобы мы ряд концессионных сделок заключили и вступили, таким образом, в совершенно точные, непоколебимые — с точки зрения буржуазного общества — договорные отношения, но мы уже видим теперь, что мы к этому подходим, почти подошли, но еще не пришли. Это, товарищи, надо признать и не зазнаваться. Еще далеко не достигнуто в полной мере то, что сделает нас сильными, самостоятельными, спокойно уверенными в том,

что никаких капиталистических сделок мы не боимся, спокойно уверенными в том, что как бы сделка ни была трудна, а мы ее заключим, вникнем в существо и ее разрешим. Поэтому работа в этой области, — и политическая и партийная, — которая нами начата, должна быть продолжена, поэтому нужно, чтобы от старых приемов мы перешли к приемам совершенно новым.

Аппарат остался у нас старый, и наша задача теперь заключается в том, чтобы его переделать на новый лад. Мы переделать этого сразу не можем, но нам нужно поставить дело так, чтобы те коммунисты, которые у нас есть, были правильно размещены. Нужно, чтобы они, эти коммунисты, владели теми аппаратами, у которых они поставлены, а не так, как у нас это часто делается, когда этот аппарат ими владеет. Нечего греха таить, и надо говорить об этом прямо. Вот какие задачи перед нами стоят, и какие трудности перед нами, и это как раз в то время, когда мы выступили на нашу деловую дорогу, когда мы должны были подойти к социализму не как к иконе, расписанной торжественными красками. Нам надо взять правильное направление, нам надо, чтобы все было проверено, чтобы все массы и все население проверяли наш путь и сказали бы: «Да, это лучше, чем старый строй». Вот задача, которую мы себе поставили. Наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зернышко поставило себе задачей переделать все, и оно переделает. Что это не утопия, а что это дело, которым живут люди, мы это доказали. Это мы все видели — это уже сделано. Нужно переделать так, чтобы все большинство трудящихся масс, крестьянских и рабочих, сказало: «Не вы себя хвалите, а мы вас хвалим, мы говорим, что вы достигли результатов лучших, после которых ни один разумный человек никогда не подумает вернуться к старому». А этого еще нет. *Поэтому нэп продолжает быть главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня.* Ни одного лозунга, которым мы вчера выучились, мы не забудем. Это можем совершенно спокойно, без всякой тени колебания, сказать кому угодно, и наш каждый шаг это говорит. Но мы должны еще приспособиться к новой экономической политике. Все ее отрицательные стороны, которых не нужно перечислять, которые вы прекрасно знаете, нужно уметь перегнуть,

уметь сводить к определенному минимуму, уметь устраивать все расчетливо. Законодательство наше дает полную возможность этому. Сумеем ли мы дело поставить? Это еще далеко не решено. Мы его изучаем. Каждый номер нашей партийной газеты дает вам десяток статей, которые говорят: на такой-то фабрике, у такого-то фабриканта такие-то условия аренды, а вот, где директор — наш товарищ-коммунист, условия такие-то. Дает это доход или нет, оправдывает или нет? Мы перешли к самой сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание. Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России неповской будет Россия социалистическая. (Бурные и продолжительные аплодисменты.)

«Правда» № 263, 21 ноября 1922 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»,
сверенному со стенограммой

**ПРЕЗИДИУМУ V ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА
СОВРАБОТНИКОВ¹⁰⁶**

22. XI. 1922 г.

Дорогие товарищи!

Главнейшей очередной задачей настоящего времени, и на ближайшие годы — важнейшей, является систематическое уменьшение и удешевление советского аппарата путем сокращения его, более совершенной организации, уничтожения волокиты, бюрократизма и уменьшения непроизводительных расходов. Вашему союзу предстоит в этом направлении большая работа.

Желая V Всероссийскому съезду профсоюза совработников успеха и плодотворной работы, я выражаю надежду, что он специально обсудит вопрос о советском аппарате.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

«Известия ВЦИК» № 267,
25 ноября 1922 г.

*Печатается по оригиналу,
правленному и подписанному
В. И. Лениным*

СЪЕЗДУ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ¹⁰⁷

Благодарю вас за приветствие, товарищи, и желаю вам справиться с большой и ответственной задачей, лежащей на вас, — подготовить молодое поколение к строительству новой жизни.

Ленин

Написано 26 ноября 1922 г.

*Напечатано в декабре 1922 г.
в журнале «Работник Просвещения»
№ 10*

Печатается по тексту журнала

**ТРЕТЬЕМУ МИРОВОМУ КОНГРЕССУ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ В МОСКВЕ¹⁰⁸**

4. XII. 1922 г.

Дорогие товарищи!

Сожалею, что не могу приветствовать вас лично. Шлю вам самые лучшие пожелания успеха в вашей работе. Надеюсь, что, несмотря на высокое звание, вы не забудете самого главного — необходимости деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и ученье.

С самым лучшим коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)

«Правда» № 275, 5 декабря 1922 г.

*Печатается по оригиналу,
правленному и подписанному
В. И. Лениным*

ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГААГЕ ¹⁰⁸

По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге я думаю, что самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

— Ответим на войну стачкой или революцией, — так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих, кооператоров и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны, только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится. Заявить, что «ответить» на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно «ответить» на войну революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным

вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому разъяснение вопроса о «защите отечества», во-первых; во-вторых, в связи с этим, разъяснение вопроса о «пораженчестве» и, наконец, разъяснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для *длительной* работы против войны всех участвующих в войне революционеров — все это должно быть выдвигается на первый план.

Бойкот войны — глупая фраза. Коммунисты должны идти на любую реакционную войну.

Желательно на примерах хотя бы немецкой литературы перед войной и, в частности, на примерах Базельского конгресса 1912 г. показать с особенной конкретностью, что теоретическое признание того, что война преступна, что война недопустима для социалиста и т. п., оказывается пустыми словами, потому что никакой конкретности в подобной постановке вопроса нет. Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам. Напротив, господствующая пресса каждый день в необъятном числе экземпляров заглушеывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна, тем более, что и в мирное время она держится по этому пункту в корне неправильных взглядов. Коммунистическая пресса в большинстве стран наверное осрамится тоже.

Я думаю, что нашим делегатам на международном конгрессе кооператоров и тред-юнионистов следовало бы разделить между собою задачи и разобрать все те софизмы, которыми оправдывают войну в настоящее время, с самой детальной подробностью.

Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, объясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбираем заранее, либо, еще больше, отделиваемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем пре-

ступность войны и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года.

Мне кажется, что если у нас будет на Гаагской конференции несколько человек, способных на том или другом языке сказать речь против войны, то всего важнее будет опровергнуть мнение о том, будто присутствующие являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь сознают способ борьбы против войны, будто они сколько-нибудь в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны.

В связи с недавним опытом войны мы должны разъяснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после объявления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью.

Я думаю, что разъяснять этот вопрос надо с необыкновенной подробностью и разъяснять его надо двояко:

Во-первых, рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны, и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, или что они притворяются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит самый гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи. По этому пункту, я думаю, необходим разбор всех оттенков, всех мнений, которые среди русских социалистов возникли тогда по поводу войны. Необходимо доказать, что эти оттенки возникли не случайно, а будучи порождены самой природой современных войн вообще. Необходимо доказать, что без анализа этих мнений и без разъяснения того, как они неизбежно возникают и как они имеют решающее значение для вопроса о борьбе с войной, без такого анализа ни о какой подготовке к войне и даже о сознательном отношении к ней не может быть и речи.

Во-вторых, надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за

пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д. и т. д. Мне сдается, что если будут малейшие сомнения насчет возможности вполне свободно сказать всю свою речь против войны в Гааге, то следует обдумать ряд хитростей для того, чтобы сказать хотя бы только главное, а затем издать то, что не удастся досказать, брошюрой. Надо идти на то, чтобы председатель оборвал.

Я думаю, что для этой же цели в делегацию должны быть приглашены кроме ораторов, способных и обязанных сказать речь против войны в целом, т. е. развивая все главные доводы и все условия борьбы против войны, — еще владеющие всеми тремя главными иностранными языками люди, которые посвящали бы себя разговорам с делегатами и выяснению того, насколько ими поняты основные доводы и насколько есть надобность в постановке тех или иных аргументов или привлечении примеров.

Может быть, по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны. Может быть, по ряду других вопросов серьезное действие можно оказать лишь разъяснением современных конфликтов между государствами и их связи с возможным вооруженным столкновением.

По вопросу о борьбе с войной мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов, как в парламентах, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно неправильные и чудовищно легкомысленные вещи насчет борьбы с войной. Я думаю, что против подобных заявлений, особенно если они делались уже после войны, надо выступить со всей решительностью и беспощадно называя имена каждого подобного оратора. Можно смягчить как угодно, особенно если это нужно, свой отзыв о таком ораторе, но нельзя пройти молчанием ни одного подобного случая, ибо легкомысленное отношение к этому вопросу есть такое зло, которое перевешивает все остальное и к которому быть снисходительным абсолютно невозможно.

Есть ряд решений рабочих съездов, беспардонно глупых и легкомысленных.

Надо собрать немедленно все и всякие материалы и обстоятельно обсудить и все отдельные части и частицы темы и всю «стратегию» на съезде.

С нашей стороны будет нетерпима по такому вопросу не только ошибка, но и существенная неполнота.

4/XII. 1922.

*Впервые напечатано 26 апреля 1924 г.
в газете «Правда» № 96
Подпись: Л е н и н*

*Печатается по машинописному
экземпляру, полученному
и подписанному В. И. Лениным*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Н. Е. ФЕДОСЕЕВЕ¹¹⁰

Мои воспоминания о Николае Евграфовиче Федосееве относятся к периоду начала 90-х годов. На точность их я не полагаюсь.

В то время я жил в провинции — именно, в Казани и в Самаре. Я слышал о Федосееве в бытность мою в Казани, но лично не встречался с ним. Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани. Вскоре после этого марксизм, как направление, стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой «Освобождение Труда».

Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, что на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском Богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым. Помню, что посредницей в наших сношениях была Гопфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась¹¹¹.

Затем Федосеев был сослан в Восточную Сибирь одновременно со мной и в Сибири кончил жизнь самоубийством, кажется, на почве тяжелой личной истории в связи с особенно неудачно сложившимися условиями жизни.

Насколько я помню, моя переписка с Федосеевым касалась возникших тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения. Особенно осталось в моей памяти, что Федосеев пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу и, может быть, ухудшившего свое положение теми или иными заявлениями или неосторожными шагами по отношению к жандармам.

Возможно, что у меня где-либо остались некоторые обрывки писем или рукописей Федосеева, но сохранились ли они, и можно ли их разыскать — на этот счет я не в состоянии сказать ничего определенного.

Во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера.

6. XII. 1922 г.

*Напечатано в 1923 г. в книге
«Федосеев Николай Евграфович.
Один из пионеров революционного
марксизма в России (Сборник
вспоминаний)». Москва — Петроград
Подпись: Ленин*

Печатается по тексту сборника

ВСЕУКРАИНСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ ¹¹²

10. XII. 1922 г.

Приветствую открытие Всеукраинского съезда Советов.

Одним из самых важных вопросов, который предстоит рассмотреть съезду, является вопрос об объединении республик. От правильного решения этого вопроса зависит дальнейшая организация нашего государственного аппарата, вопиющие недостатки которого так выпукло и наглядно обнаружены последней переписью советских служащих, произведенной в Москве, Питере и Харькове.

Второй вопрос, на который съезд должен обратить особое свое внимание, — это вопрос о нашей тяжелой промышленности. Поднятие Донбасса, нефти и металлургии до довоенной производительности — это основная задача всего нашего хозяйства, на разрешение которой должны быть направлены все наши усилия.

Я выражаю твердую уверенность в том, что съезд найдет правильный путь к разрешению этих задач, и от души желаю ему полного успеха в работе.

Ленин

«Коммунист» (Харьков) № 285,
12 декабря 1922 г.

Печатается по тексту газеты
«Коммунист», сверенному
с машинописной копией

О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ¹¹³

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ДЛЯ ПЛЕНУМА ЦК

Я считаю самым важным разобрать письмо т. Бухарина. В первом пункте он говорит, что «ни у Ленина, ни у Красина нет ни звука о тех бесчисленных убытках, которые несет хозяйство страны от неработоспособности НКВТ, вытекающей из его «принципиальной» структуры, нет ни слова об убытках, которые происходят от того, что мы сами не в состоянии (и долгое время не будем в состоянии по причинам вполне понятным) мобилизовать крестьянский товарный фонд и пустить его в международный товарооборот».

Это утверждение прямо неверное, ибо у Красина ясно сказано в параграфе II-ом об образовании смешанных обществ, которые представляют из себя способ, во-первых, мобилизовать крестьянский товарный фонд и, во-вторых, заполучить прибыли от этой мобилизации не меньше, чем наполовину в нашу государственную казну. Обходит, таким образом, суть вопроса именно Бухарин, который не хочет видеть того, что «мобилизация крестьянского товарного фонда» даст доход целиком и исключительно в руки нэпманов. Вопрос состоит в том, будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов, или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде.

Вопрос о неработоспособности НКВТ, по сравнению с этим первым, основным, принципиальным вопросом является совершенно подчиненным, ибо неработоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов, зависящая от их общей социальной

структуры и требующая от нас длинных годов упорнейшей работы по поднятию просвещения и уровня вообще.

Второй пункт тезисов Бухарина заявляет, что «такие пункты, как, например, § 5 красинских тезисов, целиком применимы к концессиям вообще». Это, опять-таки, самая вопиющая неправда, ибо 5-й тезис Красина утверждает, что «в деревне будет искусственно введен самый злостный эксплуататор, скупщик, спекулянт, агент заграничного капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной». Ничего подобного не вытекает из концессий, в которых мы предусматриваем не только территорию, но и особое разрешение торговли особыми предметами, и еще, главное, мы держим в своих руках торговлю теми или иными предметами, сданными в концессию; не возразив ни единого слова против доводов Красина, что мы не удержим свободной торговли в рамках, которые намечает решение пленума 6. X., что у нас вырвут из рук торговлю силой напора не только контрабандистов, но всего крестьянства, не ответив на этот основной экономический и классовый довод ни одного звука, Бухарин выдвигает против Красина обвинения, которые поражают своей несостоятельностью.

В третьем пункте своего письма Бухарин пишет: «§ 3 Красина». (Он обмолвкой называет 3 вместо 4.) «Наша граница держится», и он спрашивает: «Что это значит? Это значит реально, что ничего не делается. Точь в точь как магазин с хорошей общественной вывеской, в котором ничего нет (система Главзапора)». Красин совершенно определенно говорит, что наша граница держится не столько таможенной или пограничной охраной, сколько существованием монополии внешней торговли. На этот ясный, прямой и бесспорный факт Бухарин не возражает и не может возразить ни одного слова. Выражение «система Главзапора» принадлежит к тому характеру выражений, на которые Маркс отвечал в свое время выражением «фритредер-вульгарис»*, ибо ничего, кроме совершенно вульгарной фритредерской фразы, здесь нет.

Далее, в четвертом пункте Бухарин обвиняет Красина, будто он не видит, что мы должны идти к совершенствованию нашей таможенной политики, и рядом с этим обвиняет меня, будто я ошибаюсь, говоря о надзирателях по

* — вульгарное фритредерство (фритредерство — система свободной торговли). *Ред.*

всей стране, когда речь идет на самом деле и только о ввозных и вывозных пунктах. Опять-таки здесь возражения Бухарина поражают легкомыслием и бьют мимо цели, ибо совершенствование нашей таможенной политики Красин не только видит, не только признает полностью, но и указывает с точностью, не допускающей ни тени сомнения. Именно, это усовершенствование состоит в том, что мы приняли систему монополии внешней торговли, во-первых, и, во-вторых, систему образования смешанных обществ.

Бухарин не видит, — это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая, — что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. Несколько раз Бухарин ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более, чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка.

Поэтому все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли.

Обвинение Бухариным Красина (в пункте пятом), будто он не понимает всей важности усиления циркуляции, совершенно опровергается тем, что сказано у Красина о смешанных обществах, ибо эти смешанные общества никакой иной цели не преследуют, как именно усиление циркуляции с сохранением реальной, а не фиктивной, как при таможенной охране, охраны нашей русской промышленности.

Если, далее, в шестом пункте, возражая мне, Бухарин пишет, будто ему не важно, что крестьянин заключит выгоднейшую сделку и будто борьба будет идти не между крестьянином и Советской властью, а между Советской

властью и экспортером, то это, опять-таки, в корне неправильно, ибо экспортер при указанных, например, мною разнице в ценах (леп стоит в России 4 р. 50, а в Англии 14 р.) мобилизует вокруг себя все крестьянство самым быстрым, верным и несомненным образом. На практике Бухарин ставится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому, с точки зрения пролетариата и его промышленности, данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение. Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работают рядом и заграничный и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков.

Если же мы будем разговаривать о «таможенной охране», то это значит, что мы будем засорять себе глаза насчет опасностей, указанных Красиным с полной ясностью и ни в одной своей части не опровергнутых Бухариным.

Добавлю еще, что частичное открытие границ несет с собою серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадем практически в положение Германии, несет с собою серьезнейшие опасности в смысле проникновения в Россию, без малейшей возможности контроля для нас, мелкой буржуазии и всяческих агентов заграничной России.

Пользоваться смешанными обществами, чтобы серьезно и длительно учиться, — таков единственный путь к восстановлению нашей промышленности.

Ленин

13. XII. 1922 г.

**ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ЦК
ПО ПОВОДУ ВЫСТУПЛЕНИЯ
НА X ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ ¹¹⁴**

Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно. Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере, — это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее. Конспект речи у меня был уже написан несколько дней назад. Я предлагаю поэтому, не приостанавливая подготовки для выступления кого-либо другого вместо меня, сохранить до среды возможность того, что я выступаю сам, может быть, с речью, сильно сокращенною против обычного, например, с речью в три четверти часа. Такая речь несколько не помешает речи моего заместителя (кого бы Вы ни уполномочили для этой цели), но, думаю, будет полезна и политически и в смысле личном, ибо устранил повод для большого волнения. Прошу иметь это в виду и, если открытие съезда еще затянется, известить меня заблаговременно через моего секретаря.

Ленин

15. XII. 1922 г.

Впервые напечатано в 1930 г.

*Продиктовано по телефону
Печатается по машинописной копии*

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Вышедшая на-днях работа о грамотности населения России по данным переписи 1920-го года («Грамотность в России», Москва, 1922 г., Центральное статистическое управление, Отдел статистики народного образования) составляет очень важное явление.

Привожу ниже таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 гг., заимствованную из этой работы:

	На 1 000 муж. п. грамотных в:		На 1 000 жен. п. грамотных в:		На 1 000 всего населения гра- мотных в:	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
1. Европейская Россия	326	422	136	255	229	330
2. Северный Кавказ . .	241	357	56	215	150	281
3. Сибирь (западная) . .	170	307	46	134	108	218
<i>Всего . . .</i>	318	409	131	244	223	319

В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897-м годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпириях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивили-

зованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня.

Надо, чтобы мы не ограничивались этим бесспорным, но слишком теоретическим положением. Надо, чтобы при ближайшем пересмотре нашего квартального бюджета мы взялись за дело и практически. Конечно, в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса. Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний, когда мы сравнительно сносно им обеспечены.

Работа, которая ведется теперь в области народного образования, вообще говоря, не может быть названа слишком узкой. Делается очень немало для того, чтобы сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики, заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный.

Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко недостаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной. Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас.

У нас делается еще слишком мало, безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей

первоначального народного образования. Даже в Наркомпросе у нас сплошь и рядом можно найти чересчур раздутые штаты какого-нибудь Госиздата вне всяких забот о том, что на первом месте должно стоять попечение государства не об издательстве, а о том, чтобы было кому читать, чтобы было большее число способных читать, чтобы был больше политический размах издательства в будущей России. На технические вопросы, вроде вопроса об издательстве, мы все еще по старой (скверной) привычке уделяем много больше времени и сил, чем на общеполитический вопрос о народной грамотности.

Если взять Главпрофобр, то и тут, мы уверены, можно найти много и много лишнего, раздутого ведомственным интересом, не приноровленного к потребностям широкого народного образования. Далекое не все в Главпрофобре оправдывается законным желанием поднять сначала и придать практическое направление образованию нашей фабрично-заводской молодежи. Если просмотреть внимательно штаты Главпрофобра, в них многое и многое окажется вздутым и фиктивным с этой точки зрения, подлежащим закрытию. В пролетарско-крестьянском государстве много и много еще можно сэкономить и должно сэкономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких — либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись при том состоянии народной грамотности, о которой говорит статистика.

Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому знанию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом,

Кратко отмечаю, что особую роль для этого должны играть систематические поездки в деревню, которые, впрочем, у нас уже проводятся и которые должны быть развиты планомерно. На такие меры, как эти поездки, не жалко давать деньги, которые сплошь и рядом мы бросаем зря на относящийся почти целиком к старой исторической эпохе государственный аппарат.

Я собирал материалы к моей несостоявшейся речи на съезде Советов в декабре 1922 года о шефстве рабочих городских поселений над жителями деревень. Некоторые материалы об этом доставил мне тов. Ходоровский, и я ставлю эту тему на разработку перед товарищами теперь, раз сам я не успел разработать ее и предать через съезд Советов гласности.

Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции. В то время, как буржуазное государство систематически направляет все усилия на то, чтобы отуплять рабочих города, подгоняя для этой цели всю издаваемую на счет государства, на счет царских и на счет буржуазных партий литературу, мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата.

Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумение или быть слишком прямолинейно понятым. Никким образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губельно для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы.

Но установить общение между рабочими города и работниками деревни, установить между ними ту форму товарищества, которая между ними может быть легко создана, — это наша обязанность, это одна из основных задач

рабочего класса, стоящего у власти. Для этого необходимо основать ряд объединений (партийных, профессиональных, частных) из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы себе систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии.

Удастся ли «расписать» все городские ячейки по всем деревенским для того, чтобы каждая рабочая ячейка, «приписанная» к соответствующей деревенской, систематически заботилась о всякой оказии, о всяком случае, чтобы удовлетворить ту или иную культурную потребность своей со-ячейки? Или удастся изыскать другие формы связи? Я здесь ограничиваюсь только постановкой вопроса, чтобы обратить на него внимание товарищей, чтобы указать на имеющийся опыт Западной Сибири (на этот опыт мне указал тов. Ходоровский) и чтобы выставить во всем объеме эту гигантскую всемирно-историческую культурную задачу.

Мы не делаем почти ничего для деревни помимо нашего официального бюджета, или помимо наших официальных сношений. Правда, культурные сношения города с деревней принимают у нас само собой и принимают неизбежно иной характер. Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас само собой начинает давать деревне прямо обратное. Но все это делается именно само собою, стихийно, и все это может быть усилено (а затем и увеличено во сто крат) внесением сознания, планомерности и систематичности в этой работе.

Мы только тогда начнем двигаться вперед (а тогда мы начнем наверняка двигаться во сто крат быстрее), когда подвергнем изучению этот вопрос, будем основывать всевозможные объединения рабочих — избегая всемерно их бюрократизации — для того, чтобы поставить этот вопрос, обсудить его и претворить его в дело.

2 января 1923 года.

«Правда» № 2, 4 января 1923 г.
Подпись: В. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Правда», сверенному
со стенографической записью

О КООПЕРАЦИИ

I

У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России. В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает

(обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения.

Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*.

А ведь в этом, опять-таки, главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало.

Мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что недооцениваем теперь кооперацию, что начали забывать уже гигантское значение

кооперации в указанных выше двух стпронах этого значения.

Я намерен теперь поговорить с читателем о том, что практически можно и должно сделать сейчас же, исходя из этого «кооперативного» принципа. Какими средствами можно и должно сейчас же начать развивать этот «кооперативный» принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое значение?

Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто имущественной льготой (высота банкового процента и т. п.). Надо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.

Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, — под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, это — форма безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность, — вот в чем гвоздь вопроса. Когда кооператор приезжает в деревню и устраивает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует, но в то же время оно, руководствуясь собственной выгодой, поторопится попробовать в ней участвовать.

Это дело имеет также другую сторону. Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения «цивилизованного» (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря,

нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приравнивается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., — без этого нам своей цели не достигнуть. Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили и проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с уменьем быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора. Под уменьем быть торгашом я понимаю уменье быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит, умеет быть торгашом. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до уменья быть культурным торгашом еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха.

Кончаю: ряд привилегий экономических, финансовых и банковских — кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. Но этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут еще

остается неопределенным, неописанным детально все содержание задачи практически, т. е. надо уметь отыскать ту форму «премий» (и те условия выдачи их), которую мы даем за кооперирование, ту форму премий, при которой мы достаточно помогаем кооперации, ту форму премий, при которой мы достигаем цивилизованного кооператора. А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма.

4 января 1923 года.

II

Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 1918 года о государственном капитализме¹¹⁵. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому.

Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу и этому рабочему классу принадлежит государственная власть. Однако, они не замечали, что у меня название «государственный капитализм» употреблялось: *во-первых*, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику. *Во-вторых*, для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии уже несомненно были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма. Вот в каком виде представлялись для меня рассуждения о государственном капитализме.

Но есть еще одна сторона дела, при которой нам может понадобиться государственный капитализм или, по крайней мере, сопоставление с ним. Это вопрос о кооперации.

Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением. Несомненно также, что в обстановке нашей теперешней экономической действительности, когда мы соединяем частнокапиталистические предприятия, — но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу, — с предприятиями последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом), то тут возникает вопрос еще о третьем виде предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения, именно: о предприятиях кооперативных. При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу.

Вот это обстоятельство у нас недостаточно учитывается, когда рассуждают о кооперации. Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом.

Поясню свою мысль. В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто

романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир).

Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен.

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству.

Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной

массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции.

Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы, все-таки, теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база).

6 января 1923 года.

*Впервые напечатано
26 и 27 мая 1923 г.
в газете «Правда» №№ 115 и 116
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту газеты,
согласному со стенографической
записью*

О НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

(ПО ПОВОДУ ЗАПИСОК Н. СУХАНОВА)

I

Перелистывал эти дни записки Суханова о революции. Бросается особенно в глаза педантизм всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорочками, когда речь идет о мельчайшем отступлении от немецкого образца, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому.

Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантиски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость¹¹⁶, ими абсолютно не поняты, и даже не замечены, например, указания Маркса в его переписке, относящейся, помнится, к 1856 году, когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением¹¹⁷, — даже это прямое указание они обходят и ходят кругом и около него, как кот около горячей каши.

Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвостовством. Но даже и чисто теоретически у всех них бросается в глаза полная неспособность понять следующие соображения марксизма: они видели до сих пор определенный

путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом *mutatis mutandis** не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории).

Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало. До сих пор мы видим, что буржуазия богатейших стран не может наладить «нормальных» буржуазных отношений после этой войны, а наши реформисты, мелкие буржуа, корчащиеся из себя революционеры, считали и считают пределом (его же не преидеши) нормальные буржуазные отношения, причем понимают эту «норму» до крайности шаблонно и узко.

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

сложилась в первую империалистскую войну, не могли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции.

Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что если полная безвыходность положения, удесятеренная тем силами рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться договаривать другие народы.

16 января 1923 г.

II

Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир, или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу.

Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция.

Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже, все-таки, отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками.

17 января 1923 г.

*Впервые напечатано 30 мая 1923 г.
в газете «Правда» № 117
Подпись: Л е н и н*

*Печатается по тексту газеты
с дополнительными поправками,
внесенными в стенографическую
запись по указанию
В. И. Ленина*

КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИН

(ПРЕДЛОЖЕНИЕ XII СЪЕЗДУ ПАРТИИ) 118

Несомненно, что Рабкрин представляет для нас громадную трудность и что трудность эта до сих пор не решена. Я думаю, что те товарищи, которые решают ее, отрицая пользу или надобность Рабкрина, неправы. Но я не отрицаю в то же время, что вопрос о нашем госаппарате и его улучшении представляется очень трудным, далеко не решенным и в то же время чрезвычайно насущным вопросом.

Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата. И вот, чтобы поискать способ действительно обновить его, надо обратиться, мне кажется, за опытом к нашей гражданской войне.

Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?

Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры.

В этом же направлении нам следует, по моему убеждению, искать источник реорганизации Рабкрина. Я предлагаю нашему XII партийному съезду принять следующий план такой реорганизации, основанный на своеобразном расширении нашей ЦКК.

Пленум ЦК нашей партии уже обнаружил свое стремление развиваться в своего рода высшую партийную конференцию. Он собирается в среднем не чаще раза в два месяца, а текущую работу от имени ЦК ведет, как известно, наше Политбюро, наше Оргбюро, наш Секретариат и т. д. Я думаю, что нам следует докончить тот путь, на который мы таким образом вступили, и окончательно превратить пленумы ЦК в высшие партийные конференции, собираемые раз в два месяца при участии ЦКК. А эту ЦКК соединить на указанных ниже условиях с основной частью реорганизованного Рабкрина.

Я предлагаю съезду выбрать 75—100 новых членов ЦКК из рабочих и крестьян. Выбираемые должны подвергнуться такой же проверке по части партийной, как и обыкновенные члены ЦК, ибо выбираемые должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК.

С другой стороны, Рабкрин должен быть сведен к 300—400 служащих, особо проверенных по части добросовестности и по части знания нашего госаппарата, а также выдержавших особое испытание относительно знакомства их с основами научной организации труда вообще и, в частности, труда управленческого, канцелярского и т. д.

По моему мнению, такое соединение Рабкрина с ЦКК принесет пользу обоим этим учреждениям. С одной стороны, Рабкрин получит таким путем столь высокий авторитет, что станет, по меньшей мере, не хуже нашего НКВД. С другой стороны, наш ЦК совместно с ЦКК выйдет окончательно на ту дорогу превращения в высшую партийную конференцию, на которую он, в сущности, уже встал и по которой ему следует дойти до конца для правильного, в двойном отношении, выполнения своих задач: в отношении планомерности, целесообразности, систематичности его организации и работы и в отношении связи с действительно широкими массами через посредство лучших из наших рабочих и крестьян.

Я предвижу одно возражение, исходящее либо прямо, либо косвенно из тех сфер, которые делают наш аппарат старым, т. е. от сторонников сохранения нашего аппарата в том же до невозможности, до неприличия дореволюционном виде, в каком он остается и по сейчас (кстати сказать, мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства

коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, что можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки).

Возражение это состоит в том, что будто бы из предлагаемого мной преобразования получится один хаос. Члены ЦКК будут слоняться по всем учреждениям, не зная, куда, зачем и к кому им обратиться, внося повсюду дезорганизацию, отрывая служащих от их текущей работы, и т. д.

В т. п.

Я думаю, что злостный источник этого возражения так очевиден, что на него не требуется даже и ответа. Само собой разумеется, что со стороны президиума ЦКК и со стороны наркома Рабкринина и его коллегии (а также в соответствующих случаях и со стороны нашего Секретариата ЦК) потребуется не один год упорной работы над тем, чтобы правильным образом организовать свой наркомат и его работу совместно с ЦКК. Нарком Рабкринина может, по моему мнению, остаться наркомом (и должен им остаться), как и вся коллегия, сохраняя за собой руководство работой всей Рабоче-крестьянской инспекции и в том числе всеми членами ЦКК, которые будут считаться «откомандированными» в его распоряжение. 300—400 служащих Рабкринина, которые остаются, по моему плану, будут, с одной стороны, исполнять чисто секретарские обязанности при других членах Рабкринина и при добавочных членах ЦКК, а с другой стороны — должны быть высоко квалифицированы, особо проверены, особо надежны, с высоким жалованьем, вполне избавляющим их от нынешнего, поистине несчастного (чтобы не сказать хуже), положения чиновника Рабкринина.

Я уверен, что понижение числа служащих до указанной мной цифры улучшит во много раз и качество работников Рабкринина, и качество всей работы, дав в то же время возможность наркому и членам коллегии сосредоточиться всецело на организации работы и на том систематическом, неуклонном повышении ее качества, которое представляет для рабоче-крестьянской власти и для нашего советского строя такую безусловную необходимость.

С другой стороны, я думаю также, что наркому Рабкринина придется поработать над, частью, слиянием, частью, координированием тех высших институтов по организации труда (Центральный институт труда, Институт научной

организации труда и т. д.), которых у нас теперь имеется в республике не менее 12. Чрезмерное однообразие и вытекающее отсюда стремление к слиянию будут вредны. Наоборот, тут надо найти разумную и целесообразную середину между слиянием всех этих учреждений воедино и правильным разграничением их при условии известной самостоятельности каждого из этих учреждений.

Нет сомнения, что от такого преобразования выиграет не менее, чем Рабкрин, и наш собственный ЦК, выиграет он и в смысле связи с массами и в смысле регулярности и солидности его работы. Тогда можно будет (и должно) завести более строгий и ответственный порядок подготовки заседаний Политбюро, на которых должно присутствовать определенное число членов ЦКК, определенное либо известным периодом времени, либо известным планом организации.

Нарком Рабкринна совместно с президиумом ЦКК должен будет устанавливать распределение работы ее членов с точки зрения обязанности их присутствовать на Политбюро и проверять все документы, которые так или иначе идут на его рассмотрение, либо с точки зрения обязанности их уделять свое рабочее время теоретической подготовке, изучению научной организации труда, либо с точки зрения их обязанности практически участвовать в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая низшими местными и т. д.

Я думаю также, что помимо той политической выгоды, что члены ЦК и члены ЦКК при такой реформе будут во много раз лучше осведомлены, лучше подготовлены к заседаниям Политбюро (все бумаги, относящиеся к этим заседаниям, должны быть получены всеми членами ЦК и ЦКК не позже, как за сутки до заседания Политбюро, за исключением случаев, не терпящих безусловно никакого отлагательства, каковые случаи требуют особого порядка для ознакомления членов ЦК и ЦКК и порядка решения их), к числу выигрышей придется также отнести и то, что в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола.

Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету. Этому

помочь должна предлагаемая мною реформа, и члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог мешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел.

Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания для такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики.

23 января 1923 года.

«Правда» № 16, 25 января 1923 г.
Подпись: *Н. Ленин*

Печатается по тексту
газеты «Правда», сверенному
со стенографической записью

ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ

В вопросе об улучшении нашего госаппарата Рабкрину следует, по моему мнению, не гнаться за количеством и не торопиться. Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего госаппарата, что будет законной забота об особенно серьезной подготовке его, о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов. Конечно, для социалистической республики это условие слишком скромно. Но нам первое пятилетие порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом. Мы невольно склонны проникаться этим качеством по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской культуре»: нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус.

И вот, в вопросе о госаппарате мы теперь из предыдущего опыта должны сделать тот вывод, что лучше бы помедленнее.

Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры.

Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю.

Надо во-время взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д., надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет.

Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделаться нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами.

И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом. Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазия Западной Европы, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну.

Выводы из сказанного: мы должны сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением.

Для того, чтобы он мог достигнуть необходимой высоты, нужно держаться правила: семь раз примерь, один раз отрежь.

Для этого нужно, чтобы действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, с наибольшей осторожностью, обдуманностью, осведомленностью было прилагаемо к созданию нового наркомата.

Для этого нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, — не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо, наконец, чтобы это стало иначе.

Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал.

Я знаю, что это правило трудно будет выдержать и применить к нашей действительности. Я знаю, что тысячами лазеек обратное правило будет пробивать у нас себе дорогу. Я знаю, что сопротивление нужно будет оказывать гигантское, что настойчивость нужно будет проявить дьявольскую, что работа здесь первые годы, по крайней мере, будет чертовски неблагоприятной; и тем не менее я убежден, что только такой работой мы сможем добиться своей цели и, только добившись этой цели, мы создадим республику, действительно достойную названия советской, социалистической и пр., и пр., и т. п.

Вероятно, многие читатели нашли цифры, которые я привел в виде примера в первой своей статье*, слишком незначительными. Я уверен, что можно привести много расчетов в доказательство недостаточности этих цифр. Но я думаю, что выше всех таких и всяких расчетов нам следует поставить одно: интерес действительно образцового качества.

Я считаю, что для нашего госаппарата именно теперь настала, наконец, пора, когда мы должны поработать над ним как следует, со всей серьезностью, и когда едва ли не самой вредной чертой этой работы будет торопливость. Поэтому я бы очень предостерегал от увеличения этих цифр. Напротив, на мой взгляд, здесь следует быть особенно скупыми на цифры. Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрена не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрена, нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать. Нам надо твердо запомнить это, если мы хотим действительно задаться целью через несколько лет выработать учреждение, которое, во-первых, должно быть образцовым, во-вторых, должно внушать всем безусловное доверие и, в-третьих, доказать всякому и каждому, что мы действительно оправдали работу такого высокого учреждения, как ЦКК. Всякие общие нормы числа служащих, по-моему, следует изгнать сразу и бесповоротно. Служащих Рабкрена мы должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания. К чему, на самом деле, составлять наркомат, в котором

* См. настоящий том, стр. 440—444. Ред.

работа велась бы кое-как, опять не внушая к себе ни малейшего доверия, в котором бы слово пользовалось бесконечно малым авторитетом? Я думаю, что избежать этого является главной нашей задачей при такого рода перестройке, которую мы имеем теперь в виду.

Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты, и я думаю, что над ними надо еще длительно поработать, чтобы обучить их приемам и задачам их работы. Дальше, помощниками в этой работе должно быть определенное число секретарского персонала, от которого надо будет требовать тройной проверки перед назначением его на службу. Наконец, те должностные лица, которых мы решимся, в виде исключения, поставить сразу на места служащих Рабкрина, должны удовлетворять следующим условиям:

во-первых, они должны быть рекомендованы несколькими коммунистами;

во-вторых, они должны выдержать испытание на знание нашего госаппарата;

в-третьих, они должны выдержать испытание на знание основ теории по вопросу о нашем госаппарате, на знание основ науки управления, делопроизводства и т. д.;

в-четвертых, они должны сработаться с членами ЦКК и со своим секретариатом так, чтобы мы могли ручаться за работу всего этого аппарата в целом.

Я знаю, что эти требования предполагают непомерно большие условия, и я очень склонен опасаться, что большинство «практиков» в Рабкрине объявят эти требования неисполнимыми или будут презрительно посмеиваться над ними. Но я спрашиваю любого из теперешних руководителей Рабкрина или из лиц, прикосновенных к нему, может ли он сказать мне по совести — какая надобность на практике в таком наркомате, как Рабкрин? Я думаю, что этот вопрос поможет ему найти чувство меры. Либо не стоит заниматься одной из реорганизаций, которых у нас так много бывало, такого безнадежного дела, как Рабкрин, либо надо действительно поставить себе задачей создать медленным, трудным, необычным путем, не без многочисленных проверок, нечто действительно образцовое, способное внушать всякому и каждому уважение и не только потому, что чины и звания этого требуют.

Если не запастись терпением, если не положить на это дело нескольких лет, то лучше за него вовсе не браться.

По-моему, из тех учреждений, которые мы уже напекли по части высших институтов труда и прочее, выбрать минимум, проверить вполне серьезную постановку и продолжать работу лишь так, чтобы она действительно стояла на высоте современной науки и давала нам все ее обеспечения. Тогда в несколько лет не утопично будет надеяться на получение учреждения, которое будет в состоянии делать свое дело, именно — систематически, неуклонно работать, пользуясь доверием рабочего класса, Российской коммунистической партии и всей массы населения нашей республики, над улучшением нашего госаппарата.

Подготовительную к этому деятельность можно было бы начать уже сейчас. Если бы наркомат Рабкринна согласился с планом настоящего преобразования, то тогда он мог бы сейчас начать подготовительные шаги с тем, чтобы работать систематически вплоть до их полного завершения, не торопясь и не отказываясь от переделки сделанного однажды.

Всякое половинчатое решение тут было бы до последней степени вредно. Всякие нормы служащих Рабкринна, исходящие из каких бы то ни было других соображений, были бы, в сущности, основаны на старых чиновничьих соображениях, на старых предрассудках, на том, что уже осуждено, что вызывает общие насмешки, и т. д.

В сущности, здесь вопрос стоит так:

Либо показать теперь, что мы всерьез чему-нибудь научились в деле государственного строительства (не грех в пять лет чему-нибудь научиться), либо — что мы не созрели для этого; и тогда не стоит браться за дело.

Я думаю, что при том человеческом материале, который мы имеем, не будет нескромно предположить, что мы уже достаточно научились для того, чтобы систематически и заново построить хоть один наркомат. Правда, этот один наркомат должен определять собой весь наш госаппарат в целом.

Объявить конкурс сейчас же на составление двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого. В основу можно положить имеющуюся уже у нас книгу Ерманского, хотя он, в

скобках будь сказано, и отличается явным сочувствием меньшевизму и непригоден для составления учебника, подходящего для Советской власти. Затем, можно взять за основу недавнюю книгу Керженцева; наконец, могут пригодиться еще кое-какие из имеющихся частичных пособий.

Послать нескольких подготовленных и добросовестных лиц в Германию или в Англию для сбора литературы и изучения этого вопроса. Англию я называю на случай, если бы посылка в Америку или Канаду оказалась невозможной.

Назначить комиссию для составления первоначальной программы экзаменов на кандидата в служащие Рабрина; тоже — на кандидата в члены ЦКК.

Эти и подобные им работы, разумеется, не затруднят ни наркома, ни членов коллегии Рабрина, ни президиум ЦКК.

Параллельно с этим придется назначить подготовительную комиссию для подыскания кандидатов на должность членов ЦКК. Я надеюсь, что на эту должность у нас найдется теперь уже более, чем достаточно кандидатов как из числа опытных работников всех ведомств, так и из числа студентов наших советских школ. Едва ли будет правильно исключать ту или другую категорию заранее. Вероятно, придется предпочесть разнообразный состав этого учреждения, в котором мы должны искать соединения многих качеств, соединения неодинаковых достоинств, так что тут придется поработать над задачей составления списка кандидатов. Например, более всего было бы нежелательным, если бы новый наркомат был составлен по одному шаблону, допустим, из типа людей характера чиновников, или с исключением людей характера агитаторов, или с исключением людей, отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги, не особенно обычные для такого рода работников, и т. д.

* * *

Я думаю, что лучше всего выражу свою мысль, если сравню мой план с учреждениями академического типа. Члены ЦКК должны будут под руководством своего президиума работать систематически над просмотром всех бумаг и документов Политбюро. Вместе с тем они должны

будут правильно распределять свое время между отдельными работами по проверке делопроизводства в наших учреждениях, начиная от самых мелких и частных и кончая высшими государственными учреждениями. Наконец, к разряду их работ будут относиться занятия теорией, т. е. теорией организации той работы, которой они намереваются себя посвятить, и практические занятия под руководством либо старых товарищей, либо преподавателей высших институтов организации труда.

Но я думаю, что ограничиться такого рода академическими работами им никак не доведется. Наряду с ними им придется готовить себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но вроде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п.

Если в западноевропейских учреждениях подобные предложения вызвали бы неслыханное негодование, чувство нравственного возмущения и т. д., то я надеюсь, что мы еще недостаточно бюрократились, чтобы быть способными на это. У нас нэп еще не успел приобрести такого уважения, чтобы обижаться при мысли о том, что тут могут кого-то ловить. У нас еще так недавно построена Советская республика и навалена такая куча всякого хлама, что обидеться при мысли о том, что среди этого хлама можно производить раскопки при помощи некоторых хитростей, при помощи разведок, направленных иногда на довольно отдаленные источники или довольно кружным путем, едва ли придет кому-либо в голову, а если и придет, то можно быть уверенным, что над таким человеком мы все от души посмеемся.

Наш новый Рабкрин, надеемся, оставит позади себя то качество, которое французы называют *grinderie*, которое мы можем назвать смешным жеманством или смешным важничаньем и которое до последней степени наруку всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной. В скобках будь сказано, бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных.

Если я писал выше о том, что мы должны учиться и учиться в институтах по высшей организации труда и т. п., то это отнюдь не значит, что я понимаю это «учение» сколько-нибудь по-школьному, или чтобы я ограничи-

вался мыслью об учении только по-школьному. Я надеюсь, что ни один настоящий революционер не заподозрит меня в том, что я под «учением» в этом случае отказался понять какую-нибудь полшутливую проделку, какую-нибудь хитрость, какую-нибудь каверзу или нечто в этом роде. Я знаю, что в западноевропейском чинном и серьезном государстве эта мысль вызвала бы действительно ужас, и ни один порядочный чиновник не согласился бы даже допустить ее к обсуждению. Но я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрократились и что у нас ничего, кроме веселья, обсуждение этой мысли не вызывает.

В самом деле, почему не соединить приятное с полезным? Почему не воспользоваться какой-нибудь шутливой или полшутливой проделкой для того, чтобы накрыть что-нибудь смешное, что-нибудь вредное, что-нибудь полусмешное, полувредное и т. д.?

Мне кажется, что наш Рабкрин выиграет немало, если примет эти соображения к своему рассмотрению, и что список казусов, посредством которых наша ЦКК или ее коллеги по Рабкрину выиграли несколько своих наиболее блестящих побед, будет обогащен немало похождениями наших будущих «рабкринщиков» и «декакистов» в местах, не совсем удобоупоминаемых в чинных и чопорных учебниках.

* * *

Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?

Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекнул выше, говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях.

Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве в Политбюро не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о «ходах» с нашей стороны в ответ на «ходы» заграничных держав, в предотвращение их, ну, скажем, хитрости, чтобы не выражаться менее прилично? Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике?

Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату. А ведь Рабкрин и посвящен всему нашему государственному аппарату, и деятельность его должна касаться всех и всяких, без всякого изъятия, государственных учреждений, и местных, и центральных, и торговых, и чисто чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральных и т. д. — одним словом, всех без малейшего изъятия.

Почему же для учреждения с таким широким размахом, для которого, кроме того, требуется еще чрезвычайная гибкость форм деятельности, — почему же для него не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?

Я бы не видел в этом никаких препятствий. Более того, я думаю, что такое соединение является единственным залогом успешной работы. Я думаю, что всякие сомнения на этот счет вылезают из самых пыльных углов нашего госаппарата и что на них следует отвечать только одним — насмешкой.

* * *

Другое сомнение: удобно ли соединять деятельность учебную с деятельностью должностной? Мне кажется, не только удобно, но и должно. Вообще говоря, мы успели заразиться от западноевропейской государственности, при всем революционном к ней отношении, целым рядом вреднейших и смешнейших предрассудков, а отчасти нас умышленно заразили этим наши милые бюрократы, не без умысла, спекулируя на то, что в мутной воде подобных предрассудков им неоднократно удастся ловить рыбу; и лавливали они рыбу в этой мутной воде до такой степени, что только совсем слепые из нас не видели, как широко эта ловля практиковалась.

Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно

наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Это и понятно, потому что самые смелые шаги вперед лежали в области, которая составляла издавна удел теории, лежали в области, которая культивировалась главным образом и даже почти исключительно теоретически. Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом нехватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу; нехватало фантазии или нехватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим.

И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями.

Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться.

* * *

Общей чертой нашего быта является теперь следующее: мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить дотла учреждения средневековые, помещичье землевладение и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом

из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при напе, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда. Да и международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад, что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны. Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму, — так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития.

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработочено государствами-победителями — это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые, все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи.

Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения.

Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, причем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западноевропейской контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Востока, в лагере эксплуататоров восточных и эксплуататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, российская Советская власть, для того, чтобы помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки.

Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику.

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономии, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.

Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрпна. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину, поставив его на исключительную высоту, дав ему головку с правами ЦК и т. д. и т. п.

Это оправдание состоит в том, что лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся

неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии.

Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкринна. Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом.

2 марта 1923 года.

*«Правда» № 49, 4 марта 1923 г.
Подпись: В. И. Ленин*

*Печатается по тексту газеты «Правда»,
сверенному со стенографической
записью*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ленин имеет в виду мелкобуржуазную анархо-синдикалистскую группу «левых», отколовшуюся от Коммунистической партии Германии в октябре 1919 года и оформившуюся в апреле 1920 года в самостоятельную организацию. Эта группа именовала себя «Коммунистической рабочей партией Германии». Не имея никакой опоры среди рабочих масс в Германии, группа впоследствии выродилась в ничтожную секту, враждебную Коммунистической партии и рабочему классу и выступавшую с клеветническими выпадами против Советского Союза. — 1.
- 2 Ошибки «левых» в Коммунистической партии Германии заключались в том, что «левые» толкали рабочий класс на путь преждевременного выступления. Используя это, германская буржуазия спровоцировала рабочих на вооруженное выступление в неблагоприятный для них момент. В марте 1921 года в районах Средней Германии вспыхнуло восстание рабочих. Восстание не было поддержано рабочими других промышленных районов, в результате чего оно, несмотря на героическую борьбу рабочих, было быстро подавлено. Оценку этого восстания и критику ошибок «левых» Ленин дал в «Речи в защиту тактики Коммунистического Интернационала» на III конгрессе Коминтерна и в «Письме к немецким коммунистам» (см. Сочинения, 4 изд., том 32, стр. 444—453, 487—498). — 4.
- 3 «Экономическая Жизнь» — ежедневная газета; издавалась с ноября 1918 года по ноябрь 1937 года в Москве; вначале была органом ВСНХ и экономических наркоматов РСФСР, затем Совета Труда и Оборона, Госплана, Госбанка и Наркомфина СССР. — 9.
- 4 СТО — Совет Труда и Оборона; образован в апреле 1920 года вместо Совета Рабочей и Крестьянской Оборона. Председателем СТО являлся Ленин. По постановлению VIII Всероссийского съезда Советов 29 декабря 1920 года Совет Труда и Оборона стал действовать на правах комиссии Совнаркома; существовал до конца 1936 года. — 11.
- 5 Ленин имеет в виду постановление VIII Всероссийского съезда Советов (22—29 декабря 1920 года) «О советском строительстве». — 14.
- 6 Чистка партии 1921 года была проведена по постановлению X съезда партии во втором полугодии 1921 года. В результате

чистки было исключено из партии до 170 000 человек, т. е. около 25 процентов всего состава партии. — 18.

7 Письмо «*К вопросу о задачах Рабкрина, их понимании и их исполнении*» написано по поводу предварительного доклада топливной секции техно-промышленного отдела НК РКИ о положении дел с топливом и о работе топливных органов. Этот доклад был переслан В. И. Ленину И. В. Сталиным, являвшимся в то время наркомом РКИ, для ознакомления и ориентировки.

В ответ на письмо В. И. Ленина «*К вопросу о задачах Рабкрина, их понимании и их исполнении*» И. В. Сталин написал следующую записку:

«Т. Ленин! (*Ответ об инспекции*)

1) *Возможно*, что Ваши обвинения, направленные против автора «предварительного» доклада, преждевременны, ибо *настоящий доклад еще не представлен Вам*. Я уже говорил Вам, что «предварительный» доклад составлен для ориентировки, а перечень вопросов — для того, чтобы облегчить Вам *предварительную* проверку, или, как принято нынче выражаться, — «заинтересовать» Вас вопросом. Впрочем, я готов априори признать, что наша захудалая инспекция все еще будет сбиваться на легкий старый путь «ловли» (*все еще, пока не усилим ее коммунистами, пока не обеспечим ее руководящих работников материально*).

2) Я думаю, что инспекция *в наших условиях* кроме всего прочего имеет еще одно назначение: быть барометром, показывающим бурю или хорошую погоду. Если инспекция в данном случае правильно предвещает бурю и, следовательно, дает предупреждение, хотя бы, по одному вопросу, то это уже не мало для такого хилого организма, как инспекция.

3) Пара инженеров, ведущих обследование топливных учреждений, получает *вместе* меньше, чем курьер в Северолесе. Я *вынужден* был на-днях выдать им по несколько сот тысяч руб. при протесте Аванесова, сославшегося на какое-то «положение» о тарифах, уже давно вдесятеро «превзойденное» всеми подконтрольными учреждениями.

4) Автор «предварительного» доклада — Лонинов (коммунист), начальник *топливной секции* техно-пром. отдела РКИ.

5) Ваши заметки оставляю при себе.

27/IX.

И. Сталин

Р. С. Лонинов сказал мне третьего дня, что он приложит к своему докладу проект конкретных мер улучшения аппаратов топучреждений.

И. Ст.». — 21.

8 VIII Всероссийский электротехнический съезд происходил 1—9 октября 1921 года в Москве; был создан по инициативе Ленина. На съезде присутствовало до 900 человек научных и инженерно-технических работников, а также рабочие от отдельных предприятий.

Ленин был избран почетным председателем съезда. Его письмо с приветствием съезду было оглашено на утреннем заседании 9 октября 1921 года. — 27.

- 9 Ленин имеет в виду книгу «План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России». М., 1920. Оценку этой книги В. И. Лениным и И. В. Сталиным см. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 482—486; том 32, стр. 114—118, 373—374; И. В. Сталин. Сочинения, том 5, 1947, стр. 50—51. — 27.
- 10 *Базельский манифест 1912 года* — манифест о войне, принятый единогласно чрезвычайным конгрессом II Интернационала, происходившим в Базеле (Швейцария) 24—25 ноября (н. ст.) 1912 года. Манифест отмечал грабительские цели подготавливавшейся империалистами войны и призывал социалистов всех стран повести решительную борьбу против войны. Базельский манифест повторил положения резолюции Штутгартского конгресса II Интернационала 1907 года, предложенные В. И. Лениным и Р. Люксембург, что в случае возникновения империалистической войны социалисты должны использовать экономический и политический кризис, создаваемый войной, для подготовки социалистической революции.
- Вожди II Интернационала Каутский, Вандервельде и другие, голосовавшие за принятие этого манифеста, с объявлением в 1914 году мировой войны предали забвению Базельский манифест и стали на сторону своих империалистических правительств. — 35.
- 11 *II Всероссийский съезд политпросветов* происходил 17—22 октября 1921 года в Москве. На съезде присутствовало 310 делегатов. Доклад Ленина состоялся в конце вечернего заседания 17 октября 1921 года. — 38.
- 12 Решение ВЦИК от 29 апреля 1918 года было принято по докладу Ленина «Об очередных задачах Советской власти». Положения, изложенные в этом докладе и в статье «Очередные задачи Советской власти», Ленин суммировал в шести тезисах, которые с небольшими дополнениями были единогласно приняты Центральным Комитетом партии 3 мая 1918 года. См. «Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти» (Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 282—285). — 39.
- 13 *Губэконо* (Губернские экономические совещания) — местные органы Совета Труда и Оборона, созданные на основании постановления VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 года при губернских исполнительных комитетах Советов. — 53.
- 14 *VII Московская губернская партийная конференция* состоялась 29—31 октября 1921 года. На конференции присутствовало 637 делегатов. На первом заседании 29 октября конференция заслушала доклад Ленина о новой экономической политике.
- Конференция обсудила также доклад о работе Губэкономсовета, отчет о работе Московского комитета РКП(б), доклад о чистке партии, доклад ревизионной комиссии, доклад контрольной комиссии, организационные вопросы и другие. — 57.
- 15 Ленин имеет в виду свои статьи: «Главная задача наших дней», «Очередные задачи Советской власти», «О «левом» ребячество»

- и о мелкобуржуазности» и другие (см. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 133—137, 207—246, 291—319). — 63.
- 16 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 282—285. — 64.
- 17 «Московский Листок Объявлений» — издание группы частных предпринимателей; выходил в Москве с октября 1921 года по февраль 1922 года. — 65.
- 18 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 293, 385—386. — 85.
- 19 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 230.—87.
- 20 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 244. — 88.
- 21 Ленин был депутатом Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от рабочих Прохоровской мануфактуры (ныне Ордена Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени Государственный Всесоюзный хлопчатобумажный комбинат Трехгорная мануфактура имени Ф. Э. Дзержинского). Выступление Ленина состоялось 6 ноября на собрании рабочих фабрики, на котором присутствовало свыше 2 000 человек. — 93.
- 22 Брошюра под названием «К вопросу о новой экономической политике (Две старые статьи и одно еще более старое послесловие)» не издавалась. В 1921 году вышла брошюра Н. Ленина «К вопросу о новой экономической политике», в которую вошли статьи «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» и «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (см. настоящий том, стр. 28—37, 85—92). — 97.
- 23 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 29, стр. 37—69. — 97.
- 24 Вопрос о создании федерации Закавказских республик был поставлен в Центральном Комитете партии по инициативе закавказских партийных и советских органов в ноябре 1921 года. Текст «Проекта предложения об образовании федерации Закавказских республик» печатается полностью с включением поправки И. В. Сталина. Вместо слов: «требующей нескольких недель обсуждения» Ленин написал по предложению товарища Сталина: «требующей известного периода времени для обсуждения». Поправка эта была внесена в связи с замечанием И. В. Сталина о том, что Советы в Грузии только начинают строиться, а потому в ближайшие несколько недель созвать съезд Советов там не представляется возможным. Проект был принят Политбюро ЦК 29 ноября 1921 года. Об образовании федерации Закавказских республик см. И. В. Сталин. Сочинения, том 5, 1947, стр. 227—232. — 103.
- 25 I Московский губернский сельскохозяйственный съезд происходил 28—30 ноября 1921 года. На съезде присутствовало более 300 делегатов крестьян и работников земельных органов. Речь Ленина была заслушана делегатами съезда днем 29 ноября 1921 года. — 104.

- 26 *«Крестыанскій Голосъ»* («La Voix Paysanne») — еженедельный орган центрального объединенія трудящихся: крестьян, издававшийся Французской коммунистической партией в Парижѣ с 1920 по 1937 год. — 106.
- 27 *Колонны* (colons) — поселенцы, колонисты во Франціи, арендовавшие землю на условіях оплаты землевладельцу части доходов или урожая. — 106.
- 26 Речь идет о статьѣ Ф. Энгельса «Крестыанскій вопрос во Франціи и Германіи» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведенія в двух томах, т. II, 1948, стр. 401—421). — 109.
- 29 *«Письмо членам Политбюро о чисткѣ партии и условіях приема в партию»* написано Лениным в связи с постановкой данного вопроса на XI Всероссийской конференціи РКП(б), происходившей 19—22 декабря 1921 года. На конференціи Ленин из-за болезни не мог присутствовать.
- По докладу о чисткѣ партии конференція приняла за основу резолюцію «По вопросу об укреплении партии, в связи с учетом опыта проверки личного состава ее», которая затем была окончательно разработана на совѣщаніи секретарей обкомов, областных бюро ЦК и губкомов РКП(б) (27—29 декабря 1921 года) и утверждена ЦК и XI съездом РКП(б). — 113.
- 30 IX Всероссийскій съезд Советов происходил в Москвѣ 23—28 декабря 1921 года. На съезде присутствовали 1991 делегат. Выступленіе Ленина с отчетом ВЦИК и СНК о внутренней и внешней политикѣ республики состоялось вечером 23 декабря. По докладу Ленина съезд единогласно одобрил деятельность Советскаго правительства за отчетный год. Съезд принял декларацию о международном положеніи РСФСР, составленную на основе указаній Ленина, изложенных им в настоящем письме. Съезд также принял составленный Лениным «Наказ по вопросам хозяйственной работы» (см. настоящий том, стр. 153—156) и ряд решеній по вопросам промышленности и сельскаго хозяйства. — 114.
- 31 *Вашингтонская конференція* состоялась 12 ноября 1921 года — 6 февраля 1922 года. США, являясь инициатором этой конференціи, добились укрепления своих политических, военно-морских и экономических позиций на Дальнем Востоке. Советская Россія не была приглашена на конференцію. Вашингтонская конференція еще более усилила противоречія между империалистическими державами. — 129.
- 32 Строительство Шагурскаго государственной районной электростанціи имени В. И. Ленина начато было в 1919 году. Первая очередь ее мощностью в 5 000 киловатт вступила в эксплуатацію в 1920 году.

Строительство Каширскаго электростанціи по плану предполагалось закончить к концу 1921 года. 4 июня 1922 года

- закончилось строительство первой очереди (12 000 киловатт), и станция вступила в эксплуатацию. Ленин, придавая исключительное значение Каширской электростанции, давал руководящие указания по ее строительству, оказывал помощь в деле обеспечения ее рабочей силой, снабжения необходимым оборудованием, топливом и промышленными материалами. — 143.
- 33 Электростанция «Красный Октябрь» (б. Уткина Заводь) была закончена строительством в 1922 году, и первая очередь мощностью в 10 000 киловатт введена в эксплуатацию 8 октября 1922 года. — 144.
- 34 Ленин имеет в виду судебный процесс, происходивший в Москве 15—18 декабря 1921 года, над 35 частными предпринимателями, которые обвинялись в нарушении Кодекса законов о труде, эксплуатации малолетних, подростков и женщин, удлинении рабочего дня и в других нарушениях советских законов. — 145.
- 35 Вопрос о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики рассматривался на пленуме ЦК РКП(б) 28 декабря 1921 года. Текст проекта постановления ЦК РКП(б) о профсоюзах был написан Лениным.
- И. В. Сталин, ознакомившись с проектом постановления ЦК РКП(б), писал 6 января 1922 года В. И. Ленину: «т. Ленин! Тезисы о профсоюзах, по-моему, великолепны...» (см. Ленинский сборник XXXV, 1945, стр. 311).
- Тезисы 12 января 1922 года были рассмотрены Политбюро ЦК, утверждены единогласно и в таком виде предложены XI съезду партии. XI съезд РКП(б) принял тезисы единогласно (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 418—424). — 159.
- 36 «Проект директивы Политбюро ЦК РКП(б) о новой экономической политике» был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 12 января 1922 года и принят за основу; окончательно утвержден 16 января 1922 года. Директива была вручена наркомам 21 января 1922 года. — 171.
- 37 Приветствие Ленина «Трудящимся Дагестана» написано в ответ на письмо Совнаркома Дагестанской Советской Социалистической Республики с сообщением о начавшихся разработках горных богатств. Добытые два первых пуда ртути были преподнесены Ленину в качестве производственного подарка. — 173.
- 38 Письмо Ленина относится ко времени I съезда Советов Грузии, состоявшегося 25 февраля — 3 марта 1922 года.

Предложение об усилении грузинской Красной Армии было вызвано агрессивной позицией английских империалистов, клеветнической кампанией, поднятой реакционной империалистической печатью вместе с вождями II и II^{1/2} Интернационалов и грузинскими меньшевиками против Советской республики. С целью отторжения Грузии от Советской России и ее закабале-

ния иностранными империалистами они выставляли требование о выводе Красной Армии из пределов Грузии.

Первый съезд Советов Грузии принял по докладу Г. К. Орджоникидзе обращение «О Красной Армии», в котором поставил основной задачей укрепление имеющегося ядра грузинской Красной Армии и просил правительство братской Российской Советской республики не выводить войска Красной Армии из пределов Грузии. — 174.

- 39 Гражданский кодекс был переработан на основе директив Ленина, изложенных им в письме Д. И. Курскому. Кодекс рассмотрен на III и IV сессиях ВЦИК IX созыва (в мае и октябре 1922 года). IV сессия приняла решение ввести в действие Гражданский кодекс с 1 января 1923 года (см. речь В. И. Ленина на IV сессии ВЦИК IX созыва в настоящем томе, стр. 353—358). — 176.

- 40 Ленин имеет в виду Генуэвскую конференцию.

Генуэвская конференция («Международная экономическая конференция») происходила 10 апреля—19 мая 1922 года в г. Генуя (Италия) с участием представителей Советской России, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Японии, Германии и 21 других государств. Представитель США присутствовал в качестве «наблюдателя».

Империалистические державы пытались на конференции использовать хозяйственные затруднения Советской России, чтобы навязать кабальные условия соглашения. Они требовали уплаты всех царских долгов, включая и довоенные, возвращенные иностранным владельцам национализированных предприятий и др.

В. И. Ленин был утвержден чрезвычайной сессией ВЦИК 27 января 1922 года председателем советской делегации. Не имея возможности выехать в Генуя, он фактически руководил всей работой советской делегации, давал директивные указания членам делегации о порядке остановки вопросов, о содержании меморандумов, вносимых от имени Советского правительства в процессе работ конференции.

Советская делегация, отвергнув наглые притязания империалистов, внесла предложения о всеобщем разоружении и аннулировании всех военных долгов. Из-за враждебной позиции Франции и Англии по отношению к Советской России конференция была прервана. Обсуждение вопроса было передано на собравшуюся в июне—июле 1922 года в Гааге конференцию экспертов. Как и на Генуэвской конференции, переговоры в Гааге закончились безрезультатно.

Основные задачи в области внешней политики Советского правительства в связи с конференциями в Генуе и Гааге Ленин изложил в своих выступлениях на заседаниях коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов и на XI съезде партии (см. настоящий том, стр. 186—193, 235—238), а также в своей беседе с товарищем Сталиным (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 5, 1947, стр. 135—136). — 177.

- 41 Статья «Заметки публициста. О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшикам и т. п.» не была окончена. — 178.
- 42 «Сменовеховцы» — группа, возникшая в интеллигентских кругах антисоветского белоэмигрантского лагеря, получившая такое наименование по сборнику статей «Смена Вех», вышедшему в июле 1921 года в Праге. Убедившись в полной безнадежности свержения Советской власти путем иностранной военной интервенции, «сменовеховцы» после введения новой экономической политики рассчитывали на внутреннее перерождение Советского государства.
И. В. Сталин в «Политическом отчете Центрального Комитета» на XIV съезде партии дал следующую оценку сменовеховцам: «Сменовеховство, это — идеология новой буржуавии, растущей и мало-помалу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией» (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 7, 1947, стр. 341). — 179.
- 43 V Всероссийский съезд рабочих металлистов происходил в Москве 3—7 марта 1922 года. На съезде присутствовало 318 делегатов, представлявших более полумиллиона организованных в профсоюзы рабочих металлистов. Речь Ленина на заседании коммунистической фракции съезда была произнесена утром 6 марта. — 186.
- 44 Ленин имеет в виду «Речь об отношении к Временному правительству» на заседании I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) июня 1917 года (см. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 6). — 193.
- 45 Имеется в виду стихотворение В. Маяковского «Прозаседавшиеся» (см. В. В. Маяковский. Избранное, 1948, стр. 54—55). — 197.
- 46 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 230. — 197.
- 47 *Истпарт* — «Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии» была организована при Наркомпросе постановлением Совнаркома от 21 сентября 1920 года. Постановлением ЦК РКП(б) *Истпарт* с 1 декабря 1921 года перешел в ведение ЦК РКП(б) на правах отдела. В 1928 году *Истпарт* был объединен с Институтом Ленина при ЦК ВКП(б). — 198.
- 48 «Под Знаменем Марксизма» — ежемесячный философский и общественно-экономический журнал; выходил в Москве с января 1922 года по июнь 1944 года. — 201.
- 49 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 227—228. — 203.
- 50 Письмо В. М. Молотову о тевисах Преображенского относится ко времени подготовки XI съезда партии. ЦК РКП(б) рассмо-

трел 20 марта 1922 года тезисы Преображенского и, отклонив их, принял предложение Ленина. — 211.

51 *Всеработземлес* — Всероссийский профессиональный союз работников земли и леса. — 214.

52 Советским правительством были арестованы и привлечены к суду Верховного революционного трибунала члены Центрального комитета партии эсеров и ряд активных членов этой контрреволюционной партии, изобличенных в террористической деятельности и соучастии в злодейском покушении на В. И. Ленина, убийствах Урицкого и Володарского в 1918 году. Лидеры II Интернационала и II½ Интернационала (так называемого «Венского социалистического объединения») обратились с письмом к Советскому правительству с наглым требованием отложить суд над эсерами до обсуждения этого вопроса на конференции трех Интернационалов. Ответное письмо в соответствии с предложением Ленина было послано от имени наркома юстиции.

Судебный процесс над правыми эсерами происходил в Москве 8 июня — 7 августа 1922 года. Верховный трибунал, установив участие эсеров в вооруженных восстаниях, контрреволюционных заговорах против Советской власти и террористической деятельности, приговорил двенадцать главных виновников к высшей мере наказания, а остальных к различным годам строгой изоляции. Президиум ВЦИК, утвердив приговор, постановил привести в исполнение приговор о расстреле в том случае, если партия эсеров не откажется от методов вооруженной борьбы и террора против Советской власти.

Как показал процесс над «правотроцкистским блоком» в 1938 году, в подготовке злодейского покушения на жизнь В. И. Ленина в 1918 году принимали участие вместе с правыми и «левыми» эсерами также «левые коммунисты» во главе с Бухариным и троцкисты, состоявшие в контрреволюционном заговоре против Советской власти. — 216.

53 Ленин имеет в виду революцию об электрификации VIII Всероссийского съезда Советов, состоявшегося 22—29 декабря 1920 года (см. Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 499). — 218.

54 *«Беднота»* — ежедневная газета, издание ЦК РКП(б); выходила в Москве с 27 марта 1918 года. 1 февраля 1931 года *«Беднота»* была слита с газетой *«Социалистическое Земледелие»*; последняя выходит в настоящее время. — 221.

55 *«Письмо В. М. Молотову о плане политдоклада на XI съезде партии»* было обсуждено на пленуме ЦК РКП(б) 25 марта 1922 года. Пленум ЦК утвердил план доклада, предложенный Лениным. — 223.

56 XI съезд РКП(б) происходил в Москве 27 марта — 2 апреля 1922 года. Это был последний съезд партии с участием Ленина. На съезде присутствовало 522 делегата с решающим голосом

и 165 с совещательным. Съезд рассмотрел следующие вопросы: 1) Политический отчет ЦК; 2) Организационный отчет ЦК; 3) Отчет ревизионной комиссии; 4) Отчет ЦКК; 5) Отчет Коммунистического Интернационала; 6) Профессиональные союзы; 7) О Красной Армии; 8) Финансовая политика; 9) Итоги чистки партии и укрепление ее рядов; содоклады: о работе среди молодежи, о печати и пропаганде; 10) Выборы ЦК и ЦКК.

Ленин открыл съезд вступительной речью, выступил с докладом о политической деятельности ЦК РКП(б) и с заключительным словом по докладу, а также с речью при закрытии съезда.

Съезд подвел итоги первому году новой экономической политики.

По предложению Ленина на пленуме ЦК РКП(б), состоявшемся 3 апреля 1922 года, генеральным секретарем ЦК партии был избран И. В. Сталин. — 231.

- 57 *«Главногоговаривающий»* — прозвище, данное солдатами А. Ф. Керенскому в 1917 году, когда он был назначен буржуазным Временным правительством верховным главнокомандующим. — 255.
- 58 *МПО* — Московское потребительское общество. — 262.
- 59 *Центрспроверком* — Центральная комиссия по проверке личного состава партии, созданная ЦК РКП(б) 25 июня 1921 года для руководства проведением чистки партии в соответствии с постановлением X съезда РКП(б). — 274.
- 60 Ленин разоблачает антипартийную линию по отношению к специалистам, проводившуюся троцкистом Преображенским, бывшим в то время начальником Главпрофобра (Главного управления профессионального образования Наркомпроса). В результате его провокационной политики в конце января и начале февраля 1922 года часть профессоров Московского университета и других высших учебных заведений отказалась вести занятия. Центральный Комитет РКП(б) потребовал от Наркомпроса удовлетворения ряда законных требований профессуры. Комиссия ЦК с участием И. В. Сталина приняла решение об отстранении Преображенского от руководства Главпрофобром и разработала основные положения о высшей школе. — 281.
- 61 И. В. Сталин был народным комиссаром по делам национальностей со дня образования наркомата до его ликвидации в июле 1923 года. С марта 1919 года до 25 апреля 1922 года он был также народным комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции. — 281.
- 62 *Дискуссионный клуб при МК РКП(б)* был организован во второй половине 1921 года. Оппозиционные и антипартийные элементы пытались использовать его в своих фракционных целях. Центральный Комитет РКП(б), обсудив 20 февраля 1922 года вопрос о дискуссионном клубе по докладу Центральной контрольной комиссии, предложил Московскому комитету пересмотреть состав правления клуба, организовав работу в нем в соответствии с задачами партии. — 286.

- 63 Ленин имеет в виду свое письмо «Тов. Молотову для членов Политбюро. О тезисах т. Преображенского» (см. настоящий том, стр. 211—215). — 287.
- 64 «Заявление 22-х» — антипартийное фракционное заявление за подписью 22-х членов группы «рабочей оппозиции», поданное ими накануне XI съезда РКП(б) в Коминтерн. В своем заявлении, пользуясь скрытой поддержкой троцкистов, члены группы выступали с клеветническими нападками на партию и рабочий класс. Расширенный пленум ИККИ резко осудил деятельность этой группы. XI съезд партии создал специальную комиссию в составе И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского, Л. М. Кагановича, Е. М. Ярославского и других для расследования дела 22-х. По докладу комиссии съезд принял резолюцию, в которой заклеил антипартийное поведение членов группы «рабочей оппозиции», добивавшейся раскола партии, и предупредил руководителей этой группы, что в случае возобновления фракционной деятельности они будут исключены из партии. — 287.
- 65 Имеется в виду объединенное заседание пленума ЦК и ЦКК 9 августа 1921 года, на котором по предложению Ленина обсуждался вопрос об исключении А. Шляпникова из состава ЦК и из партии за антипартийные выступления. — 287.
- 66 Критика антипартийной брошюры А. Коллонтай дана Лениным в заключительном слове по отчету ЦК РКП(б) на X съезде партии (см. Сочинения, 4 изд., том 32, стр. 172—182). — 288.
- 67 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 32, стр. 479—483. — 289.
- 68 Изложенные в письме Ленина предложения легли в основу резолюции XI съезда партии «О работе в деревне». Съезд поручил также Центральному Комитету учредить постоянную комиссию при ЦК по работе в деревне (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 428—429). — 292.
- 69 Статья «Мы заплатили слишком дорого» написана Лениным по поводу капитуланства Бухарина и Радека перед оппортунистическими лидерами II и III^{1/2} Интернационалов на конференции трех Интернационалов, происходившей 2—5 апреля 1922 года в Берлине. — 294.
- 70 Восстание рабочих Южной Африки произошло в марте 1922 года в городах Йоганнесбурге, Бенони и Бракпан. Реакционное правительство под руководством премьер-министра генерала Сметса жестоко расправилось с восставшими, пустив в ход орудия, танки и аэропланы. 14 марта восстание было подавлено, число арестованных превышало 10 000 человек, тысячи рабочих были преданы военному суду. Молодая коммунистическая партия Южной Африки принимала активное участие в восстании; многие коммунисты героически погибли в вооруженной борьбе. — 295.

- 71 Проект «*Постановления о работе заводов (заместителей Председателя СНК и СТО)*» В. И. Ленина послал на отзыв И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК и А. Д. Цюрупе. Ответ Ленина на полученные замечания, касающиеся работы заводов, см. в «*Письме И. В. Сталину для членов Политбюро*» (настоящий том, стр. 316—318). — 299.
- 72 *Малый Совнарком* (МСНК) был организован в декабре 1917 года и существовал на правах комиссии СНК для разгрузки Совнаркома от мелких вопросов. Решения МСНК утверждались Председателем СНК. — 299.
- 73 Данная книга была издана Народным комиссариатом по иностранным делам в 1922 году. На основе предложений Ленина в книгу были внесены исправления. — 307.
- 74 Брошюра В. И. Ленина «*Старые статьи на близкие к новым темы. К вопросу о «новой экономической политике». (Две статьи и одна речь 1918 г.)*» издана Московским отделением Государственного издательства в 1922 году. В брошюру вошли: «Предисловие к изданию 1922 г.», статья «Очередные задачи Советской власти», доклад на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года об очередных задачах Советской власти и статья «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (см. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 207—246, 249—273, 291—319). — 308.
- 75 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 274—281. — 309.
- 76 23 апреля 1922 года в больнице имени доктора С. П. Боткина Ленину была произведена операция по извлечению одной из пуль, оставшихся после злодейского покушения на него 30 августа 1918 года. — 316.
- 77 *Рапальский договор* — договор Советского правительства с Германией, заключенный 16 апреля 1922 года во время Генуэзской конференции. Договор предусматривал установление дипломатических отношений между странами, взаимный отказ от возмещения военных расходов. Германское правительство отказывалось также от требования возврата бывшим германским владельцам предприятий, национализированных Советским правительством. — 320.
- 78 Переработанный текст проекта Уголовного кодекса с учетом предложений Ленина, которые вошли в статьи 57, 58, 61 и 70 Уголовного кодекса, был рассмотрен и утвержден III сессией ВЦИК IX созыва (12—26 мая 1922 года). — 321.
- 79 Политбюро ЦК 25 мая 1922 года, рассмотрев предложения Ленина, изложенные им в письмах на имя И. В. Сталина, приняло решение о финансировании радиолaborатории в целях ускорения производства громкоговорящих телефонов и радиоприемников. — 324.
- 80 Письмо «*О «двойном» подчинении и законности. Товарищу Сталину для Политбюро*» написал Лениным в связи с раз-

работкой положения о прокурорском надзоре. 24 мая 1922 года Политбюро ЦК, рассмотрев письмо Ленина, приняло его предложение. 26 мая III сессия ВЦИК IX созыва по докладу комиссии утвердила положение о прокурорском надзоре в соответствии с предложением Ленина. — 326.

- 81 *У Всероссийский съезд профессиональных союзов* состоялся в Москве 17—22 сентября 1922 года. На съезде присутствовало 970 делегатов, представлявших 5 100 000 организованных в профсоюзы рабочих. Съезд избрал Ленина почетным членом президиума. Письмо Ленина было оглашено на первом заседании съезда 17 сентября 1922 года. Съезд послал Ленину ответное приветствие. — 333.
- 82 «*Записка в Политбюро о борьбе с великодержавным шовинизмом*» написана в связи с обсуждением на октябрьском пленуме ЦК РКП(б) вопроса об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Из-за болезни В. И. Ленин не мог участвовать в работах пленума. Пленум ЦК назначил комиссию во главе с И. В. Сталиным для руководства подготовительной работой по объединению Советских республик в единое союзное государство. Состоявшийся 18 декабря 1922 года пленум ЦК заслушал доклад И. В. Сталина о проекте договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В договор было включено предложение Ленина о выборе четырех председателей Центрального Исполнительного Комитета Союза по числу союзных республик (РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР — Грузия, Азербайджан и Армения) (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 5, 1947, стр. 398). — 335.
- 83 *У Всероссийский съезд РКСМ* происходил 11—17 октября 1922 года в Москве. Съезд избрал Ленина почетным председателем. Приветствие Ленина было оглашено на первом (торжественном) заседании съезда 11 октября. В ответном приветствии комсомольцы давали обязательства Владимиру Ильичу преодолеть все трудности, стоящие на пути рабочего класса и его молодежи, и просили оказать им помощь в коммунистическом воспитании молодежи. — 337.
- 84 Это капитулянтское предложение, подрывавшее основы государственной монополии внешней торговли и потворствовавшее нэпманским и кулацким элементам, было проведено на пленуме ЦК Бухариным и Сокольниковым при поддержке Зиновьева и Каменева. Следующий, декабрьский, пленум ЦК на основе указаний Ленина подтвердил неизбежность монополии внешней торговли (см. письмо В. И. Ленина «О монополии внешней торговли. Товарищу Сталину для пленума ЦК» в настоящем томе, стр. 417—420). — 338.
- 85 *Всероссийский съезд финансовых работников* состоялся в Москве 22—28 октября 1922 года. Съезд избрал Ленина почетным председателем. Письмо Ленина было оглашено на съезде 22 октября. — 342.

- 86 *Общество друзей Советской России (в Америке)* возникло в 1921 году. Общество, в которое входили русские дореволюционные эмигранты, занималось сбором средств для помощи голодающим в России. Преследуемое американскими империалистами Общество ставило также своей задачей распространение правдивой информации о Советской России в противовес лживой, клеветнической кампании буржуазной прессы. Летом 1922 года Общество направило в Россию 21 трактор. Тракторный отряд, работавший в Пермской губернии, имел большое значение для показа крестьянству преимуществ механизированной обработки земли. О значении, которое придавал Ленин работе этого тракторного отряда, см. И. В. Сталин. Сочинения, том 11, 1949, стр. 187. — 343.
- 87 *Общество технической помощи Советской России* было организовано в США и Канаде в 1919 году группой русских дореволюционных эмигрантов — рабочих и техников. О значении, которое Ленин придавал работе тракторных отрядов этого Общества в совхозах Тамбовской и Одесской губерний, см. И. В. Сталин. Сочинения, том 11, 1949, стр. 186. — 344.
- 88 Войска Дальневосточной республики вступили 25 октября 1922 года во Владивосток, освободив его совместно с партизанами от белогвардейцев и японских оккупантов. Трудящиеся Приморья ответили на телеграмму Ленина приветствием и благодарностью Советскому правительству за оказанную помощь. — 345.
- 89 «*The Observer*» («Наблюдатель») — консервативная английская воскресная газета; издается в Лондоне с 1791 года.
«*The Manchester Guardian*» («Страж Манчестера») — английская буржуазная газета; издается с 1821 года в г. Манчестере. — 346.
- 90 Речь идет о Лозаннской конференции, происходившей 20 ноября 1922 года — 24 июля 1923 года. — 348.
- 91 Имеются в виду переговоры о заключении концессионного договора с крупным английским промышленником Уркартом на разработку полезных ископаемых на Урале и в Сибири. При обсуждении проекта договора Троцкий, Зиновьев и Каменев настаивали на принятии кабальных условий, предложенных Уркартом. Проект договора с Уркартом 6 октября 1922 года был отклонен Совнаркомом из-за враждебной политики английского правительства по отношению к Советской России и кабальных условий договора. — 350.
- 92 *IV сессия ВЦИК IX созыва* происходила 23—31 октября 1922 года. Ленин произнес речь на заключительном заседании сессии. — 353.
- 93 «*Петроградская Правда*» — ежедневная газета; начала выходить с 2 апреля 1918 года. Первоначально была органом Централь-

ного и Петроградского комитетов РКП(б). С июня того же года газета стала органом Центрального, Северного областного и городского комитетов РКП(б), а затем губернского и городского комитетов партии. В январе 1924 года переименована в «Ленинградскую Правду». — 359.

- 94 *Первая международная конференция коммунистов-кооператоров* происходила в Москве 1—6 ноября 1922 года. На конференции присутствовали представители Советской России, Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Финляндии, Австрии, Болгарии, Швеции, Норвегии, Дании, Польши, Эстонии, Литвы, Украины, Армении, Грузии, Азербайджана, Дальневосточной республики и Австралии. Конференция приняла резолюцию по вопросу о тактике коммунистов в кооперативном движении. Резолюция выдвигала перед коммунистами задачи по борьбе с нейтральностью кооперативов и определяла роль кооперативов в осуществлении общих политических и экономических задач пролетариата. Конференция избрала Ленина почетным председателем и послала ему приветствие. Ответное приветствие Ленина было оглашено 2 ноября 1922 года. — 361.
- 95 *Четвертый Всероссийский съезд статистиков* происходил в Москве 3—12 ноября 1922 года. Съезд избрал Ленина почетным председателем и послал ему приветственную телеграмму. Ответная телеграмма Ленина была оглашена на втором заседании съезда 5 ноября. — 362.
- 96 *Беспартийная конференция рабочих и крестьянок Москвы и Московской губернии* происходила 6 ноября 1922 года. На конференции участвовало более 2 000 делегатов. Приветственное письмо Ленина было передано выбранным от конференции делегатам, прибывшим к нему с просьбой выступить с речью. — 373.
- 97 Приветственное письмо Ленина рабочим завода написано им в ответ на приглашение выступить с речью на собрании, посвященном пятилетию Октябрьской социалистической революции. Завод бывш. Михельсон был переименован впоследствии в завод имени Владимира Ильича. — 374.
- 98 Приветственное письмо Ленина рабочим и служащим государственной электрической станции «Электропередача» (ныне имени Р. Э. Классона — инженера, строителя этой станции) написано в ответ на приглашение выступить с речью на открытии клуба ко дню пятилетия Октябрьской социалистической революции. — 375.
- 99 Письмо «*Рабочим Стодольской суконной фабрики в Клинцах*» написано Лениным в ответ на приветствие рабочих фабрики от 3 ноября 1922 года в связи с присвоением фабрике имени Ленина. Представители рабочих фабрики вместе с адресом привезли Ленину в подарок отрез сукна своего производства. — 376.
- 100 *IV конгресс Коммунистического Интернационала* происходил 5 ноября — 5 декабря 1922 года. Открытие конгресса состоялось в Петрограде, дальнейшие заседания конгресса с 9 ноября

1922 года происходили в Москве. На конгрессе участвовало 408 делегатов, из них 343 с решающим голосом, представлявших 58 коммунистических организаций различных стран. Кроме того, присутствовали представители Итальянской социалистической партии, Исландской рабочей партии и Монгольской народно-революционной партии, а также Коммунистического Интернационала Молодежи, Профинтерна, Международного женского секретариата, Международной рабочей помощи (Межрабпом) и организации негров США. Конгресс принял разработанные РКП(б) тезисы о едином рабочем фронте, утвердил тезисы о тактике Коммунистического Интернационала, о задачах коммунистов в профессиональном движении, по восточному вопросу, принял резолюции о социалистической революции в России, о Коммунистическом Интернационале Молодежи и другие.

Доклад Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», прочитанный им на немецком языке, был заслушан 13 ноября на утреннем заседании конгресса. — 377.

- 101 Ленин имеет в виду свою статью «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (см. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 291—319). — 380.
- 102 *Всероссийская сельскохозяйственная выставка* должна была быть открыта по постановлению IX Всероссийского съезда Советов осенью 1922 года. Ввиду большого объема работ по организации выставки и ликвидации последствий неурожая открытие ее было перенесено на 1923 год. Выставка была открыта 19 августа 1923 года в Москве и названа «Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставкой Союза ССР». — 395.
- 103 *Группа «Clarté» («Ясность»)* — группа литераторов во главе с Анри Барбюсом, основавшая во Франции «Республиканское объединение бывших участников войны». Группа издавала журнал того же названия (выходил с перерывами с 1919 по 1928 год в Париже). В группу входили крупнейшие писатели — А. Франс, Вайян Кутурье, С. Цвейг, Г. Уэллс и другие. — 396.
- 104 Речь Ленина на пленуме Московского Совета, заседавшего совместно с пленумами всех районных Советов Москвы, была произнесена вечером 20 ноября 1922 года. Это было последнее выступление Ленина. — 397.
- 105 Ленин имеет в виду постановление Народного собрания Дальневосточной республики о воссоединении ДВР с РСФСР, принятое 14 ноября 1922 года, извещение о котором было опубликовано в газетах 15 ноября 1922 года. — 398.
- 106 *V Всероссийский съезд профессионального союза советских работников* происходил в Москве 16—21 ноября 1922 года. Ленин был избран почетным делегатом на съезд VI Тверским губернским съездом профсоюза советских работников. V Всероссийский съезд профсоюза советских работников, избрав Ленина почетным председателем, послал ему приветствие. — 406.

- 407 *IV Всероссийский съезд союза работников просвещения* происходил в Москве 21—26 ноября 1922 года. Съезд избрал Ленина почетным председателем и послал ему приветствие. Ответное письмо Ленина было оглашено на утреннем заседании съезда 26 ноября 1922 года. — 407.
- 408 *III конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи* происходил в Москве 4—16 декабря 1922 года. На конгрессе присутствовали 121 делегат от 38 организаций молодежи разных стран. Приветственное письмо Ленина было оглашено в день открытия конгресса. Съезд послал ответное письмо Ленину. — 408.
- 409 *Гаагский международный конгресс мира*, происходивший 10—15 декабря 1922 года, был созван Амстердамским интернационалом профессиональных союзов под давлением рабочих масс в целях борьбы с опасностью новой мировой войны. Советская делегация, приглашенная на конгресс по требованию революционных рабочих профсоюзов и кооперативов, несмотря на сопротивление оппортунистического большинства конгресса, изложила задачи пролетариата по отношению к войне в духе директивы Ленина. Конгресс отверг предложенную советской делегацией программу действий. — 409.
- 410 Статья «*Несколько слов о Н. Е. Федосееве*» написана Лениным по просьбе Истпарта для специального сборника, посвященного революционной деятельности Н. Е. Федосеева (1871—1898). Н. Е. Федосеев написал ряд марксистских произведений, направленных против народников и в первую очередь против Н. К. Михайловского (см. письма Н. Е. Федосеева к Н. К. Михайловскому в журнале «Пролетарская Революция» 1933, № 1, стр. 178—233). Переписка В. И. Ленина с Н. Е. Федосеевым, о которой говорит Ленин в своей статье, не разыскана. — 414.
- 411 Ленин был во Владимире в конце августа 1893 года. — 414.
- 412 *VII Всеукраинский съезд Советов* происходил в Харькове 10—14 декабря 1922 года. Одним из важнейших решений съезда было постановление, принятое по докладу М. В. Фрунзе, о союзном объединении Советских республик. Телеграмма Ленина была оглашена в день открытия съезда 10 декабря. Съезд избрал Ленина почетным членом ВУЦИК и послал ему ответную телеграмму с приветствием. — 416.
- 413 Письмо В. И. Ленина «О монополии внешней торговли» предназначалось для предстоящего 18 декабря 1922 года пленума ЦК РКП(б), в работе которого Ленин не смог участвовать ввиду болезни. Пленум ЦК, разоблачив капитулянтскую позицию Бухарина и Сокольников, подтвердил необходимость сохранения монополии внешней торговли, не допуская никаких отступлений в отношении ввоза и вывоза отдельных категорий товаров помимо Народного комиссариата внешней торговли. XII съезд партии, происходивший 17—25 апреля 1923 года, в работе которого В. И. Ленин также не смог участвовать ввиду болезни, отверг посягательства капитулянтов на неизбежность монополии внешней торговли, приняв по данному вопросу следующие

решение: «Съезд категорически подтверждает неизбежность монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо ее обхода или колебаний при ее проведении и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 472). — 417.

- 114 *X Всероссийский съезд Советов*, на котором Ленин не мог участвовать по болезни, происходил 23—27 декабря 1922 года в Москве. На съезде присутствовало 2 215 делегатов, в том числе 488 делегатов от республик — ЗСФСР, УССР и БССР. X съезд Советов заслушал доклад И. В. Сталина об объединении Советских республик (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 5, 1947, стр. 145—155), принял предложенный им проект постановления об образовании Союза Советских Социалистических Республик и утвердил состав делегации на I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик.

I съезд Советов Союза ССР состоялся 30 декабря 1922 года. На этом съезде Ленин не присутствовал ввиду болезни; съезд избрал Ленина почетным председателем и послал ему приветствие. На съезде по предложению Ленина и Сталина был создан Союз Советских Социалистических Республик. Заслушав доклад И. В. Сталина об образовании Союза Советских Социалистических Республик (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 5, 1947, стр. 156—159), съезд единогласно принял декларацию и договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, поручив очередной сессии ЦИК Союза ССР подготовить окончательный текст декларации и союзного договора ко II съезду Советов Союза ССР. — 421.

- 115 Ленин имеет в виду свою статью «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (см. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 291—319). — 432.
- 116 Ленин имеет в виду здесь, очевидно, слова К. Маркса в его работе «Гражданская война во Франции» и в письме Кугельману от 12 апреля 1871 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1948, стр. 480—481; т. II, 1948, стр. 443—444). — 436.
- 117 См. письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 85—86). — 436.
- 118 Статья «*Как нам реорганизовать Рабкрин*» и являющаяся ее продолжением статья «*Лучше меньше, да лучше*» были написаны Лениным к XII съезду партии.

XII съезд РКП(б), происходивший 17—25 апреля 1923 года, учел в своих решениях все указания Ленина в его последних статьях и письмах. Съезд принял специальную революцию «О задачах РКИ и ЦКК», а также решение об объединении работы органов ЦКК и НК РКИ (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 498—501, 502). — 440.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Август 1921 года — январь 1924 года)

1921

- Август, 16 и сентябрь, 1.* Ленин в письмах в Центральное статистическое управление дает указания о постановке текущей промышленной и земледельческой статистики.
- Август, 20.* Ленин пишет статью «Новые времена, старые ошибки в новом виде».
- Август, 31.* Ленин дает указания комиссии по Гидроторфу о проверке изобретения по обезвоживанию торфа заводским путем.
- Август — сентябрь.* Ленин руководит подготовкой VIII Всероссийского электротехнического съезда.
- Август — декабрь.* Ленин отдает распоряжения ВСНХ, Наркомпути, Наркомфину, Наркомпроду и другим наркоматам об обеспечении строительства Каширской и Волховской электростанций рабочей силой и всеми необходимыми материалами.
- Сентябрь, 1.* Ленин пишет письмо в редакцию газеты «Экономическая Жизнь» об основных задачах газеты по освещению вопросов народного хозяйства.
- Сентябрь, 3.* Ленин в письме в Народный комиссариат юстиции дает указания о мерах борьбы с волокитой.
- Сентябрь, 5.* Ленин в письме в Статистический отдел ЦК РКП(б) дает указания о постановке учета распределения руководящих кадров партии, работающих в советском аппарате.
- Сентябрь, 15.* Ленин вносит в ЦК РКП(б) проект циркуляра о порядке дачи рекомендаций в связи с чисткой партии.

- Сентябрь, 19.* Ленин беседует с представителями американских рабочих, прибывших в Россию для оказания производственно-технической помощи; пишет письмо секретарю ЦК РКП(б) В. В. Куйбышеву об организации производственной колонии для них в Кузбассе.
- Сентябрь, 20.* Ленин пишет статью «О чистке партии».
- Сентябрь, 27.* Ленин пишет письмо «К вопросу о задачах Рабрина, их понимании и их исполнении».
- Сентябрь, 30.* Ленин председательствует на заседании комиссии СТО по снабжению топливом железнодорожного транспорта.
Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о плане распределения хлебных ресурсов на 1921/22 год; о мероприятиях по восстановлению и поднятию Донецкой угольной, Бакинской и Грозненской нефтяной промышленности; о мелиоративных работах в совхозах Московской губ. и др.
- Октябрь, 4.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о выработке мероприятий по сбору продналога; о порядке и сроке введения в обращение нового рубля; об учреждении Государственного банка РСФСР и др.
- Октябрь, 8.* Ленин пишет приветствие «В президиум VIII Всероссийского электротехнического съезда».
Ленин руководит пленумом ЦК РКП(б), на котором обсуждаются вопросы: о финансовой политике; о товарообмене и кооперации; о чистке партии; об учете ответственных работников и порядке их распределения, — вносит проект предложения; о Наркомпрозе; о Коминтерне; о внешнем положении.
Ленин пишет директивы Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу об отведении земель на Украине заводам под посевы сахарной свеклы.
- Октябрь, 14.* Ленин пишет статью «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции».
- Октябрь, 17.* Ленин выступает на II Всероссийском съезде политпросветов с докладом на тему «Новая экономическая политика и задачи политпросветов».
Ленин дает указания Наркомфину о подготовке к проведению денежной реформы.

- Октябрь, 21.* Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о проекте «Атласа диаграмм для СТО» со статистическими данными о промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и др., — внесено Лениным; о ссуде Азербайджанской Советской Республике на проведение мелиоративных работ на Мугани; о Мурманском и Петроградском портах и др.
- Октябрь, 22.* Ленин присутствует при испытаниях электропуга в учебно-опытном хозяйстве Московского высшего зоотехнического института (Бутырский хутор).
- Октябрь, 24.* В. И. Ленин пишет наркому здравоохранения Н. А. Семашко директивное письмо о порядке проведения недели оздоровления жилищ и требует добиться в Москве образцовой чистоты.
- Октябрь, 29.* Ленин выступает на VII Московской губернской партийной конференции с докладом «О новой экономической политике» и произносит заключительное слово.
- Ноябрь, 3.* Ленин дает задание Малому Совнаркому срочно рассмотреть проект соглашения с Монгольской народной республикой.
- Ноябрь, 4.* Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о работах секции Госплана по районированию России; о заказе турбин для Волховстроя; о Карской экспедиции и др.
- Ноябрь, 5.* Ленин пишет статью «О значении золота теперь и после полной победы социализма».
- Ленин принимает делегацию Монгольской народной республики.
- Ноябрь, 6.* Ленин выступает с речью на собрании рабочих Прохоровской мануфактуры, посвященном празднованию четвертой годовщины Октябрьской социалистической революции.
- Ноябрь, 7.* Ленин выступает с речью на собрании рабочих, работниц, красноармейцев и молодежи Хамовнического района, посвященном празднованию четвертой годовщины Октябрьской социалистической революции.
- Ленин выступает с речью на собрании рабочих завода «Электросила» № 3 (б. «Динамо»), посвя-

щенном правднованию четвертой годовщины Октябрьской социалистической революции.

Ноябрь, 10.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об улучшении быта ученых; о тарифной политике и др.

Ленин принимает В. Пика и Ф. Геккерта и беседует с ними о положении в Германской коммунистической партии.

Ноябрь, 16.

Ленин пишет предисловие к брошюре «К вопросу о новой экономической политике».

*Не ранее
17 ноября.*

Ленин посылает приветствие Совнаркому Азербайджанской Советской Республики в связи с открытием Азербайджанского государственного банка.

Ноябрь, 18.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о финансовом плане и плане эмиссии на 1922 год, — вносит дополнения в проект постановления; о составе комиссии по систематизации законодательства в области новой экономической политики и др.

Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о введении в эксплуатацию Каширской электростанции; о продовольственном резервном фонде и др.

Ноябрь, 22.

В. И. Ленин обменивается с И. В. Сталиным письмами о мерах борьбы со злоупотреблениями и воровством на предприятиях, сданных в аренду.

Ноябрь, 23.

Ленин дает указания Госплану разработать вопрос об ускорении постройки и пуска Иваново-Вознесенской электростанции.

Ноябрь, 25.

Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о горной и золото-платиновой промышленности; о переводе нефтепромышленности на хозяйственный расчет; об усилении работ на уральских и сибирских копях; о снабжении горнорабочих Подмосквовного бассейна и др.

Ноябрь, 28.

В. И. Ленин пишет и посылает И. В. Сталину «Проект предложения об образовании федерации Закавказских республик». Предложение

В. И. Ленина с принятой им поправкой И. В. Сталина утверждается ЦК РКП(б) 29 ноября.

- Ноябрь, 28 и 30.* Ленин составляет проект директивы о работе заместителей Председателя СНК и СТО.
- Ноябрь, 29.* Ленин выступает с речью на I Московском губернском сельскохозяйственном съезде.
- Ноябрь, 30.* Ленин подписывает постановление СТО об организации фонда древесных семян для обеспечения лесоразведения, укрепления песков и оврагов и создания снегосборных полос.
- Декабрь, 5.* Ленин пишет письмо американским товарищам по поводу издания в США своей книги «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» и просит выслать ему официальные издания переписи населения 1920 года.
- Декабрь, 6.* В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому просит его обратиться к Бернарду Шоу и Уэллсу с призывом принять участие в организации помощи голодающим в России.
Ленин пишет замечания к тезисам Коминтерна о едином фронте.
Ленин получает отпуск по болезни и переезжает в Горки под Москвой.
- Декабрь, 11.* Ленин пишет статью «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии».
- Декабрь, 16.* Ленин дает задание Наркомпросу создать комиссию для разработки вопроса об организации кинодела в России.
- Декабрь, 17.* Ленин приступает к подготовке отчета о деятельности правительства на IX Всероссийском съезде Советов, запрашивает от наркоматов необходимые ему справочные материалы.
- Декабрь, 19.* Ленин пишет «Письмо членам Политбюро о чистке партии и условиях приема в партию».

- Декабрь, 22.* Ленин вносит предложение в Политбюро ЦК РКП(б) о подготовке специальной резолюции IX Всероссийского съезда Советов по вопросу о международном положении.
- Декабрь, 23.* Ленин выступает на IX Всероссийском съезде Советов с отчетом ВЦИК и СНК «О внутренней и внешней политике республики».
- Декабрь, 25—27.* Ленин пишет «Наказ по вопросам хозяйственной работы», который принимается IX Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1921 года.
- Декабрь, 26.* Ленин участвует на совещании беспартийных делегатов IX Всероссийского съезда Советов, ведет запись выступлений и отвечает на вопросы делегатов.
- Декабрь, 27.* Ленин пишет письмо в ЦК РКП(б) «О политике английской Рабочей партии».
- Декабрь, 28.* Ленин участвует в работах пленума ЦК РКП(б).
- Декабрь, 30 — январь, 4 1922 года.* Ленин пишет проект постановления ЦК РКП(б) «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики». Проект принят Центральным Комитетом 12 января 1922 года.
- Декабрь, 31.* Ленин участвует на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Политбюро ЦК выносит решение о предоставлении Ленину шестинедельного отпуска с 1 января 1922 года.
- Декабрь 1921 года — январь 1922 года.* Ленин приезжает несколько раз для отдыха в деревню Костино под Москвой (ныне г. Костино).

1922

- Январь, 3.* Ленин дает поручение управделами Совнаркома об установлении порядка отчетности и балансов предприятий и учреждений, снятых с государственного снабжения, об установлении отчетности всех торговых предприятий перед Госбанком,

- Между 9 и 12 января.* Ленин пишет «Проект директивы Политбюро ЦК РКП(б) о новой экономической политике».
- Январь, 12.* В. И. Ленин переписывается с И. В. Сталиным по поводу проекта циркуляра ЦК РКП(б) о задачах коммунистов Туркестана в области национальной политики в условиях новой экономической политики.
Ленин посылает приветствие «Трудящимся Дагестана».
- Январь, 17.* В. И. Ленин пишет письмо наркому юстиции Д. И. Курскому о борьбе с волокитой.
- Январь, 19.* В. И. Ленин пишет письмо И. В. Сталину с предложением принять решение Политбюро ЦК РКП(б) о закупке за границей 15 млн. пудов хлеба.
- Январь, 20.* Ленин дает поручение управделами Совнаркома о срочной рассылке всем наркомам директивы Политбюро ЦК РКП(б) о новой экономической политике.
В. И. Ленин предлагает возложить контроль за деятельностью наркоматов на И. В. Сталина.
- Январь, 24, февраль, 15, 20, 21 и 27.* В. И. Ленин в письмах А. Д. Цюрупе дает директивы о новой постановке работы СНК, СТО и Малого СНК.
- Январь, 27.* В. И. Ленин пишет письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) с предложением о поездке М. И. Калинина на Украину для сбора продовольствия в помощь голодающим.
Ленин чрезвычайной сессией ВЦИК IX созыва назначается председателем советской делегации на Генуэзскую конференцию.
- Январь — март.* Ленин подготавливает и разрабатывает основные директивы для советской делегации на Генуэзскую конференцию.
- Февраль, 2.* Политбюро ЦК РКП(б) выносит решение о продлении отпуска Ленину до XI съезда партии.
- Февраль, 13.* Ленин пишет «Письмо тов. Орджоникидзе об усилении грузинской Красной Армии».

- Февраль, 15, 18, 22 и 28.* В. И. Ленин в письмах в Наркомфин, А. Д. Цюрупе и в Госбанк дает указания о задачах Госбанка в условиях новой экономической политики.
- Февраль, 20 и 28.* В. И. Ленин в письмах Д. И. Курскому дает указания о работе Наркомюста и о разработке гражданского кодекса.
- Февраль, 22.* В. И. Ленин пишет письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о разработке гражданского кодекса.
- Февраль, 28.* В. И. Ленин пишет записку И. В. Сталину о необходимости разработать в НК РКИ проект постановления о контроле Рабоче-крестьянской инспекции над частными объединениями и предприятиями.
- Конец февраля.* Ленин пишет статью «Заметки публициста. О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.».
- Март, 1.* Ленин в письме в Центросоюз дает директивы о задачах кооперации в условиях новой экономической политики.
- Март, 3.* Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) предлагает отклонить предложение Сокольников о свободном ввозе продовольствия из-за границы и требует решительных мер по укреплению монополии внешней торговли, а также рассмотреть дело о волоките по закупке заграничных консервов.
- В. И. Ленин пишет письма В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б), в которых подвергает критике тезисы Сокольников к XI съезду партии об основных положениях финансовой программы и предлагает принять тезисы об укреплении монополии внешней торговли.
- Март, 6.* Ленин выступает на заседании коммунистической фракции V Всероссийского съезда металлистов с речью «О международном и внутреннем положении Советской республики».

- Март, 10.* Ленин дает поручение управделами Совнаркома о принятии мер по созданию нормальных условий для работы Публичной библиотеки в Москве (ныне Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина).
- Март, 12.* Ленин пишет статью «О значении воинствующего материализма» для журнала «Под Знаменем Марксизма».
- Март, 16.* В. И. Ленин пишет письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б), в котором подвергает критике тезисы Преображенского о работе в деревне и предлагает их отвергнуть; вносит предложение созвать совещание делегатов XI съезда партии для изучения опыта работы в деревне.
Ленин дает указание управделами Совнаркома о представлении Центральным статистическим управлением отчетных статистических данных в СНК по разработанным графикам.
- Март, 17.* Ленин пишет проект письма Э. Вандервельде в ответ на попытку лидеров II и II^{1/2} Интернационалов вмешаться в судебный процесс над правыми эсерами.
Ленин дает указание управделами Совнаркома обеспечить проведение в жизнь его директивы по развитию фото-кинодела и радиотелефонного строительства.
- Март, 18.* В. И. Ленин пишет предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства».
- Март, 21.* В. И. Ленин пишет «Письмо И. В. Сталину о работе замов (заместителей Председателя СНК и СТО)».
- Март, 23.* В. И. Ленин в письме на имя В. М. Молотова обращается к пленуму ЦК РКП(б) с просьбой освободить его по болезни от участия в пленуме ЦК и налагает план политического доклада ЦК РКП(б) на XI съезде партии.
Ленин пишет приветствие газете «Беднота» по поводу ее четырехлетнего юбилея.

- Март, 24.* В. И. Ленин в письме на имя В. М. Молотова вносит на рассмотрение пленума ЦК РКП(б) предложение по вопросу об условиях приема новых членов в партию.
- Март, 26.* В. И. Ленин посылает второе письмо В. М. Молотову об условиях приема новых членов в партию с просьбой передать его на прочтение всем членам ЦК РКП(б).
- Март, 31.* В. И. Ленин пишет письмо наркому юстиции Д. И. Курскому о волоките в Комитете по делам изобретений.
- Март, 27 —
апрель, 2.* Ленин руководит работой XI съезда Российской коммунистической партии (большевиков).
- Март, 27.* Ленин произносит речь при открытии съезда и выступает с политическим отчетом Центрального Комитета РКП(б).
- Март, 28.* Ленин выступает на съезде с заключительным словом по политическому отчету ЦК РКП(б).
- Апрель, 1.* Ленин пишет директивы сельскохозяйственной секции XI съезда к составлению проекта резолюции съезда о работе в деревне.
- Апрель, 2.* Ленин избирается на съезде членом Центрального Комитета РКП(б). Ленин выступает с речью при закрытии съезда.
- Апрель, 3.* Ленин участвует в работах пленума ЦК РКП(б). По предложению В. И. Ленина пленум ЦК РКП(б) избирает И. В. Сталина генеральным секретарем ЦК партии.
В. И. Ленин, в связи с избранием И. В. Сталина генеральным секретарем ЦК РКП(б), вносит предложение о работе Секретариата ЦК и о создании И. В. Сталину необходимых условий для руководящей работы.
- Апрель, 6.* В. И. Ленин пишет директивное письмо Г. М. Кржижановскому о необходимости энергично ввязаться за дело разработки курских железорудных залежей.
- Апрель, 6
и 10.* В. И. Ленин в письмах на имя В. В. Адоратского дает указания Институту К. Маркса и Ф. Энгельса

об издании избранной переписки К. Маркса и Ф. Энгельса.

- Апрель, 9.* Ленин пишет статью «Мы заплатили слишком дорого».
- Апрель, 11.* Ленин пишет проект «Постановления о работе заводов (заместителей Председателя СНК и СТО)».
- Апрель, 12.* Ленин пишет письмо в редакции газет «Правда» и «Известия», в котором дает указания о постановке изучения местного опыта и популяризации достижений мест и местных работников.
- Апрель, 15.* В. И. Ленин пишет письмо И. В. Сталину для Политбюро ЦК РКП(б) по поводу книги «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.».
- Апрель, 23.* Ленину в больнице имени доктора С. П. Боткина производят операцию по извлечению пули.
- Апрель, 28.* Ленин пишет предисловие к брошюре «Старые статьи на близкие к новым темы. Предисловие к изданию 1922-го года».
- Ленин посылает телеграмму рабочим и инженерам Азнефти в Баку с благодарностью за проявленный героизм в локализации пожара на Сураханских нефтяных промыслах.
- Май, 2.* Ленин пишет статью «К десятилетнему юбилею «Правды»».
- В. И. Ленин пишет письмо И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б), а также в Наркомфин и в СНК о необходимости укрепления финансов.
- Май, 5.* В. И. Ленин пишет «Письмо И. В. Сталину для членов Политбюро. Ответ на замечания, касающиеся работы заводов (заместителей Председателя СНК)».
- Май, 15.* Ленин знакомится с проектом Уголовного кодекса РСФСР и вносит предложение о расширении применения расстрела за контрреволюционную деятельность меньшевиков и эсеров.
- Май, 15 или 16.* Ленин составляет «Проект постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции».

- Май, 16.* Ленин участвует в работах пленума ЦК РКП(б).
- Май, 17.* В. И. Ленин пишет и посылает наркому юстиции Д. И. Курскому набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса по вопросу о применении террора по отношению к контрреволюционным партиям.
Ленин пишет письмо наркому просвещения о необходимости удешевления цен на книги, чтобы сделать их доступными для широких масс.
- Май, 19.* В. И. Ленин пишет письма И. В. Сталину по вопросу о развитии радиотехники.
- Май, 20 — октябрь, 1.* Ленин живет в Горках под Москвой.
- Май, 20.* В. И. Ленин пишет письмо И. В. Сталину для Политбюро ЦК РКП(б) «О «двойном» подчинении и законности».
- Май, 26.* Первый приступ болезни Ленина.
- Середина июня.* В состоянии здоровья Ленина наступает некоторое улучшение.
- Июль, 11.* В. И. Ленин встречается с И. В. Сталиным в Горках.
- Июль, 12.* Ленин из Горок извещает секретариат СНК о своем выздоровлении и просит посылать ему книги.
- Август, 5.* В. И. Ленин встречается с И. В. Сталиным в Горках; поручает передать благодарность XII Всероссийской конференции РКП(б) в ответ на ее приветствие и выражает надежду, что в ближайшее время он снова вернется к работе.
- Август, 30.* В. И. Ленин встречается с И. В. Сталиным в Горках.
- Конец августа — начало сентября.* Ленин пишет статью «Ложка дегтя в бочке меда».

- Между 9 и 13 сентября.* В. И. Ленин пересылает И. В. Сталину на отзыв свой проект приветствия предстоящему V Всероссийскому съезду профессиональных союзов.
- Сентябрь, 12 и 19.* В. И. Ленин в письмах на имя И. В. Сталина и членов Политбюро ЦК РКП(б) высказывается против утверждения договора на концессию Уркарта.
- Сентябрь, 17.* Ленин пишет в Совнарком об оказании финансовой помощи Донбассу и Баку.
Ленин посылает приветственное «Письмо к V Всероссийскому съезду профсоюзов».
- Сентябрь, 25.* Ленин посылает запрос в Наркомюст о ходе подготовки к изданию свода законов Советской власти.
- Октябрь, 2.* Ленин возвращается в Москву и приступает к работе.
- Октябрь, 3.* Ленин после выздоровления руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются просьбы: о фонде заработной платы на октябрь; о производстве однодневной переписи служащих в Москве; об организации управления рыбным хозяйством и др.
- Октябрь, 5.* Ленин участвует в работах пленума ЦК РКП(б).
- Октябрь, 6.* В. И. Ленин переписывается с И. В. Сталиным в связи с обсуждением в ЦК РКП(б) вопроса об образовании Союза Советских Социалистических Республик и о борьбе с великодержавным шовинизмом.
Ленин подписывает постановление СНК об отклонении договора на концессию Уркарта.
Ленин посылает письмо с приветствием «Рабочим города Баку».
- Октябрь, 10.* Ленин посылает приветствие редакции газеты Бауманского райкома РКСМ «Путь Молодежи».
Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о земельном кодексе; о кодексе законов о труде; о разработке закона о местном бюджете; о гражданском кодексе; положение о судеустройстве и др.
Ленин посылает приветствие V Всероссийскому съезду текстильных рабочих и работниц.
- Октябрь, 11.* Ленин посылает приветствие V съезду Российского коммунистического союза молодежи.

- Октябрь, 13.* В. И. Ленин пишет письмо И. В. Сталину о монополии внешней торговли.
- Октябрь, 17.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о проекте положения о губернских съездах Советов и губисполкомах; о смете НКПС и др.
- Октябрь, 19.* Ленин участвует на заседании Политбюро ЦК РКП(б).
- Октябрь, 20.* Ленин посылает приветствие Всероссийскому съезду финансовых работников.
Ленин пишет письма «Обществу друзей Советской России (в Америке)» и «Обществу технической помощи Советской России».
- Октябрь, 21.* Ленин посылает телеграмму Центральному Комитету компартии Грузии с категорическим предложением принять меры к прекращению антипартийной борьбы национал-уклонистов группы Мдивани.
- Октябрь, 24.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о торговом договоре с Финляндией; о гражданском кодексе и др.
- Октябрь, 26.* Ленин участвует на заседании Политбюро ЦК РКП(б).
Ленин пишет «Привет освобожденному Приморью».
- Октябрь, 27.* Ленин пишет «Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарбману».
- Октябрь, 28.* В. И. Ленин пишет В. М. Молотову письмо о мерах помощи и содействия хозяйственному подъему Советской Армении.
- Октябрь, 31.* Ленин выступает с речью на IV сессии ВЦИК IX созыва.
Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о выпуске государственного выигрышного займа; о субсидировании работ по развитию хлопководства в Армении и др.

- Ноябрь, 1.* Ленин посылает приветствие «Петроградской Правде» в связи с пятилетним юбилеем Октябрьской социалистической революции.
- Ноябрь, 2.* Ленин участвует на заседании Политбюро ЦК РКП(б).
Ленин посылает приветствие газете «Правда» в связи с пятилетним юбилеем Октябрьской социалистической революции.
Ленин посылает приветствие Первой международной конференции коммунистов-кооператоров.
- Ноябрь, 3.* Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о реализации урожая; о финансировании Донбасса; о снабжении хлебом петроградской промышленности и др.
- Ноябрь, 4.* Ленин посылает приветствие IV Всемирному конгрессу Коммунистического Интернационала и Петроградскому Совету рабочих и красноармейских депутатов.
Ленин посылает приветствие Всероссийскому съезду статистиков.
- Ноябрь, 5.* Ленин пишет «Интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан» А. Рансому».
- Между 6 и 12 ноября.* Ленин составляет второй вариант (неоконченный) интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан» А. Рансому.
- Ноябрь, 6.* Ленин посылает приветствие «Беспартийной конференции работниц и крестьянок Москвы и Московской губернии».
- Ноябрь, 6 и 8.* Ленин запрашивает материалы о положении дел в Донбассе и о выполнении постановления о Госсемкультуре.
- Ноябрь, 7.* Ленин посылает приветствие «Рабочим завода б. Михельсон» в связи с пятилетием Октябрьской социалистической революции.
Ленин посылает приветствие «Рабочим и служащим Государственной электрической станции «Электропередача» в связи с открытием клуба ко дню пятилетия Октябрьской социалистической революции.

- Ноябрь, 8.* Ленин пишет приветствие «Рабочим Стодольской суконной фабрики в Клинцах».
- Ноябрь, 9.* Ленин участвует на заседании Политбюро ЦК РКП(б).
- Ноябрь, 13.* Ленин выступает на IV конгрессе Коминтерна с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции».
- Ноябрь, 14.* Ленин пишет «Приветствие Всероссийской сельскохозяйственной выставке».
- Ноябрь, 15.* Ленин пишет письмо с приветствием иностранным писателям, бывшим участникам войны, образовавшим во Франции группу «Clarté» («Ясность»).
- В. И. Ленин пишет письмо И. И. Скворцову-Степанову о политике партии по отношению к буржуазным специалистам при диктатуре пролетариата.
- Ноябрь, 16.* Ленин участвует на заседании Политбюро ЦК РКП(б).
- Ноябрь, 17.* Ленин руководит заседанием Совета Труда и Обороны, на котором обсуждаются вопросы: о подготовке материалов к X Всероссийскому съезду Советов; о мероприятиях по реализации урожая; о финансировании угольной и нефтяной промышленности и др.
- Ноябрь, 18.* В. И. Ленин запрашивает о работах и опытах И. В. Мичурина; предлагает внести в СТО вопрос об ирригационной системе в Туркестане.
- Ноябрь, 20.* Ленин выступает на пленуме Московского Совета с речью о внешней и внутренней политике.
- Ноябрь, 22.* Ленин посылает письмо «Президиуму V Всероссийского съезда профессионального союза соработников».
- Ноябрь, 23.* Ленин участвует на заседании Политбюро ЦК РКП(б).
- Ноябрь, 26.* Ленин посылает приветствие «Съезду работников просвещения».
- Ноябрь.* Ленин проводит ряд бесед с делегатами IV конгресса Коминтерна об организационном построении коммунистических партий, о методах и содержании их работы.

- Декабрь, 1.* Ленин дает поручение управделами Совнаркома ватребовать сводные данные о состоянии промышленности за операционный год и о бюджете промышленности в связи с подготовкой к X Всероссийскому съезду Советов.
- Декабрь, 2.* Ленин в письме в секретариат Центрального комитета Международной рабочей помощи обращается с призывом к рабочим и трудящимся всего мира о проведении кампании хозяйственной помощи Советской России.
- Декабрь, 4.* Ленин посылает приветствие «Третьему мировому конгрессу Коммунистического Интернационала Молодежи в Москве».
- Ленин пишет «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге».
- Декабрь, 5.* Ленин пишет директивы о распределении работ между заместителями Председателя СНК и СТО.
- Ленин дает поручение управделами Совнаркома запросить Наркомзем о принятых мерах по оказанию помощи И. В. Мичурину.
- Декабрь, 6.* Ленин пишет статью «Несколько слов о Н. Е. Федосееве».
- Декабрь, 7.* Ленин участвует на заседании Политбюро ЦК РКП(б).
- Декабрь, 7—12.* Ленин живет в Горках; готовится к докладу на X Всероссийском съезде Советов.
- Декабрь, 9.* Ленин составляет указание о порядке работы заводов и Председателя СНК.
- Декабрь, 10.* Ленин посылает приветствие «Всеукраинскому съезду Советов».
- Декабрь, 12.* Ленин в последний раз работает в своем кабинете в Кремле.
- Декабрь, 13.* В. И. Ленин пишет письмо И. В. Сталину для пленума ЦК РКП(б) о монополии внешней торговли.
- Первая половина декабря.* Ленин готовится к выступлению на X Всероссийском съезде Советов, составляет конспект речи.

- Декабрь, 15.* В. И. Ленин пишет «Письмо И. В. Сталину для членов ЦК по поводу выступления на X Всероссийском съезде Советов».
- Декабрь, 16.* Второй приступ болезни Ленина.
- Декабрь, 23.* Ленин вызывает к себе секретаря, диктует письма и требует книг.
- Декабрь, 29.* Врачи разрешают Ленину читать.

1923

- Январь, 2.* Ленин диктует статью «Странички из дневника».
- Январь, 4 и 6.* Ленин диктует статью «О кооперации».
- Январь, 9 и 13.* Ленин диктует первый вариант статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин».
- Январь, 10.* Ленин дает поручение управделами Совнаркома ватребовать в ЦСУ материалы о результатах переписи советских служащих.
- Январь, 16 и 17.* Ленин диктует статью «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)».
- Январь, 19, 20, 22, 23.* Ленин диктует второй вариант статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)» и дает распоряжение отправить ее в печать.
- Февраль, 2, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.* Ленин диктует статью «Лучше меньше, да лучше».
- Март, 2.* Ленин просматривает свою статью «Лучше меньше, да лучше» и дает распоряжение об отправке ее в печать.
- Март, 9.* Третий приступ болезни Ленина.
- Май, 12.* Ленина перевозят в Горки.
- Вторая половина июля.* Здоровье Ленина улучшается.
- Октябрь, 19.* Ленин приезжает в Москву на несколько часов, заходит в свой кабинет; на обратном пути в Горки посещает Сельскохозяйственную выставку.

1924

- 21 января,
6 ч. 50 м.
всчера, Горки. Смерть Ленина.
- Ночь с 21
на 22 января. Заседание пленума Центрального Комитета РКП(б) в связи со смертью Ленина.
- 22 января. Сообщение М. И. Калинина о смерти Ленина на XI Всероссийском съезде Советов.
- 21—23 января. В Горки приезжают члены Центрального Комитета РКП(б) во главе с И. В. Сталиным, члены правительства, делегации от съезда Советов и московских организаций, приходят крестьяне окрестных деревень для прощания с Лениным.
- 23 января,
10—11 ч. утра. Гроб с телом Ленина переносится на руках из Горок на станцию Герасимово (ныне Ленинская).
- 23 января,
1 ч. дня,
Москва. Траурный поезд с телом Ленина прибывает в Москву. На руках ближайших соратников и товарищей гроб переносится в Колонный вал Дома Союзов.
- 26 января. Траурное заседание II съезда Советов Союза ССР. Речь И. В. Сталина по поводу смерти Ленина.
- 23—27 января. Сотни тысяч рабочих, крестьян, красноармейцев и служащих Москвы, делегации трудящихся со всех концов Советского Союза непрерывным потоком днем и ночью проходят через Колонный вал для прощания с Лениным.
- 27 января,
9 ч. 20 м. утра. Вынос гроба с телом Ленина из Дома Союзов на Красную площадь.
- 27 января,
4 ч. дня. Гроб с телом Ленина переносится в мавзолей.
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.....	VII
<i>1921 г.</i>	
НОВЫЕ ВРЕМЕНА, СТАРЫЕ ОШИБКИ В НОВОМ ВИДЕ.....	1—8
ПИСЬМА В ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	9—14
1 Управляющему Центральным статистическим управлением.....	9
2 Управляющему Центральным статистическим управлением или его заместителю.....	12
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»	15—17
О ЧИСТКЕ ПАРТИИ.....	18—20
К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ РАБКРИНА, ИХ ПОНИМАНИИ И ИХ ИСПОЛНЕНИИ.....	21—26
В ПРЕЗИДИУМ VIII ВСЕРОССИЙСКОГО ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО СЪЕЗДА.....	27—28
К ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	29—37
НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЗАДАЧИ ПОЛИТПРОСВЕТОВ. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г.....	38—56
Резкий поворот Советской власти и РКП.....	38
ВЦИК о роли крестьянства — в 1918 г.....	39
Наша ошибка.....	40
Стратегическое отступление.....	40
Смысл новой экономической политики.....	42
Кто победит — капиталист или Советская власть?.....	43
Борьба будет еще более жестокой.....	44

Последний ли бой?.....	46
Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход.....	46
Принцип личной заинтересованности.....	47
Сумеет ли мы работать на себя?.....	48
Устаревшие приемы.....	50
Самое большое чудо.....	51
Задачи политпросветчиков.....	53
Три главных врага.....	54
Первый враг — коммунистическое чванство.....	54
Второй враг — безграмотность.....	55
Третий враг — взятка.....	55
Разница между задачами военными и культурными.....	55
VII МОСКОВСКАЯ ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ 29—31 октября 1921 г.	57—84
О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ	
1. ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ 29 ОКТЯБРЯ 1921 г.....	59
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	78
О ЗНАЧЕНИИ ЗОЛОТА ТЕПЕРЬ И ПОСЛЕ ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА	85—92
РЕЧЬ НА СОБРАНИИ РАБОЧИХ ПРОХОРОВСКОЙ МАПУФАКТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОМ ПРАЗДНОВАНИЮ ЧЕТВЕРТОЙ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, 6 НОЯБРЯ 1921 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	93
РЕЧЬ НА СОБРАНИИ РАБОЧИХ, РАБОТНИЦ, КРАСНОАРМЕЙЦЕВ И МОЛОДЕЖИ ХАМОВНИЧЕСКОГО РАЙОНА, ПОСВЯЩЕННОМ ПРАЗДНОВАНИЮ ЧЕТВЕРТОЙ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, 7 НОЯБРЯ 1921 г.	94—95
РЕЧЬ НА СОБРАНИИ РАБОЧИХ ЗАВОДА «ЭЛЕКТРОСИЛА» № 3 (б. «ДИНАМО»), ПОСВЯЩЕННОМ ПРАЗДНОВАНИЮ ЧЕТВЕРТОЙ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, 7 НОЯБРЯ 1921 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	96
ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ: «К ВОПРОСУ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ (ДВЕ СТАРЫЕ СТАТЬИ И ОДНО ЕЩЕ БОЛЕЕ СТАРОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ)»	97—99
ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА АЗЕРБАЙДЖАНА ПАРИМАВОВУ. <i>Баку</i>	100

ТАЛАНТЛИВАЯ КНИЖКА.....	101—102
ПРОЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ФЕДЕРАЦИИ ЗАКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК.....	103
РЕЧЬ НА I МОСКОВСКОМ ГУБЕРНСКОМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙ- СТВЕННОМ СЪЕЗДЕ 29 НОЯБРЯ 1921 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	104—105
О ТЕЗИСАХ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.....	106—112
ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО О ЧИСТКЕ ПАРТИИ И УСЛОВИЯХ ПРИЕМА В ПАРТИЮ.....	113
ПИСЬМО В ПОЛИТБЮРО ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ IX ВСЕ- РОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ.....	114
IX ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ 23—28 декабря 1921 г.	115—156
1. О ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБ- ЛИКИ. <i>Отчет ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов 23 декабря 1921 г.</i>	117
2. НАКАЗ ПО ВОПРОСАМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАБОТЫ, ПРИНЯТЫЙ IX ВСЕРОССИЙСКИМ СЪЕЗДОМ СОВЕТОВ 28 ДЕКАБРЯ 1921 г.	153
О ПОЛИТИКЕ АНГЛИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. <i>Письмо в ЦК РКП(б)</i>	157—158

1922 г.

О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФСОЮЗОВ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. <i>Постановление ЦК РКП(б) от 12 января 1922 г.</i>	159—170
1. Новая экономическая политика и профсоюзы.....	159
2. Государственный капитализм в пролетарском го- сударстве и профсоюзы.....	160
3. Государственные предприятия, переводимые на так называемый хозяйственный расчет, и проф- союзы.....	160
4. Существенное различие между классовой борь- бой пролетариата в государстве с признанием частной собственности на землю, фабрики и т. д.	

и с политической властью в руках класса капиталистов и экономической борьбой пролетариата в государстве, не признающем частной собственности на землю и большинство крупных предприятий, в государстве с политической властью в руках пролетариата.....	161
5. Возвращение к добровольному членству в профсоюзах.....	163
6. Профсоюзы и управление предприятиями.....	163
7. Роль и участие профсоюзов в хоз- и госорганах пролетарского государства.....	164
8. Связь с массой, как основное условие всякой работы профсоюзов.....	166
9. Противоречие в самом положении профсоюзов при диктатуре пролетариата.....	167
10. Профсоюзы и спецы.....	168
11. Профсоюзы и мелкобуржуазные влияния на рабочий класс.....	169
ПРОЕКТ ДИРЕКТИВЫ ПОЛИТБЮРО ЦК РКЦ(б) О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ.....	171—172
ТРУДЯЩИМСЯ ДАГЕСТАНА.....	173
ПИСЬМО ТОВ. ОРДЖОНИКИДЗЕ ОБ УСИЛЕНИИ ГРУЗИНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ.....	174—175
ПИСЬМО Д. И. КУРСКОМУ.....	176—177
ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА. <i>О восхождении на высокие горы, о вреде уньиня, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.</i>	178—185
I Вроде примера.....	178
II Без метафор.....	179
III Об охоте на лис; о Леви; о Серрати.....	181
О МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. <i>Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г.</i>	186—200
О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА.....	201—210
ТОВ. МОЛОТОВУ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО. <i>О теисах т. Преображенского</i>	211—215

ПРОЕКТ ОТВЕТА Э. ВАЙДЕРВЕЛЬДЕ	216
ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ И. И. СТЕПАНОВА: «ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ РСФСР В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДНОЙ ФАЗОЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА»	217—218
ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ О РАБОТЕ ЗАМОВ (ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК И СТО)	219—220
К ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ «БЕДНОТЫ»	221—222
ПИСЬМО В. М. МОЛОТОВУ О ПЛАНЕ ПОЛИТДОКЛАДА НА XI СЪЕЗДЕ ПАРТИИ	223—225
ОБ УСЛОВИЯХ ПРИЕМА НОВЫХ ЧЛЕНОВ В ПАРТИЮ. <i>Письма В. М. Молотову</i>	226—230
1	226
2	228
XI СЪЕЗД РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г.	231—291
1. РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА 27 МАРТА	233
2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б) 27 МАРТА	235
3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ ЦК РКП(б) 28 МАРТА	277
4. РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА 2 АПРЕЛЯ	290
О ПРОЕКТЕ РЕЗОЛЮЦИИ XI СЪЕЗДА ПАРТИИ О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ. <i>Письмо Н. Осинскому</i>	292—293
МЫ ЗАПЛАТИЛИ СЛИШКОМ ДОРОГО	294—298
ПОСТАНОВЛЕНИЕ О РАБОТЕ ЗАМОВ (ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК И СТО)	299—306
I. Общие и основные задания замов	299
II. Специальные вопросы, касающиеся работы замов	300
III. Способ работы замов; их аппарат	303
IV. О единстве работы обоих замов	304
V. Распределение работы между замами	305
ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ. <i>Товарищу Сталину (для Политбюро)</i>	307
ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШОРЕ: «СТАРЫЕ СТАТЬИ НА БЛИЗКИЕ К НОВЫМ ТЕМЫ». <i>Предисловие к изданию 1922-го года</i>	308—310

ТЕЛЕГРАММА РАБОЧИМ И ИНЖЕНЕРАМ АЗНЕФТИ. <i>Баку</i>	311
К ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ «ПРАВДЫ».....	312—315
ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО. <i>Ответ на замечания, касающиеся работы замов (заместителей Председателя СНК)</i>	316—318
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК ПО ОТЧЕТУ ДЕЛЕГАЦИИ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	319—320
ПИСЬМО Д. И. КУРСКОМУ	321—322
ПИСЬМА И. В. СТАЛИНУ О РАЗВИТИИ РАДИОТЕХНИКИ	323—325
1.....	323
2.....	325
О «ДВОЙНОМ» ПОДЧИНЕНИИ И ЗАКОННОСТИ. <i>Товарищу Сталину для Политбюро</i>	326—330
ЛОЖКА ДЕГТЯ В БОЧКЕ МЕДА.....	331—332
ПИСЬМО К V ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ ПРОФСОЮЗОВ	333—334
ЗАПИСКА В ПОЛИТБЮРО О БОРЬБЕ С ВЕЛИКОДЕРЖАВНЫМ ШОВИНИЗМОМ.....	335
РАБОЧИМ ГОРОДА БАКУ.....	336
ПЯТОМУ СЪЕЗДУ РКСМ.....	337
ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ. <i>Секретарю ЦК товарищу Сталину</i>	338—341
ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ ФИНАНСОВЫХ РАБОТНИКОВ	342
ОБЩЕСТВУ ДРУЗЕЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (В АМЕРИКЕ)	343
ОБЩЕСТВУ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ	344
ПРИВЕТ ОСВОБОЖДЕННОМУ ПРИМОРЬЮ. <i>Чита. Председателю Совета министров Дальневосточной республики</i>	345
ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ОБСЕРВЕР» И «МАШ-ЧЕСТЕР ГАРДИАН» ФАРЬМАНУ.....	346—352
РЕЧЬ НА IV СЕССИИ ВЦИК IX СОЗЫВА 31 ОКТЯБРЯ 1922 г.	353—358
«ПЕТРОГРАДСКОЙ ПРАВДЕ».....	359

«ПРАВДЕ»	360
ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КОММУНИСТОВ-КООПЕРАТОРОВ	361
ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СТАТИСТИКОВ	362
ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН» А. РАНСОМУ	363—372
Первый вариант	363
Второй вариант (неоконченный)	369
БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ	373
РАБОЧИМ ЗАВОДА Б. МИХЕЛЬСОН	374
РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ «ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧА»	375
РАБОЧИМ СТОДОЛЬСКОЙ СУКОННОЙ ФАБРИКИ В КЛИНЦАХ	376
IV КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 5 ноября — 5 декабря 1922 г.	377—394
1. IV ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА, ПЕТРОГРАДСКОМУ СОВЕТУ РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ	379
2. ПЯТЬ ЛЕТ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.	380
ПРИВЕТСТВИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ	395
ГРУППЕ «CLARTÉ»	396
РЕЧЬ НА ПЛЕШУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА 20 НОЯБРЯ 1922 г.	397—405
ПРЕЗИДИУМУ V ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА СОБРАБОТНИКОВ	406
СЪЕЗДУ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ	407
ТРЕТЬЕМУ МИРОВОМУ КОНГРЕССУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ В МОСКВЕ	408

ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГААГЕ	409—413
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Н. Е. ФЕДОСЕЕВЕ	414—415
ВСЕУКРАИНСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ	416
О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ. <i>Товарищу Сталину для пленума ЦК</i>	417—420
ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ ДЛЯ ЧЛЕПОВ ЦК ПО ПОВОДУ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА X ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ	421

1923 г.

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА	422—426
О КООПЕРАЦИИ	427—435
I	427
II	432
О НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ (<i>По поводу записок Н. Суханова</i>)	436—439
I	436
II	439
КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАВКРИН (<i>Предложение XII съезду партии</i>)	440—444
ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ	445—460
<i>Примечания</i>	461—480
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	481—501

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. И. Ленин и И. В. Сталин. — Лето 1922	X—1
Первая страница рукописи В. И. Ленина «К четырехлет- ней годовщине Октябрьской революции». — 14 октября 1921 г.	28—29

Тираж 515 тыс. экз. (1—250 тыс.).
Подписано к печати 3/XI 1960 г.
Объем 32¹/₄ п. л. 26,98 уч.-изд. л.
Цена 6 р. 50 к.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького Главлитиздатель-
ства при Совете Министров СССР,
Ленинград, Гатчинская, 26.